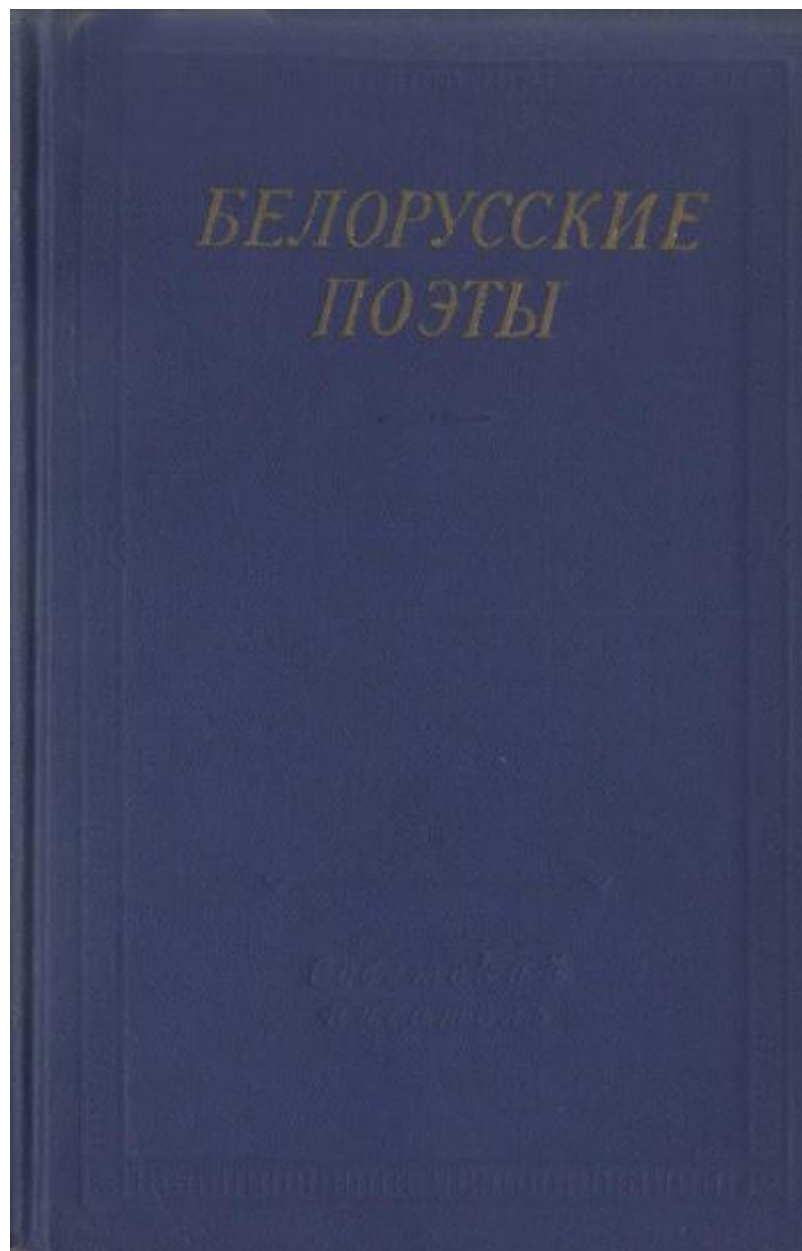

**Книга: Белорусские поэты (XIX -
начала XX века)**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все сейчас ощущают богатство советской белорусской поэзии. Но оно, это богатство, пришло не сразу — оно накапливалось не годами, не десятилетиями даже, а веками.

Как никакая другая, белорусская литература, белорусская поэзия связана с народностью в самом широком смысле этого слова. И это находит свое объяснение. Белорусский народ был чудовищно угнетен царизмом. Царизм не признавал даже белорусского языка — он считал его наречием. Но народ творил на своем языке прекрасное: песни, сказки, сказы, которые передавались из поколения в поколение.

Те русские писатели, которым довелось прикоснуться к этому источнику, чувствовали его высокую поэтичность и сами подпадали под его обаяние, как например А. Куприн в «Олесе».

А народ жил, а народ творил. И так как печатное слово было почти запрещено и почти недоступно народу, то поэзия шла из уст в уста, от отца к сыну, от деда к внуку.

Белорусский народ — замечательный народ. История его борьбы хранит примеры отваги, беззаветной любви к родине его сыновей и дочерей. Он очень трудолюбив, белорусский народ.

Мне вспоминается разговор с председателем колхоза «Рассвет», что на Могилевщине, Героем Советского Союза и Героем Социалистического Труда К. П. Орловским, который задал мне такой вопрос: а какой народ самый трудолюбивый на свете?

Я сказал:

— Не знаю. Ну, а какой?

— Белорусский! — ответил он. — Белорус лезет на липу драть лыко для лаптей и лапти плетет.

Довод был убедительный. Но я и так бы согласился с Кириллом Прокофьевичем, ибо это так и есть, ибо ничто не бороло белорусский народ в его многострадальной доле — ни скудость земель, ни время, ни гнет. И именно поэтому в старых стихах и песнях белорусов так много высказано горя. С громадной болью писал о своем призвании народный поэт Белоруссии Янка Купала:

В каждой стране, вдохновеньем согрето,

Слово певца о народе звучало.

У белорусов же нет и поэта.

Пусть уж им будет хоть Янка Купала!

А сейчас белорусская поэзия зрима и слышима повсюду. Она жизнеутверждающая, песенна. Она приобрела совершенно иное звучание. И это естественно. Народ ведь зажил в полную силу. Он показал, какой он богатырь в труде и на поле боя. Эти качества народа ярко проявились в дни Великой Отечественной войны. Весь мир удивился мужеству белорусского народа. И Гастелло, и Смолячков, и Заслонов, и женщины-героини, что взорвали гитлеровского наместника Кубэ, и Вера Хоружая, и громадная армия белорусских партизан — все это легло на страницы истории, и никаким ветрам сего не стереть.

Орда пришла, кощунствуя орала,

Что нет тебя! И кровь лилась рекой.

За это ты врагов своих карала

Своею беспощадною рукой...

...На всех путях стоят твои дозоры,

Идут полки за отчий край родной,

И почернели светлые озера

И воды рек от вражьей крови злой.

Так я писал, обращаясь к Беларуси, в 1944 году. Я увидел ее смертельно израненной, потому что поистине неистовствовал над ней фашист. На месте Минска, на месте множества сел и городов дымились развалины. Но она воскресла, Беларусь, ибо ее хранит и создает гений замечательного народа.

Я давно прикоснулся к славе Беларуси, к песням ее, к сказкам, к творениям ее певцов. И по тому, что я знаю, я могу утверждать, насколько велико могущество белорусского языка, насколько велика и многозвучна сила слов ее поэтов.

Этот сборник — значительное явление в культурной жизни нашей страны. Он показывает нам истоки той полноводной реки, которая именуется поэзией белорусского народа.

А. Прокофьев

ПОЭТЫ БЕЛОРУССИИ

Вступительная статья

1

Новая белорусская литература создавалась в пору, когда ощутимо стали сказываться последствия переломного события белорусской истории, совершившегося в конце XVIII века, — воссоединения Белоруссии с Россией. Приобщение к передовой русской культуре, к прогрессивной русской общественной мысли, к освободительному движению русского народа дало мощный толчок развитию белорусской литературы.

Это не значит, что в стране были созданы условия для свободного роста национальной культуры. В то время как русская общественность проявляла живой интерес к быту белорусов, к их языку, обычаям, поверьям, в то время как русские журналы публиковали материалы по этнографии Белоруссии и произведения устного творчества ее народа, царское правительство упорно не желало признать за национальной культурой белорусов права на самостоятельное существование. Печатаение белорусских книг было запрещено. Угнетенный народ не имел ни изданий на родном языке, ни профессиональных писателей. Первые свои шаги белорусская литература делала в анонимных произведениях, распространявшихся в рукописях. Это были тесно связанные с фольклором прозаические и стихотворные «гуторки» (беседы), в которых в доходчивой форме велась речь о многих насущных вопросах жизни белорусского крестьянства. Анонимные авторы писали также стихотворные повести, сатирические песни, поздравительные вирши, шуточные поэмы.

До нас дошли два замечательных памятника белорусской литературы начала XIX века — поэмы «Энеида наизнанку» и «Тарас на Парнасе». Опубликованы они были через много лет после своего появления — «Энеида наизнанку», написанная после Отечественной войны 1812 года, была полностью напечатана лишь в 1890 году. В 1889 году, то есть лет через пятьдесят после своего появления на свет, попал на страницы печати «Тарас на Парнасе». Но популярность этих поэм была столь велика, что на протяжении многих десятилетий их переписывали, заучивали наизусть, пересказывали друг другу.

Что же так привлекало читателей? Едва ли только шуточный пародийный сюжет («Энеида наизнанку» пародирует сюжетные линии «Энеиды» Вергилия, в поэме «Тарас на Парнасе» дана пародия на самый жанр высокого героического эпоса). К тому же автор «Энеиды наизнанку» не был оригинален в выборе объекта пародии и в ее построении, он шел здесь вслед за своим русским предшественником Н. Осиповым и украинским — И. Котляревским. Популярность принесло поэмам другое: неизвестные нам авторы открыли для белорусской поэзии новые горизонты, показали читателю быт белорусского крестьянства, нарисовали красочные картины его жизни.

Действующие в «Энеиде» Вергилия боги и герои мифов легко превращаются под рукой автора «Энеиды наизнанку» в белорусских мужиков, перипетии мифологического сюжета переводятся им в современный бытовой план. Подробно, с тонким знанием дела описаны в поэме обычаи белорусов, их празднества, танцы, национальные костюмы, национальная кухня. Зарисовки эти имели не только этнографический интерес. Крепостничество, барщина, продажность сильных мира сего составляют неотъемлемую часть быта, нарисованного в шуточной поэме. Ориентация автора на современность, стремление показать быт и психологию разных социальных слоев белорусской деревни принесли «Энеиде» огромный успех, сделали эту, на первый взгляд подражательную, поэму оригинальным, глубоко национальным произведением.

Дальнейшее развитие эта линия белорусской поэзии получила в поэме «Тарас на Парнасе». Она повествует об удивительных приключениях белорусского мужика, заблудившегося в лесу и неожиданно попавшего на Парнас. Боги, которых лесник Тарас встречает на горе, служившей, по древнегреческим мифам, убежищем муз, обрисованы в таком же сниженном бытовом плане, как и герои «Энеиды»:

Глядит: на лавочке тачают

Швецы богиням башмачки,

Богини у корыт — стирают

Богам рубахи и портки.

Бытовая интонация, приземленность изображения «богов», создающие комический эффект, были выражением определенной эстетической позиции. Это была своеобразная форма борьбы за право ввести в литературу нового героя, показать повседневную жизнь народа, обратиться к демократическому читателю на понятном ему языке. Такая позиция привела авторов пародийных поэм к подлинным поэтическим открытиям. Живой разговорный язык белорусской деревни, использованный в поэмах, оказался не только превосходным средством живописания сочных жанровых картин, но и хорошим материалом для инструментовки стиха. В силлабо-тоническом стихе, впервые столь чисто прозвучавшем в белорусской поэзии, раскрылась гибкость белорусского языка, его богатые ритмические возможности. В этом смысле авторы шуточных поэм заметно опередили свое время — в белорусской поэзии силлабо-тоническое стихосложение утвердилось значительно позднее. Люди, тесно связанные с русской культурой, авторы поэм использовали опыт русской поэзии и первыми из белорусских литераторов дали образцы стихосложения, соответствующего духу и характеру белорусского языка.

Родство с русской литературой особенно сильно ощущается в «Тарасе на Парнасе». Написанная в конце 1830-х — начале 1840-х годов, поэма рисует не какой-либо иной, а именно русский литературный «Парнас». Примечательно, что литераторов, идущих на гору, автор поэмы изображает далеко не бесстрастно, открыто высказывая свои симпатии и антипатии. Особенно досталось от него реакционным литераторам Булгарину и Гречу, которых он презрительно именует «сбродом». Им противопоставлены

Четыре добрых молодца,

Вид был у этих не таковский:

Сам Пушкин, Лермонтов, Жуковский

И Гоголь — быстро мимо нас

Прошли, как павы, на Парнас.

Автор «Тараса» хорошо ориентирован в русской литературе, ясно представляет себе значение происходящих в ней идейных битв. Горячая заинтересованность автора в судьбах русской литературы, ощущение кровной связи с ней — вот что сыграло важную роль в выборе оригинального сюжета поэмы.

Главный герой, через восприятие которого показан Парнас, был для белорусской поэзии фигурой совершенно новой. Белорусский мужик обрисован здесь не только внешне, как это было в «Энеиде», — перед нами подлинный герой литературного произведения с ярко очерченным характером. В диковинном рассказе Тараса вырисовывается его собственная личность — человека умного, степенного, наделенного наблюдательностью, хитроватым юмором. Автор поэмы создает жизненно достоверный и привлекательный образ.

Пародийные поэмы — произведения литераторов, чьи имена, к сожалению, до нас не дошли. Но потерялись не только имена, часто пропадали и литературные произведения. Так, только случайность донесла до нас одно стихотворение талантливого крестьянского поэта Павлюка Багрима, отданного в солдаты за свои антикрепостнические сочинения. Не дошли до нас произведения и других крестьянских поэтов, таких, например, как Денис Князьнин. И все же постепенно белорусская литература утрачивала свой анонимный характер. Появились в 40-х годах белорусские стихотворения Яна Чачота и первые произведения Викентия Дунина-Марцинкевича.

* * *

Дунину-Марцинкевичу довелось открыть новую страницу в истории белорусской литературы. Он известен прежде всего как драматург — его замечательные комедии «Пинская шляхта» (1866) и «Сватовство» (1870), написанные в пореформенную эпоху, положили начало белорусской драматургии. В поэзии его талант проявился далеко не так ярко. И все же его роль в развитии поэзии оказалась очень значительной — ее определила не величина таланта,

а сама деятельность первого по-настоящему профессионального литератора, писавшего и печатавшего книги на языке, за которым не признавалось права на существование.

Дунин-Марцинкевич вступил в литературу в 40-х годах как автор комедии «Крестьянка» (1846). Сюжет ее сложился, несомненно, под воздействием «Барышни-крестьянки». Однако связь с Пушкиным этим и ограничивается в комедии. Зато отчетливо видна ее близость к русской драматургии конца XVIII века. Действующие лица делятся на две категории: с одной стороны, добродетельные идеализированные герои — фигуры ходульные, надуманные, резонерствующие на сцене; с другой — персонажи, выхваченные из жизни, вылепленные рукой художника. В «Крестьянке» Марцинкевича такого рода водораздел проходит между помещиками и крестьянами. Насколько неестественны выписанные в сентиментальной манере персонажи помещицкой среды, настолько живыми оказались фигуры крестьян. У Марцинкевича это различие подчеркивается еще и тем, что его персонажи разговаривают на разных языках — помещики по-польски, крестьяне по-белорусски (автор стремился отразить реально существовавшее в то время положение вещей).

Неоднородным было отношение писателя к жизненному материалу. Создавая своих идеальных героев — добродетельных помещиков, Марцинкевич исходил из желаемого, а не из сущего. Утопические представления о возможности идиллического мира между помещиками и крестьянами, желание подсказать помещикам их назначение — стать заботливыми «родителями» для своих «детей»-крестьян — вынуждало писателя идти наперекор жизненной правде. Этой необходимости не было, когда он обращался к персонажам из крестьянской среды. Здесь перед Марцинкевичем стояла другая задача — показать людей угнетенных, но не потерявших человеческого облика, зарисовать хорошо ему знакомые быт, нравы, обычаи, раскрыть богатства народного языка. Образ войта Наума в «Крестьянке» принадлежит к лучшим созданиям Марцинкевича. Наум слова не скажет в простоте — он сыплет прибаутками, пословицами, поговорками. Для того чтобы собрать такое количество народных изречений, требовалась большая, кропотливая работа по собиранию фольклора. Этот обильный фольклорный материал стал превосходным средством характеристики образа. Каждая прибаутка Наума строго оправдана сложившейся на сцене ситуацией, характерами его собеседников, отношениями действующих лиц, его собственным отношением к происходящему. Вырисовывается образ человека остроумного, хорошо разбирающегося в людях и обстоятельствах, способного заткнуть за пояс не только эконома, но и самого «пана».

Первый драматический опыт Марцинкевича помогает многое понять в его поэтической работе. В 1855 году выходят в свет поэмы и стихотворные повести Марцинкевича — «Вечерницы» и «Гапон». На протяжении 1850-х годов написаны им также поэмы «Купала», «Шчаровские дождинки», «Травица брат-сестрица», «Былицы. Рассказы Наума», «Халимон на коронации». В этих произведениях много общего с «Крестьянкой»: перед читателем проходят те же благородные и добродетельные помещики, те же злые экономы, с таким же сочувствием выписаны фигуры крестьян. Но есть и существенное отличие — заметно сместились акценты. В поэмах и повестях на первое место выдвигаются герои из народа. Если в сюжете «Крестьянки» им отводилась второстепенная роль, то теперь они в центре внимания автора.

Эта новая для писателя позиция наиболее отчетливо проявилась в поэме «Гапон». В центре повествования крестьяне Гапон и Катерина, молодые влюбленные, разлученные деспотичным управляющим. История их злоключений написана человеком, хорошо знакомым с порядками крепостной деревни. И хотя автор сваливает вину на эконома и заставляет помещицу восстановить справедливость, антикрепостнические мотивы звучат в поэме очень сильно. В первой песне мы видим деревенскую молодежь на гулянке — веселятся сильные, красивые, ловкие люди, танцуют «левонику» и «бычка», поют задорные припевки. И вдруг на эту веселую, полную света картину ложится черная тень — в корчму зашел эконом. Его приход не предвещает ничего хорошего, парни стремятся уйти, начинается форменное сражение. Самый веселый из парней, Гапон, схватив в руки кол, наиболее решительно защищает себя и товарищей. Он знает, что собираются «брать рекрутов», и призывает друзей убежать в лес. «Берегись, собака! Помни, что и мы с зубами!» — предупреждает он эконома. Разумеется, его сопротивление сломлено, и «гордого, смелого» Гапона отдают в солдатскую каторгу. Рассказывая дальнейшую историю героя, автор отходит от реальных жизненных обстоятельств. Гапон чудесным образом получает офицерский чин и женится на обласканной

помещицей Катерине. Но эта идиллия не может заслонить в сознании читателя бунтарский образ, нарисованный в начале поэмы.

Утопические представления о возможности примирить непримиримое проходят через все произведения Марцинкевича, они заставляют его в приукрашенном виде рисовать деревенскую действительность, но в то же время его описания крестьянского быта часто поражают верностью жизненной правде. А главное, эти описания полны поэзии, любви к человеку труда, уважения к его национальным обычаям. В этом плане несомненный интерес представляет поэма «Купала» (1855). Народные обычаи, связанные с праздником Ивана Купалы, описаны здесь этнографически подробно и вместе с тем с живым интересом к людям, которые собрались вместе, чтобы отдать дань традиции, отдохнуть, повеселиться. История крестьянской девушки, вплетенная в основной «этнографический» сюжет, показывает, что человек из народа не только занял центральное положение в поэзии Марцинкевича, но и стал для писателя эталоном всех человеческих добродетелей. В сцене объяснения героини с паничем она оказывается морально значительно выше своего собеседника. Увидев жалкую роль этого «влюбленного», убедившись в его низости, героиня по-настоящему начинает ценить любовь простого, но честного крестьянского парня.

Право творить на белорусском языке, живописать крестьянскую среду и крестьянский быт нелегко досталось Марцинкевичу. «Подозрительного» литератора преследовало царское правительство. Когда в 1864 году Марцинкевича арестовали и предъявили обвинение как участнику восстания 1863–1864 годов, главными уликами против него было то, что он хорошо знает белорусский язык, пишет на понятном народу наречии, близко общается с крестьянами. Пеняла писателю и шовинистическая польская критика. Некто Скабицкий выступил в «Газете варшавской» в 1856 году со статьей, в которой доказывал, что белорусского языка не существует и нет надобности его создавать, что Марцинкевич зря тратит свои силы — даже народу его произведения не нужны, поскольку крестьяне не умеют читать. Отповедь критику дал известный польский поэт В. Сырокомля (Л. Кондратович), написавший ряд статей о Марцинкевиче-поэте. Сырокомля утверждал, что путь, избранный Марцинкевичем, плодотворен — «на этой ниве можно и нужно работать»,^[1] — говорил о богатстве и гибкости белорусского языка.

Ни репрессии, ни притеснения цензуры (наиболее острые произведения Марцинкевича не увидели света при его жизни) не заставили отступить писателя. Не имея возможности печатать свои произведения, живя под строгим полицейским надзором, Марцинкевич продолжал творить на языке «братского народа, онемевшего в младенчестве от невежества и темноты», как писал он в послании польскому писателю И. Крашевскому, опубликованном в 1861 году.^[2]

Историческое значение деятельности первого белорусского писателя-профессионала превосходно охарактеризовано М. Богдановичем: «Писатель грузный и тяжеловесный, сосредоточившийся исключительно на эпосе, Марцинкевич писал стихом неизящным и неповоротливым, сплошь отступающим от требований белорусской просодии (влияние польских образцов)... Однако заслуги Марцинкевича перед белорусской литературой лежат все же не в области художественных достижений, а в области чисто исторической. Они в том демократизме, который веял от сентиментально-народнических поэм Марцинкевича, в той гуманизаторской тенденции, которая явственно проступает из каждой их строки и которая была по своему времени очень не лишней. Наконец, отметим, что, много писав и много печатая, он возбуждал вокруг своих произведений разговоры и полемику, напоминал о существовании белорусского языка и зародившей белорусской литературы, наводил на вопрос о возможности их дальнейшего развития»^[3].

* * *

В середине XIX века развитие национальной культуры Белоруссии было насильственно прервано. Поздно родившаяся в силу исторических условий и насчитывавшая немного писательских имен, белорусская литература подверглась в 1860–1870 годах жестоким преследованиям со стороны царской администрации. Подавив восстание белорусских и

литовских крестьян, вспыхнувшее в 1863 году, правительство приняло особые меры для того, чтобы удушить в Литве и Белоруссии национальную культуру. Проводилась насильственная русификация, было запрещено печатание книг на белорусском языке. Смысл этой меры хорошо охарактеризован одним из виленских цензоров. Препровождая Главному управлению по делам печати рукопись «Белорусских рассказов» Ф. Богушевича, цензор выражал свои сомнения, «не кроется ли в такого рода сочинениях тенденция, кроме „малорусской“, создать еще „белорусскую“ литературу и, таким образом, разбить и ослабить литературное и национальное единство, а вследствие этого и политическое могущество русского народа...» ^[4]

Перелом в культурной жизни Белоруссии наступил в 1880–1890 годах, в период, когда на арену политической жизни России выступила новая сила, когда движение пролетариата всколыхнуло широкие массы крестьянства и демократической интеллигенции. Все чаще на страницах выходивших в Белоруссии на русском языке газет начинают появляться стихотворения белорусских поэтов, перепечатываются анонимные произведения белорусской литературы. Группировавшийся вокруг либерально-буржуазной газеты «Минский листок» кружок белорусской интеллигенции выпустил в свет две книги «Северо-западного календаря» (в 1891 и 1892 годах). Редакторы этих альманахов помещали многочисленные материалы по истории Белоруссии, знакомили читателей с белорусским фольклором и некоторыми произведениями белорусской литературы^[5].

Оживление национальной культурной жизни пополнило белорусскую литературу новыми именами. В ней определяются разные направления — литераторам реакционно-монархической, либерально-буржуазной и либерально-народнической ориентации все резче противостоят писатели демократического лагеря. К периоду 1880–1890-х годов относится деятельность поэта-сатирика Ф. Топчевского, поднявшего свой голос в защиту «хама» — белорусского мужика, и поэта А. Гуриновича, отразившего в своих произведениях нарастание протеста в крестьянской среде. В 1880-х годах появляются в печати стихотворения Янки Лучины, в это же время определился как поэт Франтишек Богушевич. В белорусской литературе ясно наметилась новая и очень плодотворная линия развития, появились поэты, выражавшие устремления широких масс крестьянства и демократической интеллигенции.

Одним из первых деятелей нового направления был поэт Иван Люцианович Неслуховский, подписывавший свои белорусские произведения псевдонимом «Янка Лучина». Он пробовал свои силы и в польской поэзии, писал иногда стихи и на русском языке. Однако поэтом он был белорусским — пафос его творчества составляет любовь к Белоруссии, к ее угнетенному народу. Недаром в одном из своих стихотворений, посвященных Кавказу, поэт, восхищаясь чудесными кавказскими видами, признается все же, что ему милей другие пейзажи, что его мысль рвется в бедный край, где веет ветерок с Немана, где стоят низкие избы с соломенными крышами. Этот мотив — любовь к бедному родному краю, к земле, которая не балует человека, — проходит через всю лирику Лучины.

Ты пораскинулась лесом, болотами,
Серым песчаником, почвой бесплодную,
Матка-землица, и умолотами
Хлеба не дашь ты нам мерку добротную.
...Родина бедная. Пахарь оглянется,
Горько заплачет от доли безрадостной,
Но никогда он с тобой не расстанется...

(«Родной сторонке»)

Поэт не со стороны смотрит на бедного пахаря. Он ощущает и себя сыном этой нищей земли, он говорит от имени своих братьев-белорусов, он считает свой поэтический дар голосом самого народа:

Не я пою — народ божий
Придал песне лад пригожий.
Со своей землей родною
Цепью скован я одною.

(«Не я пою — народ божий...»)

Влияние русской революционно-демократической критики заметно сказалось в этом программном стихотворении Лучины. Свое стремление стать певцом народа, глашатаем его дум поэт выразил также в стихотворениях «Погудка», «Не ради славы иль расчета...», «Сельский лирник», «Псалм». Характерно, что в стихотворении «Псалм» (написанном польски), развивающем тему бескорыстного служения поэта своему народу, Лучина в подзаголовке указал: «Идеи заимствованы из русской литературы». Сочинения Белинского и Добролюбова, поэзия Некрасова, творчество польского поэта-демократа Вл. Сырокомли — вот истоки гражданской лирики Лучины. Особенно близок был поэту Сырокомля: Лучина переводил его стихи на белорусский язык, много стихотворений написал на заимствованные у него сюжеты.

Подобно Сырокомле и Некрасову, Лучина вводит в поэзию нового лирического героя — человека из народных низов. Это не тот во многом идеализированный крестьянский герой, которого рисовал Дунин-Марцинкевич, а простой мужик, голодный, забитый, одолеваемый большими горестями и мелкими заботами, мечтающий о лучшей доле, о куске хлеба, а иногда и о чарке водки. Таким мы видим героя стихотворения «Что думает Янка, когда везет дрова в город». Поэт изображает его с болью, с жалостью, глубоко сочувствуя его бедам. Но есть в крестьянской среде и другие люди, которыми поэт явно любит. Это люди сильного, цельного характера, не согнувшиеся под тяжестью жизненных испытаний. Сохранившаяся на белорусском языке глава поэмы «Старый лесник»^[6] рисует человека, наделенного не только физической силой, но и духовным здоровьем. «Дитя природы вольного Полесья», как характеризует его Лучина в другой главе поэмы, представляется автору воплощением силы и разума народа. Лучина выражает надежду, что эта сила не будет сломлена, что потомки старого лесника увидят лучшую долю.

Тема доли народной — одна из наиболее волнующих поэта. Но в ее разработке всего сильнее сказались ограниченность демократизма Лучины. Верой в лучшее будущее, мечтой о нем пронизана вся его лирика. Но вере этой не хватало действенности, в своих героях, так тяжело страдающих от социального зла, поэт не увидел активного начала, не почувствовал способности к открытому протесту. «Где ты, доля, скажи?!» — взывает к судьбе герой стихотворения «Весна». — «Где же ты? Отзовись!» Не протест, а жалоба, мольба, робкая надежда слышатся здесь. Такая интонация характерна для всего строя поэзии Лучины. Поэт выразил чаяния своего народа, но ему не дано было увидеть силу, способную их осуществить.

2

Первым поэтом Белоруссии, который в самом народе нашел залог грядущих социальных перемен, был Франтишек Богусевич. Его творчество оказалось наиболее ярким явлением, ознаменовавшим начало нового этапа в развитии белорусской литературы.

Два сборника, составляющие поэтическое наследие Богусевича, — «Дудка белорусская» и «Смычок белорусский» — вышли в свет в 1891 и 1894 годах. Это было событие не только литературное. Автор предпослал каждому из сборников предисловие, в котором поставил важнейшие вопросы развития национальной культуры белорусов. Общественная и эстетическая программа, высказанная Богусевичем в предисловиях к его поэтическим сборникам, явилась манифестом новой передовой белорусской литературы.

В предисловии к «Дудке белорусской» Богусевич выступил с решительным утверждением, что национальный язык белорусов существует, что он имеет полное право развиваться рядом с языками других наций. Это было в ту пору важным общественным выступлением, направленным против всей национальной политики царского правительства. Кроме того, вопрос о национальном языке, важность которого для угнетенного народа, вышедшего на дорогу самостоятельного культурного развития, несомненна, имел в условиях Белоруссии особое значение, был тесно сплетен с рядом других проблем.

Белорусская литература родилась как литература крестьянская. Здесь сказались особенности аграрной страны, где крестьянство составляло преобладающую массу населения, здесь сыграли существенную роль выдвинутые историей на первый план задачи ликвидации крепостничества. Кроме того, долгие годы национального угнетения привели к тому, что представители господствующих классов говорили на польском или русском языках, чурались белорусского, считали его «мужицким» диалектом. На белорусском языке говорило почти исключительно крестьянство, и, естественно, обращение к этому языку было вызвано потребностью обратиться прежде всего к крестьянскому читателю. Так оно поначалу и было.

Анонимная рукописная литература, имевшая из-за отсутствия нормальных условий развития национальной культуры широкое распространение в Белоруссии, выражала часто противоположные общественные тенденции. Самый распространенный жанр анонимной литературы — «гуторки» (беседы) — служил и тем, кто хотел показать крестьянству несправедливость крепостнических порядков («Гуторка Данилы и Степана»), разъяснить массам подлинный смысл «освободительной» реформы («Сход», «Разговор пана с хлопом»), и тем, кто стремился восславить реформу, изобразить ее как «милость» царя и помещиков («Как были под паном»). Но во всех случаях «гуторки» имели весьма точно обозначенный адресат — крестьянство. Точно так же обращались к крестьянскому читателю и авторы, представлявшие разные общественные и литературные направления, — и Дунин-Марцинкевич, рисовавший идиллические картины крестьянского быта, и поэт-демократ Лучина, изображавший неприкрашенную действительность пореформенной деревни.

Все эти неоднородные литературные явления имели одну особенность — они повествовали о крестьянстве и для крестьянства. Поэзия Ф. Богушевича явилась новым словом в белорусской литературе потому, что народ не был для поэта лишь объектом творчества. Богушевич не только обращался к крестьянству, он заговорил как бы от имени самой крестьянской массы. Примечательно, что такая позиция не ограничила, а расширила литературный горизонт поэта, помогла ему увидеть ошибочность утверждений о несамостоятельном характере белорусского языка, о том, что он не может стать языком литературным^[7].

В предисловии к «Дудке белорусской» Богушевич не называет своих противников по имени, но его высказывания полемически заострены против неверных, ограниченных представлений о «крестьянском» характере белорусского языка. «Должен с вами поговорить немного, — обращался Богушевич к своим читателям, — о нашей доле-недоле, о языке наших предков и отцов, который мы сами, да и не одни мы, а все темные люди называют „мужицким“, а зовется он „белорусским“. Я сам когда-то думал, что язык наш — „мужицкий“ язык, и только того! Однако, дай бог здоровья добрым людям, как научили меня читать-писать, с той поры я во многих местах побывал, много чего видел и читал и убедился, что язык наш такой же человеческий и благородный, как и французский, либо немецкий, либо иной какой».

Богушевич говорит от имени «Матяя Бурачка» — так был подписан его первый сборник, — от имени автора, вышедшего из крестьянской среды. Он доказывает нелепость такого положения, когда несколько миллионов белорусов не имеют литературы на родном языке, в то время как она существует даже у малых народностей: «...детки их читают так, как говорят, а у нас если б захотел записку или письмецо отцу написать по-своему, то, может, и в своей деревне люди сказали б, что пишет „по-мужицки“, и, как дурня, осмеяли б!» Богушевич доказывает, что белорусский язык пригоден для выражения любых мыслей и чувств, призывает изучать родную речь, создавать на родном языке литературу.

Этот страстный призыв к своему народу не имел ничего общего с проповедью национальной ограниченности. Автор предисловия справедливо замечал, что «оно хорошо, а даже и нужно знать соседский язык, но прежде надо изучить свой». Он указывает, что именно с этой целью и отважился написать «кое-какие стишки» и вынести их на суд читателя^[8].

В защиту белорусского языка задолго до Богушевича выступил В. И. Дунин-Марцинкевич и доказал его право на существование не только теоретически, но и своими произведениями. Однако представления Марцинкевича о значении белорусского языка были весьма ограниченными — он считал его «народным наречием», крестьянским диалектом русского языка. Эта позиция оказалась неприемлемой для Богушевича.

В предисловии ко второму сборнику, «Смычок белорусский», снова выступая от имени вымышленного лица — «Сымона Ревки из-под Борисова», Богушевич возвращается к вопросу о роли белорусского языка: «...правду сказал Бурачок в своей „Дудке“, что все мы называем наш язык „мужицким“ и — ничегошеньки, будто так и надо! Случалось и мне читать книжечки, не очень старые, печатные даже, какого-то пана Марцинкевича, но все как бы в насмешку над нашим братом писаны»^[9].

Давая такую оценку отношения Марцинкевича к белорусскому языку, Богушевич тем самым выступает против определенного литературного направления. Разумеется, в исторической перспективе видно, насколько несправедливо Богушевич оценил творчество Марцинкевича, сыгравшее значительную роль в формировании белорусского литературного

языка и белорусской литературы. Однако надо понять — опять-таки в историческом аспекте — и правомерность позиции Богушевича. Либеральные взгляды писателя, общественным идеалом которого было единение отцов-помещиков с детьми-крестьянами, вызвали гневную отповедь поэта-демократа. Развенчивая миф о «мужицком» языке, Богушевич тем самым открыто выступил и против литературы, рисующей идиллические картины крестьянского быта.

Этим же пафосом борьбы за правдивое изображение народной жизни проникнуты и поэтические декларации Богушевича. Оба его сборника открываются программными произведениями: первый — стихотворением «Моя дудка», второй — стихотворением «Смычок».

Поэт хотел бы сыграть на своей дудке (традиционный инструмент героев белорусского фольклора) веселую мелодию. Это оказывается невозможным:

А что ж не играешь?
Разве ты не знаешь,
Не слышишь ты, что ли,
Как бьюсь я в неволе?
На льду рыба бьется, —
Так и я, сдается,
Сорок лет впустую
Бьюсь, тянусь, тоскую,
Никак я водицы
Не могу добиться...
Да такой водицы,
Из такой криницы,
Что, едва напьешься,
Вольным обернешься.

Напоминая о «сорока годах» бесплодной борьбы за волю, Богушевич говорит от имени крестьянства, положение которого с пятидесятих годов, когда начали появляться проекты «освобождения», по существу не изменилось. Здесь заключена оценка грабительской реформы, и это самым тесным образом связано с поэтической программой, высказанной Богушевичем. Не веселой песни требует время — нужна песня о народной скорби, о крестьянском горе, обращается к своей музе поэт.

Тема крестьянской недоли главенствует в творчестве Богушевича. Его стихотворения всегда сюжетны, построены как рассказ лирического героя о каком-либо случае из своей жизни. В незамысловатых повествованиях ярко запечатлен быт деревни, раздираемой глубокими внутренними противоречиями. Крепостническое варварство, капиталистическое хищничество, расслоение в среде самого крестьянства, национальный гнет — вся сложная социальная структура белорусской деревни пореформенного периода изображена Богушевичем со скрупулезной точностью историка. Но это произведения не исследователя, а художника, — доля народная здесь не отвлеченное понятие, она — в судьбе каждого человека, о котором ведется в стихотворении неторопливый рассказ, она — в особенностях его психологии, даже в мелких деталях его быта. «Откуда на сердце такая кручина?» — тревожно спрашивает себя герой стихотворения «Дума» и тут же высказывает свои опасения:

Град жито побьет? Занедужит скотина?
Иль требовать будет урядник подводу?
Иль вдруг донесут, что украл я колоду?

Деревня «разоренного и оголенного, обобранного до нитки крестьянства»^[10] во весь рост встает со страниц двух небольших стихотворных сборников Богушевича. Горькая судьба героя стихотворения «Худо будет» предопределена уже при его рождении — он появился на свет в марте, в то «несчастливое» время, когда в каждой хате —

Хлеб поели весь до крошки,

И картошки — лишь посеять.
И приварка нет ни ложки,
И скотина вся болеет...

Система, обрекающая трудовое крестьянство на безысходную нищету, поддерживается насилием, полицейским произволом. Об этом Богушевичу, много лет работавшему в судебных учреждениях царской России в качестве адвоката, было известно не понаслышке. Бесправие мужика, чинимые над ним беззакония, взяточничество судейских чиновников — такие явления заняли значительное место в нарисованных поэтом картинах крестьянского быта. В разработке этих тем настойчиво повторяется мысль о том, кто реформа, якобы давшая крестьянству новые права, по существу ухудшила его экономическое положение и усилила зависимость от «властей».

.....Ой, что-то невесело вроде!
Не больше ли с волею стало панов?
Не больно свободно при этой свободе...
Стал новых панов я подсчитывать вновь:
Староста, сотский, писарь и дале:
Посредник, урядник, ассессор и суд,
Съезд мировой, присутствие, сход...
Аж волосы дыбом от ужаса встали.
Аж пальцев не стало, чтоб кончить подсчет, —
А как же без пальцев кормить этот люд?..

(«Побывал в пекле»)

Герои стихотворных повествований Богушевича часто задумываются над такими вопросами, и отнюдь не из склонности к отвлеченным рассуждениям — на это их наталкивает жизнь. Урядник, ассессор, пристав, суд — непременные атрибуты того быта, который изображает Богушевич, это — страшная сила, которая всегда стоит над его героями. В стихотворении «Худо будет» рассказана история о том, как ни в чем не повинных людей затаскали по судам и тюрьмам. Осторожные мытарства показаны и в другом стихотворении Богушевича, повествующем о том, как в «царской хате» сидит человек, уничтоживший на своем загоне межевой знак. Его содержат в тюрьме как опасного преступника, справедливо усматривая в этом поступке протест против грабительской реформы, стремление самочинно вернуть захваченную помещиком землю.

А ныне учить поведут меня в суд,
Чтоб я уважал и начальство, и кнут,
И столб, что гниет на меже у дорог, —
Всё это навеки назначил нам бог! —

(«В остроге»)

с горькой иронией заключает свое повествование «преступник».

Ярко одаренный сатирик, Богушевич приложил немало усилий для того, чтобы крестьянин перестал воспринимать «начальство и кнут» как извечное зло. Поэтому он показывает не только страшную силу «усовершенствованной» царем десницы закона, но и ее бессмысленность. В стихотворении «Как правду ищут» рассказан анекдотический случай о том, как в качестве свидетеля по делу об убийстве привлекли человека, не имевшего о происшедшем ни малейшего понятия. Это недоразумение обошлось «свидетелю» не дешево: таскаясь по судам, он вконец разорился. На анекдотических недоразумениях построено действие и в стихотворении «На суде». Этот рассказ впервые попавшего на суд крестьянина принадлежит к наиболее глубоким по своему замыслу произведениям Богушевича. Судебное заседание показано здесь глазами человека, ничего не понимающего в происходящей перед ним процедуре и поэтому особенно остро воспринимающего заключенную в ней фальшь. Такой «толстовский» поворот темы дает возможность поэту показать кричащее противоречие между новыми «прогрессивными» гражданскими установлениями и обществом, где человек на деле лишен элементарных гражданских прав. «Бессловный» суд, открытое судебное разбирательство с прениями сторон — все эти новшества, введенные судебной реформой 1864

года, раскрываются в своем истинном содержании, когда сатирик показывает, что на «великом суде» все решается взяткой, а главные преступники, вместо того чтобы сидеть на скамье подсудимых, выступают в роли обвинителей.

Особенно беспощадно разоблачал Богушевич-сатирик либеральные иллюзии о возможности примирить интересы крестьянина и помещика. Либерал предстает в его стихах в облике щедрого разбойника, бросающего свои обноски им же ограбленному человеку («Панская милость»), в образе волка, прикинувшегося овцой (басня «Волк и овечка»). И здесь основное стремление поэта — показать крестьянину антагонистический характер сложившихся социальных отношений, убедить его в невозможности примирить противоречия. Просветитель, наследник шестидесятников, последователь белорусского революционера-демократа Кастуся Калиновского, Богушевич выступает в роли страстного агитатора, указывает читателю путь борьбы со злом.

Потому-то на первый план выдвигается у него задача открыть мужику глаза, пробудить в нем сознание своих прав, своего человеческого достоинства. «Мужик дурней вороны» — озаглавливает поэт сатирические куплеты, в которых жало своей сатиры обращает и против тех, кто, пользуясь плодами труда «дурня», искренне верит в свое превосходство, и против самого мужика, покорно принимающего существующий порядок вещей:

И когда ж он поумнеет?
Всё он лето пашет, сеет —
Хлынет дождь осенний с неба,
А мужик сидит без хлеба.
Забелеет в поле иней —
Будет рад он и мякине!

Поэт настойчиво обращается в своих стихах к теме социальных контрастов («Бог не поровну делит», «Не всем одна смерть», «Не чурайся»). Его лирический герой все больше проникается сознанием тяготеющей над ним несправедливости. Писатель рисует этот процесс в разных его стадиях и проявлениях. Здесь и жалобы на судьбу, и попытки вымолить «правду» у бога. Богушевич не затушевывает противоречий крестьянской психологии, показывает, как в душе его героя протест уживается с горькой покорностью доле. Но поэт видит в его сознании и новые черты: смелость суждений и — что особенно важно — способность к активному протесту. Герой стихотворения «Защита животных» подвергся издевательствам, но это не прошло для него бесследно, заставило серьезно задуматься над своим положением. В стихотворениях «В остроге» и «Худо будет» показаны люди, осмелившиеся открыто выступить против несправедливости, расправиться с урядником. С интересом и сочувствием подмечает поэт, как меняется психология крестьянина, как освобождается он от вековой покорности судьбе, как приходит к нему осознание своей силы:

Урядник строчит себе... Я же смеюся:
«Ох, страшно. Уж больно тебя я боюсь!
...Приблуда! Вали-ка обратно живее!
Дохнуть уж нельзя тут от вас, лиходеев!
И все вы, как кол этот старый, сгниете,
Народ же с родимой земли не сживете!
Вас так же кобыла моя сковырнет —
Не то что наедет, а только чихнет...»

(«В остроге»)

Протест этот недешево обходится героям стихотворений Богушевича — их разоряют, судят, сажают в тюрьму. Но поражение, которое терпят они в неравной борьбе, не оборачивается для их противников победой. Само вступление на путь борьбы с социальной несправедливостью выпрямляет человека, пробуждает в нем новые силы.

«Будто в гроб живьем забили», — говорит рассказчик в стихотворной повести «Худо будет» о том, как его привезли в тюрьму. С гневом и болью описывает он свою «острожную долю». И вдруг тональность повествования меняется:

Так с молитвой, со слезами

И заснул я в этой яме.
А проснулся — удивился:
Вижу, в щелку луч пробился.
Вот, подумал, божья милость
И в остроге объявилась.
Оглядел я новоселье,
Словно здесь он, бог, со мною.
И взяло меня веселье —
Осмелел, окреп душою.

Это — поэтическая экспозиция темы, которая затем раскрывается во взаимоотношениях героя и его названного отца. Когда отчима выпускают из тюрьмы, он дает клятву «одолеть все напасти» и освободить юношу. С приемным сыном прощается уже не прежний забитый мужик, полный страха перед начальством, а человек, который твердо решил «найти правду». «Луч», пробившийся сквозь тюремную решетку, это — человеческое тепло, это — чувство общности, сила солидарности, рождающиеся в совместной борьбе.

Особое место в творчестве Богушевича занимает тема национального самосознания народа. Она была внутренне очень важной для поэта: говоря в предисловиях к своим сборникам о праве белорусов творить на родном языке, Богушевич подчеркивал, что речь идет не только о проблемах культуры, а о вопросах более серьезных. Политика царизма по отношению к Белоруссии исходила из предпосылки, что белорусской нации не существует вообще. В этих условиях вопросы национального самосознания приобретали необычайную остроту. Важно было, что Богушевич поднимал эти вопросы в декларациях, но еще большее значение имела их поэтическая разработка на конкретном жизненном материале. Человека, от лица которого ведется рассказ в стихотворении «Крестины Матей», ставят перед вопросом — русский он или поляк. Вопрос, по мысли тех, кто его задает, должен решаться в зависимости от вероисповедания — католик он или православный. Матей оказывается католиком и, как истый сын своего времени, ни за что не соглашается отречься от «святой» веры. Но — и здесь — поэт дает новый поворот темы — оказывается, вероисповедание вовсе не решает вопроса о национальной принадлежности. На все вопросы: поляк ли он — Матей упорно отвечает, что он «тутэйшы» (здешний), то есть белорус. Этого его убеждения не могут поколебать ни уговоры, ни угрозы. Вопрос решается просто — при помощи розог, ведь о национальности Матей вопрошают казаки и царские чиновники.

Вот так казаки и крестили меня,
И стал я поляком с этого дня! —

иронически подытоживает рассказчик историю своих злоключений Эта гневная сатира на самодержавие проникнута духом не только национального, но и социального протеста. Недаром в заключении Петербургского комитета по делам печати она была признана самым опасным стихотворением сборника «Дудка белорусская», возбуждающим «в крестьянах вражду к представителям власти...» [\[11\]](#)

Тема верности своей стране и своему народу звучит во многих стихотворениях Богушевича («Моя хата», «Не чурайся», «Своя земля», «Зарок»). Буржуазно-националистическая критика потратила немало усилий для того, чтобы затушевать революционно-демократические черты мировоззрения Богушевича, представить его идеологом некоей «единой» белорусской нации. Творчество Богушевича не согласуется с подобного рода концепцией. Певец белорусской деревни, Богушевич не мог отделить национальную тему от социальной — как и в самой жизни, они тесно переплетались в его стихах. Носящее характер манифеста стихотворение «Моя хата» декларирует не только верность своей стране, но и является присягой на верность людям труда. Нежелание перейти в стан «хозяев» — чувство, органически присущее лирическому герою Богушевича:

Помолись-ка ты, бабка, со мною,
Чтобы паном не быть мне вовек,
Чтоб не зариться мне на чужое,
Чтоб работал я, как человек!

(«Зарок»)

Жить «как человек» — значит иметь возможность трудиться, не пользоваться плодами чужого труда. Этот мотив повторяется у Богушевича и особенно сильно звучит в стихотворении «Не чурайся»: «Мне в рубахе твоей было б стыдно», — с презрением обращается крестьянин к барчуку, получающему даром все блага жизни, не задумывающемуся над тем, что они куплены чужим потом и кровью.

При всей последовательности революционно-демократической позиции Богушевича неверно было бы «выпрямлять» его творчество, представлять его себе свободным от противоречий. Наряду с глубокой разработкой национальной темы, мы встречаем иногда у поэта ошибочные представления об историческом пути белорусского народа. Вместе со стремлением пробудить в крестьянине чувство человеческого достоинства и сознание своей силы, наряду с уничтожающей критикой либерализма, мы встречаем в стихах Богушевича просьбы о помощи, обращения к «пану». Это не только противоречия мировоззрения Богушевича, — это противоречия крестьянского сознания на том этапе его истории, который с такой силой запечатлел поэт в своих стихах.

Произведения Богушевича проникнуты образами народной поэзии в такой же степени, в какой тесно связано с ними мировосприятие его героя. Народные пословицы, поговорки входят в самую ткань стиха Богушевича. Они естественно вплетаются в речь рассказчика-крестьянина, придают живое разговорное звучание его языку. Столь же естественны в устах его героя чисто фольклорные повторы или зачины — обращения к своей доле, силам природы, богу. Богушевич создал замечательный цикл «Песни», проникнутый духом народной поэзии. Разрабатывая традиционные для фольклора темы (песни «Вдова» и «Горе»), поэт вносит и новое содержание в народную песню, вводит в нее приметы современного быта, современных социальных отношений («Что бежишь, мужичок?», «Колыбельная», «Не всем одна смерть»). Да и в жанре, главенствующем в творчестве Богушевича, в жанре стихотворной повести поэт по-своему интерпретирует фольклорные сюжеты, придает им новое звучание. Так получает у него новое осмысление традиционный сюжет о продаже души черту. В стихотворении «Завистник и клад на Ивана Купалу» эта ситуация разрешена в моралистическом плане: черт сумел обмануть нехорошего человека — и душу его купил, и богатства ему не дал. Иной результат дает сделка с нечистой силой в «Балладе». Здесь ей противостоит не человек, охваченный алчностью, а попавший в беду «разумный» мужик. Он сам надул черта — и деньги забрал, и душу сумел спасти.

Близость к фольклору ощущается и в самом строе стиха Богушевича. «Его произведения, — писал М. Богданович, — глубоко проникнутые национальным и демократическим духом, не блещут изяществом отделки, но зато отличаются большой энергией выражения. Стих его прост и суров, изредка эта суровость сменяется юмором»^[12]. При всем лаконизме приведенного отзыва в нем ярко охарактеризованы особенности творческой манеры Богушевича. Единственное, против чего следует возразить, это мнение о недостаточном изяществе отделки. Здесь, по-видимому, нужен иной эстетический критерий. «Простой и суровый» стих Богушевича действительно производит впечатление безыскусственного рассказа, ритмика его иногда неровна и тяжеловесна, лексика подчеркнута обыденна. Такой стих, однако, появился не случайно, к нему привели поэта поиски формы, наиболее адекватной внутреннему миру героя, которого ввел в белорусскую поэзию Богушевич.

Богушевич отказался от силлабической системы стихосложения, пришедшей в Белоруссию из Польши и не соответствовавшей характеру белорусского языка. Художественное чутье подсказало ему, что наиболее естественной формой стиха, способной передать мысли, чувства, речь простого белорусского крестьянина, является народный тонический стих, столь распространенный в белорусском фольклоре. Приведем в качестве примера отрывок из стихотворения «Крестины Матей», где рассказчик объясняется с представителем власти по поводу своей национальной принадлежности:

«Тутэйшы, — кажу я, — свой чалавек;
Сын бацькі свайго, а бацька дзяцей,
Тут і радзіўся, тут жыву век;
Юркам зваць бацьку, я дык Мацей».

...Ён кіпіць горай, пытаючы, лае,
Крычыць і б'ецца, і ў твар штурхае.

«Да хто ты, да хто ты: ці рускі ці не?» ^[13]

Тут мы встречаемся с беспрестанной сменой ритмической интонации. В первых строках отчетливо ощущается их трехсложная основа, но впечатления «правильности» ритма нет. Далее ритмические колебания становятся еще более резкими. Однако здесь есть своя закономерность — стих организует одинаковое количество ударений в каждой строке, именно Оно и определяет всю его конструкцию. Обращение к тоническому народному стиху было глубоко мотивировано. Так, например, в приведенном выше отрывке мы слышим повествование героя, звучит и его прямая речь, раскрываются его размышления, раздаются реплики его противника. Стремясь передать естественно меняющиеся интонации живой разговорной речи, Богушевич ищет разные средства свободной организации стиха, меняет постоянно и количество слогов в строках, и систему рифмовки, и строфику. Все это, разумеется, далеко от понятия «изящество отделки», зато поэт добивается того, что Богданович определил как «энергию выражения», добивается большой выразительности в передаче строя мыслей и чувств своего героя.

С этой задачей тесно связана и вся образная ткань стиха Богушевича. Мы не встречаем у поэта сложных сравнений, развернутых метафор, ничего, что носило бы на себе следы литературности. Он изображает мир через восприятие «мужика» и выбирает изобразительные средства из той сферы жизни, которая близка его герою. Рассказчик в стихотворении «Не всем одна смерть», желая дать представление о несметных богатствах пана, говорит: «У склепе, як бульба, дукаты». Сравнить дукаты с картошкой в погребке может только крестьянин. И только он может, обращаясь к музе, сказать, что надо «потянуть смычком» березку, чтоб она на вечные времена «ревела мужиком» («Смычок»). Способность заглянуть в душу крестьянина, способность воспроизвести живую народную речь и придать ей силу поэтического воздействия сделали произведения Богушевича доступными демократическому читателю и слушателю.

Литературная деятельность Богушевича была значительным явлением в общественной жизни Белоруссии. Голос поэта звал к борьбе за социальное и национальное освобождение. Недаром царская цензура даже в течение многих лет после смерти писателя жестоко преследовала его творения. Когда белорусское издательское товарищество в Петербурге издало в 1907–1908 годах «Дудку белорусскую» и «Смычок белорусский» Богушевича, на эти книги был наложен арест. Петербургский комитет по делам печати поручил цензору сделать специальный доклад о сборниках Богушевича, а затем направил свое заключение ^[14] прокурору судебной палаты. 6 ноября 1908 года состоялся своеобразный «суд» над книгами поэта. Судебная палата на своем заседании постановила привлечь к ответственности и издателей сборника и их автора. Чиновники из цензурного и судебного ведомств не знали, что постановили возбудить дело против человека, умершего уже восемь лет тому назад, зато им хорошо было известно, какое воздействие оказывали произведения Богушевича на читателей. Стихотворения поэта находили глубокий отклик среди крестьянства и демократической интеллигенции Белоруссии. Примечательно, что они использовались как материал для революционной агитации, — укажем, например, что поэт Адам Гуринович, выписывая из-за границы для студенческого кружка нелегальную революционную литературу, включил в список требуемых книг «Дудку белорусскую» ^[15].

Одаренный поэт, Гуринович был одним из продолжателей дела Богушевича. В стихотворном послании, обращенном к «Матю Бурачку», Гуринович благодарит своего старшего собрата за высокий гражданский пафос его поэзии. Боевая агитационная интонация отличает стих самого Гуриновича. В известном смысле он пошел дальше своего учителя, прямо призывая крестьянство сокрушить существующий социальный порядок («Нас душили паны...», «Что ты спишь, мужичок...»). Подобно Богушевичу, Гуринович выступает от имени крестьянской массы, разговаривает с крестьянским читателем как человек, живущий с ним общими интересами. В сатирических куплетах, по форме близких к народной частушке, Гуринович разъясняет белорусскому мужику, угнетенному панами и ограбленному царской «милостью», необходимость «собираться кучей», осознать силу объединенного и организованного сопротивления произволу.

Деятельность Гуриновича-поэта была прервана в самом ее начале. Арест, болезнь, смерть на двадцать пятом году жизни отняли у белорусской литературы не только большого поэта-

трибуна, но и даровитого лирика. Такие стихотворения, как «Бор», «Жатва», проникнутые любовью к пейзажам родной страны, к ее народу-труженику, свидетельствуют о незаурядном лирическом таланте поэта, голос которого не дошел до читателей-современников; да и для нас архивы сохранили, к сожалению, очень немного.

3

Заканчивая предисловие к сборнику «Смычок белорусский», Богушевич писал: «Смычок есть, а кто-нибудь скрипку, может, сделает, а там была „Дудка“, — вот мы и сложим музыку...»^[16] Поэт-демократ, обращаясь к своему народу, призывал продолжить начатую работу по созданию национальной литературы.

Одной из первых на этот призыв отозвалась молодая белорусская поэтесса Алоиза Пашкевич, известная в литературе под псевдонимом «Тетка». Выпуская в 1906 году сборник своих стихотворений, она назвала его «Скрипка белорусская», уже тем самым указав на его связь с творчеством автора «Смычка белорусского». «Долго я гадал и думал^[17], как себя называть, — рассказывала читателям в предисловии к сборнику Тетка, — то ли поляком, то ли литовцем, потому что слово „здешний“ мне как-то не по вкусу. И так много лет я склонялся то на ту, то на другую сторону, пока не попала мне в руки „Дудка“ Матей Бурачка; она-то мне сказала, что кто разговаривает по-здешнему, по-мужицки, значит он разговаривает по-белорусски, а кто разговаривает по-белорусски, тот белорус. Прочитав ту „Дудку“, я сказал: „Спасибо тебе, М. Бурачок, честь и слава твоему слову. А ты, дудка, играй и мне голос дай“. С того времени начал и я мастерить инструмент. Вышла из-под рук скрипка».

Вслед за Богушевичем Тетка поднимает жизненно важный в ту пору для белорусов вопрос о праве народа говорить и творить на родном языке. Она выступает на страницах белорусской периодической печати, страстно доказывая необходимость ввести в начальных школах преподавание на белорусском языке: «Долго мы, белорусы, чурались своего языка и, как говорится, прятались с ним за печь перед чужими людьми. Вот и сложилась какая-то глупая поговорка, что наш язык хамский... что на нем нельзя ни говорить с ученым человеком, ни писать книг, как на других, „деликатных“ языках. Но это только выдумка»^[18].

Тетка, как и Богушевич, тесно связывает в своих выступлениях вопрос о «праве гражданства» белорусского языка с проблемой развития национальной литературы. Это были, по существу, две стороны одного вопроса. Но решать его можно было по-разному — буржуазно-националистическая и революционно-демократическая концепции уже отчетливо определились к этому времени в белорусской литературе. В предисловии к «Скрипке белорусской» поэтесса заявляет о верности направлению, избранному Богушевичем. Подобно ему, она стремится сделать предметом поэтического изображения родную деревню и ее трудовой народ. Это стремление отразилось и в выборе псевдонимов. «Тетка», «Матей Крапивка», «Гаврила из-под Полоцка» и другие имена, которыми подписывалась поэтесса, подчеркнута просты, заурядны, выражают стремление автора слиться со своим героем, белорусским крестьянином. С ним и от его имени говорит Алоиза Пашкевич на протяжении всей своей творческой биографии.

Предисловие к «Скрипке белорусской», написанное в 1906 году, было не первой литературной декларацией поэтессы. Впервые ее представления о задачах поэзии были высказаны в раннем стихотворении «Лето». В нем пейзажные и бытовые зарисовки — летний полдень, опустевшая деревня, поле, в котором кипит работа, — сменяются взволнованным монологом автора:

Мне бы взяться за работу
До мозоли кровяной,
Не боялась бы я пота, —
Лишь бы стать селу родной!
Мне бы серп вы дали, бабы,
Дали б острую косу, —
С нивы колос я смела бы,
С трав — прозрачную росу.
Дайте мне платок, родные,
Белый фартук, хоть на час, —

Краски я найду живые,
Нарисую мигом вас!

Начинающая поэтесса уже выбрала свой путь в литературе, нашла своих героев среди «родных» ей людей деревни. Изобразить человека труда и его жизнь нельзя с позиций стороннего наблюдателя, утверждает Тетка. Однако, когда она пыталась нарисовать портрет деревенской девушки, ей стало ясно, что работать самой «до мозоли кровяной» — это еще не все: нужно найти соответствующие изобразительные средства. А это, оказывается, не просто. «Красок мало», — жалуется поэтесса и приходит к выводу, что необходимо «пойти по свету» в поисках нужных «красок» и «кисти».

В этой юношеской декларации не было ничего от позы, поэтесса откровенно поведала о вставших перед ней трудностях. В палитре ее действительно было еще мало красок. Не случайно с пейзажными зарисовками, в которых проявилась одаренность молодого автора, его живописное видение мира, соседствуют невыразительные портреты:

Очи — небо, брови — черны,
Щеки — яркие, рот — малина,
Хороша ты непритворно!
Нет другой такой девчины!

Насколько слабое представление об оригинале дает такое описание, чувствует сама поэтесса, потому она и откладывает перо. Ей казалось, что ей не хватает умения. Но беда заключалась не только в литературной неопытности. Гораздо существенней то, что она еще плохо знала своих героев. Ее представлению о жизни деревни еще не хватало глубины. «Как царевна, как богиня» видится ей деревенская девушка, да и полевая страда нарисована в стихотворении одними праздничными красками. Естественное желание показать красоту, заключенную в трудовом процессе, воспеть человека труда еще не сочетается с умением увидеть эту красоту в реальной, далеко не идиллической жизни деревенского труженика. И то, что молодая поэтесса не была удовлетворена своей работой, стремилась искать новые пути, было залогом ее творческого роста.

Задуманное, по-видимому, по аналогии с «Летом» стихотворение «Осень» показывает, что развитие шло в сторону все более глубокого постижения хорошо знакомой Тетке с детства деревенской действительности. В «Осени» даны превосходные пейзажные зарисовки осенней природы и живые картинки крестьянского быта в пору, когда «добрая хозяйка» осень награждает своими дарами землепашца. Как и в «Лете», стихотворение заканчивается авторским монологом, но насколько более зрелыми являются теперь размышления поэтессы. Как не похожа эта безрадостная картина по своей окраске на идиллически праздничные тона «Лета»:

Лишь зажмурюсь, пред глазами
Замелькают люди в храме,
На крестинах и в костелах,
На гулянках невеселых.
Тут и слезы, тут и песни,
Труд безрадостный, болезни,
Поцелуи да могилы,
Желтый свет свечи постылой...
Расхлебать ли эту кашу!
Где же, братцы, счастье наше?

Поставленный в финале вопрос о том, где спрятано мужицкое счастье, на долгое время определил круг творческих интересов Тетки. Здесь, помимо общей обстановки эпохи «предбурья», когда проблемы крестьянской жизни приобрели особую остроту, на поэтессу оказала воздействие среда революционно настроенной молодежи, с которой она столкнулась в 1902–1904 годах в Петербурге на общеобразовательных курсах П. С. Лесгафта. Любовь к родной деревне получила в эти годы новую направленность — Тетка изображает крестьянский быт с той суровой трезвостью, которой ей не хватало на первых порах литературной деятельности.

Процесс «прозрения» протекал очень быстро, как можно судить по ранним стихотворениям писательницы. Если в «Лете» была отдана дань абстрактным представлениям о красоте трудовой жизни на лоне природы, а в «Осени» уже крестьянский быт показан в своей неприглядности, то в стихотворении «Мужицкая доля», напечатанном в 1903 году, всячески подчеркиваются социальные истоки крестьянской неволи — нищенский надел, непосильные подати, необходимость работать на пана и подчиняться прихотям панского «эконома».

При всей трезвости, с какой герой стихотворения оценивает свое положение, он далек от мысли найти для себя выход. Рефрен его рассказа — один и тот же горький вопрос:

Где ж ты, моя доля?
Отзовись, откликнись!

Поэтесса хочет разбудить мысль крестьянина, натолкнуть его на размышления о причинах народной неволи. В стихотворении «А мужик поныне не переменился» у Тетки появляется новая поэтическая интонация — страстная, убеждающая, агитационная:

Многие прошли века,
Как Христос родился!
А мужик поныне
Не переменился.
Гора стала долом,
А доли горами,
Моря пересохли
И стали полями.
На полях на этих
Камень покрошился,
А мужик поныне
Не переменился...

Стремлением пробудить мужика от вековой спячки продиктована и стихотворная декларация «Музыкант белорусский». Построенное как обращение поэта к своей песне, стихотворение по содержанию и тону напоминает «Мою дудку» и «Смычок» Богушевича. Однако имеются здесь и новые мотивы, которые смогли появиться лишь в эпоху первой русской революции. Сытый не услышит печальной песни, утверждает поэтесса,

Если ж и услышит,
Скрипача обляет:
«Гляньте, хам не в шутку
Равенства желает!»

(«Музыкант белорусский»)

Агитационный характер поэзия Тетки приобретает не случайно — по возвращении в 1904 году из Петербурга в Вильну ее поглощает революционная деятельность. Квартира поэтессы стала местом революционных явок и хранения нелегальной литературы, она организует кружки белорусских рабочих, часто выступает на собраниях и митингах. Общественные идеалы Тетки, которые вначале несли на себе печать не только революционного демократизма, но и крестьянской ограниченности, в эти годы подпольной революционной деятельности во многом подверглись переоценке. Большое значение имела для поэтессы совместная работа с Б. Вигилевым, членом Виленского комитета Российской социал-демократической рабочей партии. По свидетельству современников, в деятельности Тетки все отчетливее проявлялось влияние социал-демократических идей. В ее поэзии появляются предчувствия наступающих социальных перемен:

Песне музыканта
Скрипка вторит смело.
Скоро песню «хама»
Мир услышит целый.

(«Музыкант белорусский»)

События первой русской революции, на которые чутко откликнулась молодая писательница (по ее стихам можно составить летопись революционного 1905 года), сыграли переломную роль в литературной биографии Тетки. Именно в это время она сформировалась как большой поэт. Рубежом оказались события 9-го января. Первый отклик поэтессы — «Небывалые времена» — был выражением скорби, боли, ужаса. Но очень скоро эти чувства сменяются гневом, призывами к революционному действию. Такие произведения писательницы, как «Крещение на свободу», «Под знаменем», «Море», «Присяга над кровавыми бороздами», были напечатаны в 1905 году на гектографе и распространялись в качестве листовок. Читая эти произведения, трудно поверить, что их написал автор «Лета», «Осени» или «Мужицкой доли». В ранних стихотворениях мы слышали голос поэта даровитого, но шедшего по колее, уже ранее проложенной в литературе Богушевичем и Янкой Лучиной. Теперь перед нами самобытный поэт, открывший новые пути в белорусской поэзии, принесший в нее новый жизненный материал, новые темы, новые поэтические формы. Обращение к большим, исторически масштабным темам современности сформировало поэтическую индивидуальность Тетки. Ее стихи революционных лет поражают силой мысли, гражданской страсти, поэтического вдохновения.

Мастер с большим художественным диапазоном, Тетка тонко чувствует жанровую природу, стилевую структуру произведения. «Крещение на свободу», например, стилистически представляет собой сложный сплав. Начинается стихотворение сатирическими куплетами с ироническим рефреном «Так и надо!» Здесь ясно ощущается традиция, идущая от куплетов Богушевича «Мужик дурней вороны». Однако видно и существенное отличие. У Богушевича, как позднее и у Тетки в стихотворении «Мужик не изменился», предметом сатиры были социальные порядки, при которых труженик обречен на нищету, темноту, бесправие. В «Крещении на свободу» сатира направлена не вообще против существующих порядков, а имеет весьма определенную политическую окраску:

На востоке рдеет небо;
Так и надо, эка небыль!
Реки крови льются в море,
Гибнет там солдат от горя
Без рубашки и без хлеба;
Так и надо, эка небыль!
...Бьет казак, жандарм стреляет,
Спины нам налог сгибает,
С соли дань плати и с хлеба —
Мы и платим, эка небыль!

Речь идет о русско-японской войне, о жертвах, которые приносит народ из-за бездарности правителей и «царя-отца», о жестоком полицейском произволе. И как кульминацию этой темы поэтесса показывает события 9-го января. Сатирическая интонация перебивается ораторской, митинговой:

Люди падают в столице:
Пули бьют и в грудь, и в лица...
И снова сатирические куплеты:
Дурней крестят на свободу.
Царь науку дал народу... —

затем злободневная политическая частушка с прозрачными намеками на убийство великого князя Сергея Романова, совершенное 4 февраля 1905 года И. П. Каляевым. Вместо иронического рефрена «Так и надо!» появляются политические лозунги, призывы к свержению самодержавия: «Больше нет в царе потребности», «По царю петля сучает!»

Наиболее доходчивые жанры агитационного стиха сплавлены здесь воедино, ораторский голос лирического героя звучит взволнованно, убеждающе. В белорусской литературе поэт впервые заговорил от имени революционных масс.

Новый герой входит в поэзию Тетки. Это — рабочий, смело идущий с красным знаменем на врага («Под знаменем»), это — крестьянин, участвовавший в «беспорядках» и вынужденный

бежать из родной деревни («Бунтовщик»), это — парень на баррикадах («Добрые вести»). Простой крестьянин, от имени которого ведется рассказ в стихотворении «Разлакомился», рассуждает на темы, ранее в белорусской поэзии, казалось бы, невысказанные:

Вот был бы я социалист да и ружье имел,
То я б так взгрел
Стражников, земских, станowych и прочих собак!
А так — один кулак!
Приходят социалисты, листовки тычут,
Бунтоваться кличут,
А дали б только пороху хоть горстку,
Пистолет, винтовку, —
Отдал бы последнюю рублевку
За пули и дробь.

В гневных словах мужика, требующего оружия, чтобы проучить не только «стражника из Заполья», но и самого «губернатора нашего края», звучит голос масс, приобщившихся к революционной борьбе. Такого героя поэтессе довелось близко узнать в жизни, когда в 1905 году Тетка работала фельдшерницей в психиатрической лечебнице г. Новая Вилейка. Сохранившееся до наших дней «Дело революционного сообщества в больнице в г. Новая Вилейка» рисует Алоизу Пашкевич в качестве активного участника этого «преступного» сообщества, организованного во второй половине 1905 года для «ниспровержения существующего в государстве общественного строя»^[19]. Пашкевич, судя по материалам «дела», печатала и распространяла прокламации, выступала на митингах с речами на белорусском языке, ездила по окрестным деревням, «подстрекала» крестьян к революционным действиям. Заметим, что боевая дружина, организованная в лечебнице для оказания «в случае надобности вооруженного сопротивления правительственным властям»^[20], по показанию свидетелей, настоящего оружия не имела, была вооружена лишь топорами да кольями. В свете этих фактов становится понятным, что герой, не довольствующийся листовками «социалистов», жаждущий получить в руки винтовку, был для поэтессы фигурой отнюдь не абстрактной.

Поэтому так живо передана и его речевая манера. Интонация стихотворения намеренно прозаична, подчеркнута просторечна лексика, свободно меняются число слогов в строке, количество и чередование ударений. Используя свое превосходное знание языка и быта белорусского крестьянина, развивая традиции народной «гуторки» и поэзии Богушевича, Тетка при помощи акцентного стиха придает монологу-размышлению героя естественные интонации крестьянской речи.

Совсем в ином стилистическом ключе написано стихотворение «Море», напечатанное в октябре 1905 года в виде листовки с подзаголовком «Революция народная». Это — образное изображение революционной бури. Взволнованное море взрывает скалы, угрожает «небесному трону», вступает в смертельную схватку с «богом»:

Море словно уголь стало,
Море с дна теперь горит,
Море скалы раскидало,
Море хочет смыть гранит.

В самом ритмическом построении строго организованного стиха как бы передано движение разбушевавшейся стихии. Энергия ритма усиливается разными средствами — анафорой, аллитерацией. Яростный взрыв вырвавшихся на свободу сил передает и своеобразный характер метафор, в которых сопрягаются явления, казалось бы, несовместимые: море «горит», превращаясь в раскаленный уголь.

Поэтический голос Тетки звучал в годы революции со все большей и большей силой:
Еще свирепствуют вокруг
Солдаты царские, жандармы,
Еще кичатся юнкера...
Но луч уже проник в казармы!

Придет желанная пора —
И рать, как море, к трону хлынет,
Штыки к сатрапам повернет... —

(«Перед Новым годом»)

обращается поэтесса к своему народу, призывая его «порвать путы». Она адресует к «миллионам» («Вам, соседи», «Добрые вести»), зовет их в бой, с радостью подмечает каждый подъем волны народного движения («Добрые вести», «Буря идет»). В буре революции, в борьбе масс, в их революционной энергии черпает Тетка поэтическое вдохновение:

...Ведь средь бури своевольной
Думам легче на волне:
Лишь на диких гривах-волнах
Песня может сниться мне.

(«В дорогу»)

Слиться с судьбой народной, дать людям хлеба, света, воли, создать песню, способную зажечь сердца, — вот мечты, высказанные Теткой в поэтических декларациях революционных лет («Мои думы», «Над могилой», «Скрипка», «Артист-музыкант»). Некогда, на заре своей литературной деятельности, поэтесса заявила, что ей еще предстоят поиски, что в ее палитре не хватает ярких, впечатляющих красок. Теперь, характеризуя свою песню, Тетка говорит об изобразительных средствах иной категории:

Остры зубы, точно пилы,
Колют, режут, тянут жилы,
Раскаляют, мигом студят,
Кличут старых, малых будят.

(«Над могилой»)

Эволюция примечательная. Достаточно хотя бы сопоставить изображение деревенской девушки в раннем стихотворении «Лето» с картиной, нарисованной в стихотворении «Крестьянкам», чтобы убедиться, какой большой путь за эти годы прошла в своем развитии Тетка.

В «Лете» была нарисована яркая красавица, «богиня», здесь же трезвый взгляд поэта видит каждую морщинку на бледном лице и мозоли на ладонях:

Сколько горя векового!
Сколько в косах прядей белых!
Сколько пота трудового
На ладонях огрубелых!..
И за всё — на бугорочке
Крест над грубым гробом вашим,
Да в слезах склонились дочки, —
Их житье не будет краше.

Но дело не только в этом разном характере изображения — приподнятом или приземленном. Разница глубже — теперь поэтесса не скользит по поверхности явлений, в малом видит большое и, рисуя деревенскую женщину, раскрывает целый жизненный уклад. Когда на смену приукрашенному изображению пришла суровая правда, описательность уступила место широким обобщениям. «Режущую» сердца песню поэтесса подслушала у самой жизни, которая сформировала ее мужественный талант.

К наиболее сильным произведениям, написанным Теткой в годы революции, принадлежит аллегория «Присяга над кровавыми бороздами». Посвященное основному вопросу революции — борьбе крестьянства за землю, оно было в октябре 1905 года отпечатано на гектографе и распространялось как прокламация. Образ Матея, бедного сельского труженика, нарисованный здесь, при всей прозаичности изложенных писательницей подробностей его жизни и быта, встает перед читателем как образ обобщенный, олицетворяющий всю массу обезземеленного, ограбленного паном и кулаком крестьянства. Символический сон, привидевшийся заснувшему на своей ниве Матею: он видит толпу крестьян, задыхающихся без земли. «Узко! Тесно! Мало!»

— кричат в отчаянии люди. И когда один из них спрашивает: а где же взять землю, кто даст ее, — из толпы выходят три сына Матея: «Панский батрак, солдат и петербургский рабочий становятся на колени и клянутся громко, ясно, медленно:

— Мы дадим! Мы — сила! Мы — право!

Матей обливается потом, сердце его бьется... И кажется ему, что все это овеял туман: только борозды стоят, полные крови, а над ними висят скрещенные ладони... И медленно раздается ясный голос:

— Мы — сила! Мы — право!»^[21]

Аллегория эта, обращенная к массам крестьянства, предельно проста и доходчива по своей форме и в то же время поэтична. Скрещенные ладони крестьянина, рабочего и солдата над кровавыми бороздами — образ большой впечатляющей силы, поэтический символ революции.

Поэтесса призывает к сплочению все демократические силы страны. Образ братского рукопожатия возникает и в стихотворении «Соседям в неволе», где она от имени белорусов обращается к народам Российской империи:

Терзают нас! Услышь, народ,
Услышь, услышь и руку дай, —
Родные мы. Так правду знай:
И в черный день и светлым днем
На поле нам стоять одном
Плечом к плечу, в рядах друзей —
За волю против палачей.

Тему революции поэтесса разрабатывает с подлинным бесстрашием бойца. Никто в белорусской литературе той поры не мог с такой женственной силой скорби нарисовать кровавые бесчинства реакции, и немногие были способны с таким мужеством звать на борьбу с ней:

К концу подходит год кровавый.
Часы пробили. Ночь темна.
Хожу по комнате. Отравой
И холодом душа полна.
В углах мерещатся скелеты,
Еще стекает кровь с костей!..
Страшна была година эта,
Грядущая пора — страшней! —

(«Перед Новым годом»)

писала поэтесса на пороге 1906 года, после разгрома декабрьского вооруженного восстания. Но в эту мрачную симфонию постепенно начинает входить другой мотив — уверенность в грядущей победе, в том, что жертвы принесены не зря. Тональность стихотворения меняется:

Я вижу, добрый будет год!
Я знаю, быть богатым всходам
Там, где кровь людей текла.
С Новым годом, с грозным годом!
Бей, народ, в колокола!

Поражение революции застало Тетку на чужбине — вынужденная скрыться от судебного преследования, она эмигрировала в 1906 году в Галицию. Жизнь поэтессы сложилась трудно. Но ни крушение надежд на скорую победу революции, ни тоска по родине, ни болезнь, ни нужда не сломили ее духа. В мрачную эпоху реакции она осталась верна своим демократическим идеалам. С увлечением изучает в эти годы поэтесса прошлое своего народа, его фольклор, многое делает для пропаганды белорусской литературы. Тетка обращается к прозе, пишет рассказы, преимущественно из быта белорусской деревни.

Усилившееся чувство тоски по родине поэтесса пыталась передать в формах, близких к фольклорным:

Чем ты сердце покорила,
Моя деревушка?
Иль волной заморозила
Вилия-резвушка?
Или шелесты дубровы
Я забыть не в силе?
Иль соседи колдовского
Зелья наварили?

(«Родная деревня»)

Но это любовь не только к красоте белорусских дубрав и рек. Тетке дорога родная деревня с ее неприглядным нищим бытом («В чужой стороне»), близки ее обездоленные люди («Крестьянкам», «Гадание»). Мысли поэтессы устремлены к соотечественникам, к «согбенным от вечной работы», к тем, кто должен «рвать цепи темноты» («Наступает весна...»).

Получив возможность в 1911 году поселиться на родине, Тетка возвращается к общественной деятельности, вновь выступает в рабочих кружках. Много сил отдает она организации журнала для белорусской молодежи «Лучинка» (1914).

Культурническая деятельность поэтессы не была связана с отходом от идей революции. Это убедительно доказано белорусским литературоведением^[22]. Речь должна идти об отказе не от революции, а от революционной тематики. Историческая обстановка резко изменилась с того времени, когда стихи Тетки звали массы на бой.

В новых условиях поэтесса считала наиболее важной задачей воспитывать молодежь, нести знания в белорусскую деревню. «...На вашей совести, — писала Тетка в 1914 году в Петербург студентам-белорусам, — будет лежать большая доля ответственности, если „Лучинка“ будет плохо светить вашим братьям и сестрам в деревне белорусской, которые для вас хлеб сеют и жнут»^[23].

Цензурные условия не позволяли открыто поднимать в журнале общественные темы. «Первый номер вышел без лица по независящим от нас причинам, — писала Тетка 18 февраля 1914 года белорусскому общественному деятелю профессору Бр. И. Эпимах-Шипилле. — Добивались только, чтоб хотя бы литературно книжечка вышла не очень плохая»^[24].

Вера в светлое будущее своего народа не покидала Тетку. Она жила предчувствием и ожиданием новой грозы:

Эх, орлы! Парить бы с вами
Над горами, над долами
Да крылом своим могучим
Рассекать седые тучи.
Знать орлиные повадки,
Крылья ранить в смертной схватке,
Вражьей кровью упиваться,
В облака стрелой взвиваться.

(«Дайте два крыла орлиных...»)

Поэтессе не суждено было дожить до бури, которой она ждала В 1916 году была безвременно оборвана эта яркая жизнь.

Белорусская поэзия к тому времени уже была представлена именами больших, завоевавших широкую известность поэтов — Янки Купалы и Якуба Коласа. Вокруг них сгруппировались все прогрессивные силы белорусской демократической литературы — Змитрок Бядуля, Алесь Гурло, Тишка Гартный, Констанция Буйло и другие. В конце 1900-х годов на горизонте белорусской поэзии появилась звезда такой величины, как Максим Богданович. В этом поступательном движении литературы, обусловленном ростом революционного и национального самосознания народа в эпоху первой русской революции, творчество Тетки было важным звеном — поэтессе довелось отразить великие исторические

события, коренной перелом в сознании белорусских трудовых масс. С благодарностью говорил Янка Купала в стихотворении «Автору „Скрипки белорусской“» о влиянии, которое оказала Тетка на последующее поколение белорусских поэтов:

Белорусов называешь
Ты людьми среди людей,
Край родной ты воспеваешь,
Славишь песнею своей.
Сердце хочет, отзываясь,
Вторить ей издалека,
Пить и пить, не отрываясь,
Из того же родника.

4

Рост белорусской литературы в начале века тесно связан с историческими процессами эпохи революции 1905–1907 годов. «Новый период в истории белорусской литературы имеет своей исходной точкой 1905 год, произведший глубокий переворот в психике народных масс, — писал в одной из своих статей Максим Богданович, — перед нами встал, выдвинувшись из тени на свет, целый ряд новых вопросов, требовавших немедленного разрешения, а традиционных ответов на них деревня еще не имела. Создалось горячее стремление разобраться в событиях, раздвинуть поле своего зрения, а следовательно, создался громадный спрос на идеологические ценности. В это время белорусское печатное слово сделалось настоятельной необходимостью и быстро получило небывалый размах. Заработали и легальные и нелегальные станки, выбросившие в народные массы тучу произведений, брошюр и, наконец, даже еженедельную социалистическую газету „Нашу долю“, выходящую в 10 тысячах экземпляров, но чуть не еженомерно конфискованную, а потому и остановившуюся на 7 №. В это время, осенью 1906 года, возникла и вторая, но уже более умеренная, белорусская газета „Наша нива“...»^[25].

Период, о котором пишет Богданович, отмечен творчеством поэтов, в чьих стихах прозвучал голос разбуженного революцией белорусского крестьянства. «...Знаете Вы белорусских поэтов Коласа и Янко Купала? Я недавно познакомился с ними — нравятся! Просто, задушевно и, видимо, поистине — народно», — писал в 1910 году М. Горький в письме к А. Черемнову^[26]. Горький справедливо заметил, что народность — наиболее яркий признак молодой поэзии, заговорившей на языке белорусской деревни, в простых, близких к народно-песенным формам стиха, отразившей помыслы и чаяния крестьянской массы.

К тому времени, когда в литературу вошел Максим Богданович, Янка Купала и Якуб Колас были в расцвете творческих сил. Поэзия, зародившаяся в недрах белорусской деревни, за несколько лет прошла огромный путь, ее значение уже выходило за пределы национальной белорусской культуры. «За восемь-девять лет своего действительного существования, — писал в середине 1910-х годов Богданович в одной из своих критических статей, — наша поэзия прошла все пути, а пожалуй, и тропинки, которые поэзия европейская протаптывала более ста лет. Из наших стихов легко можно было бы создать „короткий повторительный курс“ европейских литературных направлений последнего века. Сентиментализм, романтизм и натурализм, наконец, модернизм — все это, иной раз даже в разных вариантах, отразила наша поэзия...» С «радостью» отмечает критик, что «у нас создался литературный язык», что белорусская литература, полная «глубоких и тревожных дум, чуткого и волнующего чувства, душу радующей красоты», несет свой дар «не только нашему народу, но и всемирной культуре»^[27].

На первый взгляд бурный рост совсем еще молодой поэзии представляется необъяснимым — он возможен лишь на основе больших литературных традиций. Однако в белорусской поэзии, хотя она еще переживала период своего становления, такая основа была. Это — в первую очередь традиции классической русской литературы, влияние украинской и польской демократической поэзии. Творчество Богушевича сформировалось под воздействием поэзии Крылова, Лермонтова, Некрасова, Шевченко. Его перу принадлежат переводы басен Крылова на белорусский язык. Поэзия Тетки, «буревестника» белорусской литературы, тесно связана с творчеством Горького, Некрасова, Леси Украинки. Янка Купала, в произведениях которого ясно

ощущается преемственность творческих традиций Горького, Некрасова, Кольцова, Переводил на белорусский язык стихи Некрасова, Шевченко, польских поэтов Мицкевича и Конопницкой.

Максиму Богдановичу довелось сыграть в развитии белорусской поэзии особую роль. С ним в белорусскую литературу вошел новый поток — образцы русской, греческой, итальянской, французской, немецкой, финской, славянских литератур. На белорусском языке зазвучали стихи Горация, Овидия, Шиллера, Гейне, Верлена, произведения славянских поэтов.

Достижения мирового искусства обогатили белорусскую литературу благодаря переводам Богдановича. Но еще существенней то, что традиции мировой литературы в оригинальных произведениях поэта органически переплавились с народными традициями белорусской поэзии. Это оказалось возможным потому, что Богданович выступил в такое время, когда в литературе уже работали Купала и Колас, поэты, которым дано было наиболее ярко выразить в своем творчестве национальный характер поэзии белорусов и завершить формирование белорусского литературного языка.

* * *

Литературная биография Богдановича сложилась весьма своеобразно. Долгие годы он знал свою родину только по впечатлениям раннего детства: поэт вырос вдали от родного края, не слыша вокруг белорусской речи. И тем не менее увлечение его белорусской литературой, белорусским народным творчеством, этнографией проявилось очень рано и навсегда определило его жизненный путь. Здесь сказалось влияние отца, превосходного знатока белорусской этнографии, собирателя белорусского фольклора, а также круг чтения будущего поэта. В тщательно подобранной библиотеке его отца, наряду с русской и мировой классикой, широко были представлены славянские литературы и, разумеется, белорусский фольклор, работы по белорусской этнографии, истории. В отцовской же библиотеке Богданович познакомился и с произведениями Дунина-Марцинкевича, со стихами Богушевича. С середины 1900-х годов, когда начала выходить белорусская газета «Наша доля», а затем «Наша нива», когда организованное в Петербурге издательство «Заглянет солнце и в наше оконце» стало выпускать книги белорусских писателей, Максим Богданович прочел произведения Тетки, Купалы, Коласа. Это знакомство с белорусской литературой происходило в период широких литературных увлечений поэта, которому были чрезвычайно близки Пушкин, Фет, Майков, Блок; он превосходно знал украинскую литературу, серьезно изучал поэзию греков, итальянцев, французов, славян. В том, что влечение к белорусской литературе преобладало над другими интересами, сказалось влияние атмосферы, окружавшей Богдановича в семье.

Но, раньше чем творить на белорусском языке, надо было овладеть родной речью. Решению этой задачи юноша отдал очень много сил, но ему не хватало знания живого разговорного языка. Как верно заметил один из его товарищей, поэт писал «на языке, которого он не слышит вокруг себя, а слышит в себе»^[28]. Богданович старался использовать каждую возможность для расширения лексики родной речи, усовершенствования произношения, искал встреч с людьми, с которыми мог разговаривать на белорусском языке. Его горячее стремление увидеть свою родину, познакомиться с бытом белорусского крестьянства, услышать его живую речь смогло осуществиться только по окончании гимназии. В 1911 году юноша совершил поездку в Белоруссию, прожил месяц в деревне неподалеку от Минска, посетил Вильну, где в то время вокруг газеты «Наша нива» группировались основные силы белорусской литературы. Через пять лет, окончив Ярославский юридический лицей, Богданович окончательно переселился на родину, в Минск. К сожалению, это было уже незадолго до смерти поэта.

Жизнь вдали от родного края, в отрыве от живой стихии белорусской речи легко могла наложить отпечаток искусственности, книжности на поэзию Максима Богдановича. К счастью, этого не случилось: Белоруссия, горькая жизнь ее обездоленного народа, крестьянский быт и обычаи не были для Богдановича книжными понятиями, потому что думы, горести и радости своего народа он воспринял через сокровищницу белорусского фольклора. Несомненно, и народная основа современной белорусской поэзии помогла молодому поэту ощутить то, что он называл национальным стилем литературы. «Как каждый народ имеет свою национальную душу, так он имеет и свой особый склад (стиль) творчества... Есть он и у нас, белорусов, и мы должны обратиться к нему, чтобы внести что-нибудь в сокровищницу мировой культуры, чтобы

вливать в нашу поэзию свежие соки, чтоб стать ближе к душе родного народа, лучше утолить ее духовную жажду и действительно взяться за великую работу: развитие белорусской народной культуры»^[29], — писал Богданович в статье «Забывшая дорога», призывая белорусских поэтов обратиться к роднику народного творчества. Это было написано в середине 1910-х годов поэтом, уже внесшим в белорусскую литературу ценный вклад, обогатившим ее лучшими достижениями мировой культуры. Примечательно, что, обобщая опыт своих собственных исканий и опыт белорусской поэзии, Богданович считал главной проблемой выработки национального стиля литературы постижение народного духа, выраженного в народной песне.

В начале литературного пути у Богдановича не было столь зрелых представлений о значении фольклора для развития современной белорусской поэзии. Но благодаря полученному воспитанию поэт с самого начала пил из родника, который помог ему глубоко проникнуть в «особый склад» души и творчества своего народа.

У дороги в чистом поле
Мои́ла стои́т,
А над нею — злая вьюга
Гуляе́т, шуми́т.
На моги́ле одино́ко
Кали́на расте́т.
Ее ве́тер овевае́т,
Метели́ца гнет,
Вкруг моги́лы незаме́тной
Пляше́т и гуди́т —
Все́ о том, кто в поле́ чисти́м
Непробуди́то спи́т.

(«Над моги́лой»)

Это раннее стихотворение Богдановича создано по канонам народно-песенного жанра — традиционны для народной песни тема одинокой могилы в чистом поле и ее разработка, характерен для белорусского фольклора образ «завирухи» (метели). Но, помимо этих особенностей, стихотворение сближает с фольклором то цельное восприятие действительности, которое проявляется в лирических народных песнях, где человек неразрывно слит с окружающим его миром. Метель поет о спящем в могиле человеке, «все» о нем, — здесь сказало́сь то особое анимистическое восприятие природы, которым благодаря родству с фольклором своеобразно окрашено лирическое дарование Богдановича. Картины природы в лирике Богдановича всегда проникнуты настроением, чувством, раздумьем человека:

В ча́ше темной и глубо́кой
Плеще́т, пенится́ вино́;
Хмеле́м светлым и холо́дным
Чуть́ колыше́тся оно́.
И кача́ется осо́ка,
И шуми́т высо́кий бор,
А в ду́ше не замо́лкает
Стру́н весе́лых пере́бор.

(«О́зеро»)

Картина озера неотделима здесь от внутреннего состояния героя; именно его настроением, перебором «веселых струн» в его душе, объясняется и восприятие озера как чаши с вином. У лирического героя Богдановича сердце «раскрывается под слезинками неба» («Вот и ночь. Засверкали слезами высоты немые...»), он слышит, «как в лугах растет трава» («Теплый вечер, тихий ветер...»). «Тихо всё было на небе, земле и на сердце...» — естественно сливается для него с окружающим испытываемое им ощущение покоя («Ночь»).

Идущее от фольклорной традиции одушевление природы своеобразно преломилось в стихотворениях, объединенных поэтом в цикл под названием «В зачарованном царстве»^[30].

Один за другим возникают чудесные белорусские пейзажи, и все они заселены живыми существами. В «зачарованном царстве» пущ и болот бродят лешие, проползает «змеиный царь»; на дне реки спит водяной, над озером резвятся русалки. Поэт широко использует образы, созданные мифологическим и художественным творчеством народа. Это дало вульгарно-социологической критике повод обвинять Богдановича в реакционности, в приверженности к декадентству.

На самом же деле в стихах, рисующих «зачарованное царство», нет ни ущербности, ни мистической окраски, в них наиболее отчетливо проявился ясный взгляд поэта на мир:

Привольная темная пуща!
Огромные липы, дубы,
Осинника, ельника гуща,
Меж хвои опавшей — грибы.
Всё мрачно, космато и дико,
Жара недвижимо стоит.
Во мху, перевитом брусникой,
Лесун одинокий лежит.
Корявая сморщилась шкура,
И мохом зарос он, как пень;
Трясет головою понуро,
Бока прогревая весь день...

(«Леший»)

Образ старого лешего здесь — неотъемлемая часть лесного пейзажа, его корявая, сморщенная шкура сливается с мхами и ельником темной пущи. Еще более органически «вписывается» фигура старого лешего в пейзаж осеннего леса («Старость»). Зарисовки этого образа не только живописны — они «одушевляют» пейзаж, помогают поэту «очеловечить» его, найти в нем свойства, созвучные своим настроениям. Образ лешего в стихотворении «Старость» нужен поэту для того, чтобы пронизать осенний пейзаж грустным раздумьем человека о близкой смерти, чтобы стихи об осенней поре в природе рассказали о закате человеческой жизни. Образы народной мифологии у Богдановича меньше всего связаны с иррациональным началом, они всегда предстают как создания народной фантазии, наделяющей реальный мир живыми, человеческими свойствами.

В способности воспринимать природу как одушевленное существо заключены истоки поразительно пластической живописи Богдановича. В нарисованных им картинах бьется живая жизнь. Под рукой лешего тонкоствольные сосны звенят, словно тысячи натянутых струн, лето плачет, покидая землю, и слезинки тихо льются на поле. Богданович любит метафору развернутую, пластически выразительную во всех деталях:

Где-то в тучах живут пауки,
Ткут они паутину дождей.
Так они и толсты, и мягки,
С телом скользким, как тело ужей;
В теле стынет холодная кровь,
Злость бесцельная в круглых глазах...
Чу! Я шорох их ног слышу вновь,
Крыша, стены в их скользких сетях.

Обозревая в «Нашей ниве» белорусскую художественную литературу за 1910 год, Богданович писал о себе^[31]: «Что касается Богдановича, то в нем незаметно быстрого развития, хотя особенности его таланта выступают уже довольно ясно. Это поэт-живописец. Слабый как лирик, он все свое внимание обращает на образность содержания стихов и вместе с тем заботится о его насыщенности, надеясь придать им этим особую силу...» Однако, говорится в авторецензии, это иногда приводит к тому, что стихи «вместо картины дают какой-то обрывок ее». Отметив «довольно широкий круг тем в этих стихах и бледность языка», критик утверждает, что пока еще трудно сказать, «чего стоит эта работа»^[32].

Строгость подхода, суровость оценок объясняются не только требовательностью и скромностью поэта. Богдановичу в высокой степени была свойственна способность анализировать сделанное, искать новые пути не ощупью, а сознательно. Ему важно выяснить главное — «чего стоит эта работа», выяснить для самого себя. Поэтому он говорит лишь о задаче, которую себе ставил, — достичь живописности картины, сжатости и выразительности образа. Высказанное им неудовлетворение относится не столько к себе, сколько к ограниченности перспектив, которые открывают подобного рода поиски.

Спустя несколько лет, уже будучи сложившимся поэтом, Богданович по-другому оценивал свою работу: он говорил о расширении круга тем белорусской поэзии^[33]. Расстояние между этими двумя авторецензиями очень велико — между ними лежит сложный путь развития писателя, шедшего от живописности к «расширению круга тем», от внешнего иногда увлечения фольклором к глубокому постижению склада «национальной души» народа, от решения формальных задач к раскрытию сложнейших движений человеческого сердца, оттенков человеческой мысли.

Зрелую поэзию Богдановича отличает большой диапазон тем и жанров. Это связано с широким кругом творческих интересов, художественных исканий поэта и с необычайной интенсивностью внутренней жизни героя его лирики.

Одно из самых сильных чувств, владеющих лирическим героем, — тоска по своей далекой родине. «О бедной, далекой своей стороне» вспоминает он, увидев во ржи синюю головку василька («На чужбине»). «Бедная» сторона притягивает к себе героя — она источник «живой воды» («Давно уж телом я хвораю...»). Но образ родной земли неотделим в поэзии Богдановича от образа белорусского мужика. Ему земля не мать, а мачеха:

Спи, бедняга! Только гроб тебе достался,
Гроб один — труду бессонному цена.
Всю-то жизнь свою с Землею ты тягался —
Час пришел, и вот — осилила она!

(«Над могилой мужика»)

Горькие ноты часто звучат в гражданской лирике Богдановича, но это не горечь безнадежности. Наследнику Богушевича, современнику Тетки, Купалы, Коласа был знаком путь борьбы. Как и многие другие белорусские поэты, Богданович, вступая в литературу, опубликовал своего рода поэтическую декларацию — аллегорию «Музыкант». Он изложил здесь свои взгляды на роль и назначение искусства. Жил на свете музыкант. «Много ходил он по земле и все играл на скрипке. И плакала в его руках скрипка, и такая была в его музыке тоска, что за сердце хватала!.. Плачет скрипка, льют люди слезы, а музыкант стоит и выводит еще жалобней, еще тоскливей. И болело сердце, и подступали к глазам слезы...»^[34].

Но бывало и по-другому: «Музыкант будто вырастал в глазах людей, и тогда играл сильно, звучно: гудят струны... бас, как гром, гудит и грозно будит ото сна, зовет народ. И люди поднимали склоненные головы, и гневом великим блестели их очи. Тогда бледнели и тряслись как в лихорадке, и прятались со страху, будто гадюки, все обидчики народа. Много их хотело купить у музыканта скрипку его, но он не продал ее никому. И продолжал он ходить среди бедного люда и музыкой своей будил от тяжкого сна»^[35].

Аллегория была напечатана в июле 1907 года, вскоре после «третьеиюньского переворота», когда роспуск Второй государственной думы ознаменовал поражение революции. В концовке аллегории изображено торжество реакции: «злые и сильные люди» бросили музыканта в тюрьму, погубили его, «скрипка разбилась». Но, говорит автор, «память о музыканте не пропала вместе с ним. Из того народа, которому он когда-то играл, выйдут десятки новых музыкантов и музыкой своей станут будить людей, звать к свету, правде, братству и свободе»^[36].

Смысл иносказания весьма прозрачен: автор выражает надежду, что торжество реакции — временное, что появятся новые поколения борцов за свободу. Он видит высокое назначение поэта в том, чтобы будить народ, гневной песней поднимать массы на борьбу против угнетения. Так, в первом же своем литературном выступлении Богданович заявил о верности традициям революционно-демократической поэзии. Об ориентации на эти традиции свидетельствуют и аллегория «Апокриф», и стихотворения поэта разных лет. Написанное в

1910 году стихотворение «Дождик в поле, и холод, и мгла...» развивает тему гражданского долга поэта:

...Сжала сердце мне песня ночная,
Пусть же ветер опять запеваает,
Пусть поет средь родимой земли
И разбудит в сердцах наших стыд,
Чтоб на битву с неправдою шли
Те, в ком совесть сегодня не спит.
Долю черную ночь не укроет,
Если выльется слово живое!

Говоря о связи Богдановича с революционно-демократическими силами белорусской литературы, следует заметить, что буржуазно-националистическая критика настойчиво зачисляла его по ведомству «чистой» поэзии. Как известно, редакция «Нашей нивы» была неоднородной по своему составу — на страницах единственной белорусской газеты выступали и писатели-демократы во главе с Купалой и Коласом, и писатели буржуазного националистического лагеря. Буржуазные публицисты «Нашей нивы» всячески пытались доказать, что белорусская литература — явление бесклассовое, что существует «единая» белорусская нация и «единое» движение «белорусского возрождения». Стремление представить развитие белорусской литературы в виде лишённого противоречий и борьбы единого потока приводило к насквозь фальшивым, заведомо неверным литературным оценкам. Довелось это почувствовать на себе и Богдановичу^[37].

Стихотворения, посланные им в 1909 году в редакцию, не понравились писателям из буржуазно-националистической группы сотрудников газеты и были сданы в архив. Эти стихи были извлечены оттуда и напечатаны только благодаря Я. Купале, который сумел оценить незаурядный талант автора.

Впоследствии, когда Богданович стал поэтом, получившим признание, атаки на его творчество приняли иной характер. Так, автор статьи о сборнике стихотворений Богдановича «Венок», скрывший свое имя за инициалами «Г. Б.», попытался полностью зачеркнуть гражданскую лирику поэта. Симптоматично уже само название статьи — «Певец чистой красоты». Стихи Богдановича, утверждает критик, должны читать «только те, кто понимают музыку слова, чья душа видит красоту в чистой поэзии». Мимоходом коснувшись гражданских мотивов в произведениях поэта, автор высказывает мысль, ради которой и была написана статья: «Однако не общественные темы занимают главным образом поэта: он прежде всего ищет чистой красоты... Его душа, замкнутая в себе, живет в каком-то другом, особенном мире — в мире чистой красоты и подлинной поэзии, и только сквозь нее смотрит на нашу жизнь...»^[38].

Однако творчество поэта никак не укладывалось в такую концепцию, да и сам Богданович отнюдь не склонен был ее поддерживать. Интересно вспомнить в этой связи о реакции Богдановича на статью «Нашей нивы». В 1924 году было впервые опубликовано^[39] стихотворение Богдановича «Пану Антону Новине на память от автора»:

День добрый, пан! Вот вам простая надпись.
Есть милая японская забава:
Бросают в воду мелкие осколки
Деревьев — и они становятся цветами.
Всё это мне припомнилось неволью,
Когда статью я Вашу о «Венке»
Читал. И Вас благодарю я очень,
И жму Вам руку. Ваш М. Богданович.

В примечании к публикации сообщалось, что эту дарственную надпись Богданович сделал на том экземпляре своего сборника, который послал Антону Новине, напечатавшему о «Венке» в 1914 году критическую статью в «Нашей ниве». Таким образом был раскрыт псевдоним «Г. Б.»: выяснилось, что автор статьи о сборнике Богдановича — Антон Луцкевич (Новина — его псевдоним), буржуазный националист, одна из главных фигур в редакции «Нашей нивы». В

дарственной надписи, в которой Богданович выражает свою благодарность автору хвалебного отзыва о «Венке», в очень изящной форме высказано несогласие с основным тезисом статьи «Певец чистой красоты». Говоря об осколках дерева, превращаемых в цветы, и о том, что эта «японская забава» припомнилась ему, когда он читал статью о «Венке», Богданович ясно дает понять, что зачисление его в певцы «чистой» поэзии кажется ему произвольным «превращением».

Насколько решительно примкнул Богданович к демократическому лагерю белорусской литературы, выяснилось в ходе одной очень острой литературной полемики. В 1913 году в «Нашей ниве» была напечатана статья реакционного публициста Юрия Верещаки (псевдоним Власта Ластовского), одного из главных деятелей буржуазно-националистической группы в редакции «Нашей нивы». В статье, озаглавленной «Оплатите долг», шла речь о направлении белорусской поэзии. Начав с рассуждений о дивной красоте белорусской природы, автор обрушился на «белорусских поэтов, которые, вместо того чтобы восславить нашу действительно безмерно прекрасную природу, обесславили ее». В качестве примера Верещака, не называя имен писателей, приводит цитаты из стихотворений, посвященных нищей белорусской деревне, горькой доле белорусского мужика. Наряду с цитатами из стихотворений Купалы и Коласа, там приведена строка: «Край ты мой родны! Як выкляты богам...» Она принадлежит Богдановичу — ею начинается его стихотворение, опубликованное в 1909 году в «Нашей ниве»:

Край мой родимый! Как проклятый богом,
Сколько ты вынес недоли!
Тучи, болота... Над нивой убогой
Ветер гуляет на воле...
...Глянь, пригляди к забитому люду,
Сердце от боли заплачет:
Горькое, тяжкое горе повсюду,—
Всюду одна неудача...
...Горе повсюду панует.
Словно широкое, бурное море,
Край наш оно затопило...
Братья! Развеем ли тяжкое горе?!
Братья! Достанет ли силы?!

Стихотворение не случайно вызвало осуждение у идеолога буржуазного «возрождения» — поэт, рисуя горькую долю белорусского крестьянства, не остается на позиции стороннего наблюдателя. Он призывает одолеть горе народное, зовет к действию. Тематика таких произведений возмущает автора статьи. У него есть свои представления о причинах крестьянской нищеты: «...Янка или Опанас сидит полупьяный на печке, и хозяйство у него не спорится»; кроме того, это вообще не является предметом поэзии. Оплатите долг, обращается к белорусским поэтам Верещака, «...почему не выполняете своего посланничества, почему молчите, когда убивают в душах... красоту, почему не учите нас любить и понимать шум бора... задумчивость сумерек, ясность восходов?..» [\[40\]](#).

На этот вопрос ответил автору Янка Купала. Его гневная отповедь Верещাকে появилась под названием «Почему плачет песня наша?». Поэт отчетливо выразил позицию белорусских писателей-демократов: «Когда в памятном 1905 году загуляла метель, когда у каждого человека в России пробудилась душа к новой жизни... то и у белоруса проснулось чувство своего „я“, появилась долго дремавшая думка, что и мы люди. Появились поэты, певцы своего забытого богом и людьми края и доли народной... эти поэты, всосав с молоком обездоленных и обневоленных матерей все горе жизни Беларуси демократической, — разве могли в первых своих словах воспеть только красоту своей Родины, не взглянув сначала на реальный быт ее сынов?!» [\[41\]](#)

Противостоящие лагеря размежевались, ясно высказали свои взгляды на характер и задачи белорусской литературы.

Разумеется, Богданович, в стихах которого звучали призывы к борьбе («Ринемся, братья, смелей...», «Наших дедов душили чащобы лесов...», «Срезаем мы ветки сухие...»), грозное

предупреждение «сытым» («Из песен белорусского мужика»), не остался в стороне: он оказался втянутым в полемику и в качестве объекта ее и в качестве участника. На упреки Верещаки он ответил в 1913 году стихотворением, в котором поставлена та же тема, что и в статье Купалы:

Народ, Белорусский Народ!
Ты — темный, слепой, словно крот.
Повсюду тебя обижали,
В ярме прожил ты столько лет,
И душу твою обокрали, —
В ней речи твоей даже нет.
Разбуженный грозной бедой,
Весь полный смертельной тоской,
Ты крикнуть: «Спасите!» — не можешь,
И должен «Спасибо!» кричать.
Услышьте, кого я тревожу,
Кто сердцу привык доверять!

Стихотворение не было напечатано в «Нашей ниве», хотя, скорее всего, и было послано туда автором. Но другой стихотворный отклик Богдановича, безусловно попавший в редакцию^[42], тоже опубликован не был. Речь идет о стихотворном «Письме Ластовскому»^[43]. Примечательно, что поэт счел нужным (и как раз после опубликования статьи «Оплатите долг») обратиться к Ластовскому со стихотворным посланием, трактующим вопросы художественного творчества. В спокойном тоне классической эпистолы рассуждая об образах Сальери и Моцарта, Богданович высказывает свои взгляды на искусство, внутренне противопоставляя их представлениям об интуитивном, стихийном характере творческого процесса. Автору статьи «Оплатите долг», отрицавшему право поэта на выражение гражданских чувств, призывавшему воспевать «задумчивость сумерек и ясность восходов», Богданович вежливо, но решительно отвечает тем, что берет под защиту творчество, освещенное мыслью художника, подсказанное стремлением все понять и осмыслить:

Сальери в творчестве стремится всё понять,
Всё взвесить мысленно и выверить опять,
Обдумать способы, материал и цели, —
Он четкость ясную любил в малейшем деле!

В оригинале сказано, что Сальери горячо любил «сваю съведомасьць гэту» — «свою сознательность». За это, считает автор послания, Сальери «в судный час» будет оправдан и музой, и «собственной душой».

Богданович вошел в литературу в мрачные годы реакции. Тем более существенно, что он никогда не сворачивал с избранного пути, что его не затронула волна ренегатства либеральной интеллигенции. Вера в грядущую победу народа пронизывает собой превосходные стихотворения: «Веселей разгорайся огонь мой в ночи...», «Не горит ни в час смерканья...», «Холодной ночью я...», «Звездочка, ты не погаснешь...». В сонете, в первой части которого рассказывается о семенах пшеницы, тысячелетиями пролежавших в египетской гробнице, поэт писал:

Вот символ твой, отчизна дорогая!
Взметнувшийся от края и до края
Народный дух бесплодно не заснет,
Он к свету ринется, как та криница,
Которая стремится всё вперед,
Чтоб из-под почвы на простор пробиться.

Эта вера в неизбывность революционной энергии народа заметно усилилась в годы, предшествовавшие революции 1917 года. «Беларусь, твой народ повстречается С ярким солнцем встающего дня», — писал Богданович в 1915 году. Именно в тяжелые годы

империалистической войны создал поэт свои лучшие произведения, проникнутые ощущением наступающего исторического перелома.

Безмерны вольные просторы
Святой земли, — а человек
Заборы строил, рвы копал за веком век,
Он, как лиса, зарылся в норы...
...Гниет в труде безмерном тут
Голодный, обнищальный люд,
Который сильными руками
Богатство мира сотворил... —
гневно протестует поэт против устройства современного мира в стихотворении «Межи».

Новое осмысление получают в эти годы в творчестве Богдановича и фольклорные традиции. Народное творчество для него уже не только источник, из которого он черпает краски для картин белорусской природы, быта белорусской деревни. Теперь Богданович обращается к прошлому своего народа, к его поэтическим поверьям в поисках героических образов и бунтарских мотивов. Именно на этом пути удалось поэту наиболее глубоко постичь поэзию своего народа, понять ее национальные особенности. «Максим и Магдалену» и «Стратим-лебедь» принадлежат к лучшим созданиям Богдановича. Удалой молодец, приговоренный воеводой к смерти, просит принести цимбалы и поет перед казнью свою последнюю песню («Максим и Магдалена»). В ней выливаются смелость, жизнелюбие, непокорный бунтарский дух героя. Форма народной песни здесь абсолютно органична, в иной форме Максиму и не передать того, что волнует его душу:

Снилось мне: я межюю иду,
Сбоку нива колыхается,
Сбоку нива колыхается,
Крупной светлой росой осыпается.
Ох, исполнился тот недобрый сон,
Нынче сбылся он через девять дён.
Сбылся сон, моя отрада-краса,
Слезы катятся, что крупная роса...

Поэтически обобщенный образ самоотверженного героя, взявшего на себя бремя народного горя, создан в сказании о «Стратим-лебедь», «гордой птице», посадившей во время потопа к себе на спину «малых» птиц. «Крылья сильные надломились» под тяжестью взятой на себя ноши, но стратим-лебедь не сбрасывает ее, он погибает не сдавшись.

К этим же годам относится работа Богдановича над народными песнями. В созданных им русских, украинских, испанских, скандинавских, японских, персидских песнях поэт творчески осваивает народно-песенные традиции различных народов, стремится каждый раз раскрыть в песне «национальную душу». И по содержанию, и по форме эти произведения чрезвычайно разнообразны. Суровая романтика «Скандинавской» песни, повествующая о трагической судьбе верной своему рыцарю красавицы Ингеборг, очень далека от лукавой легкости испанских песен, от поэтического лаконизма японских. Поэт стремится не только нарисовать в песне своеобразный национальный колорит, но и передать в ней национальный склад характера.

Стремление глубже понять «национальную душу» народа, которая, как указывал Богданович, ярче всего проявляется в народной песне, усилило интерес поэта к быту белорусской деревни, к внутреннему облику белорусского крестьянина. На протяжении 1914–1916 годов появились такие шедевры народно-песенного жанра, как «Стихи белорусского лада», «Мушка-зеленушка и комарик-носатик», «Лявониха», «Скирпуся», «Ой, греми, греми, труба, утром рано...», «Ой леса-боры и луга-разлоги!..». Поездка в Белоруссию летом 1911 года, состоявшийся в 1916 году переезд туда на жительство дали поэту возможность близко познакомиться с жизнью и бытом крестьянства. В его произведениях этой поры появляются живые образы людей деревни. Даже в шуточной поэме «Мушка-зеленушка и комарик-носатик» не только колоритно изображен национальный быт, но и созданы психологически

выразительные портреты. Яркий характер нарисован и в стихотворении, написанном по мотивам народной белорусской песни — «Лявониhi». Фигура разбитной молодой женщины, ловкой в работе, лукавой, озорной Лявониhi выписана кистью художника, хорошо знакомого с бытом современной белорусской деревни, с ее сильным, жизнелюбивым народом.

И в прошлом своей родины ищет теперь поэт то, что занимает его в современности. Ярко передавая в «Безнадежности», «Переписчике», «Агате» колорит средневековья, он видит в этой далекой эпохе живых людей с их реальными страстями. Рисуя нравы времен крепостного права стихотворение «Слуцкие ткачихи» поражает тонким проникновением в душу насильно оторванных «от родной хаты» дворовых мастериц.

...А за стеной смеется поле,
Сияет небо из окна,
И рвутся мысли против воли
Туда, где расцвела весна;
Где блещет рожь в дали безмолвной,
Синеют нежно васильки;
Где серебром сияют волны
С холмов сбегаящей реки;
Темнеет край зубчатый бора...
И ткет в забвении рука
Взамен персидского узора
Цветок родимый василька^[44].

Как много сказано одной этой деталью о подневольной работе, о тоске по дому, о чудесном свойстве искусства выражать народные чаяния.

Тема исторического прошлого тесно переплетена в лирике Богдановича с урбанистической темой.

Примечательно, что в стихотворениях цикла «Город» посвященных Вильне, где каждый камень напоминает о прошлом, средневековье в изображении Богдановича лишено свойственного ему мрачного колорита, и тема города не окрашена в тревожные тона, столь характерные для урбанистической поэзии начала века. Это связано с мироощущением лирического героя Богдановича — ясным, светлым, лишенным ущербности. Из архитектурных памятников средневековья внимание поэта привлекают наиболее гармонические создания человеческого гения, они отрадно, успокаивающе действуют на его душу:

Чтоб заживить на сердце раны,
Чтоб освежить усталый ум,
Придите в Вильну к храму Анны,—
Там исчезает горечь дум.
Изломом строгим в небе ясном
Встает, как вырезной, колосс.
О, как легко в порыве страстном
Он башенки свои вознес!

(«Костел св. Анны в Вильне»)

Ясный взгляд героя на мир — одна из отличительных особенностей лирики Богдановича. Это прежде всего бросается в глаза, когда читаешь его произведения, близко соприкасающиеся с творчеством современных ему поэтов. Приведем для примера стихотворение «Зимняя дорога»:

Мчатся кони по снежному полю,
Колокольцы гремят под дугой,
Запевают про долю и волю,
Навевают на сердце покой.
...Поле тонет в вечернем тумане,
Снег блестит, как холодная сталь,

И летят мои легкие сани
И несут меня в синюю даль.

Детали, ритмический рисунок — все это напоминает Блока. Все, кроме интонации и колорита стихотворения. У лирического героя Богдановича нет ощущения катастрофичности бытия. Тревожные блоковские колокольцы здесь — «навевают на сердце покой», легкие сани, которые там летели бы «над бездонным провалом в вечность», здесь уносят «в синюю даль». Мы видим сходство, обусловленное близостью Богдановича к поэзии его времени, но еще резче бросается в глаза различие, которое определяется мировосприятием героя.

Ясность мироощущения выростала отнюдь не из бездумности или узости духовных интересов. «Живешь не вечно, человек, Так проживи в минуту век», — обращался Богданович к своему современнику. «Живи и цельности ищи», — говорит далее поэт. Это — целая программа. Лирический герой Богдановича живет очень напряженной внутренней жизнью. Ему свойственны глубокое раздумье («Порвались в ладонях у бога...», «Была пора: метель шумела глухо...», «Вам, паны, видны далекие просторы...»), философское размышление («Всплыла колония сифонофора...», «Похороны», «Д. Д. Дебольскому»), стремление проникнуть в сущность искусства («Если в раковину темную жемчужницы...», «Здесь мои покоятся чувства...», «Певцу»), он очень остро воспринимает все подъемы и спады своих сердечных увлечений («Из цикла „Эрос“», «Счастье, ты вчера блеснуло мне несмело...», «Муар», «Темноокая пани, конец...»). Этот сплав мыслей и чувств рисует многогранную личность, необычайно цельную во всех своих проявлениях. Одной из главных граней духовного облика лирического героя являются его общественные устремления. «...Чтобы углубить свою жизнь, чтобы наполнить ее достойным содержанием, необходимо выйти из круга узко-личных стремлений, проникнуться интересами более широкого охвата, — интересами общественными»^[45], — писал Богданович, анализируя творчество украинского поэта Самийленко. У самого Богдановича интересы «широкого охвата» были определяющими, лучшие образцы его лирики проникнуты гражданской страстью. Когда Богданович писал в 1915 году:

Звездочка, ты не погаснешь, ясная,
Ты еще родной осветишь край...
Беларусь, невольница несчастная,
Встань и на свободный путь вступай... —

это было не риторикой, а выражением сокровенных чувств. Поэта не пугали надвигающиеся социальные бури:

Приди, гроза, и силой новой
Вей, ветер, с нею заодно!
Под вихрем улетит полова,
Оставит чистое зерно.

Вера в творческие силы народа, в его способность завоевать свободу, вера в светлое будущее своей страны — вот что лежит в основе цельного, прозрачно-ясного мироощущения поэта.

Это тем более примечательно, что в лирике Богдановича звучит много трагических нот. Личная судьба поэта была тяжелой, еще в юности его поразила неизлечимая по тем временам болезнь. Неудивительно, что он много размышлял о смерти, пытался проникнуть в тайну «грозного жребия» («Две смерти»), где все «так просто и так неразгаданно» («Похороны»), чувствовал его приближение:

Набегает оно
Вечерами, ночами,
Открывает окно
И шуршит за кустами...

(«Набегает оно...»)

Но и эта трагическая тема не звучит в творчестве поэта ущербно. «Не властна смерть над тем, кто век живет так вольно», — писал Богданович в одном из своих стихотворений.

Он может всё в бору понять и пережить:

И каждый треск, и стон, и звонкий птичий клекот;
Душе его родным, знакомым должен быть
И гул громов и травки шепот.

(«Как широко в бору разлился вольный шум!..»)

Полнота, яркость прожитой человеком жизни, богатство ощущений, душевных переживаний — вот что противостоит страху смерти, побеждает его.

Я тихо думаю: быть может,
Любовь, лежащая в гробах,
Преодолела смерти страх?
Так спите ж! Вечно на часах
Амур, и грустный и пригожий, —
писал поэт в стихотворении «На кладбище».

Быть может, наиболее глубоко раскрыта эта тема в любовной лирике Богдановича. В стихотворениях, вошедших в цикл «Любовь и смерть» и примыкающих к нему, тема любви тесно переплетается с темой смерти. Это давало некоторым критикам повод сблизить Богдановича с декадентами. Однако именно трактовка темы «любовь — смерть» убедительно показывает, насколько далек Богданович от декадентства. Тема смерти, заложенной в самом счастье любви, тема рока, тяготеющего над женщиной, которой предстоят родовые муки, а возможно, и гибель, сменяется в творчестве Богдановича другой, светлой темой — радости материнства. В смерти, в муках рождается новая жизнь:

Она измучилась. Ей, может, уж не жить,
Но счастьем полон взор страдальицы недавней,
А на ее тугой груди уже лежит
Багровый, тепленький — и чмокает забавно.

Рождение нового человека — самое большое чудо природы, заставляющее «притихнуть» людей, задуматься над свершившимся таинством («Материнское причастие...»).

Тема вечного обновления жизни, материнства сливается в творческом сознании поэта с преклонением перед силой и красотой народной души. Две поэмы — «Вероника» и «В деревне», — объединенные в цикл «Мадонны», рисуют образ девочки, в детском облике которой уже проглядывают высокие черты материнства:

Я мальчика вспугнул; на слабеньких руках
И на ногах он полз по травке у дороги;
Он к няньке — лет восьми — в младенческой тревоге
Спешил, дополз, и вот в подол он тут же к ней,
Как будто жалуюсь, уткнулся поскорей.
И, как склоняется от ветра верх березки,
Так девочка к нему нагнулась, чтобы слезки
Подолом вытереть и словом приласкать,
Чтоб успокоить плач, — совсем, совсем как мать,
И в символ для меня слились живой, единый
С чертами матери — девичий образ дивный...

(«В деревне»)

Поэт вкладывал в этот образ очень широкое содержание. Об этом свидетельствует его прозаический этюд «Мадонна» (1913). Здесь речь идет о Мадонне Рафаэля, о том, в чем заключается секрет ее воздействия на зрителя. Рассказчик (этюд написан в форме монолога, обращенного к автору) говорит о наслаждении, доставленном ему созерцанием картины художника, который, «образ высшей красоты создать стремясь», попробовал «в одном лице слить между собой черты и девственной и материнской красы».

От искусства рассказчик обращается к жизни. Он вспоминает встретившуюся ему в деревне восьмилетнюю няньку (его рассказ совпадает сюжетно с цитированным выше эпизодом из поэмы «В деревне») и подчеркивает, что в этом образе сказались черты русского

народного характера. «Есть, например, прекрасный тип, — шибко я его люблю, — тип хорошей русской девушки. Во многих сказках пробовал народ этот тип обрисовать, в столкновении со всевозможными обстоятельствами разные стороны его изобразить. Но всего примечательнее сказка о братце Иванушке и сестрице Аленушке. Как вы думаете, кто такая Аленушка? Это и есть та самая девочка, о которой я вам сейчас рассказал. Да, именно такая восьмилетняя деревенская нянька... Тут народ свои наблюдения над жизнью выражал... создал образ девочки с материнскими чувствами, — образ, как видите, в серию все тех же Мадонн входящий»^[46].

Хоть это вложено в уста рассказчика, все же ясно — и это подтверждает цикл «Мадонны», — что здесь высказаны задушевные мысли автора. Символ материнства предстает как символ таящихся в недрах народа сил, как залог обновления жизни.

Тема утверждения себя в новом бытии имеет для поэта глубоко личный характер:

Всего больше на свете желаю я,
Чтобы у меня был свой ребенок —
Маленькая дочушка-несмышлениш,
Аня Максимовна...

Мечте этой не суждено было исполниться. Богданович умер в мае 1917 года на двадцать шестом году жизни. Но перед смертью у него не было ощущения, что он не оставил следа на земле. Нельзя не удивляться силе духа поэта, набросавшего перед смертью строки:

В том доме, где глаза закрою,
В краю чудесном у синей бухты,
Я не один — книга со мною
Из типографии Мартина Кухты.

Речь здесь идет о единственном вышедшем при жизни поэта сборнике стихотворений — «Венок». С этой книгой умирающий не чувствовал себя одиноким, ему не так страшна была смерть. Предчувствие не обмануло Богдановича — он остался жить в своих стихах.

* * *

В одной из своих статей Богданович писал о русской культуре: «Ее печать лежит на духовном творчестве любого народа России, она является для них общей почвой, сближая содержание их культур, их идейных и литературных направлений. Поэтому можно с полным правом говорить о намечающемся формировании национальной литературы России»^[47].

В этом процессе сближения культур братских народов деятельность самого Богдановича оказалась одним из самых существенных этапов. В его творчестве демократическая, революционная по духу, глубоко народная по своим истокам белорусская поэзия наиболее близко соприкоснулась с великими традициями русского и мирового искусства. Богданович, как мы видели, широко раздвинул содержание белорусской поэзии, сознательно ставил себе задачу расширить круг ее тем и форм.

Значение этой работы огромно. Поистине титаническим был его труд по внедрению в белорусскую литературу новых поэтических форм. Достижения мировой поэзии — старой и новой, самая изощренная культура стиха — все это стало достоянием белорусской литературы. Богданович как бы стремится доказать, что белорусской поэзии открыты все пути, которыми идет современное искусство. Поэту хорошо были знакомы течения современной поэзии, но не в меньшей степени его интересовало и «наследие прошлого» (так был озаглавлен цикл его стихов, в котором даны образцы различных сложных строфических форм). В белорусской поэзии появились разнообразные стихотворные размеры и самые сложные сочетания стрóf, зазвучали гексаметры, пентаметры, элегические дистихи, александрийский стих, терцины, сонет, триолет, рондо, октава.

Возвращаясь к старым, во многом забытым формам стиха, поэт ставил перед собой задачу придать красоту, гибкость белорусскому стиху, как он объяснил это в своих «Терцинах». Но Богдановичу чуждо было механическое восприятие поэтических форм, он стремился вникнуть в их смысл, понять их назначение. Так, в специальной статье о сонете он глубоко анализирует этот классический вид сложной строфы, стараясь не только описать форму сонета, но и

вскрыть ее внутренний смысл. Он подчеркивает, что «сонетная форма распадается на две отдельные части, что *требует и от содержания* каждой из них как *законченности*, так и *самостоятельности* (курсив Богдановича. — *Р. Ф.*). Если бы оно переплеснуло за край собственной формы, порвало ее рамки и влилось в границы другой части, — красота стиха была бы испорчена; форма и содержание его стали бы чужими... борющимися между собой... Таким образом, хорошо написанный сонет, будто двойной орех, должен прятать под одной скорлупой два отдельные, хоть и сильно прижатые друг к другу ядра... Ввиду этого в первых восьми строчках развивается тема сонета, а в остальном — заключение ее; ставится вопрос и дается ответ; рисуется картинка и дается пояснение к ней»^[48].

Сам Богданович дал ряд блестящих стихотворений, не только внешне построенных по правилам сонетной формы, но и отвечающих ей по характеру своего содержания. Вообще каждую из сложившихся исторически форм стиха поэт воспринимает как средство, способное наиболее точно выразить определенное содержание. Когда он, например, обращается к старинной форме элегического дистиха (двустиише, сочетающее гекзаметр с пентаметром):

Клонится к сумраку день, и становятся тени длиннее;
С болью на вечере лет вспомнится это тебе, —

это не просто эксперимент, а поиски выразительной формы для передачи чувства мягкой, чуть щемящей грусти, вызываемой размышлением о быстротечности жизни. Вообще для Богдановича не существует несодержательной самодовлеющей формы. Интересно напомнить в этой связи о блестящих статьях Богдановича, посвященных творчеству украинских поэтов — Т. Шевченко, В. Самийленко, Г. Чупринки. В тех случаях, когда поэт ставит перед собой узко формальные задачи, показывает Богданович, он достигает крайне ограниченных результатов. Охарактеризовав блестящий талант Чупринки, где «все в ритме, все для ритма», где ритм «гибок, подвижен, изменчив, отливаётся в новые и новые формы, разнообразится цезурами, разрывает нитку метра, рассыпает нанизанные на ней слова, и тогда каждое слово — стих, каждое слово — рифма», Богданович все же приходит к выводу, что это «узкий и несложный талант», ибо «бесконечно комбинируются и переворачиваются на разные лады одни и те же средства, одни и те же приемы. А узостью, ограниченностью приемов диктуется и узость области применения их; во многих случаях они ненужны, в других — бессильны. Смыкается... кольцо, и по ту сторону его остается широкий мир тем, мотивов, чувств, мыслей, настроений»^[49].

По существу та же мысль высказана была поэтом в рецензии на книгу стихов Теофиля Готье «Эмали и камеи»: «В ней очень много мастерства и очень мало поэзии. В старательно отшлифованных стихах не ощущается „веяний духа живого“, все они красивы и холодны... Его книга... жертва на алтарь бездушной красоты»^[50].

Поэтическая техника, работа над конструкцией стиха, которой он отдавался с таким увлечением, имеет для Богдановича смысл только в том случае, если помогает передать живое чувство, вызвать ответную реакцию:

Знай, собрат молодой, что сердца у людей
Тверды, холодны, словно камень,
И неопытный стих разобьется о них,
Не родив в них святого волненья.
Гибкий стих свой из стали ты должен ковать,
Обрабатывать долго, с терпеньем;
Как ударишь — как колокол он зазвенит,
Брызнут искры из грубых камней.

(«Певцу»)

Речь здесь идет не только о поэтической технике, но и об активном отношении поэта к действительности, о творческом воссоздании жизни в искусстве:

Если в раковину темную жемчужницы
Попадет песчинка хоть одна,
Перлом станет там со временем она.
Если в душу западет мне и закружится

Темный, грубый сколок бытия,
В перл преобразит его душа моя.

(«Если в раковину темную жемчужницы...»)

Это поэтическое по форме и глубокое по содержанию лирическое кредо поэта характеризуется в одной из критических работ как дань декадентству, «моде» или мимолетное заблуждение^[51]. Думается, что здесь нет ни того, ни другого, что поэт выразил вполне справедливую мысль о способности художника преображать силой своего таланта явления жизни в перлы искусства.

Работая над стихом, стремясь дать образцы разных его форм, Богданович ставил себе не только творческие задачи. Значение его работы было более широким, и это отчетливо сознавал сам поэт. Интересно собственное его свидетельство на этот счет — мы имеем в виду сохранившееся письмо Богдановича (написанное, по-видимому, в 1912 году), адресованное в редакцию журнала «Молодая Беларусь». Он пишет, что хотел бы опубликовать в журнале цикл стихотворений «Наследие прошлого»: «Он весь составлен из образцов разных старых форм стиха, которыми я заинтересовался, имея в виду не только их красоту, не только улучшение версификаторской сноровки в работе над ними, но и желание привить к белорусской литературе достижения чужеземного поэтического труда, помочь ей получить более европейский вид. Кроме того, фактом их появления хотел я довести возможности нашего языка до самых строгих требований стихотворной формы, ибо я им удовлетворял даже в мелочах, иной раз очень трудных»^[52].

Это признание бросает свет на многие оригинальные и переводные работы поэта. В частности, становится понятным стремление перевести на белорусский язык Верлена, передать на языке, долгие годы считавшемся «хамским», завораживающую музыку верленовского стиха. Надо заметить, что это блестяще удалось Богдановичу.

Далее в письме говорится: «Я искренне хотел бы, чтоб эти стихи имели известное влияние на наших певцов. Поэтому прошу редакцию, если только мои стихи пойдут в печать, поместить вместе с тем и присланный мною краткий очерк сонетной формы».

Поэт четко сформулировал в этом письме задачи, которые ставил себе, трудясь над расширением форм белорусской поэзии. Это было продолжением большого, исторически важного дела, начатого Богушевичем.

Правоту автора «Дудки белорусской» и «Смычка белорусского», утверждавшего, что белорусский язык имеет право на существование рядом с другими языками, что на нем можно и должно создать народную литературу, подтвердила сама жизнь. Призыв Богушевича «сложить музыку» был подхвачен — вслед за его «Дудкой» и «Смычком» появились «Скрипка белорусская» Тетки, «Жалейка» и «Гуслиар» Янки Купалы, «Песни неволи» и «Песни печали» Якуба Коласа. За короткий срок белорусская поэзия прошла огромный путь. Это произошло в эпоху первой русской революции, когда борьба русского пролетариата всколыхнула белорусское крестьянство, когда выросли кадры белорусской народной интеллигенции.

На тесную связь, которая существует между развитием белорусской литературы и появлением в Белоруссии подлинно народной интеллигенции, указал в 1914 году в одной из своих статей Богданович. Он говорит о «широком и многозначительном» процессе формирования «интеллигенции трудовой, то есть крестьянской и рабочей», и связывает с ним оживление национальной жизни различных народностей России: «...Национальные движения — результат творчества народной интеллигенции, народившейся после 1905 года... Глубоко демократическим является и белорусское движение. Созданная им литература не только идет почти исключительно в народ, но и в значительной степени является продуктом деятельности самого народа или, точнее, возникшей в его недрах интеллигенции...»^[53].

Рождение народной интеллигенции в том значении этого понятия, которое ему придавал поэт-демократ, дало мощный толчок росту белорусской литературы. Мужественный голос Якуба Коласа, удивительный лирический талант Янки Купалы, поэзия Богдановича, раскрывшая сложный духовный облик современника, возвестили миру, что вышел на дорогу исторического творчества целый народ, захотевший «людьми зваться». Завершилось дело, начатое Богушевичем, — язык, некогда считавшийся «мужицким», стал языком высокой поэзии.

Творчество белорусских поэтов-демократов принадлежит не только истории. Оно близко современному читателю, оно нашло свое продолжение в современной белорусской поэзии. Советскую литературу Белоруссии питают традиции искусства реалистического, связанного с жизнью и освободительной борьбой народа, традиции поэзии, выросшей из народной песни и воспринявшей все богатства мировой литературы.

Р. Файнберг

«ТАРАС НА ПАРНАСЕ»

© Перевод М. Лозинский

1

Знавал ли кто из вас Тараса,
Что полесовщиком служил?
На Путевище у Панаса
Он возле самой бани жил.
Что ж! Человек он был почтенный,
Горелки даже в рот не брал.
Недаром пан за нрав степенный
Его пред всеми уважал.
Он и у пани был в почете,
И староста не обижал,
Зато уж сам он на болоте
С утра до ночи пропадал.
Чуть свет — он за плечи двустволку,
Топорик за пояс заткнет
Да и уходит втихомолку:
Лес караулит, пташек бьет.
Ходил он много или мало —
Не ведаю, но как-то раз
Беда в лесу его застала...
Вот что рассказывал Тарас:

2

На самого Кузьму-Демьяна
Пошел я в пуцу через мхи;
В то утро я поднялся рано,
Едва пропели петухи.
Иду себе я понемногу
И на пенек в лесу присел.
А тут — лоп-лоп! Через дорогу —
Глянь! — тетерев перелетел.
Навел двустволку — щелк! — осечка.
Щелк снова — то же! Надо ж ведь!
Гляжу: за елью, недалечко,
Как есть хоромина-медведь!
Хоть не трусливый я детина,
А тут затрясся, как осина,
Зубами, как щенок, стучу.

Гляжу — повалена лесина,
И думаю: давай вскочу!

3

Скакнул — да мимо, поскользнулся
И в яму — бух! — в единый мах.
Летел, летел, аж задохнулся
И стало зелено в глазах.
Я много пролетел иль мало,
Того и сам не понимал,
Одно лишь помню: рассветало,
Когда я на землю упал.
Я встал с земли — чего уж хуже:
Весь был в грязище, как свинья,
И про себя дивился дюже:
Где ж это очутился я?
Поскреб рукою возле уха,
Достал рожок, достал табак,
И ноздри напихал тертухой, —
С утра не нюхал как-никак!
Придя в себя, гляжу я — сгинул
Медведь, как будто не бывал.
Ружье я за плечи закинул,
А сам осматриваться стал.

4

Вот диво! Что за край прекрасный!
Ну словно кто намалевал!
Цветы пестреют: синий, красный —
Как будто кто платок постлал.
И пташки есть там — так уж сладко
Поют, изрядней соловья.
Помилуй боже, вот загадка!
Куда же это прыгнул я?
Стоял я долго и дивился
И, рот разинувши, глядел,
Как вдруг откуда-то явился —
Пришел, а может, прилетел —
Какой-то хлопчик, пухлый, томный
И кучерявый, как баран,
А за спиной его огромный
Прицеплен лук был и колчан.
«Куда, отколь дорога эта?» —
Спросил я хлопчика тотчас.
«Дорога эта с того света,
Ведет же прямо на Парнас».

Малец, сказав такое слово,
На крыльях шибко полетел,
Дорогу ж показать толково,
Заторопившись, не хотел.

5

Тут я задумался немного:
«Что это за Парнас такой?»
И напрямик пошел дорогой,
Запасшись толстою клюкой.
Прошел верст девять той дорогой,
Вдруг вижу я — гора стоит;
Под той горой народу много,
Как будто ярмарка кипит.
Прошел поближе — что за лихо:
Народ всё чистый, господа!
Кто голову сломя, кто тихо,
Все лезут на́ гору. Беда!
Как в синагоге, крик несется,
Готов один другого съесть,
Кто побойчей — вперед суется,
Чтоб на гору всех раньше взлезть.

6

И все с собою тащат книжки,
Аж пот с иных ручьями льет,
Тот, рукописи взяв под мышки,
Сильнее всех в толпе орет:
«Полегче, братцы! Не душите
Вы фельетон мой и „Пчелу“,
А самого меня пустите
И не держите за полу!
Не то я прикажу газетам
Обляять вас на целый свет,
Как Гоголя запрошлым летом,—
Ведь я ж редактор всех газет!»
Смотрю и вижу: это сивый,
Короткий, толстый, как кабан,
Плюгавый, дюже некрасивый,
Кричит, как ошалелый, пан.
Мешок его, на плечи вздетый,
Полным-полнёхонько набит,
Он тащит книжки да газеты, —
Как коробейник он на вид!
Товарищ рядом с ним идет,
Тащить он книжки помогает,

А сам грамматику несет,
Что в наших бурсах изучают.

7

Все что-то разом зашумели,
Народ раздался в два конца,
И, словно птицы, пролетели
Четыре добрых молодца.
Вид был у этих не таковский:
Сам Пушкин, Лермонтов, Жуковский
И Гоголь быстро мимо нас
Прошли, как павы, на Парнас.
Ну, словом, много тут народу
Взлезть норовило на Парнас,
Немало и панов и сброду,
Как и на свете здесь у нас.
Промеж людей и я толкался,
Чтобы протискаться силком.
Вот наконец-таки пробрался
И лезу в гору напрямиком.

8

Долез. Гляжу: двор с хатой новой —
Обыкновенный панский двор.
Кругом его забор еловый,
Надежный, не пролезет вор!
А на дворе том свиньи ходят,
Бараны, козы бродят, спят.
И боги, зная, хозяйство водят,
Раз держат столько поросят.
Мальцы парнасские швыряют,
В орлянку дуясь, медяки,
А если деньги проиграют,
Так лупят просто на щелчки.
Полез к богам я в дверь той хаты...
И — охти мне! — ни дать ни взять,
Толкутся боги, как солдаты
В казарме, — и не сосчитать!

9

Тарасу черт-те что сдается.
Он словно в кабаке сидит:
Кто трубку курит, кто смеется,
Кто песню про себя бурчит.
Глядит: на лавочке тачают

Швецы богиням башмачки,
Богини у корыт — стирают
Богам рубахи и портки.
Сатурн, тот, лыки размочивши,
Усердно лапти подплетал:
Немало по́ свету бродивши,
Лаптей он уйму истоптал.
Старик Нептун развесил сети,
Шесты готовит для острог;
При нем его, как видно, дети —
Дырявый чинят неводок.

10

Вот Марс дерется с Геркулесом,
А Геркулес, что твой медведь,
В утеху старому Зевесу
Ловчится — как бы Марса взгреть.
Зевес же, не слезая с печи,
Кафтан под голову подмял
И, грея старческие плечи,
Всё что-то в бороде искал.
У зеркала знай вертит задом
И мажет маслом волоса
Да нос белит себе помадой
Венера — девица-краса.
Амур, тот с девками балует,
Да так, что просто смех берет:
То он украдкой поцелует,
То с головы платок сдерет,
То вдруг на гусях заиграет,
То нимфам песню запоеет,
То глазом этак поморгает,
Как будто он кого зовет.

11

Вот затряслася вся гора:
Зевес на печке шевельнулся,
Зевнул, и смачно потянулся,
И гаркнул: «Есть давно пора!»
Пригожая девчина Геба
Горелки в чарки налила
И, каравай пудовый хлеба
Принесши, — бряк середь стола!
Вот со всего собрались неба,
Как тараканы возле хлеба,
Уселись боги вокруг стола,

И лакомые яства Геба
Таскать из печи начала.

12

Сначала подала капусту,
Потом со шкварками кулеш,
Крупеню, сваренную густо,
На молоке, — бери да ешь!
Кисель со сливками студень;
Из каши сало аж текло,
Да и гусятины пряженой
Изрядно каждому пошло.
Как принесла она колбасы,
Блинов овсяных в решете,—
Так захотелось есть Тарасу,
Что забурчало в животе.
Тянуть горелку боги стали,
Из бочки в чарки так и льют;
Подвыпив, песни заорали,—
Все, словно в кабаке, поют.
Такие Бахус пел припевки,
Что невозможно повторить;
И даже застыдились девки —
Такое стал он разводить.
Зевес так сильно нахлестался,
Что носом землю чуть не рыл,
Глаза прищурил, и качался,
И словно что-то говорил.
Хоть не мое то, правда, дело,
Любил — тут нечего скрывать —
Он грешное потешить тело
И на досуге погулять.

13

Но от стола всё ж боги встали,
Когда наелись, напились.
Тут вдруг на дудке заиграли;
Плясать богини принялись.
Платочек в руку взяв, Венера
Пошла «метелицу» плясать.
Статна, осаниста, — примера
Такой красы не подыскать.
Пышна, румяна, круглолица,
Глаза — быстрее колеса;
Как жар, пылает исподница,
Вся в лентах толстая коса.

Хвативши чарочку горелки,
Амур совсем повеселел, —
Играть он начал на сопелке
И девкам стройно песни пел.
Нептун с пригоженькой наядой
Пошел вприсядку казака;
Как видно, у седого гада
Кровь, как у мóлодца, жарка.
А старый хрен Юпитер с Вестой
Пошел отплясывать — да как!
Ну впрямь жених перед невестой, —
Заткнувши руки за кушак.
А тут и Марс вошел в охоту,
Сапог он, видно, не щадил:
Он с нимфами плясал до поту,
Играл, смеялся и дурил.
И каждый бог так расплясался,
Что невозможно удержать,
А кто горелки нахлебался,
Того под лавку клали спать.

14

Как заиграл дударь плясуху,
Тут наш Тарас не утерпел
И с лавки он, что было духу,
Плясать по хате полетел.
Такое он порой отхлопнет,
На удивленье всем богам:
То он присвистнет, то притопнет,
Пойдет вприсядку тут и там.
Глядел Юпитер, и дивился,
И в лад с дудой в ладоши бил.
Потом к Тарасу протеснился
И так его остановил:
«Да ты откуда, приятель?
Зачем явился на Парнас?
Ты кто такой? Ты не писатель?»
— «Нет, мой панок! — сказал Тарас. —
Я полесовщик с Путевища.
Чуть свет сегодня со двора.
Добрел досюда, лесом рыща,
Да и домой уж мне пора.
Уважь меня, паночек, лаской:
Нельзя ль домой меня провесть?
Ходивши по горе Парнасской,
Мне больно захотелось есть...»

«Кивнул Зевес, и мигом Геба
 Похлебки в миску налила
 И добрую краюху хлеба,
 Сказавши: „Ешь“, мне подала.
 Похлебки досыта наевшись,
 Поклон отвесив всем вокруг,
 Я, за плечи кошель надевши,
 Собрался уж идти, как вдруг
 Меня зефиры подхватили,
 Кто за руку, кто за кушак,
 И, словно птицы, потащили
 Через весь Парнас, да шибко так.
 Несли на крыльях, будто ветер,
 И прямо принесли в наш лес.
 Гляжу: уже, должно быть, вечер —
 Вон месяц на небо полез...»
 С тех пор Тарас уж не гуляет
 Чуть свет, как прежде, по лесам
 И людям добрым не мешает
 Таскать лесины по ночам.
 Так вот что видел наш Тарас,
 К богам взобравшись на Парнас.
 Он мне всё это рассказал,
 А я в тетрадку записал.

Начало 1840-х годов

ПАВЛЮК БАГРИМ

Павлюк Багрим родился в местечке Крошин Минской губернии в 1813 году в семье крепостного крестьянина. Он батрачил, учился в начальной школе, рано начал писать стихи. Когда отца Багрима за участие в «бунте» против крошинского помещика арестовали (впоследствии его казнили), при обыске были изъяты тетради Павлюка. Записанные в них стихотворения носили резко выраженный антикрепостнический характер. Автор их в наказание был отдан в солдаты. Отслужив срок, двадцать пять лет, Багрим вернулся в Крошин, где работал кузнецом. Умер он около 1891 года.

Тетради, в которых были записаны стихи П. Багрима, пропали. До нас дошло только одно стихотворение поэта, да и то благодаря случайности — оно было опубликовано в книге неизвестного польского автора «Рассказ о моем времени, или Литовские приключения» (Лондон, 1854).

«Гей, берись, парнишка малый...»

© **Перевод Д. Бродский**

Гей, берись, парнишка малый,
 За скрипочку, за цимбалы,
 Я ж на дудке заиграю,—
 Ведь Крошин я покидаю.
 Там, в Крошине, пан-мучитель,
 Палками забит родитель,
 Тужит мать, в слезах сестрица,
 Так куда ж теперь пуститься

Мне, бедняге? Воля божья!
Закачусь я в бездорожье,
Вурдалаком обернусь,
На прощанье оглянусь,
Да и в ноги поклонюся
Матери, старухе милой:
«Каб меня не породила,
Каб меня ты не вскормила,
Тебя горе б не томило...
Кабы я орлом родился,
На панов бы не трудился!
И на барщину б не гнали,
И в солдаты б не сдавали...
Пастушком не век мне быть,
А в солдатах трудно жить.
Вот и вырасти боюсь:
Где же, бедный, обернусь я?
Ой, кожан, жалею я,
Что не сел ты на меня,
Чтобы ростом был я мал
И в солдаты не попал».

ВИКЕНТИЙ ДУНИН-МАРЦИНКЕВИЧ

Викентий Иванович Дунин-Марцинкевич родился в 1807 году в усадьбе Панюшкевичи, Бобруйского уезда, Могилевской губернии, где его отец, небогатый шляхтич, арендовал помещичью землю. Гимназическое образование Дунин-Марцинкевич получил в Бобруйске. В 1824 году он поступил на медицинский факультет Петербургского университета, но вскоре оставил его, не сумев привыкнуть к занятиям в анатомическом театре. В 1827 году Марцинкевич вернулся в Белоруссию. Он получил место чиновника в Вильне, а с 1831 года — в Минске. В 1839 году Марцинкевичу удалось купить небольшую усадьбу Люцинка в Минской губернии. Он поселился в деревне, добывая средства к жизни частной юридической практикой.

Литературная деятельность Марцинкевича началась в 1840-х годах. В 1846 году была издана его комедия «Крестьянка». В 1852-м она была впервые поставлена на сцене (музыку к комической опере написал известный польский композитор С. Монюшко). В этом спектакле, поставленном в Минске кружком любителей сценического искусства, выступил с большим успехом сам автор. Его дом стал своеобразным центром, где встречалась белорусская и польская художественная интеллигенция. Марцинкевич был дружен с композитором Монюшко, с польским поэтом В. Сырокомлей и другими. В 1850-х годах выходит несколько сборников стихотворений и поэм Марцинкевича.

Судьба писателя, сложившаяся поначалу удачно, резко изменилась в дни восстания 1863–1864 годов. В 1863 году была арестована, а затем выслана в Соликамск дочь Марцинкевича Камилла. В 1864 году был арестован и сам Марцинкевич. До недавнего времени считалось, что он пострадал из-за дочери, что предъявленные ему обвинения не имели под собой оснований. Исследования последних лет пролили новый свет на эту страницу биографии писателя^[54]. По-видимому, Марцинкевич действительно был связан в какой-то степени с участниками восстания. «Дело о помещике Марцинкевиче, который рассылал в западные губернии бунтовщические воззвания к литовцам», было заведено в Петербурге в III Отделении царской канцелярии в 1863 году. Поводом послужило донесение агента, что Марцинкевич является автором «возмутительного» воззвания, присланного кем-то в марте 1863 года из Бобруйска виленскому предводителю дворянства. Осведомитель писал в донесении, что Марцинкевич написал также агитационное произведение на народном наречии — «Беседа старого деда», что он вообще человек опасный, имеет большое влияние на крестьян. Трудно сказать с уверенностью, что из этих сведений соответствует действительности. Когда в 1864 году Марцинкевича арестовали и предъявили обвинения в распространении между крестьянами вредных идей, в издании возмутительных сочинений и в подозрительных разъездах по западным губерниям, он все начисто отрицал, а свои частые поездки объяснил необходимостью заниматься частной юридической практикой. Ему удалось через год получить свободу, правда относительно: за Марцинкевичем был учрежден «строгий гласный», «без срока» полицейский надзор.

С декабря 1865 года писатель до самой своей смерти — он скончался в 1884 году — безвыездно прожил в Люцинке. Его попытки вырваться оттуда хоть на время терпели крах. В 1866 году он просил позволения выехать по делам одного своего клиента, писал отчаянные прошения минскому губернатору и виленскому генерал-губернатору, объясняя, что невозможность заниматься юридической практикой лишает его средств к существованию, — в ответ он получал только отказы.

В эти годы своеобразного заточения Марцинкевич организовал в Люцинке небольшую школу для крестьянских детей. По свидетельству современников, он много в это время писал, хотя и не имел надежды опубликовать свои произведения. Рукописное наследие писателя не сохранилось — оно погибло при пожаре^[55].

При жизни Марцинкевича были изданы его сборники: «Вечерницы» («Вечарніцы»), Минск, 1855; «Гапон» («Гапон»), Минск, 1855; «Интересуешься — прочитай» («Цікавішся — прачытай»), Минск, 1856; «Дударь белорусский, или Всего понемногу» («Дудар беларускі, ці ўсяго патроху»), Вильна, 1857. Три поэмы, не увидевшие света при жизни автора, были опубликованы в белорусских журналах в 1945–1946 гг.: «Травица братец-сестрица» («Травіца брат-сястрыца»), «Былицы. Рассказы Наума» («Быліцы. Расказы Наума»), «Халимон на коронации» («Халімон на каранацыі»). Лучшие произведения писателя — сатирические комедии «Пинская шляхта» и «Сватовство» — увидели свет только после Октябрьской революции.

КУПАЛА

Повесть

© Перевод В. Рождественский

1

Солнышко на небе за холмы заходит,
Тишину ночную миру предвещает,
Из-за тучек месяц бледный выплывает,
Соловейка в роще песенку заводит,
Поспешают люди добрые до хаты,
Там и тут шагает с ними вол рогатый.
Пастухи скотину в хлевы загоняют,
На рога ей девки венки надевают^[56].
В Лощице^[57] сегодня гомон и забота,
Словно пчелы в улье, гудят божьи люди.
Ярмарка ли завтра здесь в селеньи будет
Или подоспела срочная работа?
Может быть, то свадьба? Праздник

долгожданный?

Или воскресенье, отдых, всем желанный?
Ярмарки не видно, воскресенья нужно
Ждать еще, а праздник всё еще далеко.
Только за корчмою собралась здесь дружно
Молодежь селения — деревцо глубоко
Посреди лужайки в землю закопала,
Целый стог сухого лозняка скосила,
Старыми лаптями плотно обложила,
Чтоб повеселиться, как придет Купала.
Иван-день подходит! — так и ксендз вам скажет,
А пока с работы пусть мужик приляжет,
Пускай на полатях часик отдохнет.
Праздновать Купалу нас отцы учили.
Вот уж на лужайке огни запалили,
Дружно мы закусим тем, что бог пошлет.
«Давай нам, хозяйка, скорей поросенка,
Принеси из клетки пирожок, девчонка,
Не забудь шинкарке пяточок отдать,
Чтобы нацедила нам горелки пляху,
А пойдешь обратно, позови и сваху,
Чтобы шла Купалу на село встречать!» —

Так старенький Апанас
Говорил Купалы ради,
А Кулина в добрый час
Жарит, варит — и оладьи
У старухи, у молодки
Знай летят со сковородки.
Янка — шустрый паренек,

Апанасу он внучок —
Притащил пирог из клетки, —
Помогают бабе дети.
Молоденькая Агатка,
Как малина, ладна, гладка,
Волос щеткой причесала,
Свой платочек повязала,
Безрукавочку надела
И к корчмарке полетела.
По дороге, за горой,
Утомилась, знать, бедняжка.
Белой девичьей рукой
Грудь прикрыла — сердцу тяжко.
Стало ей тревожно вдруг,
Озирается вокруг.

Рос густой орешник там неподалеку,
В зарослях нежданно лист заколыхался,
И тогда вздохнула бедная глубоко:
Парень перед нею стройный показался
В зеленой сермяжке панского покроя,
Воротник обтянут бархатной тесьмою,
Серенькая смушка шапку окаймляет,
А платочек шейный красками играет.
Быстро огляделся зорким синим оком
И по-лисьи хитрым, воровским подскоком
Прямо к ней, к Агатке. Девка покраснела,
Пот прошиб бедняжку, сердце обомлело.
«Сизая голубка! Милая Агатка!
Что ж, моя родная, радость-ненаглядка,
Ты так запоздала? Долго ждал тебя я.
Сторожил ли батька? Или матка злая?»
— «Нет, мой батька добрый, мать еще добрее,
Не обидят дочку, всех я им милее.
Бог хранит девчину да добрые люди.
Так они твердят мне: бог судить нас будет,
Дочек непокорных строго он карает.
Так и ксендз в костеле народ поучает».
— «Что с тобой сегодня? Расскажи, в чем дело?
Или ты, голубка, сердцем охладела?
Иль моей любовью ты гнушаться стала?
Иль вмешался Савка, хам, каких здесь мало?»
— «Грех вам так над Савкой, паныч, издеваться!
Бедняку с тоскою, паныч, не расстаться!
Бродит он за мною, тяжело горе носит,
Чтоб к венцу с ним стала, на коленях просит.
Если бы, паныч, я вас не полюбила,
С ним была б счастливой, с горя б не тужила.
Надо ж! — в час недобрый паныч навязался,

В бедное сердечко невесть как забрался!
Забыла я Савку, забыла и бога,
На душу, как камень, налегла тревога:
Паныч меня сгубит, клясть селяне станут,
Трудно на свет божий мне от срама глянуть».
— «Чтоб тебя сгубил я, любить перестал?
Тебя обесславил? Горе навязал?
Нет, уж так не будет. Бог мне в том порукой!
За обман жестокий он карает мукой.
Знаешь, как, голубка, надо поступить,
Чтоб нас злые люди не могли судить?
Выходи за Савку — станешь молодлица,
Тогда злые сплетни — только небылица.
Мы любить друг друга так же дальше будем,
Станем жить счастливо, на завидки людям!»
 Как она узнала о такой науке,
 Тотчас, как осинка, вся затрепетала,
 И вздохнула тяжко, заломивши руки,
 Горькими слезами заливаясь стала.
 После смутным взором парня оглядела
И такие речи завела с ним смело:
«Для того ль в несчастной родилась я доле,
Чтоб такие бредни слушать поневоле?
Бог меня карает, что ветреной стала,
Любящее сердце долго отвергала.
Ты, паныч, любовью хочешь забавляться.
А не лучше ль будет со мной обвенчаться?»
— «Что с тобой, Агатка? Говоришь не дело,
Выпила ты, что ли, или одурела?
Шляхтичу — на дочке мужика жениться?
Мне бы со своими тогда не ужиться!
Ведь мои меня бы на смех поднимали
И, как злой собаки, все чураться стали».
— «От меня не будут свои отрекаться,
Родные клясть дочку, соседи чураться,
Что живу в позоре с панычем я вместе?
Вам ведь мало дела до девичьей чести,
Ведь мужик негодный — не важная птица,
Всякий над мужичкой может наглумиться.
Но и мужика ведь мать породила,
И его, как шляхту, укроет могила.
Спасибо, паныч, вам за любовь и вниманье,
Милее мне Савка и в мужицком званье.
Он ведь не захочет девушку сгубить
И всем сердцем будет век меня любить!»
Так наша Агатка милому сказала,
Хоть слеза при этом по лицу скатилась
И в груди, как молот, сердце вдруг забилося,

А тоска на душу, словно камень, пала.
Девушке ль разумной не бояться бога?
Словно от злодея девка от милого
Козочкою быстрой дальше убегает.
Пусть ее остаться писарь умоляет,
Уж она далеко — застлан взор слезою,
Потому что сердце облилось тоскою.

2

На лужайке, за корчмою,
Собираются толпою
Люди с целого села:
Бабы, старцы, молодницы,
Хлопцы, красные девицы,—
Вся округа подошла.
В кучу сучья навалили,
Оттопками^[58] подпалили —
Пламя до неба встает.
Вокруг деревца средь луга,
Торопя, зовя друг друга,
Девки стали в хоровод,
А хозяйки, молодницы
Принесли стол из светлицы.
Перед этим деревцом
Стол поставили, обмыли,
Белой скатертью накрыли,
Яств наставили кругом.
Химка ставит фунтик сала,
Наста колбасу достала,
А Кулина свой припас.
Ставит с варевом тарелки,
Наливает жбан горелки —
Вот какой наш Опанас!
Домна бедная в подоле
Тащит хлеб и плошку соли,
Кто что может ставит тут,
Ради праздника Купалы
С каждой хаты старый, малый
Снедь на общий стол несут.
Всё для праздника готово!
Уж пора бы сесть толково
Вместе, дружно за еду.
Но кого ж там ожидают?
Кого песней прикликают,
Сложенной в таком ладу?
«Солнце греет —
Колода преет.

Солнце печет —
Колода течет».

Встали девки в круг немалый
Возле деревца Купалы,
Водят ладный хоровод.
Все сплелись они руками,
Пляшут дружными рядами,
И рекой с них льется пот.
Веселиться всем им сладко.
Между ними и Агатка,
Хоть в глазах туман осел.
Савку взглядами милует,
Кулаком под бок чествует.
Хлопец наш повеселел.
А соседки Акулины
Смотрят на задор девчины:
«Надо счастья пожелать!»
Стрекотухи ж молоденьки
Стали песню веселеньку
Дружно, громко припевать:
«Сегодня у нас Купала!
Вот как! Вот как!
Сам бог костер запалил
Вот как! Вот как!
И всех святых пригласил.
Вот как! Вот как!
Только нет Ильи с Петром.
Вот как! Вот как!
Пошел Илья возле жита.
Вот как! Вот как!
Чье это жито растет выше да гуще?
Вот как! Вот как!
Апанасово жито всех гуще да лучше!
Вот как! Вот как!
Апанас будет пиво варить.
Вот как! Вот как!
Горелку гнать.
Вот как! Вот как!
Дочку замуж выдавать.
Вот как! Вот как!»
Кто же там бредет — взгляни-ка! —
По тропиночке, полями?
Это Халимон Наклика,
Окруженный свояками,
Ведут старого под ручки
Дружно правнучки и внучки.
И сыны здесь пожилые,
И внучата здесь малые.

Сиз, как голубь, старый ноги
Еле тащит по дороге.
С бородой по пояс длинной,
По лицу бегут морщины,
Всех старее стариков,
Отмахал он сто годков.
Только увидали деда,
Смолкла всякая беседа,
Встали все пред стариком,
Дружно гостя привечают,
Проводя к костру, сажают
Угощаться за столом.
Дед всем низко поклонился,
Широко перекрестился,
Божий дар перекрестил,
Принял с глиняной тарелки
Чарку полную горелки
И соседа перепил.
Пей! — была бы лишь охота,
И пошла вокруг работа.
Чарка ходит по рукам,
Глянь — уже горелки мало,
И бутыль порожней стала,
Выпить нечего гостям.
Девки наскоро поели,
Друг за дружкой полетели
Через тот костер скакать.
Не одна из них рукою
Закрывается от зноя,
Но не хочет отставать.
И девчата с молодцами
Вновь переплелись руками —
Веселись, кружись, народ!
Деревцо вокруг обступили,
В хоровод всех заманили,
Каждый к песне пристаёт:
«Через горку есть три стежечки,
 Боже наш!
По тем стежкам шли три девушки,
 Боже наш!
Одна шла в золоте,
 Боже наш!
А другая шла в бархате,
 Боже наш!
Третья шла одета разумом,
 Боже наш!
Та, что в золоте, — Максимовна,
 Боже наш!

Та, что в бархате, — Яничкова,
 Боже наш!
Я золота накоплю,
 Боже наш!
Я коня на него куплю,
 Боже наш!
А разума где мне взять, где мне взять?
Боже наш!»
А как все приутомились,
Деду в пояс поклонились,
Чтоб язык он развязал,
Чтобы все недолго ждали,
Чтоб рассказ он о Купале
Складной речью начинал.
Старый бороду погладит
И внучат к себе подсадит.
Кашлянув разок-другой,
Увидав, что в круг все сели
И как будто онемели,
Так рассказ начал он свой:

3

«Учил меня батька — счастье иль тревога,
А всякое дело начинай от бога!
И мы сперва, детки, бога вспомянем,
А потом уж были сказывать станем!»
И привстал тут старый, на внучат оперся,
На сырой землице крестом распростерся,
Сотворил молитву, встал и, севши снова
На прежнее место, так он начал слово:
«Раньше — сотен десять будет тому лет —
Не таким уж хитрым был наш белый свет.
О христовой вере люди и не знали
И невесть каких там святых поминали.
В царстве, где литвинов кормила их нива,
Родичи Ольгерда княжили счастливо...

.....

.....

Как-то в Рудабелке^[59] людям было надо
Всей семьей собраться пред капищем Лада^[60],
День его прославить, ему помолиться,
Милости и счастья от него добиться,
Чтобы был достаток и в клети, и в поле,
Чтоб жених с невестой жили в доброй доле,
Чтоб роились пчелы, ладно шла охота,
Кони б не болели, спорилась работа.
Огни богу Ладе ярко запалили,

Всякой снеди Ладе много наносили,
Ладан закурили — так что дым столбами,
Молят истукана, клонятся рядами,
Женщины — налево, мужчины — направо.
Идолу молитва и, как богу, слава.
И тогда три девы, девы — чудо божье,
Вишенки алее, как цветы пригожи,
За руки взявшись, в капище проходят;
Молодые пары с них очей не сводят.
Первая в золоте — это Максимова,
Вторая в бархате — это Василькова,
На третьей юбка снега белее,
Личиком пригожим всех она милее!
Третья хоть в сермяжке — да умом богата.
К ней скорее Янка засылает свата.
Та, что в золоте, — панская дочка,
Жениха добыла, Князева сыночка.
Та, что в бархате, достатком чуть хуже,
Паныча вельможного берет себе мужем.
Третья, Катеринка из крестьянской хаты,
Даром что мужичка — хоть царю в палаты.
Все и вышли замуж в светлый праздник Лада,
Все сыграли свадьбу по чину, как надо.
Счастье досталось, да не каждой паре.
Князева женка такого наварит
Мужичонку пива и так докучает,
Что он свою долю часто проклиняет.
А панская женка? И та не святая.
Только муж из дома — она приглашает
Друзей закадычных, несет угощенье.
Так и промотала мужнино именье.
У третьей, Янычковой, достатка не много,
Но она всё трудится и боится бога;
Тихая, покорная, мужу верной будет,
И за сердце доброе ее любят люди.
Жила она с мужем хорошо, богато,
И запас был в клети, и в достатке хата.
Хлеб она охотно с бедными делила,
Не одна в селеньи мать ее хвалила
За то, что и нищих не гнушалась хаток,
Где травой целебной лечила ребяток.
А коль где-то ведьма скотину губила,
Пашню заклинала, молоко доила,—
Она, как знахарка, отведет напасти.
Столько она людям раздарила счастья,
Что ее давно уж все святой прозвали
И земным поклоном на пути встречали.
В чистоте, девчата, жить она старалась,

Часто на рассвете в ручейке купалась,
Каждый день сорочку белую меняла,—
Вот пошел откуда праздник наш — Купала!
Как она скончалась, люди горевали,
День тот днем Купалы от души назвали.
Дедовы вам речи слушать не досада.
Гнаться за избытком, деточки, не надо.
Работайте честно, гóспода хвалите
И панов хороших, как братьев, любите.
Вот всё ваше дело! Ну а вы, девчата,
Родителей старых почитайте свято,
Честь свою храните, а бог милосердный
Даст тогда вам счастья и добыток верный!»
Только дед окончил, над землею ало
Солнышко родное в небе засверкало.
Люди улыбались, веселясь душою,
Шли к своим хозяйствам дружною толпою —
Кто кормить скотину, чтобы выгнать в поле,
Кто взглянуть на всходы, погулять на воле,
Посмотреть на жито, что уже доспело.
Дружно в честь Купалы песня полетела.
Какая ж там пара у деревца встала?
То наша Агатка Савке обещала,
Что к венцу пойдет с ним и верною будет,
А писаря злого навек позабудет.
Бог ее услышал, с неба внимая,
Дал благословенье, словно мать родная.

10 сентября 1855

**СТИХОТВОРЕНИЕ НАУМА ПРИГОВОРКИ
НА ПРИЕЗД В ГОРОД МИНСК АПОЛЛИНАРИЯ КОНТСКОГО, ВЛАДИСЛАВА
СЫРОКОМЛИ И СТАНИСЛАВА МОНЮШКО**

© Перевод С. Ботвинник

Засияли три звездочки в час для нас счастливый!
Залетели три сокола да на нашу ниву!
Не звездочки ж то небесные, что ярко мигают,
Не соколы, что широко бушуют на воле,
А три дударя прибыли, — так поют, играют,
Что ангелы надивиться не в силах уж боле!
Один дударь с ляцкой нивы, то ж братская нива!
Другой с витовой усадьбы, — как родные схожи!
Гости это дорогие, говорить тут что же,
Сердцем их, душой примите, — милые, то ж диво!
Дударь третий между нами рос, как брата знаю,
Ему Минская земелька — словно мать родная!
Как смычком один потянет по своей скрипице,
Слезы сладостные брызнут, словно из криницы;
Душа жаром обольется, от роскоши млеет,
Словно чарка на работе, нутро обогреет.

Другой дударь как затынет под волюнку песни —
Тут и добрый пан заплачет, я с ним плачу вместе:
С губ его летят словечки, как цветы, пригожи.
Перцем-правдой, словно сталью, рубит на свет божий.
Что ж звенят дударя песни, как у соловейки?
Под свою все песни дудку, из родной семейки!
Дударь третий свои песни от души затынет,
Беды и горе сразу забудешь, всяк веселым станет.
Так печальные он думки сладко запеваает,
Что за сердце, как клещами, деточки, хватает!
Вам досадно, чужеземцы, завидно, панята!
Что славянская земелька разумом богата;
Вы б хотели все таланты — и свои и наши,
Словно саранча на ниве, скушать вместе с кашей.
Не дожидаться ж вам, премудрым, — наши нивы святы,
Великими дударями счастливы, богаты!
Соколам трем бейте ж челом, хлопцы, молодежи!
Каждый цветик — с отчих веток славянской землицы!

25 октября 1856

ЯНКА ЛУЧИНА

Иван Люцианович Неслуховский (псевдоним «Янка Лучина») родился 6 июля 1851 года в Минске, в семье адвоката. В 1870 году, окончив курс в Минской классической гимназии, он уехал в Петербург и поступил на математический факультет университета. Сведений о пребывании Неслуховского в Петербурге сохранилось очень мало. Известно лишь, что материальное положение семьи вынудило его представить университетскому начальству «свидетельство о бедности» и просить об освобождении от платы за слушание лекций. Известно также, что к концу первого курса юноша должен был заново решать вопрос о выборе профессии — он решил не сдавать переводных экзаменов и в августе 1871 года обратился к ректору с просьбой уволить его из университета, ссылаясь на желание поступить в число слушателей Технологического института^[61].

В 1876 году Неслуховский окончил Технологический институт. Он получил диплом инженера-технолога, а в 1877-м — назначение в Закавказье. Вскоре ему было предоставлено место начальника Главных железнодорожных мастерских Закавказской дороги. Об этом периоде жизни Неслуховского свидетельств не осталось. Можно лишь предполагать, что в железнодорожных мастерских он познакомился с Горьким, который работал там в начале 1890-х годов. «Я лично знал его», — сказал о Лучине в 1929 году Горький членам встретившей его по приезде в Советский Союз белорусской рабочей делегации^[62].

Неслуховский не потерял связи с Белоруссией, часто приезжал в Минск, сотрудничал в белорусских изданиях. Когда тяжелая болезнь вынудила его оставить службу в железнодорожных мастерских, он поселился в Минске, где получил работу в техническом бюро Либаво-Роменской железной дороги. Здесь прошли последние годы жизни поэта. Он скончался в 1897 году.

Интерес к литературе пробудился у Лучины рано. Еще будучи гимназистом, он занимался изучением белорусского языка и белорусского фольклора, участвовал в фольклорных экспедициях этнографа П. В. Шейна^[63]. Впоследствии он продолжал работать в этой области, исследовал белорусскую батлейку (народный кукольный театр), напечатал о ней статью в этнографическом журнале «Висла». Стихи Неслуховский писал на белорусском, польском и русском языках. В 1880–1890-х годах он сотрудничал в газетах «Минский листок», «Северо-западное слово», в альманахе «Северо-западный календарь», в журнале «Висла». Имеются сведения, что незадолго до смерти у писателя возникло намерение организовать белорусский театр; пробовал он основать белорусскую газету, но позволения на это не получил.

Сборник стихотворений Янки Лучины «Вязанка» был впервые издан, по некоторым сведениям, при жизни автора, в 1891 году. Издание это пока не обнаружено. Нам известно

лишь издание «Вязанки», вышедшее в 1903 году в Петербурге, уже после смерти писателя. Многие из написанного им Лучина не мог опубликовать: его стихотворения распространялись в рукописях. Эти материалы пока не найдены, так же как не разыскан и архив поэта.

«Не ради славы иль расчета...»

(Написано на русском языке)

Не ради славы иль расчета
Предпринимаем мы «Листок».
Святая истина — забота
И цель его печатных строк:
Служить стране глухой, забитой,
Где мрак невежества царит,
В лачуге где, соломой крытой,
Мужик печально дни влачит,
Где деревянною сохою
Он заменил железный плуг,
Где почва скудная порою
Родит едва-едва сам-друг,
Где до весны еще с овина
На корм солому оберут,
А для еды себе с мякиной
Крестьяне хлеба напекут,
Где нет ни спроса, нет ни сбыта,—
Всегда у всех пустой карман,
И вместо честного кредита
Один подлог, гешефт, обман,
Где не найдете вы торговли,
Хотя повсюду у ворот
Поставлен фактор ради ловли
Того, кто честно жизнь ведет.
Пускай же слово вместе с делом
Послужит в пользу всей страны;
Пускай в селеньи запустелом
Луч засияет новизны!
А может быть, найдется семя,
На почву эту упадет
И облегчит нам наше бремя,
И плод обильный принесет.
Тот, кому дорог край наш бедный,
Тот будет брат наш и друг,
Кто же не ценит в грош его медный,
К нуждам нашим кто глух,
Скажем тому мы тогда — не ищите
В «Листке» ответа на спрос или клич,
Там вы найдете, уже не взыщите,
Едкой сатиры лишь бич!

<1886>

**ВСЕЙ ТРУППЕ ГОСПОДИНА СТАРИЦКОГО
БЕЛОРУССКОЕ СЛОВО**

© Перевод С. Ботвинник

Спасибо вам, братья, друзья благородные,
За ваши хватские песни народные,
За деревенское слово толковое,
За правду светлую, за правду новую!
Давно не слышали мы братского голоса,
И наша нива, колос по колосу,
Ветром развеяна, градом побитая,
Встала бездольная, богом забытая...
Иль то над Неманом, иль то над Шчарою
Иль над Днепровской заводью старую —
Всюду похожие, всюду знакомые
Сказки и песни, ветром несомые.
Встретят повсюду хлебом и солью,
Словом сердечным встретят, слезами
Песню святую, что писана болью,
Всюду охотно пойдут за вами.
Братцы, сестрицы! Правдой не сыты
Отчие земли! Ой, не забыта
Слова родного святая сила!..
С нами повсюду она до могилы!
Ее ведь слышит наша сторонка!
Пойте же, братцы, смело и звонко:
Не сгинут песня и Украина!
Будьте здоровы!

Янка Лучина.

1887

**ПО ПОВОДУ 100-ЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛОРДА БАЙРОНА
(Написано на русском языке)**

Прошло сто лет, как гордый гений
На божий появился свет.
С тех пор среди наших поколений
Таких умов, ни песен нет.
Всю горечь жизни, тяжкой доли
Он в век недолгий испытал.
И в песнях жгучей, страшной боли
Его явился идеал.
Те песни знают все народы
От севера, где среди льдин
Полярные бушуют воды,
До стран, где зреет апельсин.
Вторило звукам тем на лире,
Огонь поэзии брало в ней
Поэтов много лучших в мире,
Их песнь звучит до наших дней.
Всего ты света достоянье,
Разочарованный певец!
Всемирны песни и страданье
И с тернием лавровый венец.

«За горы солнце садится...»

© Перевод С. Ботвинник

За горы солнце садится,
 В лесу потянулись тени;
 Уже вдали золотится
 Стреха на старом строеньи.
 Вот ветер теплый от речки
 Доносит запах живицы,
 Цветов полевых и гречки,
 И бормотанье криницы.
 Как тихо! Порой у потока
 Кулик свистит на полянке;
 Только далёко, далёко
 Слышу я шум гулянки.
 Знать, рады забавам, пенью,
 Знать, веселятся богато,
 Толкуют старцы селенья,
 Танцуют хлопцы, девчата.
 Так что ж по лесу, по полю,
 Как волк, брожу одиноко
 И тихо кляню я долю,
 Печалью полон глубокой?
 Или не схож я со всеми?..
 Людей отчего дичусь я?
 Ой, жаль, тоскую всё время
 По милой зорьке — Ганусе!
 Старик богат — достается
 Ему Гануся-отрада,
 Я нищ — мне стыд остается,
 Людского бегу я взгляда!
 Только меж елей березы
 Бегут по лесу, как сваты.
 Мой голос грустный и слезы:
 Гануся, зорька моя ты!

<1889>

«Не я пою — народ божий...»

© Перевод С. Маршак

Не я пою — народ божий
 Придал песне лад пригожий.
 Со своей землей родною
 Цепью скован я одною.
 Скован с ней по доброй воле,
 Будь то в доле иль в недоле.
 Если же случится горе,
 Плачет сердце, братьям вторя.
 Слышу ль радостные вести —
 Рад и я с народом вместе.

Шлет мне весть любая хата,
Говорит мне сердце брата.
Радость, счастье, грусть людскую
Глубоко в груди ношу я,—
Пусть взойдут весною ранней,
Точно травка на кургане!

<1891>

ПОГУДКА

© Перевод Г. Семёнов

С песенками, читатели, несмело пред вами
Предстаю с открытым сердцем... Шутками, слезами
Складывалось то, что после от слова до слова
На бумагу в час раздумья легло бестолково.
Может, сколь-нибудь забавы с этих песен будет?
Пускай судят добры люди, да по-братски судят.
Средь лесов, по сенокосам сумел собирать я
Вязаночку небольшую вам в подарок, братья!
Насбирал не для корысти и не ради славы,
Попросту — как в день Купалы собираем травы,
Никому не помешает минутка веселья.
Я не брал, остерегался поганого зелья,—
Удалось ли остеречься? То ли зелье знаю?
Годен ли подарок малый родимому краю?
Думки эти мучают душу у вашего брата.
Если виноват — простите!..

Чем хата богата!..

<1891>

СТАРЫЙ ЛЕСНИК

© Перевод Н. Браун

«Панок дорогой, не суди меня строго,
Дай пороху старому Гришке немного!..
Беда налетела на нашу сторонку,
И нашего лучшего жеребенка
Медведь-стерва... волки б скорей его съели!..
В лесу задушил да кинул возле ели!..
Ах, боже! Вот конь был бы через два года,
А что же теперь? — только горе-невзгода!
Дай пороху».

Так, чуть живой, нездоровый,
Просил пана старый охотник дворовый.
«Зачем?»

— «Чтоб от вора не осталось и духа,
Его угощу я из ружья да в ухо!»
— «Что ты, Гришка, с ума сошел?»
— «Нет, слава богу!»
— «Как же на медведя ты?.. Еле тянешь ногу,
Словно в лихорадке, дрожат твои руки».
— «И сам я не знаю... Если ж плачут внуки,

Если криком, шумом полна наша хата...
Где еще такие найдутся жеребята?
Широкий и рослый и с крепкою шеей,
Такой нам в хозяйстве всего бы нужнее!
Не прощу!.. И гаду повытяну жилы!
Чтоб не знал я покоя и во тьме могилы,
Коль не накажу я это семя вражье!!
Или он сдерет мне шкуру, иль сам, шельма, ляжет!»
— «Ведь с ружьем давно уж не имел ты дела?»
— «Лет пятнадцать, как старость мою душу съела!»
— «Что ж теперь ты вздумал? Ты ведь старше хрена,
Не попасть тебе, стреляя, и в копну сена».
— «Не попасть мне?.. Ну, откуда, пан, ты знаешь это?
Я ж уверен, что злодея я сживу со света.
Не гляди пан, что горбом мне согнуло спину,—
Угощу его я в ухо иль в лоб, в середину!»
— «Да ты, может, нынче белены объелся?..
И куда, ответь, твой разум прежний делся?
Мы иную с тем медведем учиним расправу,
На него устроим мы скоро облаву!..»
— «А, избави бог! Не надо, не надо, паночек!
Убежит он от облавы! Спать не буду ночек,
Есть не стану, покуда не сдохнет ворюга,
Пока кровь не выпущу черную из брюха,
Пока шкуру в нашей не развешу хате:
Вот! — вам, детки, это в память о нашей утрате.
Как пить дать, он из облавы может в чаще скрыться;
К жеребенку в третью ночку должен возвратиться,
Ну, а я подкараулю!..»

— «Жаль старого Гришку!..

Чтоб твои не плакали больше ребятишки,
Дарю тебе жеребенка от сивой кобылы!..
Бери его, успокойся!»
— «До самой могилы
За вас буду, ясный пане, благодарить бога!
Чтобы вам и вашим деткам дал богатства много!
А за добрую заботу обо всех, кто беден,
Подарю я пану шкуру с этого медведя».
— «Как же шкуру? Какую?»

— «Да с него, холеры,

Злое горе навалилось на меня без меры,
Извести душой поклялся я ворюгу злого,
И я должен перед богом сдержать это слово...»
— «Есть ли у тебя ружье-то?»

— «Есть ружьишко в клети,

Я вчера его поправил, испортили дети.
Но выстрелит, я надеюсь, я старуху знаю,
Еще разок мне послужит! Гада доконаю!»

— «Лучше — на! — вот этот штуцер, возьми
непрерменно!»

— «Нет, паночек, не надо!.. Скажу откровенно —
Из чужого не умею... Ведь не даст осечки
И мое ружье, — я хлопну, как по ясной свечке!»

— «Вот козел! Вы все такие и другие тоже!..
Возьми порох!.. Да и пусть сам бог тебе поможет!»

Поутру, еще из леса не глянуло солнце,
Пан проснулся, поднялся, поглядел в оконце:
Глядь! — а Гришка на крыльчке с ружьем поджидает.
«Посылай-ка за медведем!» — пана окликает.

<1891>

СИВЕР

© **Перевод Л. Друскин**

Сивер — северный ветер, не нужен ты нам,
С юга, юга знойного ты не приносишь тепла!
Хоть бы раз без тебя расцвести бы полям,
Хоть однажды бы в срок свой зима отошла.
Встрепенулся бы дух в человеческой груди,
И забылось бы море и грусти и слез,
Стихи, сивер, хоть раз, по лесам не гуди,
На седой океан убеги ты, мороз!..

<1891>

ЧТО ДУМАЕТ ЯНКА, КОГДА ВЕЗЕТ ДРОВА В ГОРОД

© **Перевод Г. Семёнов**

Вот и праздник, вот коляды.
Скрип полозьев раздается.
Всюду праздник, все-то рады,
Всем-то весело поется.
Пляшут парни и девчата,
Водки выпито немало.
Словом, празднуют как надо.
Но, кобыла, что ж ты стала?
Что же ты стала? Скажешь — тяжело?
Правда, будь бы ты хоть сытой...
Ну, а мне легко? Сермяжка
Ветерком, гляди, подбита.
Как назло, мороз сильнее,
Вон звезда уж засверкала.
Хоть бы в хату поскорее...
Но, кобыла, что ж ты стала?
Нарасхват дрова зимою,
И цена за них сердита.
Не помрем теперь с семьею,
Как продам — куплю я жита.
Вот и тащим поневоле
Воз тяжелый, коль прижала
Крепко горькая недоля...

Но, кобыла, что ж ты стала?
Эх, в корчму бы я забрался,
Всё от чарки потеплее,
Да должок за мной остался, —
Ну, как даст корчмарь по шее?
Ой ты, лихо! В эту пору
Ты насквозь меня пробрало.
Но, кобыла, ну же в гору...
Чтоб ты сдохла, что ж ты стала?

<1891>

РОДНОЙ СТОРОНКЕ

© **Перевод П. Дружинин**

Ты пораскинулась лесом, болотами,
Серым песчаником, почвой бесплодную,
Матка-землица, и умолотами
Хлеба не дашь ты нам мерку добротную.
Сын твой, прикрывшись худою сермягою,
В лапти обутый, из лыка сплетенные,
Тихо шагает за колымагаю,
За исхудалою клячею сонною...
Родина бедная. Пахарь оглянется,
Горько заплачет от доли безрадостной.
Но никогда он с тобой не расстанется,
Землю взрыхляя с надеждою сладостной.
С детства одетые в старые свитки, мы
Любим, как наше родное и кровное,
Хаты невзрачные вместе с пожитками,
Выгоны тощие, поле неровное...
Даст бог с кровавым потом оратаю
Пашню вспахать и засеять помалости,—
Жить бы хоть сытому, пусть небогату,
В праздники чарочку выпить с усталости.
Верится, солнце сквозь тучи тяжелые
Ярко заблещет над нашею нивою,
Жить будут детки, потомки веселые,
С доброю долею — с долей счастливою!..

<1891>

ВЕСНА

© **Перевод В. Рождественский**

Люди молвят: «Весна». Пишет так календарь.
Разве это весна, коли двор побелел?
Зря готовишь соху в эту слякоть и хмарь.
Да и аист, как насмех, сюда прилетел.
Журавли уж летят с криком звонким своим,
Юг покинул кулик, чайка где-то кричит.
Только ветер всё бьет по полянам пустым.
«Еще лету не быть!» — стон повсюду стоит.
Ой ты, доля моя! Ты — как эта весна,

Не приходишь ко мне, хоть давно бы пора.
Чарку горя как пил, так и пью я до дна,
И заря не горит, только брезжит с утра.
Где же ты? Отзовись! За тобой я пойду,
На край света пойду. У какой ты межи?
Отзовись соловейкой в зеленом саду,
Ясной звездочкой глянь. Где ты, доля, скажи?!

<1891>

«Пора новогодняя скоро наступит...»

© Перевод С. Ботвинник

Пора новогодняя скоро наступит,
Пусть календарь этот каждый купит!
Вид у него хоть не очень пригожий,
Но в доме он может быть надобен всё же.
Правда, не в ярком он переплете,
Но будни и праздники в нем найдете,
Узнаете, ярмаркам где открываться,
Где Янки да Савки будут встречаться.
Если родная вам мила сторонка,
И мужик бедный, его детки, женка,
Если наш обычай вам знаком немножко,
Малые про всё тут вы найдете крошки.
Хорошо всё сделать хотим, пусть немного,
Вы нас похвалите, не судите строго,
Мы только — бедны: почва суховата,
Какие ж там всходы?!

Чем хата богата.

ФРАНЦИСК БОГУШЕВИЧ

Франциск Казимирович Богушевич родился 9 марта 1840 года в деревне Свираны, неподалеку от Вильны^[64]. Его отец, малоимущий дворянин, по всей видимости, арендовал в Свиранах землю. Вскоре семья Богушевичей переехала в деревню Кушляны, Ошмянского уезда, Виленской губернии. Здесь и прошло детство будущего поэта.

Гимназическое образование Богушевич получил в Вильне. Он окончил гимназию в 1861 году. Общественные взгляды юноши сформировались под влиянием идей русской революционной демократии. Этому во многом способствовала среда, окружавшая Богушевича в гимназии, — из его товарищей по классу многие стали впоследствии участниками и даже руководителями восстания белорусских и литовских крестьян 1863–1864 годов^[65].

В 1861 году Богушевич поступает на физико-математический факультет Петербургского университета. Пребывание в нем оказалось кратковременным. Это была пора активных политических выступлений учащейся молодежи. Богушевич сразу же присоединился к студентам, участвовавшим в «беспорядках». Последовало его исключение из университета^[66], и Богушевич, с трудом выхлопотав себе увольнение «по болезни», вернулся домой, в Кушляны.

Он избрал путь учителя — стал преподавать в народной школе деревни Дотишки, неподалеку от Кушлян. Когда в Белоруссии вспыхнуло крестьянское восстание 1863–1864 годов, молодой учитель писал листовки, призывавшие крестьян к борьбе, активно участвовал в крестьянских выступлениях, был даже ранен в одной из стычек с войсками. За участие в восстании была арестована вся семья Богушевича — его отец, сестра, младший брат. Сам Богушевич избежал репрессий только потому, что повстанческий отряд, в который он попал, действовал за пределами его родного Ошмянского уезда. В этих местах Богушевича никто не знал, и после разгрома восстания он, оправившись от ранения, добрался до Вильны. Здесь ему стало ясно, что из соображений безопасности надо покинуть Белоруссию.

Богушевич уезжает на Украину. Он поступает в Нежинский юридический лицей, который оканчивает в 1868 году. С этого времени он работает судебным следователем в Чернигове, Конотопе, в Кролевецком уезде и других местах. Современники свидетельствуют, что молодой юрист, встречаясь в своей практике с людьми из народа, всегда старался оградить их интересы. «За свою справедливость, — вспоминал Л. Узембла в 1900 году в журнале „Wiek“, — и сочувствие беднейшим клиентам, в частности сермяжникам, за благородство своих чувств, понимание общественного долга Богушевич был горячо любим, и его ставили в пример всем тем, особенно коллегам по профессии, кому карьеризм мешал быть справедливым и гуманным...»^[67] Вероятно, именно с этими чертами, отличавшими следователя Богушевича, связано было отрицательное отношение к нему начальства: из архивных материалов известно, что ему мешали продвигаться по службе.

Только в 1884 году Богушевичу удалось вернуться в родные края. Он поселяется в Вильне, работает адвокатом в окружном суде. Писать Богушевич начал еще на Украине (его первые стихотворения были созданы на украинском языке — под влиянием поэзии Шевченко), но всерьез занялся литературой только теперь, в Вильне. Писал он на белорусском языке стихи и прозу. Пробовал писать и на польском языке, но большого значения эти его произведения не имеют. Заметный резонанс имела лишь «Правдивая история о замученном дукате», острая сатира на графа Тышкевича, крупного землевладельца, бывшего адъютанта А. Муравьева-Вешателя, зверски расправившегося с руководителями восстания 1863–1864 годов. Немаловажный интерес для исследователя творчества Богушевича имеет написанное на польском языке его «Завещание».

В годы пребывания в Вильне Богушевич сотрудничал в качестве публициста в польском журнале демократического направления «Край», часто выступал на литературно-художественных вечерах, занимался созданием репертуара для самодеятельных театральных объединений передовой молодежи. Его белорусские стихи пользовались успехом не только в кругах демократически настроенной белорусской интеллигенции, но нашли путь и к крестьянству^[68].

Последние годы жизни поэт провел в Кушлянах — болезнь вынудила его выйти в отставку и переехать в деревню. По свидетельству односельчан, он много времени проводил среди своих соседей-крестьян, охотно читал им свои стихи.

Скончался Богушевич 15 апреля 1900 года. Его близкий друг, прогрессивная польская писательница Элиза Ожешко писала, узнав о смерти поэта: «Память умершего Франтишка Богушевича чту глубоко и весть о его смерти приняла с сердечной слезой. Был он одним из благороднейших людей, служивших нашей земле, а для меня лично — одним из очень немногочисленных друзей. Воспоминания о нем для меня дороги и печальны»^[69].

При жизни Богушевича вышли в свет два сборника стихотворений, изданных им нелегально за границей: «Дудка белорусская» (Краков, 1891) и «Смычок белорусский» (Познань, 1894). Появившиеся в польской печати начала 1900-х годов сведения о том, что «Дудка белорусская» вышла впервые в 1888 году, ничем пока не подтверждены. В 1892 году в Кракове был издан рассказ «Тралялёночка». Богушевич подготовил к печати сборник стихотворений «Белорусская скрипочка», но он света не увидел и не дошел до нас. Сведения о его содержании очень скупы: близкий друг писателя Н. Ровба свидетельствует, что в книге были собраны «монолог, сказка, элегия, юмористический рассказ для детей — написанные талантливо»^[70]. Имеются сведения, что многие из сочинений Богушевича остались в рукописях. В 1907 году в «Нашей ниве» было напечатано три его рассказа. За последние годы было опубликовано несколько неизвестных ранее стихотворений поэта.

Долгое время сочинения Богушевича издавались нелегально. Распространялись они и в рукописной форме^[71]. Тринадцать стихотворений Богушевича были напечатаны в сборничке «Песни», изданном нелегально в 1903 году, по-видимому, за границей (для того чтобы обеспечить сборнику свободное хождение, на нем была сделана надпись: «Напечатано в синодальной типографии»). «Дудка белорусская» выдержала до революции пять изданий, «Смычок белорусский» — четыре. В 1922 году «Дудка белорусская» и «Смычок белорусский» впервые были переизданы русским гражданским шрифтом (предыдущие издания печатались латинским шрифтом, что затрудняло к ним доступ широкому кругу белорусских читателей).

МОЯ ДУДКА

© Перевод А. Тарковский

Эх, дудку добуду
Да так заиграю,
Что услышат всюду —
От края до края.
Ой, будет веселье,
Шумное похмелье
Веселее свадьбы!
Время замолчать бы...
Доиграю — сгину,
Дудку ли закину,
Род людской оглохнет,
Или грудь иссохнет,
Иссякнет ли сила,
Что в жилах бродила,
И прольются слезы
На сухие лозы...
А душа летучей
Подыметя тучей,
Туманом над речкой,
Завьется колечком,
Чтоб, росой омыто,
Уродилось жито,
А не уродится —
Вновь слезам струиться...
Заиграй же, ну-тка,
Веселее, дудка!
Ты бы так играла,
Чтоб уши терзало,
Чтоб земля плясала,
Чтобы всем народом
Пойти хороводом,
Подбочась да скоком,
Как в поле широком
Ходит вихрь на воле,
Чтоб выли от боли,
Плакали, рыдали,
А всё бы плясали!
Чтоб горы, как море,
Пошли на просторе,
Как пань на бале,—
Вот бы как плясали!
Чтобы пыль курилась,
Земля провалилась,
А всё бы кружилась,
Как с похмелья, хата
У нашего брата.
А что ж не играешь?
Разве ты не знаешь,

Не слышишь ты, что ли,
Как бьюсь я в неволе?
На льду рыба бьется,—
Так и я, сдается,
Сорок лет впустую
Бьюсь, тянусь, тоскую,
Никак я водицы
Не могу добиться...
Да такой водицы,
Из такой криницы,
Что, едва напьешься,
Вольным обернешься.
Веселей играй
Или долю дай...

.....

Стонешь безумолку!..
Нет, не будет толку!
Выброшу дуду я,
Вырежу другую!
Чтобы от печали
Песни исцеляли,
Сделаю другую
Жалейку, — такую,
Чтоб, когда играла,
Вся земля стонала,
Чтоб сердца дрожали,
Чтоб слезы бежали,
Чтобы стало жутко...
То-то будет дудка!
Сделал я такую,—
Дайте-ка продую!
Пой, дуда живая,
Всё припоминая,
Плачь и дни и ночи,
Плачь, как мои очи,
Над народной долей,
С каждым разом — боле,
Из последней силы,
Как мать у могилы,
Где зарыты дети,—
День, другой и третий
Плачь, как дождь над морем,
Над народным горем.
Так бы ты играла,
Чтоб за сердце брало.
Как слезы прольются —
Песни оборвутся.
Глянь открытым оком —

И кровавым соком,
А не слезной солью
Оплачешь недолю...
Кровью изойду —
Уроню дуду...

<1891>

МУЖИК ДУРНЕЙ ВОРОНЫ

© Перевод С. Маршак

Ходят толки, будто звоны,
Что мужик дурней вороны.
Эти слухи справедливы:
Он и впрямь дурней вороны.
И не диво. Было б диво,
Будь мужик у нас ученый!
По всему трезвоньте свету,
Что дурнее дурня нету!
Не берет он книги в руки,
Только знает труд да муки,
С малых лет перетрудился
И умрет, каким родился.
Вот откуда слухи-звоны,
Что мужик дурней вороны!
И когда ж он поумнеет?
Всё он лето пашет, сеет —
Хлынет дождь осенний с неба,
А мужик сидит без хлеба.
Забелеет в поле иней —
Будет рад он и мякине!
Вот откуда толки-звоны,
Что мужик дурней вороны!
Только землю подморозит,
Он зерно к вокзалам возит.
А за горсть зерна намедни
Заложил кожух последний,
Чтоб дожить хоть до крапивы,
Чтобы дети были живы!
Видно, прав народ крещеный,
Что мужик дурней вороны.
От Петра и до Якуба
Косит он, томясь от зноя.
Поглядеть на сено любо,
Только сено-то чужое!
С голоду ревет скотина —
Всё корье объела с тына...
Что ж, трезвоньте гулом-звоном,
Что мужик дурней вороны.
До небес он церковь строит,
Золотит иконы в храме,

Белой жостью волость кроет
Под кнутом да батогами.
Сам же спит он на рогоже,
Щель в избе заткнув одежей.
Правду молвит люд крещеный,
Что мужик дурней вороны.
Плох его топорик жалкий,
Да в руках его летает.
Лес уложит он вповалку —
Свет дровами закидает!
Для своей же дымной печки
Рушит лавку на дощечки.
Вот откуда слухи-звоны,
Что мужик дурней вороны!
На земле разрыты горы,
Под землей прорыты норы.
То мужицкая работа —
Солона земля от пота.
Рельсы вытянулись в струнку —
То мужик провел чугулку.
Ходят светлые вагоны,
Возят вас по белу свету.
А мужик дурней вороны:
Едет, стоя, без билета...
Видно, прав народ ученый,
Что мужик дурней вороны!

<1891>

КАК ПРАВДУ ИЩУТ

© Перевод П. Семенин

Теперь, когда правду сжили со свету,
Так днем все с огнем ее ищут,
И золотом манят, и страждущих кличут,
И бога целуют, а правды всё нету.
Как в омуте камень, та правда пропала!
Начальства, судов наплодили немало:
Посредник и волость, Синод и Сенат,
Без счета управ, округов и палат,
А мировых, участковых — тем боле,
Что звезд, что каменьев на поле.
С того и житье теперь стало лихое,
Свидетелем впутаться — дело простое.
Настолько легко, что не надо стараться,
Чтоб после в судах бесконечно тягаться.
Раз еду я в Вильну проведать сына,
Смотрю — близ дороги пасется кобыла,
У мельницы встретил тогда ж мужика;
Услышал — собака брехала и выла.
А где-то «спасите!» бабенка кричала,

Карета какая-то по мосту мчала,
Ну мало ль что встретить в дороге придется:
Кто едет, кто воет, кто, может, смеется...
(Смеялся же мельник в дверях, а чему?
Ведь я не совался с допросом к нему!)
За мельницу выехал, двигаюсь лесом,—
Лежит человек под кустом у дороги,
Босой и без шапки, так, вроде убогий;
Я еду себе со своим интересом,—
Какое мне дело? Лежачего люду
Теперь попадается много повсюду.
Вдруг слышу я — гонится кто-то за мной,
Кричит мне: «Постой, ради бога, постой!»
Я стал, а мужик прямо с ходу пытается,
Откуда я буду да кто меня знает?
Коня моего за поводья берет,—
В свидетели, дескать, урядник зовет!
Вернулся, гляжу: затонула карета,
И мельник уже не смеется при этом,
А сотник ведет к становому кобылу,
Кровь пану пускает цирюльник из жилы,
В мосту же дырища с хорошую хату;
Два хлопца бегут за собакой кудлатой,
В разорванной юбке бабенка трясется,
И кровь по руке и ноге у ней льется.
Сюда ж мертвеца на телеге везут —
Того, что лежал у дороги в лесу.
Урядник ко мне, чтоб я всё рассказал:
А мельник собаку на бабу спускал?
А баба кричала? А сучку не били?
Заметил ли, что мостовины прогнили?
Где мельник стоял и над кем он смеялся?
Как барин с каретою в речке купался?
Как кучер загинул, а пан не поддался?
Как вор из-за мельницы крался к кобыле?
Один ее крал иль другие с ним были?
Не знаю ли я, кто мертвец тот убогий?
И кем он убит? Как лежал у дороги?
Не я ль его вез, а потом уложил?
И где его деньги? Не я ль их стащил?
(Мне дух захватило, молчу, как немой:
Вовек не бывало напасти такой.)
Зачем я извозчику дал утонуть?
Зачем не схватил конокрада за грудь?
Собаку от бабы зачем не прогнал?
И сам от кого во весь дух удирал?
До вечера этак меня промурыжил,
Покуда рубля откупного не выжал

И так его ловко запрятал в кошель.
Поехал я... Что ж? Через восемь недель
Вдруг сотский мне кучу повесток припер,
По первым пяти я свидетелем был:
Видал-де, как крался за лошадью вор,
Как мельник науськивал, мост же был гнил,
Как в реку с каретою пан провалился
И выплыл живым, а возница залился;
Что нищий, замеченный мной у дороги,
Убит был, а двое людей убегали,
Что я догонял их, поднявши тревогу,
Они ж напрямиком через лес ускакали.
А по шестой был я сам виноват —
Что тонушим помощь подать не пытался.
И начал ходить по судам я с коляд
До Покрова, как бродяга скитался.
И всю эту пору не сеял, не жал
И землю соседям в аренду я сдал.
А всё, что имел, заложил и проел,
Как будто подряд я шесть раз погорел.
В остроге промыкался месяц с лихвой,
Четырежды штраф за неявку платил...
И всё ж не сыскали той правды простой,
Зато меня многому свет научил!

<1891>

В СУДЕ

© Перевод Н. Браун

Мне такого суда не забыть никогда,
Окружного суда, все там были тогда...
Тут кожух, и шинель, тут бурнус, лапсердак,
И сюртук, и мундир, а один был и фрак
(Словно куртка с хвостом), тут бекеша была...
Все пришли, и Пантурчиха даже пришла...
Ксендз с попом появились, за ними — раввин,
Не пришел только наш арендатор один.
Самый суд — впятером — за широким столом,
Тут же ходит шестой, все в шитье золотом,
И на каждом блестит воротник золотой
(Был бы я так богат, я бы не был судьей),
Душ четырнадцать в ряд у стены их сидит,
Против них арестант, что суду подлежит.
Перед ним без полы, только хвостик висит,
Адвокат, что его защищает, сидит.
Наш Петрук Пантурок арестантом тем был,
Тот, что пиво тайком в пивоварне варил.
А акцизник Яськов, тот, что взятками жил,
Как барана, по-волчьи его изловил,
Был и он здесь, и он присягал, подтвердил,

Как ему донесли, как пять дней он следил,
Как котел там кипел, а в нем брага была,
Как Петрук не успел убежать от котла.
А уж врал он, так врал и себя всё хвалил,
А о том не сказал, как Пантурка доил.
Вслед за Яськовым стали и нас выкликать,
Чтоб и нам присягать, надо ж правду сказать!..
Тут спросили меня, а мне жаль Петрука,
И моя у него там пропала мука,
И я думал себе выгнать водки с ведро —
Свадьбу дочери справить (вот было б добро!).
Две осьмины муки Петруку я завез,
Налетели тут вороны — черт их нанес! —
И с другими меня повели понятым
В этот лес — чтоб ни дна ни покрышки бы им!
Как спросили у всех, прочитали тот «ахт»,
Что попался Петрух (а уж наврано — страх!),
Там такое стоит — не приложишь ума:
Паровик, змеевик и отходы — «шляма».
Как про всё прочитали бумагу про то,
Погляжу, говорю, что-то будет потом.
Председатель сказал: «Пять минут перерыв!» —
И в коморку ушел, свою книгу закрыл.
Все тогда поднялись и пошли кто куда.
Я остался сидеть, подожду, мол, суда.
Как вернулись опять, то один из них встал,
Тот, что больше других так во всё и встревал;
Поглядел он на всех, да как взялся за стол,
Да как начал кричать: «Протокол, протокол!»
И казну вспоминал, и трубу, и котел,
И муку, и мешок... и опять — «протокол!»
Я сижу и дрожу — вдруг меня б не назвал;
Слышу — бряк! И я тут! Ах, да чтоб ты пропал!
Только — хвалит меня, справедливым зовет,
На Пантурка ж как глянет — скотиной ревет:
«Виноват, виноват, штраф казне пусть внесет!»
И в тюрьму, и в Сибирь! — и куда не пихнет.
Говорит, говорит, так что пить захотел;
Как картошку, Петра посолил, да и съел.
А сказать бы — за что? За свое за добро.
Человек захотел выгнать водки ведро.
Что ж за польза ему, чтоб он света не знал,
Съел Пантурка свой блин иль горелки нагнал!
А потом стал считать все убытки акциз:
Тот, кажись бы, зубами Пантурка загрыз!
Он считал — и вдвойне, и втройне умножал,
Как шинкарь, одну чарку он за три считал.
Всё добро чтоб забрать и скотину продать,

Что в казну — то в казну, остальное — раздать;
Тыщи три там он пеней одних накрутил.
(У Петра хоть бы грошик в кармане-то был.
Сладок жабе горох, да зубов бог не дал —
Чтоб акциз то имел, что тогда отобрал:
Лишь сермягу, телегу да парочку коз,
И то брат откупил, а назавтра отвез.)
Не стерпел только пан, тот, что в куртке сидел,
Что-то молвил Петру и очки он надел,
Да как крикнет, как зыкнет — затрясся весь суд:
«В чем вина Петрука? В чем повинен он тут,
Что скотинку кормил он своим же добром,
На носилках носил свою брагу ведром?
Тут тюрьму, тут и штраф для акциза взыскать...»
Он как стал говорить, да как начал считать,
Мол, Петрук и не гнал, и в лесу не бывал,
Это я виноват, сам я гнал, сам наврал
И донес на него... Я виновен во всем!
Ах, да чтоб ты пропал! Чтоб сгорел ты огнем!
Так он всё повернул, так всё дело скрутил,
Про меня всё сказал, а Петра защитил.
Я гляжу — ну, конец, ну, пропал теперь я!
И мешок-то ведь мой, и мука в нем моя!..
Двери скрипнули тут, а я — шась меж людей,
Да на двор, да в корчму, да к кобыле скорей;
Прибежал я домой, бурачков там поел,
Сказал женке: «Молчи!» А сам в лес полетел,
Где как раз пивоварня была Петрука,
Стал садить деревца, аж устала рука.
Стежку мхом заложил, не осталось следа,
Чтоб никто не узнал, что здесь было когда.
Да и снова на суд, а суда уже нет,
Только плачет, клянёт Пантурчиха весь свет.
Пантурка отвели-таки прямо в острог,—
Тот защитник ему как кадило помог.
Так в тот раз от суда уцелел я, ушел,
Хоть бы бог в другой раз до суда не довел!

<1891>

ВОЛК И ОВЕЧКА

© **Перевод В. Цвелёв**

Волк схватил барашка,
Уволок с собою!
Плачет мать-бедняжка
Над его судьбою.
Волк похож на эконома:
Натянул овчину
И овце, уж как знакомый,
Кланяется чинно:

«Я пришел к овечке-пани
С доброй весточкой о сыне.
Хочешь знать ты о баране —
Как ему живется ныне?
Ты сына бы не узнала —
Во какой он дюжий!
Нагулял на воле сала
И живет — не тужит.
Он и сам теперь с клыками,
Хвост подрос немножко,
Ножки — с острыми когтями,
И отпали рожки.
Он волков уж не боится,
В хлев не убегает,
Сам он может защититься
И других спасает.
Заходи к нам, пани, в гости,
Справим праздник у сынишки,
Будет мясо, будут кости,
Будем есть без передышки!»
— «Что ж, спасибо вашей чести
За слово такое!
Приходите с сыном вместе,
Пусть он здесь повоет,—
Говорят, меж вами
Надо выть волками.
Я ж по-волчьи не училась
Ни выть, ни есть, ни лгать!
Скинь овчину, ваша милость,
Зубы-то видать!»
Хоть живет овца без толка,
А узнаёт волка!

<1891>

МОЯ ХАТА

© Перевод П. Семьинин

Бедна моя хата, приткнулася с края
Меж голых каменьев у самого гая,
У самого леса, у темного бора.
Один ты, и гостя дождешься не скоро.
Никто не заглянет, не стукнет в окошко,
Коль нету горелки и хлеба ни крошки.
А всё ж не пойду я по свету с сумою,
Трудясь, проживу со своею бедою.
Худа моя хата, всё ветхо, подгнило,
Студено в ней, дымно, а всё-таки мило,
Ее на дворец не сменяю пригожий,
Колок мой мудреных замков мне дороже.
На кровле березка растет молодая...

Люблю и такой тебя, хатка родная.
А звали ведь, сватали в новую хату
С землей урожайной и девкой богатой,
Мол, будешь ты ездить, хозяин счастливый,
Как важный ассессор, на паре ретивой.
Да нет, мне желанней свой угол убогий,
Песок у могилы, валун при дороге,
Чем поле чужое, чужие палаты,
На бархат свои не сменяю заплаты.
И в гости не раз зазывали соседи,
Но, видно, недаром толкуют на свете,
Что губы дареный кусок обдирает,
Кто ищет чужого — свое растеряет.
Я хату не кину, пока еще волен,
И к вам не пойду, — может, только с конвоем;
Силком оторвут от порога родного —
Как в логово зверь, я вернулся бы снова.
Пусть сгнило бы всё, одичали б покосы —
Ползком воротился б, хоть голый да босый.
Подправил бы крышу, подгнившие стены,
И поднял бы хатку опять постепенно,
И сошку б наладил, и вытесал жернов,
Ел свой бы ломоть, хоть с половой да черный.
Отстаньте ж, зачем я вам, сырый и горький:
Растить для вас хлеб иль просить у вас корки?

<1891>

ПРАВДА

© **Перевод М. Голодный**

Ой, горько мне, тяжело!

Тяжка не сермяжка,

А лютая доля, —

Всё боле и боле.

Ох, тяжкая доля! Уж лучше б, казалось,
Вот взял провалился, слезами залился!
Как жить, если столько мне горя досталось!
Ой, боже мой, боже, зачем я родился?!
Уж лучше б не знать языка мне родного,
Когда я не смею сказать того слова,
Которое б люди, услышав, узнали,
Узнали да правдой заветной назвали;
Чтоб всюду то слово гуляло по свету,
Как солнца лучи в пору красного лета;
Чтоб взоры людей от него просветлели,
Как лица детей на пасхальной неделе;
Чтоб крепко людей это слово спаяло,
Чтоб недругов больше на свете не стало,
Чтоб люди раскрыли друг другу объятия,
Чтоб долей и хлебом делились, как братья.

Без этого слова немой я калека!
Уж лучше молчать до скончания века!
Зачем же мне очи, что толку в них, ясных?
Чтоб видеть, что я из несчастных несчастный?
Чтоб душу терзала тяжелая доля,
Чтоб сердце рвалось и сжималась от боли?
Чтоб было чем плакать и днем и средь ночи?!
Ой, боже мой, боже, возьми мои очи!
А уши зачем мне, коль слышать не могут
Ни добрых людей, ни всевышнего бога?
Затем ли, чтоб слушать мне ругань людскую
Да ту самогудку, что плачет, тоскуя,
Жалейку, что, как ни бодрись ты, играя,
А всё в ней печаль без конца и без края?
Затем ли, чтоб слушать лишь горькие стоны
Бездомных и беглых кандалные звоны?
Господь, не глумись надо мной и над ними,
Ты сделай нас всех, будто камень, глухими!
Покуда нет правды — все думы немилы,
А жить без нее нет охоты и силы!
Просил я у бога: «Отверни ты, боже,
Нашу долю злую на сухие пущи,
Отверни на камень иль на бездорожье,
На глухие топи, на песок сыпучий,
Чтоб не знать, не ведать в жизни человеку
Этой доли нашей до скончанья века!»
Не слышал он стоны, не увидел муки,
Крест мне въелся в плечи, а оковы — в руки!
Я просил соседей со мной поделиться,—
Крест помочь нести мне, как «с богом не биться»?
Засмеяли люди меня, как шального,
И к тебе, мой боже, спровадили снова;
Там, сказали, правда, а здесь только сила!
Дескать, правда раньше по свету ходила,
Дескать, правда раньше тут скиталась нищей,
Давно ее люди свезли на кладбище,
Камнем завалили, землю запахали,
Чтоб о ней на свете слыхом не слыхали.
Говорят недаром: «Правда в небе где-то,
Нынче ж ходит кривда по белому свету».
Вороти ж ты, боже, правду ту святую
На землю, слезами щедро залитую!
Посылал ты сына, его не узнали,
Мучили за правду, смертью покарали;
Пошли ж теперь духа, да пошли без тела,
Чтоб одну лишь правду вся земля имела!

<1891>

С ЯРМАРКИ

© **Перевод П. Дружинин**

Гей, лети, кобыла, хоть ты надорвися,
Дома ожидает женушка Людвися!
Ждет да поджидает у калитки мужа,
Вот уж скоро полночь, а не съеден ужин.
Сварила похлебку, вкусную сварила,
Молочком, как снегом, сверху забелила.
Гей, скачи ж, кобыла, по камням, по кочкам,
От любви сгорая, ждет жена дружочка,
Ждет да поджидает. Так ли в самом деле?..
Гей, лети кобыла, гости б не приспели!
Гей, заржи погромче ты, моя кобыла!
Не уснула б женка, двери отворила.
Мчи, кобыла, живо, привезу я нынче
Женушке платочек иль другой гостинчик!
Гей, везу гостинчик с ярмарки торговой —
То ль платок бордовый, то ли кнутик новый.

<1891>

ДУМА

© **Перевод П. Семынин**

С чего мне так грустно, на плач забирает,
Откуда на сердце такая кручина?
Иль что-то случится... Что? — Кто его знает!
Град жито побьет? Занедужит скотина?
Иль требовать будет урядник подводу?
Иль вдруг донесут, что украл я колоду?
Помрет ли сыночек, в солдатах что служит?
Иль тот, что в далекой Америке тужит?
Так тяжко, что, если б греха не страшился,
Я в петлю б полез иль в реке утопился!
Уж было так раз: и волы запропали,
И свиньи все гряды как есть ископали,
Покойница мать в эти дни заболела,
И дядькина хата дотла погорела,
Сукна не сваляли — ходил без кафтана,
А нынче без хлеба, голодный да рваный!
Хоть скорей сбылось бы, что должно свершиться.
Чтоб не так мутило душу мне и разум:
Бедовать приучен, не впервые биться —
Всё пусть пропадает, только бы уж разом.
Я тогда бы ведал — от чего спастись:
От господней кары иль от зла людского,
И сидеть ли в хате, иль куда податься,
Иль, сложивши руки, пропадать без слова.
Да чего заране я боюсь, томлюся?
Хлеба нет — ну что же, у людей добуду;
На недолю плюну, богу помолюся,
До последней меты дотяну, хоть худо.

Вон стоит березка под окном, тоскует,
Косы распустила... плачет, молвят люди.
А мне так сдается, что она не чует —
Ничего не помнит, не знает, что будет.
А быть может, помнит, как я хлопцем малым
Лазал к ней на ветви гибкие, качался,
Как она кудрявилась по весне, бывало...
Навсегда с весельем тем я распрощался!
Что же мне так грустно? Ты ответь, березка!
Нет, молчишь! Сама, зная, ранена тоскою.
Может, это правда — то живая слезка,
А ее, не зная, все зовут росую.
Жаль мне и березку: чего ж она плачет,
Коли нашей доли не переиначить?
Не тужи, березка, с нами свет не сгинет,
Вот повеет ветер, семена раскинет,
И хоть ты засохнешь — вырастут другие.
Перестанем сетовать на невзгоды злые,
Будем жить, покуда не возьмет могила,
Пусть и не богаче, да не так уныло!
Семена раскинешь, как пораскидало
Шесть моих сыночков, — иль этого мало?
Все, все разбрелися: первый сын в наборе,
Другой за морями — в нищете и горе,
Третий за Дунаем вовсе поселился,
А один в Сибири — с паном не ужился,
Пятый в Петербурге — писарем он служит,
Дома только Юрка — кривой и недужный.
Ну да — рано ль, поздно ль — всё же,
мне сдается,

Каждый затоскует и домой вернется.

<1891 >

КРЕСТИНЫ МАТЕЯ

© Перевод Н. Браун

В ту пору, когда казаки здесь стояли,
За горкой они меня раз повстречали.
Я им: «Похвалёны!»^[72] Смеются — кто знает
Над чем? Тот — поет, тот на дудке играет.
А старший как крикнет: «Да кто ты такой?»
Я думаю: Юрки я сын, кто ж другой?
«Я здешний, — ответил я, — свой человек;
Отца, значит, сын и отец, мол, детей,
Тут я родился и тут живу век;
Юрка отец мой, а сам я Матей,
Вон моя хата, и выгон, и сад,
Там жнет моя женка, там пашет мой брат...»
Злится он пуще, меня всё ругает,
Бьется, кричит, по лицу ударяет.

«Да кто ты, да кто ты? Ты русский иль нет?»
Тут стал я крутить, чтоб уйти от беды,
Думаю: что бы сказать ему мне?
«Я не ношу, — говорю, — бороды».
— «Да ты, — говорит он мне, — веры какой?
Ты православный или ты поляк?»
— «Дайте мне, пан, — говорю я, — покой,
Здесьний, ведь я же сказал, значит, так!»
Он тут, проклятый, меня как стегнет,—
Даже в глазах у меня потемнело.
Кабы я знал хоть, за что меня бьет,
Даже не знаю, за что мне влетело.
Я говорю ему: «Коли уж так,
Коль бьет ваша милость меня без причины,
То, может, правда, что я и поляк,
Значит, поляком я стану отныне!»
Дали ж понять мне и этак и так:
Били, ведя в Замаслав, чтобы знал,
Помнил чтоб крепко, что я поляк,
Чтобы и вам я об этом сказал!
Ушли казаки, и настал тут покой.
Но как-то под осень зовут нас на сбор:
«Приехал, дескать, начальник такой,
Сам князь Хованский, идите во двор!»
Надо бросать всё (хоть праздник настал),
Народом, как маком, весь двор запылал.
Князь в эполетах, веселый идет.
«Эх, — говорит, — ну и глупый народ,
В русской земле вдруг католик живет!
Царь в свою веру вас всех принимает.
Даст земли много!.. Кто грамоту знает,
Вы на бумаге тут всё напишите,
Поп освятит вас и, дай бог, живите!
Ну, братцы, выпьем, пусть каждый нальет,
Батюшка крест и кропило несет!»
Глянули тут мы один на другого,
Молчим, трясемся, а сами ни слова.
Он же Мирона за плечи берет,
К столу подводит, горелки дает:
«Пей на здоровье и так пиши:
Две тысячи нас, ото всей души
Мы русскую веру хотим принять,
Чтоб католической больше не знать...»
Мирон поперхнулся, с лица побелел,
Глянул на всех, на меня поглядел —
«Как люди — так я, спросите людей,
Спросите Матея, что скажет Матей.
Коль скажет от веры своей отвернуться,

Сразу все наши деревни сдадутся».
Тут меня сразу же к князю подводят,
А по спине мураши так и ходят.
«Выпей-ка водки!» — дает мне гроши,
А сам такой сладкий, такой хороший:
Всё говорит, всё сулит, подбодряет,
Женку целует, детей качает.
«Ну, что ж, надумал? Готов? Скорей!»
— «Надумал, — сказал я, — пусть сто палачей
Дерут с меня шкуру, пытаются огнем,
Я веры своей не сменю нипочем!..»
Князь закипел тут и аж заревел,
Аж вылупил бельма, как кровь покраснел.
«Розог подайте, нагаек, сто лоз!
Он, зверь, мне тут же смеется под нос!»
Тут хватъ гайдуки меня, наземь кладут,
Им розог четыре пучка подают.
Ну, бьют — не болит, хоть за сердце берет.
За что же он мне это шкуру дерет?
А я как им крикну: «Бейте сильней,
Крепче веры вашей Матей!»
Вот так казаки и крестили меня,
И стал я поляком с этого дня.

<1891 >

БОГ НЕ ПОРОВНУ ДЕЛИТ

© Перевод Б. Ирнин

Бог сиротину любит, да доли не дает.

Народная поговорка

Почему на свете белом
Не по правде делит бог?
Этот — жирный да дебелий,
Раззолоченный до ног,
А другой, едва прикрытый,
И онуче был бы рад;
Свитка светится, как сито,
Всюду дыры меж заплат.
Тот — домов настроил много,
Да каких, — что твой костел!
Поселить бы там хоть бога,
Так и бог бы не ушел.
А другой — в хлеву ютится,
Ветер ходит, дым и снег,
Тут и телка, тут и птица,
Тут и мука, тут и грех.
Этот — странствует в вагоне,
Вымыт, вылощен, прикрыт,
Мчится — ветер не догонит,
Сам же опит себе да спит.

Тот — в морозы да в метели,
Что всю кровь застудят в лед,
По сугробам еле-еле
С узелком своим ползет.
Этот — хлеба и не знает,
Только мясо да пирог,
И собакам он кидает
Всё, что сам доест не мог.
У другого ж — хлеб с мякинкой,
В миске — квас да лебеда,
Пища — сообща со свинкой,
Пополам с конем — вода.
На того — в сплошные будни
Спину гнут десятки слуг;
Жир его трясется студнем,
И подушки — вместо рук.
А вот этот — для десятка
Дармоедов льет свой пот.
Весь он высох, как облатка,
Руки тонки, впал живот.

<1891>

ЗАВИСТНИК И КЛАД НА ИВАНА КУПАЛУ

© Перевод П. Семьинин

На краю деревни, у коровьей стежки,
В кривенькой хатенке об одном окошке
Жил мужик, завистник, — век он был ленивым,
Думал без работы сделаться счастливым.
«Счастье, — рассуждал он, — лишь в мошне набитой —
Значит, нужно где-то клад найти зарытый».
Сразу за деревней лес темнел заклятый,
Мужику он виден прямо был из хаты.
В том лесу недобром не росло травинки,
Не было дороги, не было тропинки.
Все его боялись, шла молва в народе:
Коль туда кто вступит — черт неделю водит.
Раз домой со свадьбы брел завистник пьяный,
Да и заплутался в чаще окаянной;
Влез в такие дебри — свет весь проклиная;
Вдруг поодаль видит — огонек мелькает.
Думал — хата близко иль в ночном ребята,
Кинулся — и с версту шел всё в лес куда-то.
Смотрит, а огонь тот из земли берется,
Хоть горит — не греет, тронь его — не жжется.
Оробел завистник, даже протрезвился
И уж как — не помнит — дома очутился,
В самый дальний угол на печи забился.
А с зарей деревню мигом весть про это
Облетела, будто почта-эстафета.

Один так расскажет, а другой иначе,
Всяк по разуменью своему судачит.
Один скажет: верно, молния сверкала,
А ему в глазах-то спьяну вон что встало!
Другой: мол, светилась могилка святого,
И тому, кто видел, — счастья ждать большого.
А иные: это клад мигал заклятый,
Будет наш завистник, как найдет, богатый.
И мужик стал думать: как бы тут разжиться,
Пусть бы даже кладом с чертом поделиться.
Праздник или будень — всё сидит гадает;
Глядь, однажды к ночи кто-то вылезает
Из ствола колодца — ряжен по-немецки:
Капелюх высокий, вместо фалд — обрезки,
А штаны что дудки, — тощий, как в чахотке,
На глазах стекляшки, сзади хвост короткий.
Враз смекнул завистник, что за гость явился,
Задрожал со страху, потом весь облился,
Всё ж спросил, оправясь, хоть и было к ночи,
Будто сам не знает: «Кто такой, паночек?»
— «Плипатент, не здешний, езжу постоянно,
Закупаю души каждый год для пана».
— «А ваш пан богатый? Дорого ли платит?»
— «И-их! Считай, мильёны он на это тратит.
У него, что щепок, этих денег столько!
Всякого закупит, будь похуже только».
— «А к чему бы души, кажется, худые?»
— «Э! Хороших портят сами же святые!»
— «Ну, а мне продаться можно будет тоже,
Чтоб я стал богатым... только подороже?»
— «Можно, — молвит немчик, — отчего ж не можно?
С нашим паном дело всякое надежно.
При себе-то нету, но за топью, в пуще,
Клад лежит заклятый в самой темной гуще.
Там на хуторочке ведьма проживает,
И как взять — покажет, она дело знает!»
Записал он что-то: «Ну, душа за нами!»
Грянулся об землю, забренчал костями,
Вихрем закрутился и пропал, как пена.
А мужик свалился, рассадив колено,
Плюнул вслед злодею, думал откреститься,
Да взамен трехперстья сложил трижды фигу,
Видно, черт зачислил его душу в книгу...

* * *

Поутру завистник пред восходом рано
К ведьме в лес помчался, как на вызов пана.

Вон уж недалеко дом на курьих ножках,
Зашагал потише — знать, струхнул немножко.
Вдруг, невесть откуда, вроде злой метели,
Воронье, сороки, совы налетели;
Да как стали каркать, голосить, смеяться, —
Отступил завистник — может, не соваться?
Размахнулся камнем, чтоб сорвать хоть злобу, —
Хватя что было мочи сам себя же по лбу!
Затряслись от смеха камни все на поле.
Тут мужик взбесился, заревел от боли
И давай со злости их топтать лаптями;
Оглянулся — ведьма, что мешок с костями!
А она как гаркнет вдруг в воронье горло:
«Что еще за немочь к нам сюда приперла?»
— «Дело к вам имею... но в большом секрете...
Я давно пришел бы, каб не ваши дети».
А она, насупясь, смотрит и бормочет:
«Я ждала, но позже, уж быстер ты очень.
Ну, зажмурься крепче, выверни карманы
Да ступай-ка в сенцы, — только без обману!
Повернись там задом, обернись змеею
И пролезь на брюхе в хату под стеною».
Влез завистник этак к старой ведьме в угол,
Глянул, отдышавшись, и сомлел с испуга:
В хате тьма головок птичьих, как на рынке:
Крылышки и ножки, даже половинки;
Та свистит истошно, та пищит, та кричит,
А иная стонет иль протяжно плачет.
Как прикрикнет ведьма Коршуновым басом,
В сатанинской хате всё замолкло разом.
«Ну, скажи, что нужно? Золота? Понятно!
Ты для нас, я вижу, человек приятный».
— «Мне бы только к кладу меж болот добраться,
Ваша милость знает, как за это взяться».
— «Ишь, какой ретивый, больно скоро надо!
Погляжу сначала — стоишь ли ты клада.
Сделай три работы! Коль осилишь пробу —
Клад сполна получишь, а коль нет — хворобу.
Наноси-ка ногтем мне ведро водицы,
После ж из пылинок — что им зря кружиться! —
Столб составь высокий да, как волос, тонкий
И сочти все листья мне в лесной сторонке!»
Может, тут и немчик помогал умело, —
Хитростью ль, обманом, а завистник сделал;
И откуда силы да ума в нем стало, —
Всё исполнил чисто, что ни загадала.
Ведьма его хвалит, гладит по макушке,
Подала покушать в старой черепушке —

Вроде как яшню да с совиным сальцем,
И сама же кормит, в рот пихает пальцем.
А потом сказала: «Раз тебе запала
Жадность к деньгам в душу — ночью на Купалу
В лес иди, но помни, чтоб ни брех собачий,
Ни петушьи крики, ни люди тем паче
Не были помехой... В папоротнике сядешь,
Платочек расстелешь, хорошо разгладишь,
А там жди полночи... Расцветет цветочек —
Вмиг стряхни его ты с ветки на платочек,
Завяжи получше. Если не сплосхаешь,
Быть тебе богатым — где тот клад, узнаешь.
Только слушай, парень, чтоб ты не крестился
И назад ни разу не оборотился!»
Вот мужик дождался кануна Купалы,
В лес с утра забрался — зорька чуть блистала.
Выспался он за день, вечером умылся...
Расстелил тряпицу, да и ждет полночи,
Уперев столбами в папоротник очи...
Вдруг мышей летучих замелькала стая,
Кружатся, крылами чуть не задевая;
Зашипели гады, совы закричали,
Волки заунывный вой в лесу подняли.
Темный лес трясется, и мужик наш тоже.
Но осилил страх он, понемногу ожил.
Сделалось всё тихо — на кладбище вроде.
Вновь очей завистник со стебля не сводит.
Ветерок гуляет, листья овевая.
Вдруг встряхнулась ветка, словно как живая,
В тот же миг во мраке распустился цветик,
Засиял, играя, будто солнце светит.
Тут мужик скорее завернул в тряпицу
Цветик тот и к дому полетел, как птица.
Уж ему отныне всё известно было,
Что от глаз таила нечистая сила:
Речь зверей, откуда влага в реках льется,
Что на белом свете из чего берется,
Быть ли ветру, месяц скоро ль народится,
Кто кого где встретит, с кем что совершится;
Мог оборотить он себя и любого
Хоть во что захочет, лишь бы не в святого;
Надоить из дуба молока кадушку,
Воду сделать водкой, а валун — подушкой.
Пожелает —дохнет скот от злого ока,
Знал, где скрыты клады, как бы ни глубоко.
Мог лечить безумных, кровь унять с полслова,
Боль снимать зубную и чужие ковы,
И умел колосья закрутить жгутами

Иль развить, коль порча наслана врагами.
Стал такой премудрый — свет аж удивлялся:
Где это завистник разуму набрался?
Одного не знал он, сидя у окошка, —
Как вот заработать хлеба хоть немножко.
Взял мужик под мышку топор и лопату,
В лес идет без страха клад отрыть богатый.
Вот забрался в чащу, где огонь являлся,
Ковырнул лопатой — холм вдруг зашатался,
И, как грудь живая, земля застонала
Жалостливо, тяжело, будто умирала.
А медведи, волки, кошки и собаки,
Жабы и гадюки, зверь без счету всякий —
Разом закричали, а за ними пташки,—
У него по коже аж пошли мурашки,
Пот ручьем полился, волос встал щетиной,
А он знай копает, весь измазан глиной.
Малость приутихло; после — снова крики,
Сабли зазвенели, забряцали пики,
Слышны барабаны, и кричат солдаты:
«Лови, руби ноги! Чтоб не шел до хаты!»
А мужик копает, будто глух он сроду.
Тут карета мчится — чуть не сшибла с ходу.
А за ней другие с гиком налетают,
Кучера кнутами щелкают, пугают.
А он всё копает, словно как нанялся.
А когда и этим чарам не поддастся,
Из болота столько змей повыползало —
Лезут прямо в очи, выпускают жала.
Но мужик всё терпит, дела не бросает,
Ровно их не видит, ничего не знает.
Оборотни, дивы, ведьмы, вурдалаки
Собрались, зубами щелкают во мраке,
Отовсюду нечисть злая налезает,
Дьяволы гогочут, а мужик копает.
Ассессоров, сотских, урядников — туча,
Примчались, грозятся, а кто плеткой учит.
Он же без оглядки роет, — пусть, мол, злятся.
Клад и показался — некуда деваться!
Котелок, что кадка, скован обручами.
Обухом как треснул — скрепы забренчали,
Речкой полились новые дукаты;
Поглядел завистник: «Ну, теперь богатый!»
Торопясь, без счету в свой мешок их осыпал.
Навалил на плечи, с радости захлипал,
И земли не чует от счастья такого...
А за ним погоня, землю рвут подковы,—
И всё ближе, ближе, тяжело дышат кони,

Вот уже осталось, может, меньше гони.
Золото — в лисички, а себя — в колоду
Обратил он мигом и пропал как в воду.
Вмиг сюда арапы с воем налетели —
Саблями махают, так что лбы вспотели.
Не нашли и следа мужика с деньгами —
Так завистник ловко скрылся между пнями.
Сбившись, постояли, носом покрутили
И назад, как блохи, молча затрусили.
Вновь приняв свой образ и забрав дукаты,
Полетел завистник через лес заклятый.
А на полдороге вдруг опять погоня:
Гикают, стреляют — лес гудит и стонет.
Мчат к нему татары в малахаях лисьих,
Вместо глаз — булавки на скуластых лицах.
Мужика увидев, люто завизжали.
Расстелились кони... Всё же не догнали.
Мужик — верть! — стал дубом, деньги сделал роем,
А мешок свой — ульем. Вышло и такое!
Чмокают татары. Вновь пропал как в воду!
Один молвит: «Надо ж хоть отведать меду!»
Как пошли тут пчелы на коней кидаться —
Еле люди сели, чтоб назад убраться.
Побежал завистник. У села родного
Слышит — загудело: кто-то мчится снова.
Палаши кривые, острые, что бритвы, —
То гнались турки. Как на поле битвы
Злы, в зубах кинжалы, головы обриты,
Брови как усища, а глаза несыты.
Мужик бросил камень. Где он прокатился —
Там поток глубокий широко разлился;
Видят: челн причален, верши на дне речки,
Карасей полно в них. Встали, как овечки,
И никак не могут разгадать, дурные,
Что тот челн — завистник, рыбы ж — золотые!
Турки повернули, а мужик дал тягу.
Кто-то из соседей вдруг окликнул скрягу
Возле самой хаты: «Эй, беги потише,
Поделись со мною, нехристь ты бесстыжий!»
Вытерпел и это, бесу не поддался;
На порог ступил уж, за щеколду взялся,
Тут мешок проклятый треснул, разорвался —
Брызнули дукаты так, что загремело.
Задрожал завистник, кровь похолодела;
Оглянулся — видит: черт стоит, смеется,
Дразнит и хохочет, за бока берется.
Будто сноп тяжелый мужик повалился
И с росой только утром пробудился.

Первым долгом глянул — а дукаты целы?
И развесил губы, стоит ошалелый:
Щепки, только щепки, денег же не стало.
А душа за чары ни за что пропала!
Папоротник тоже потерял он где-то,
И отшибло память. Разом в утро это
Стал таким нескладным — трех не сосчитает,
Всяк его в деревне дурнем называет.
Вот как человека жадность загубила.
Ничего нет лучше, как свой грошик милый.
А коль ты хороший человек на свете —
Проживешь в здоровье и без денег этих!

<1891>

ГДЕ ЧЕРТ НЕ СМОЖЕТ, ТУДА БАБУ ПОШЛЕТ

© Перевод П. Дружинин

Один мужик с женой жил очень гоже,
А черту это — в горле кость:
Поссорить хочет, да никак не может,
Аж разбирает черта злость.
Не ест, не пьет, не опит и всё хлопочет,
А толку нет от черных дел.
Трет черт хвостом глаза, заплакать хочет,
Он сам себе осточертел.
Как вдруг глядит — шулдык, шулдык — бабуся
Как раз в деревню ту идет;
Черт думает: «Дай бабе поклонюся,
Авось она их разведет».
Пред бабой он предстал орлом-мужчиной,
Та аж ощерила клыки.
Черт бабе рассказал всё чин по чину,
Пообещал ей башмаки,
Как только муж, мол, женку отдубасит.
По-своему и клятву дал.
За дело бабка горячо взялася.
(Черт бабу очень тонко знал
Еще с тех пор, как яблоко украла Ева
В раю господнем где-то, там,
С того и богом проклятого древа,
Через которое пропал Адам.)
Вот бабка — шасть к той женке полегоньку,
Давай хвалить: что хорошо живут,
Что редко где найдешь такую женку,
А краше и не сыщешь тут.
А если женка знала бы секреты,
Как мужика приворожить,
Еще счастливей и дружней при этом
Они бы с мужем стали жить.
«Есть у мужчин под самым кадыком

Сердитый волосок один,
У спящего ты срежь его тайком,
Век будет как послушный сын!»
Дала тут женка бабе, что имела,
И баба с богом — за порог.
А женка с радости и завтрака не ела:
Уж то-то будет муженек!
Мужик пахал близенько от раки,
А баба мимо шла... шулдык —
И стала вдруг. «Бог в помощь!» — говорит.
«Спасибо, — вымолвил мужик,—
Что слышала хорошего, бабуся?»
— «Ой, много слышала! Да вот
Не знаю, говорить ли, нет? Боюсь!
Теперь на брата брат идет,
А женку верную попробуй-ка сыскать?..
И у твоей миленок есть;
Хвалилася, как будешь в поле спать,
Так бритвой голову, мол, хочет снести...»
Сказавши это, марш в лесок старушка,
Легла у первого куста,
Следит и ждет; хоть кашель душит,
Но приоткрыть не смеет рта.
А женка с завтраком спешит, как может,
У ней своя тревога и нужда...
Вот на межу поставила дар божий
И кличет мужа, как всегда.
Муж что-то хмур. Поел чуть-чуть,

с оглядкой,

Лег и заснул он крепким сном...
В кармане женка роется украдкой,
Достала бритву — и тишком...
«А, резать, подлая ты душегубка! —
Он заревел, как шалый бык. —
Так вот какая ты, моя голубка!»
И стал тужить жену мужик...
Проделка бабки черта удивила,
И он, страшась ее клыков,
Ей подал издали, надев на вилы,
Обещанную пару башмаков.
Тут черту мысль пришла попутно:
Не оболгала б баба и его,
Что он, мол, плод ее любви распутной
И мало ль там еще чего...
С тех пор, как черту что не удастся,
Идет он к бабам избывать беду,
И постоянно среди баб толчется,
И тем порядок держит он в аду.

<1891>

ХУДО БУДЕТ

© Перевод П. Семенин

Как на свет я появился,
Батяка молвил: «Худо будет!»
Так и вышло: век томился,
Обижали бог и люди.
Чем же худо? Тем, что в марте
Я родился (пост великий,
Тяжкий месяц, в каждой хате
Стонут люди-горемыки).
Хлеб поели весь до крошки,
И картошки — лишь посеять.
И приварка нет ни ложки,
И скотина вся болеет;
Тут не то что горстки сена —
Нет соломки животине,
Нет дровишек ни полена,—
И в такой-то час — родины!
Бабке хлеба дай ковригу
И вина хоть шкалик тоже,
А крестить не будешь в риге...
Что тут делать — то ль одежду
Под залог нести сначала,
То ль продать сперва конягу?
Сел родитель, заскучал он,
Пригорюнился бедняга
И слезами вдруг залился,
Как над батькиной могилой:
«Худо сделал, что родился,
Проклянeshь ты свет немилый».
Знать, накликал ненароком
Он беду недобрым часом.
Иль дурным кто глянул оком?..
Ну и доля ж удалася!
И сбылось ведь батьки слово!
Вот меня, прикрывши тряпкой,
Повезли крестить в Мокрово
Трое: кум с кумой и с бабкой.
А в Оборках мост сорвало.
Я едва живой был, слабый, —
Кум тогда, вздохнув устало,
Порешил — пусть крестят бабы!
Из реки водицы с илом
Кума горстью зачерпнула,
Надо мною покрутила,
Трижды на меня плеснула.
Вот и дело всё — ведь так же

Крестит ксендз, хоть главный самый,
Может, чем еще помажет,
Всё равно младенцу — яма!
Лишь бы сдать, живой покуда,
Чтоб родные не серчали, —
Мол, присматривали худо
Или туго спеленали...
Так на речке самочинно
Освятив мой дух безгрешный,
Крепко выпив — раз крестины,
В дом свезли меня поспешно.
Закусили также мигом,
Покумилися и — квиты.
Бабка — та взяла ковригу,
Шкалик водки, торбу жита,
Разошлись и уснули.
А меня мать колыхает:
«Спи, сыночек, люли-люли!..»
А как звать? — сама не знает.
Встав назавтра с зорькой ранней,
Мать стучит куме в окошко:
Мол, какое же прозвание
Дали сыну? Льну немножко
Принесла ей, круп и сала —
Всё, что в доме насбирала.
А кума была проворна,
Что не сбрешет — не собьется,
Крутит себе в сенцах жернов, —
Что ж, опять соврать придется.
И нашлась ведь: «Имя сыну
Ксендз искал сперва по святцам,
Долго думал благочинный,
Аж устал в листах копать,
Ну и дал из „калиндарка“».
Мать бегом из хаты в сени,
Сердце бьется, стало жарко,
Шепчет имя в изумленье:
«Алиндарка, Алиндарка!»
Прилетела птицей к дому
И за люльку ухватилась;
Рада сыну, как святому,
Вся в слезах — разголосилась,
На руках меня качает:
«Вот так имечко попало! —
И целует и ласкает. —
Век такого не слыхала!..»
Так меня и кликать стали
Алиндаркою повсюду.

Ну, как звали, так и звали...
А с хозяйством вышло худо.
Летом конь издох, а вскоре
И телушка наша пала...
Мать же высохла от горя.
Вся поникла, захворала.
Три годочка протужила,
В марте ж рученьки сложила.
(Всё-то в марте — надо ж это?
Ну и месяц — злее нету!)
С той поры мой батька бедный
Стал угрюмым, как могила.
Сядет он, бывало, бледный:
«Что ж ты, женка, натворила?!» —
Скажет так и зарыдает.
(Кто ж услышит, кто узнает?)
После стал хозяйку сватать:
Надо ж щи варить кому-то,
За двором глядеть, за хатой,
Покормить курей и уток.
А иначе — плохо дело:
Без пригляда живность дохнет,
Поросят свинья поела,
И корова что-то сохнет.
Долго так искал он пары,
Да никто идти не хочет:
Одной — бедный, другой — старый,
Третья бог весть что лопочет:
«Алиндарку вон из хаты,
Хоть на улицу, хоть в люди.
Вот тогда согласна, сватай,
Так оно вернее будет».
Три недели думал батька,
Еще больше зажурился,
Всё распродал без остатка,
Стал бродягою, распился.
Так и помер под заплотом,
Запрокинувшись неловко;
Шапку я нашел за бродом,
А в той шапке золотовку.
Утром к нам приходит сотский,
С ним ассессор, панов трое, —
Батьку резали на клецки
(В марте же стряслось такое!).
Тетка, надо мной опеку
Взяв, маленько подрастила
И к простому человеку
Жить за сына отпустила.

Но скончалась и тетка,
Стал я круглою сироткой.
Где ни днюю, ни ночью,
Всё беду я сердцем чую.
Пастухи в лесу сойдутся,
Тянут песни под березой,
У меня ж ручьями льются,
Отчего — не знаю, слезы.
Рос я так, послушный, кроткий,
Три раза уж причастился.
Вдруг зимою с шашкой, с плеткой
К нам урядник заявился.
Я сижу себе за печью,
Вью к лаптям своим оборы.
Плеткой он махнул за плечи:
«Сын твой, что ли? — молвит. — Хворый?»
— «Нет, не сын, — ответил отчим,—
Взял сиротку. Слава богу,
Парнем я доволен очень,
Уж такая мне подмога.
Рано встанет, поздно ляжет,
Будь то праздник или будень,—
Оженю его, уважу,
Будет годен богу, людям».
— «Годов сколько?» — гость пытается.
— «Двадцать», — отчим отвечает.
— «Как прозвание?» — «Калиндарка!..»
Гость строчит ответы шпарко:
Где родился, где крестили —
Записал всё и поехал.
Ну, конечно, угостили,
Дали торбочку орехов...
Так неделю мы прождали,—
Заявляется чиновник,
На груди блестят медали,
Лезет в хату: «Где крамольник,
Что Линдаркою зовется
И законы нарушает —
От рекрутства бережется,
Непокорством люд смущает?..»
В лес я ехать снарядился.
Батька кликнул, вхожу в хату,
А чиновник изловчился —
Бац меня, а после тату.
Я схватил его за груди,
В дверь шарахнул головою.
Он как рявкнет: «Гей вы, люди,
Тут разбой! Вперед, за мною!..»

Тут ресторан, бродяга скрытый,
Вон и лоб — заметно — бритый,
Всех вяжите! Снаряжайте!»
Снова — бац! «Кто? Сознавайся!»
— «Калиндар он, сиротина...»
Потащили по дороге
На веревке, как скотину.
И очнулись мы в остроге...
На острог снаружи глянешь,
Вроде там не так уж люто,
А как жить в нем, братцы, станешь —
Годом тянется минута.
Нет, уж лучше в хате голод,
И в дороге лютый холод,
Самый тяжкий труд на поле
Лучше той острожной доли.
Кто не видел в клетке птаху?
О железо бьется с маху,
Стонет, бедная, страдает,
Жить не хочет... помирает.
Раз лисицу мы поймали,
У забора привязали,
А она кружится, рвется,
Всё грызет, что попадетса,
Себе брюхо распластала,
А в неволе жить не стала!
И змею свобода (манит:
В склянку сунь — начнет метаться,
Сама себя жалить станет,
Чтобы с жизнью распрощаться.
Ведь любая тварь земная,
Будь хоть гадиной проклятой,
И та цену воле знает.
Что же нашему-то брату:
У нас разум не скотины,
Как же мы страдать повинны?
А в тюрьме несчастной голи
Никогда ни в чем нет воли!
У дверей глухих, проклятых
День и ночь стоят солдаты —
Молчаливы и сердиты,
Будто всё еще не сыты
Горем, кровью человечьей!
Не услышишь тихой речи,
Всё-то рыком — не словами,
Всё-то боем, кулаками...
Как в ворота нас впихнули
Да ключами громыкнули —

Будто белый свет затмили,
Будто в гроб живьем забили.
Страж к стене меня поставил,
В ухо двинул, мать облаял...
«В карцер их, бродяг, чтоб знали!» —
И солдаты нас погнали
Кулаками да пинками
И замкнули в темной яме.
Дали хлеба, воды меру,
Как тем людям, что за веру
В тюрьмах мучились когда-то
Без надежды, без возврата.
Темень, холод... Притулиться
Негде нам, светильник меркнет,
Словно трут, чуть-чуть дымится.
Затянули мы, как в церкви,
Плач к всевышнему возносим,
Божьей ласки — правды просим.
Так с молитвой, со слезами
И заснул я в этой яме.
А проснулся — удивился:
Вижу, в щелку луч пробился.
Вот, подумал, божья милость
И в остроге объявилась.
Оглядел я новоселье,
Словно здесь он, бог, со мною.
И взяло меня веселье —
Осмелел, окреп душою,
Вновь молитву «Буг уцечка!»^[73]
Блею тихо, как овечка.
Загремел замок на двери,
Кто-то зыкнул: «Эй вы, звери,
Вы, крамольники, паскуды,
Выбирайтесь-ка отсюда, —
Есть злодеи поважнее,
Вас же в общую... Живее!..»
Вверх погнали шагом скорым
По каким-то коридорам...
Двери, двери — нет им счета,
Сквозь глазки там смотрит кто-то.
Глянeshь — сердце замирает,
Всё одно лицо мелькает:
Взгляд горит, не щеки — глина.
Человек то иль скотина?
Ох, в остроге, как в гробнице, —
На одно лицо все лица!
Шли мы, шли, всё дальше гонят,
Всюду сырость, а от вони

Мне в груди дыханье сперло,
Будто кто схватил за горло.
Тут нам место показали,
Мы вошли, нас развязали,
Хлеба черствого швырнули
И опять на ключ замкнули.
Тьма народу здесь сидела.
Глянул я — душа сомлела:
Лица синие, заплыли!
В камере лишь нары были.
Все лежат на них, хохочут,
Места дать никто не хочет.
«Кинь-ка, — требуют, — на фляжку.
А не кинешь, так парашку
Каждый день таскать заставим
И без хлебушка оставим,
Так обучим дуралея —
Волдырями вспухнет шея!»
Задрожал я весь, боюся,
«Отче наш» шепчу, молюся...
Бог дал вспомнить: золотишка
В зипуне была зашита,
Заплатила как-то вдовка —
Свез на мельницу ей жито.
Быстро я монету вынул,
На пропой тем людям кинул.
Не заметил, как схватили,
Только видел — водку пили.
Разговор тут завязался:
«Как же с хатой? Кто остался?
Да за что и где схватили?
Много ль тюрем исходили?»
Поучают: «При допросе
Отвечай на все вопросы:
Ничего, мол, знать не знаю,
Чей я есть, какого краю!
Малым был — слепых водил,
А подрос — и сам бродил;
Не приписан я по сказке,
Так живу вот с божьей ласки.
Бог — мой батька, земля — матка!
Затверди — и выйдет гладко...»
Так сидим до марта тихо
Без добра, но и без лиха.
Ну, а в марте шлют бумагу,
Чтоб доставили бродягу —
Нарушителя закона,
Супротивника короны,

Что Линдаркою назвался
И с чиновником подрался.
Заковать — злодей он лютей,
На ногах чтоб были путы,
Дать конвой ему престрогий,
А не то сбежит в дороге!..
И еще там бед немало
Мне начальство обещало..
Утром нас чуть свет подняли,
От казны одежду дали.
Поскидали мы сермяги,
А солдаты, взяв бумаги,
Нас связали — и в дорогу.
Я подумал: «Слава богу,
Хоть нас солнышко согреет,
Ветерок в пути обвеет,
Теплым дождиком помочит,
Может, пташка спеть захочет».
Зарыдал, увидев небо,
Тут, сдается, и без хлеба
Был бы сытым на свободе,
Словно кролик в огороде.
Тут, сдается, и пропал бы,
За свободу жизнь отдал бы!
Птахи бога хвалят, свищут,
Пастухи палят огнища,
Землю солнышко пригрело,
И на сердце посветлело.
До полудня шли мы этак;
Сколько ласки, сколько света!
То полянки, то лесочки,
По обочинам цветочки!
К ночи в городе мы стали
И в холодной ночевали.
А заря чуть засветила
(Благовещение то было) —
Волокут меня к допросу.
Ну, дадут, подумал, чесу!
Привели. Судья бывалый,
Хоть не стар и ростом малый,
Что отвечу — всё запишет
И ногою знай колышет.
Как спросил он: «Кто, откуда?» —
Вспомнил я советы люда
Там, в тюрьме, и отвечаю:
«Ничего я знать не знаю!»
Тут и отчима позвали,
Допросили, расковали

И в деревню отослали.
Мне ж оказал он: «Ты, бродяжка,
Скрыл прозвание, будет тяжко:
Сорок розог, после — роты.
Сознавайся лучше: кто ты?»
И всё пишет, пишет, пишет
И ногою всё колышет;
Притомился, дал другому,
А потом ушел из дому.
Мне ж в тюрьму опять дорога.
Да теперь я, слава богу,
Одинешенек остался.
Плакал отчим, как прощался:
«Помни, здесь тебя не кину,
Коль до срока сам не сгину,
Коль не кара божья пала,
Коли правда не пропала,—
Вырву я тебя из пасти,
Одолею все напасти!
Бог поможет против силы,
Правда выйдет из могилы!»
Молвил это, поклонился
И слезами вновь залился.
Всё во мне похолодело,
И в очах вдруг потемнело,
Сердце биться перестало,
Что со мной, не знаю, стало:
Наземь замертво свалился
И в больнице очутился...
Голова моя обрита,
Всё лицо водой залито,
А пить хочется — нет силы,
Речку б выпил, коль пустили б.
Три недели здесь я пробыл,
Все свои пожитки продал,
Отдышался понемногу,
Жив остался, слава богу!..
Так томился я, не зная,
Что хозяин мой на воле,
Торбу взяв, не отступая,
По судам начальство молит.
Трижды в Вильну, семь раз в Лиду
Он ходил дела разведать,
Клятву дал — пока не выйду,
Даже дома не обедать.
Раздобыл он все бумаги,
Приписал меня по сказке...
И родной отец не всякий

Смог явить бы столько ласки.
А под осень, в час вечерний,
Привели меня в деревню,
Всех соседей пособрали.
Те, что знали, — рассказали:
Как я жил, когда родился
И как батька мой женился...
Всё, как есть, сказали чисто:
И что имя мне — Калиста,
А прозвали, мол, Линдаркой
Потому, что нищ и гол,
Как линдар, что на фольварке:
Всё именье — он да вол.
А чиновник был уж новый,
На людей глядел не строго,
Тихий, видно нездоровый,
Терпеливый, слава богу.
Просидел еще полгода,
Март настал — пришла свобода,
Развязали, отпустили
В тот же день, когда крестили!

<1891>

В ОСТРОГЕ

© **Перевод П. Семенин**

Из Окружного бумаги прислали,
Что после коляд назначается суд.
А люду немало в остроге держали,
И больше безвинные мучились тут.
Был, правда, из банка панок вороватый
И писарь, в подделке бумаг виноватый.
И я тут сидел, а за что меня взяли —
Ни сам я, ни судьи б о том не сказали.
А писано так: «Уничтожен им знак...» —
Колок на меже. (Был как сгнивший бурак,
И чирьем торчал на загоне моем.)
Его сковырнул я, наехав конем.
А чтобы мне трубку палить без огнива —
Костер разложил я на пахоте живо,
Колок расщепив... И, посеявши гречку,
Вернулся домой, завалился на печку.
А утром, чуть свет, ко мне сотский стучит:
«Скорей собирайся, урядник велит —
Приехал и всех созывает на поле,
Чего-то записывать там в протоколе».
Пришел я, урядник на всех наступает:
«Чья эта граница? — кричит, угрожает.—
Кто знак самовольно спалил межевой?
Сознайтесь! Когда учинен был разбой?»

Урядник строчит себе... Я же смеюся:
«Ох, страшно. Уж больно тебя я боюсь!
Знать, брат иль отец тебе этот гниляк,
Что ради него ты усердствуешь так!
Иль, может, один он и есть твой земляк?
А может, он высших чинов нахватал:
Исправник иль, больше того, — генерал?
Приблуда! Вали-ка обратно живее!
Дохнуть уж нельзя тут от вас, лиходеев!
И все вы, как кол этот старый, сгниете,
Народ же с родимой земли не сживете!
Вас так же кобыла моя сковырнет —
Не то что наедет, а только чихнет...»
Сельчане хохочут, — мол, выкуси, гад! —
Любой утопить бы урядника рад.
А он, что скажу я, всё пишет и пишет,
Еще переспросит, чего недослышит.
Меня же такой тут задор разобрал, —
А рядом, на поле, мой дядька пахал,—
Я кнут его взял, половчей раскрутил
И трижды урядника сзади хватил.
А он закричал: «Караул! Тут разбой!..»
И вновь записал, торопясь как шальной,
Вскочил на коня и — айда напрямиком.
Народ же от смеху аж плачет кругом.
Смеемся себе сгоряча, невдогад:
Урядник — начальник, не то, что наш брат.
Неделя проходит, вдруг сотский несет
Повестки: начальник нас в волости ждет.
На тройке уж он прилетел со звонком,
Вести будет дело под строгий закон.
С зарей собрались мы, куда ж тут деваться!
Мужчин два десятка и женщин двенадцать.
Идти же нам надо две мили до места;
Пошли, а зачем — никому не известно.
Один говорит: «Верно, вышел указ,
Чтоб лишние подати скинули с нас».
Другой — что прибавят земли, а оброк
Отменят, кто выплатить к сроку не смог;
А бабы: «Епископа нам воротили
И розгами выдрать панов присудили
За то, что всё продали немцам, враги,
А сами залезли в такие долги,
Что по уши в банках и кассах сидят,
Бросают поместья, в Париж норовят;
Леса все торговцам успели смести,
Живут, только б день как-нибудь провести».
Но толком никто в это утро не знал,

Зачем нас к начальнику сотский призвал.
Явились. Начальник, действительно, здесь.
Выходит в мундире, начищенный весь.
«За что вы урядника вздули, ребята?
Он еле, бедняга, добрался до хаты».
— «За то, — отвечаем, — что жаден, пролаза,
Яичницу любит, курей и колбасы;
Особенно нюхать повадился в хатах,
Где баба одна, а хозяин в солдатах;
Свиньей пасется у нас в огороде,
Гони его в дверь — в окно он заходит.
Всё, что ни увидит в дому, — вымогает,
Не то что в кладовку — в карман залезает.
На поле столбец — и его ты не трожь.
Того же не видит, где правда, где ложь.
Знай пишет да всех обижает и злобит,
И нам он — как кашель при тяжкой хворобе».
Мы этак лопочем, а пан себе пишет,
И жалоб он наших как будто не слышит.
А после читает: «Такие-то люди
При службе урядника рвали за груди,
Призналися сами — как, чем его били,
И знали, что этим закон преступили,
Что шли против власти, открыто грозились,
Урядника кончить селом сговорились.
Я ж, главный зачинщик, спаливший колок,
Я в бунт мужиков неразумных вовлек,
А значит, в острог меня надо упечь,
Престрого судить и позорче стеречь».
Начальник читает, а мне всё сдается,
Что он над людьми и над правдой смеется:
Равны пред законом и пан и мужик,
Так чем же урядник, индюк тот, велик?
Коль он тебя треснет — терпи и ни слова,
Его ж не касайся, как Юрья святого.
Так думалось мне, но случилось не так:
Урядник на службе — то, брат, не пустяк,
И ты с ним носись, как с болячкой какой,
Он — это не он, он — артикул живой,
Разделы, статьи и все своды закона!
Мужик перед ним — всё равно что ворона.
Сдавалось мне прежде: кто б ни был глупец —
Пускай он вельможа, богатый купец,
В мундире расшитом, в жупане ли новом,—
Как был, так останется он безголовым.
И нюхом такого почует собака,
Везде ему будет «почет» одинаков.
И присказка есть, что господь — не овца,

Он метит и глупого, и шельмеца.
Законы ж и думы простого народа —
Что ночь и что день, что тюрьма и свобода.
Вот этих законов понять я не мог,
За то и попал арестантом в острог.
И тут уж глаза мои всё увидали,
Всё понял, как в царскую хату загноули.
А ныне учить поведут меня в суд,
Чтоб я уважал и начальство, и кнут,
И столб, что гниет на меже у дорог, —
Всё это навеки назначил нам бог!

<1891>

ПОБЫВАЛ В ПЕКЛЕ

© **Перевод П. Карабан**

Раз, в день поминальный, домой возвращаюсь
Ровнехонько в полночь... а мрак непроглядный!
Не то чтоб уж вовсе валюсь, но шатаюсь
То вправо, то влево, хвативши изрядно.
Иду, рассуждаю: теперь нам раздолье,
Иль при панах было более сладко?
Считаю по пальцам: двенадцать до воли
Я прожил годов да при ней — три десятка,
Приказчик там был, комиссар, старшина,
Бурмистр, экономка, лесничий, паны.
И в руки была им нагайка дана,
И каждый охоч был до нашей спины...
А нынче... Ой, что-то невесело вроде!
Не больше ли с волею стало панов?
Не больно свободно при этой свободе...
Стал новых панов я подсчитывать вновь:
Староста, сотский, писарь и дале:
Посредник, урядник, ассессор и суд,
Съезд мировой, присутствие, сход...
Аж волосы дыбом от ужаса встали,
Аж пальцев не стало, чтоб кончить подсчет, —
А как же без пальцев кормить этот люд?..
Бреду я... как вдруг — провалиться мне! — там
Ну точно покойный стоит эконом.
Вгляделся я — он-таки, право, он сам:
И стриженный ус, и нагайка при нем.
Худой только — ребра все можно счесть, —
Кожа да кости и белый как снег,
Только на сердце пятнышки есть
И пятна на пальцах — видно, за грех...
«Братец мой, — молвит, — братец Матей!
Спаси мою душу из пекла,
Вырви от подлых чертей,
Чтоб вечных мучений она избегла!

За двадцать пять лет, что в пекле томился,
Грехи искупил, ото всех я отбился,
Только один липнет к сердцу смолой,
Пятном он чернеет несмытым:
При жизни с твоей согрешил я женой,
Да и ты ведь невинно был битым.
Ох, спустись-ка со мной, зачерпнувши воды,
Ты к нам в пекло, до самого дна,
И прости уж, что встарь, когда был молодым,
Мне твоя приглянулась молодка-жена.
И водой ты на сердце мне брызни, Матей,
Буду бога молить за тебя, за детей!»
Заплакал я с горя, но зла к нему нет.
Натерпелся и он; хорошо, хоть живой!
Весь иссох на огне, превратился в скелет.
«Что ж, взгляну я на дива, спущусь за тобой!..»
И чудес же там, братцы, в том пекле! В котле
Черти грешников варят в кипящей смоле,
Тащат, рвут на куски, запрягают их в воз,
Тянут крюком кишки, а зубами за нос;
Рвут ногтями лицо, тычут в очи колом,
Как сапожный товар, зачищают ножом.
И кого же там нет? Там и пан и батрак,
Эконом и мужик, генерал и солдат.
А уж девок да баб — скажем так:
Ровно втрое томится там, брат!
Кто за что: бабы все — за язык, до одной,
И у каждой язык — с полотенце длиной.
Обдирает их нож, обжигает смола,
Но очистить нельзя языки добела.
Много там молодежи, изменявших мужьям,
И красавиц, и сводней седых.
Видал многих знакомых я там,
Но уж я не затрагивал их.
Мужики в небольшом там числе,
И всё больше паны, кто богат.
На тот свет, отстрадав на земле,
Как по маслу уходит наш брат.
А панам трудновато терпеть
Без привычки... Так стонут, что страх!
С виду пан — здоровенный медведь,
Черт же в дышло запряг — и трах-трах
В хвост и в гриву! Знай хлещет кнутом,
Морду крутит вожжами, за космы дерет,
Только пыль по дороге столбом —
Вихрем пан воз чертовский везет.
Господа там и строят, и жнут,
Подметают, пасут там свиней,

А смолу точно мед они жрут,
Натаскали уж горы камней,—
В пекле надо им вымостить дно...
Только проку и толку от них ни на грош;
На земле от работы их горе одно,—
Ну и там точно то ж!
Из ксендзов-то, я думал, там нет никого,
Только глядь — ан и ксендз тут сидит.
Черт кругом обложил кучей денег его,
Подпалил их, и ксендз вместе с ними горит.
А другой там подвешен, да как!
И сказать мне об этом-то стыд:
Покраснел он от срама, как рак,
Очи жмурит, как кот, и горит.
И честит его баба, кляня,
Так ругает, что слушать нет сил...
Обругай кто-нибудь так меня,
Я давно б его со свету сжил.
Становой, старшина тоже тут.
Этим деньги все черт соберет,
Скрутит туго деньжонки те в жгут
Да и в горло воткнет и колом пропихнет,
Керосином польет их потом —
И пылает тот жгут в горле жарким огнем...
А народу там! Всякого званья и лет,
Роду-племени всякого, всякого веку...
Кто не жил на земле, лишь того там и нет,
Не дай бог туда угодить человеку!
Насилу пролез я в закут, где тяжко
Мой эконом искупает грех,
Черт и его гоняет в упряжке —
Вспотел, бедняга, пить просит у всех.
Я в лицо ему брызнул водой —
Он обрадовался, как дитя,
И так потянулся к чернильнице той,
В которой я воду принес для питья,
Что тут же исчезла вода моя вдруг.
А сам эконом побелел, как дым,
Расплылся, рассеялся паром вокруг
И облачком тихо растаял седым.
Не помню, как вышел из пекла того...
Очнулся я в хате на печке уж днем.
Все плачут кругом — не понять, отчего?
Во мне ж всё горит и печет, как огнем,
Трещит голова, ноют кости и тело,
И нет больше мочи от жажды страдать.
Напился и снова упал, помертвелый...
Вот так довелось в пекле мне побывать!

<1891>

СМЫЧОК

© Перевод А. Тарковский

Ой, дайте, друзья,
Мне смычок такой,
Чтоб — коль сгину я —
Пел он сам собой.
Чтобы голос тот
Целый свет будил,
Где народ живет,
Где он жил да был.
Если дуб смычком
Трону вековой,
Темный лес кругом
Запоет трубой,
Той, что божий люд
В наш последний час
Позовет на суд,
Позовет и нас.
Если вдруг смычок
Тронет ель одну,
Я в бараний рог
Синий бор согну,
Чтоб проснулся он,
Чтобы пел, рыдал,
Чтоб наш плач и стон
В том бору стоял.
Березку слегка
Тронул бы смычком —
Плакала б века
Вместе с мужиком;
Чтобы листья в лад
Зазвенели бы
И звончей щеглят
Зашумели бы.
Если тем смычком
Чуть кремень задеть —
Встанет дым столбом,
Камню — не стерпеть!
В щебень да песок
Он распался бы,
Только пел голосок,
Надрывался бы,
Чтоб услышал всяк,
Да и пожалел,
Твердый бы размяк,
Мягкий разомлел.
Ох, когда б смычком

На сердцах играть!
Хоть сгннуть потом,
А голос подать!

<1894>

ПЕСНИ

1. ВДОВА

© **Перевод М. Голодный**

Ручеек с горы струится,
Брызги рассыпает,—
Плачет по ночам вдовица,
Слезы утирает.
Горе мыкают лихое
Сиротинки-дети,
А еще трудней вдовою
Жить на белом свете.
Ой, узнает горе лихо
И людскую злобу,
Будет плакать тихо-тихо
Весь свой век до гроба.
День и ночь ручей струится,
Брызги рассыпает, —
День и ночь в тоске вдовица
Слезы утирает.

2. ГОРЕ

© **Перевод Н. Браун**

Кабы голос мне иметь,
Кабы горе куда деть,
Кабы горя бог не дал,
Я бы песни распевал.
Ой, горе мое!
Взял я горе-неудачу,
Думал: дай в мешок запрячу,
В речку брошу я на дно;
Бросил — выплыло оно.
Ой, горе мое!
Взял я горе — да в онучу,
Кинул в полымя костра,—
Никак горя не замучу:
Горе горем, как вчера.
Ой, горе мое!
Взял я горе — да на вожжи,
В лес завел, скрутил у пня,—
Завтра горе, чуть свет божий,
Снова в хате у меня.
Ой, горе мое!
Тут я горе в гроб запрягал,
В ров глубокий закопал,
А едва дошел до хаты,

Снова горе повстречал.
Ой, горе мое!
Завернул его в солому,
В старый лапоть положил,
А как вышел я из дому,
Горе горем — лапоть сгнил.

Ой, горе мое!
Взял я горе да напасти,
На чужбину их отвез.
Думал: там добуду счастье
Иль погибну, гол и бос.

Ой, горе мое!
Не нашел и там покоя:
С горем лег и с горем встал.
Бог возьмет его с душою,
Коль с душою вместе дал.

Ой, горе мое!

3. «Аж сорока рассмеялась...»

© Перевод П. Дружинин

Аж сорока рассмеялась,
Как пахала бабка поле;
Заяц сглаза испугался,
От арбы подошли кони.
А лисицы, те завыли,
Как мужик гречиху рвал,
Волки завтрак утащили,
Пока первый сноп вязал.
Женка трубку курит в хате,
Муж рубашки шьет на диво,
Конь пасется на лопате,
А на вербе зреет слива.
Ой, на печке, в синем море
Ловит дядька карасей,
В чистом поле на заборе
Прячет пахарь сто рублей.
Ой, сноха с свекровью ладит,
А сын батьку признает,
На собаку заяц лает,
Должник деньги отдает!

4. ЖЕНИХ

© Перевод М. Голодный

Ой, колючий можжевель,
Ягодка красива.
Ой, невесты не нашел,
А жених — на диво.
Ты аукни на весь лес,
Может, отзовутся;
Раз в свои портки не влез,

Чьи-нибудь найдутся.
Будем сватать молодца,
 Парень без укора;
На работе — что овца,
 А храпит, как боров.
И на всё большой мастак —
 Людям для потехи
Косит палкой, пашет так:
 Что ни шаг — огрехи.
В кабаке всегда гостит,
 Первый забияка;
Кто его не угостит,
 С тем затеет драку.
А в костеле — раз в году,
 Да и то средь ночи:
Не привык он на виду
 Лезть пред божьи очи.
Он пригож: не крив, не кос,
 Только вот без носа,
Как отъели волки нос —
 Нет на парня спроса.
А богатый-то какой —
 Гривенник в кармане!
Забренчит и золотой,
 Если в долг достанет.
А умен же он! Как тот,
 Что лежит в берлоге:
Лапу до Святой сосет
 На своем пороге.
Ну, как мухи вы на мед,
 Девки, налетайте!
Вас жених отменный ждёт,
 Только не зевайте!
Сладко есть вам, вволю пить! —
 Не будет отказу.
А жену начнет лупить
 После свадьбы сразу.

5. НЕВЕСТА

© **Перевод М. Голодный**

Ну и девка, ну и хват,
 Экая заноза!
Хоть повесить в аккурат —
 Только жаль березы.
Выйдет на реку с бельем —
 Всё белье потонет,
Выйдет на поле с серпом —
 Девка стоном стонет.
Не сожнет и полснопа —

Разомлеет жница,
Руки вспухнут от серпа,
Долго ль простудиться!
А уж полет — в три руки!
Чисто, всем на диво!
Попадутся бураки,
Говорит — крапива!
Не корову, а быка
Подойти всё хочет,
А как нету молока,
Так она хохочет:
«Пусть ее задрал бы волк, —
Экая телушка!
Я ей в вымя толк да толк, —
Вымя — как подушка.
Хоть бы капельку дала,
Хоть одну, не боле!
Верно, ведьма заклала!
К бабке сбегать, что ли?»
Ей бы есть, да не варить,
С печкой не возиться,
Только знает носом рыть:
Чем бы поживиться?
А поставит в печь горшки
Будто впрямь впервые:
И достать их не с руки,
И горшки пустые.
Сядет прясть — и так прядет,
Что аж плачет прядка,
Столько льна переведет —
И глядеть-то жалко.
Ну а нитка — та в хомут
Лезет еле-еле,
А за печкой целый пуд
Брошенной кудели.
А станок поставит — ткать
На Якуба только,
Тут уж время жито жать, —
То-то много толку!
А плясать она пойдет —
Лапти разлетятся,
И лягушкам из болот
С нею не сравняться.
А поет — точь-в-точь сова
Зайца окликает;
Аж трясется голова, —
Вот как завывает!
Ходит, будто черт в смоле,

Лучше отвернися:
В одежонке, на полé,
Черви завелися.
Вон в углу с добром мешок,
А в мешке — прореха:
В люльке спит ее сынок!
Тут уж не до смеха!
Ну-ка, парни, я вам — сват,
Девка молодая,
Кто подхватит — будет рад
И не прогадает!

6. «Что ты бежишь, мужичок?..»

© Перевод Н. Браун

Что ты бежишь, мужичок?
— Подгоняет мороз.
Что ты лежишь, мужичок?
— Я урядника вез.
Зачем ты пьешь, мужичок?
— Я не ел ничего.
За что ты бьешь, мужичок?
— Часто били самого.
Зачем ты крал, мужичок?
— Своего не знавал.
Зачем ты лгал, мужичок?
— Кто-то правду украл.
Что ты черен, мужичок?
— Сильно в хате дымит.
Что не проворен, мужичок?
— Меня каждый бранит.
Чего ты темен, мужичок?
— Да под темным сижу.
Что бездомен, мужичок?
— За чужим всё гляжу.
Зачем хитер, мужичок?
— Видно, глуп, как ворона.
Отчего умер, мужичок?
— Убегал от «закона».

7. «Танцуй, гарцуй, пане...»

© Перевод П. Дружинин

Танцуй, гарцуй, пане,
Коли есть в кармане.
Скачи, крутись браво
Налево, направо!
Продай, продай ниву,
Купи бочку пива!
Продай всё с постели,
Гуляй две недели!
Пропей одежонку,

Продай деток, женку,
Продай лес-дуброву
За девку бедову!
Продай всё дочиста,
Возьми монет триста!
Продай свою славу —
Город Варшаву,
Продай и честь дочки
За вина полбочки!
Ведь пан даже пьяным
Останется паном!
Танцуй, пане, в хате,
Пока духу хватит!

8. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

© Перевод С. Маршак

Спи, сыночек, люли-люли!
Наши курочки заснули,
Задремали и цыплятки,
Спят под крылышком хохлатки.
Отчего ж тебе, сыночку,
Всё не спится в эту ночь?
Может, вырастешь ты паном,
Аль великим капитаном,
Позовешь на новоселье, —
То-то матери веселье!
В красный угол гостью просят,
Хлеб и соль ей сын подносит,
Ручки-ножки ей целует,
И ласкает, и милует.
Перед всем честным народом
Угощает крепким медом,
Да лепешками из мака,
Да горячей верещакой.
Спи, сыночек, люли-люли!
Куры с вечера уснули,
Спи и ты, родимый, сладко.
Хоть я бедная солдатка,
А любой, узнав о сыне,
Преодо мною шапку скинет.
Спи, родимый, люли-люли!
В гнездах ласточки уснули,
Отчего ж тебе, сыночку,
Всё не спится в эту ночь?
Может, вырастешь ты паном
Аль великим капитаном.
Станешь ты чинить расправу,
Наживешь худую славу.
Будет смертушки убогий

Для тебя просить у бога.
Спи, сыночек, люли-люли!
Петухи давно уснули.
Мать придет к сыночку в гости,
Он велит ей бросить кости,
И пойдет она дорогой,
Одного прося у бога:
Чтобы ей забыть о сыне
И не знать, когда он сгинет!..
Спи, родимый, люли-люли!
Наши курочки уснули.
Ой, не будь ты лучше паном,
Ни великим капитаном,
Будь чем мать тебя родила,
Чтоб я в гости не ходила —
Век с тобою вековала,
Вместе горе горевала.
Спи, сыночек, люли-люли!
Куры с вечера заснули.
Задремали и цыплятки,
Спят под крылышком хохлатки.

9. «Веселись, ходи ногами...»

© Перевод П. Дружинин

Веселись, ходи ногами,
Как по маслу всё идет;
Коль не хватит ржи в амбаре,
Мельник мучки подвезет!
Танцуй себе хоть до поту,
Кушай водочку в кредит!
Коса скосит луговину,
Вспашет полосу соха;
Под смычок танцуй, детина,
Пока целы потроха.
Борона всё заборонит,
А посеет ветер сам;
Пусть, кто хочет, землю роет,
А ты пой: «Тарам-там-там!»
Есть топор, нарубит дров он,
Намолотит хлеба цеп..
Выпей, выпей на здоровье!
Были б зубы — будет хлеб.
Конь впряжется сам в подводу,
Напасется досыта,
А ты праздной знай свободу,
Пой беспечно: «Тра-та-та!»
О хозяйстве не печалься,
Хлеб-то, он и сам растет;
Лучше жарь себе, брат, вальсы,

А работа не уйдет!
Танцуй себе хоть до поту,
Кушай водочку в кредит!

10. ТУЧКИ

© **Перевод П. Дружинин**

Тучки, тученьки мои темные,
Ветер гонит вас без дороженьки,
Нет пристанища вам, бездомные...
Отдохнете вы, знать, у боженки!
Где родились вы, тучки милые?
Где вы «здешними» прозывалися?
Словно ярочки, мчитесь мимо вы...
Хоть бы малость где задержались!
Знать, и вправду вы бесприютные,
Бесприютные, беспризорные;
Всё сильнее, сильнее ветры лютые,
И летите вы, им покорные.
На лету слезой землю мочите,
И шумят листья, зеленеет лес...
Умирая, вы жизнь приносите
Всем полям, лугам, всей земле окрест.

<1894>

ПАНСКАЯ МИЛОСТЬ

© **Перевод Б. Ирнин**

По морозцу, лесом, поздно
Тройка мчала пана.
Вдруг злодей дорогу грозно
Преградил рыдвану.
Всю как есть забрал поклажу,
Ободрал как липку,
Катит в панском экипаже
Весело да шибко.
Пан за ним бежит, а ноги,
Стужа пробирает,
Не видать конца дороге,
А дух замирает.
Пан разбойника усердно
Молит о пощаде,
Называет милосердным,
Просит Христа ради.
И разбойник, вдруг смягчившись,
Дал тулупчик пану
И дырявые лаптишки
Бросил из рыдвана.
И злодею со слезами
Пан целует руки,
Будто тот его лаптями
Спас от смертной муки.

Обещает век молиться
 За него, за деток,
Славит щедрость и дивится,
 Как он сделал этак.
Будь он худшим из бандитов —
 Он не хуже пана:
Здесь и там добро добыто
 Кражей да обманом.
Что ж, не жаль им ради славы
 Кинуть, что негоже, —
Глядь, и пан тут станет нравом,
 Что твой ангел божий.

<1894>

ЗАРОК

© Перевод Н. Вольпин

Помолись-ка ты, бабка, со мною,
Чтобы паном не быть мне вовек,
Чтоб не зариться мне на чужое,
Чтоб работал я, как человек!
Чтобы носа пред меньшим не драл,
Перед бóльшим не гнул бы спины;
Чтоб вину я свою признавал,
За другими не видя вины;
Чтоб как надо жену я любил,
Жен чужих не вводил бы во грех;
Чтоб детей своих жить научил,
Их поставил бы на ноги всех;
Почитал бы за братьев людей,
Всем делился б и грудью стоял
Я за счастье отчизны своей,
О чужой никогда б не мечтал!
Чтобы веры родник не иссяк,
Чтоб народу был предан во всем,
Не носил бы пожитков в кабак
И чужим не кормился б трудом!
Чтоб за клин, коль случится продать,
Не взыскал я обманом вдвойне;
Чтоб свою мне земельку пахать
И на ней успокоиться мне!
Так давай же у бога просить,
Чтоб вовеки мне паном не быть!

<1894>

ЗАЩИТА ЖИВОТНЫХ

© Перевод Б. Ирнин

И не думал сроду, и во сне не снилось,
Что моя кобыла тоже под защитой.
Что таить? Нередко в жизни приходилось,
По заслугам, правда, быть ей крепко битой.

Перед Новым годом стукнули морозы.
Дров взвалил я на воз не одну вязанку,
Прикрутил на совесть и легонько с возом
Напрямик пустился в Гродно спозаранку.
Заяц был забитый, да яиц немного,
Да хорьковых шкурок взял я для продажи.
А дрова сырые, в рытвинах дорога,
Чуть бредет кобыла со своей поклажей.
Полз я потихоньку и дополз до Гродно,
На базар приехал, выложил десятку,
И базарный сборщик, чинно-благородно,
Указал мне место; встал я за рогатку.
Пани — хватъ за ножки и купила зайца,
Да еврей за шкурки отсчитал три злотых.
Но не продаются ни дрова, ни яйца,
По ушихватило с ними мне заботы.
Яйца сбыл я всё же, слава тебе боже.
Глядь — к дровам уж кто-то прицениться хочет,
Деньги тычет в руку, да цена несхожа, —
То подскочит к возу, то назад отскочит.
«Десять злотых хочешь?» Взял с него я плату.
«Ну, вези живее!» — дрожит, как осина;
Сам бежит и гонит — мол, простыла хата.
Взяла меня жалость, собачьего сына, —
Хватъ кнутом кобылу, потеряв терпенье.
А легко ль голодной по такой дороге?
Снег — одно названье, едешь по камням.
Чуть она рванула — подломились ноги.
«А, чтоб ты издохла!» Вкруг народ смеется...
И давай кнутом я поднимать кобылу.
Не бросать же дров мне, а скотина бьется,
Но встает как будто, тужась через силу...
Вдруг какой-то барин р-раз мне в зубы с маху.
«Я, — кричит, — животных покровитель, клячу
Бить я не позволю! Всем задам я страху!
Видно, сам отведавать захотел горячих!»
Крикнул он куда-то, зычно, что есть мочи:
«Эй, го-ро-до-во-ой!» Тут как тут вояки.
Под шумок дровишки тащит всяк, кто хочет,
А городовые злые, как собаки.
Наломали шею, в дом один пригнали,
Дом такой высокий — сверху колокольня.
Деньги отобрали, а поесть не дали.
Мне б вернуть кобылу, пусть уж будет больно.
Три дня продержали. «Ступай, бог с тобою!»
— «Где ж моя кобыла, и кошель, и сани?»
— «Кляча твоя сдохла, верно от побоев,
А тебе за это будет наказание».

Ну и дожил! Вот бы увидели злыдни:
То-то над кобылой славная опека —
С голодухи сдохла, простоявши три дни!
Бить же запрещають. Ну, а человека
Били, обобрали. Где добро? — Ищи ты!
Видно, так и жить мне без опеки всякой.
Иль съедят нас свиньи с этакой защитой,
Или стать придется самому собакой!

<1894>

БАЛЛАДА

© **Перевод П. Дружинин**

Жил в нашем селе Онуфрий когда-то,
Мужик был разумный и в полной силе;
Все его сундуки и хата
Заполнены разным добром были.
Имел он добрых коней две пары,
Полотна и сукна, кафтан отличный,
Ломились засеки его амбара
От жита, гороха, муки пшеничной.
Был работающим Онуфрий Скирдзель,
И детки и женка к нему ласкались,
Но все перемерли в восемь недель,
Остался Онуфрий один как палец.
Сидит в своей хате, горюет, плачет,
А ночью пойдет — на могилках ляжет.
В хозяйстве ж — убытки да незадачи:
Падеж на скотину, пожар, покражи...
Подошли коровы, гумно сгорело,
Украли коней порою рабочей,
А тут и подушная плата приспела,
И сборщик, как дым, залезает в очи.
Продав на подать добра немало,
Стал больше того Онуфрий хиреть.
Сварит горшочек бобов, бывало,
И кормится, лишь бы не умереть.
Лета дождался, дал бог недород:
Сгнили в поле хлеба и сено,
Картошка погибла, пропал огород,
А подати те же, без перемены!
Сборщик Скирдзеля зовет на расплату,
Грозится работать забрать на дорогу,
Продать все пожитки его и хату...
Спасенья не видно, взывай хоть к богу!
Покликали в волость его к старшине,
Тот пьяницей горьким при всех обзывает:
«Землею владеет, скотина, а мне
Подушную плату вносить забывает!..»
Подался Онуфрий вперед всей грудью,

Снял крестик, дрожит весь, бледный:
«Глядите вот, добрые люди,
Богатство мое — крестик медный.
Продам разве дьяволу свою душу,
Чтоб денег на подати одолжил.
Коль здесь погибаю — и там не струшу,
Раз черту и душу уж заложил».
Аж все испугались. Блеснули очи, —
То слезы у старого брызнули градом,
Пошел на могилки, туда, где ночи
Всегда проводил он с родными рядом.
Назавтра, забрав кузовок-плетенку,
Отправился в лес, чтоб себе на ужин
Набрать сыроежек, лисичек, опенков,
Забрался в валежник, в самую глушь он.
Тут черт из-под пня и вылезит,
И полную шляпу несет монет.
Онуфрию вспомнился сборщик сразу,
Платить ему надо, а денег нет!
Черт поклонился, опенки забрал,
Онуфрию в кузов сыплет дукаты.
Высыпал, свистнул, полы задрал...
Вернулся Онуфрий домой богатым.
Тотчас же в волость отнес недоимку,
Все подати с шеи долой спихнул,
Волов и телушку купил перезимку,
Наелся досыта и отдохнул.
Хозяйствовать начал, земля так родит,
Что дива такого народ не помнит...
А на могилки, как прежде, ходит,
В костел за обедню дает на помин,
Любому подаст он, в беде поможет.
Иной постыдится просить, так ночью
Сам деньги пойдет на окно положит,
И очень не любит, коль брать кто не хочет.
А черт аж кипит весь, тужит,
Что эдак Онуфрий живет:
Не только черту совсем не служит,
Водичкой святой еще обольет!
Ждет черт его смерти: за печку сел,
А он жития читает святых...
Постной похлебки Онуфрий поел.
Перекрестился, вздохнул и затих.
А черт и моргнуть не успел — в минутку
Онуфриев дух сквозь двери шмыгнул,
Сел на костел, заиграл на дудке...
А черт на костел-то не доскакнул.
С тех пор, как погаснут в домах огни,—

Умаются люди окрестных сел,—
Всю ночь и до ранней зари
Черт издали смотрит на тот костел,
Всё ждет — может, дух соскочит.
А в полночь да в бурю, видать с тоски,
Аж свищет, аж воеет, хохочет,
Аж крыши рвет на куски...
Но в колокол дух ударяет тогда,
И только тот звоном ему ответит
(А звона ж боятся черти всегда) —
Так сразу исчезнут и черт, и ветер!

<1894>

НЕ ВСЕМ ОДНА СМЕРТЬ

© **Перевод Н. Вольпин**

Жил пан во дворце — пребогатый,
Скопил он не счесть сколько денег, —
Греби хоть лопатой дукаты...
Да норовом был он крутенец!
Ни в чем не знал он отказу:
Захочет он музыки — тешат
И скрипкой и дудками сразу;
Прикажет плясать он — и чешут
Вприскок да вприсядку, во что кто горазд;
А плакать — так плакали много!
А то и поплакать не больно-то даст...
Боялися пана, как бога!
А пил-то, а ел-то — о боже!
Когда бы трудом добывал он, что ест,
Он три года работы, похоже,
Уминал бы в один присест!
Ел да пил он да грабил народ,
Чтоб еще стать знатней и богаче;
Думал, верно, что век не помрет,
Ан бог-то надумал иначе.
А в хате у края села
Жил мужик — и увечен и квёл;
Хата в дырках, что лапоть, была,
Сам голодный — и гол как сокол...
Когда-то он был озорной лиходей,
При пане он был подлипалой
И много обидел безвинных людей,
Давно по нем пекло скучало.
Теперь жил он нищим и сирым;
А всяк попрекает за что-то,
Клянут, ненавидят всем миром, —
Ну просто и жить неохота!
Тем временем в пекле-то черти
И пану и хаму готовят закут.

Пристают чертенята к тетушке Смерти:
«Когда ж им обоим будет капут?»
И хаму и пану приходит черед
На чистый четверг помирать,
Чтоб грешной душе у адских ворот
Без благовеста предстать.
Послали по души хромого чертяку,
Чтоб он их забрал обе сразу
И к старшему вел безо всяких
По чертовскому их указу.
Черт в хату сперва во весь дух!
Глядит — а мужик за столом
Ставит латку на старый кожух
Да за веник берется потом...
Подумал хромой: «Чай, не скоро помрет!
Побегу погляжу, что у пана!»
Прилетел — пана смерть уж берет,
Лекаря стерегут неустанно:
Смерть по горлу косою — чик-чирик! —
Но помажут порез лекаря,
И как не было — зажило вмиг!
Только машет косою зазря.
Уморила Смерть; пан ревет,
Смерть ему и на ум не идет;
Воротник разодрал, одеяло дерет
И червонцы гребет под живот...
Вдруг — динь-динь! — ксендз с причастьем

пришел.

Смерть косою как махнула сплеча —
Пан взревел, что зарезанный вол.
Душу сцапал хромой сгоряча
И кивает: мол, тетка, спеши,
Прибирай мужика! Скоро ночь —
Мне ж наказано обе души
До полуночи в ад приволочь.
«Мужика? Что-то мне невдомек...
Я же первым его развязала.
Был конец его тих и легок:
Смерть позвал он, как хлеба не стало;
Он на исповедь утром сходил;
Умирал, как заснул, и не пикнул...»
Черт со злости собакой завыл;
Тут из пекла старшóй окликнул.
Черт панскую душу в мешок и — шмыг!
Мужицкая ж бродит и бродит по свету:
Не сыщет приюта нигде тот мужик,
В аду ж за двоих тянут пана к ответу.
Хромого за то, что отстал он от Смерти

И пекло в убыток вовлек,
Чертовским судом они, черти,
Упекли в преисподний острог;
Смерть за то, что по глупой поблажке
Черта не кликнула душу зацапать,
Сидела три дня в каталажке,
Грызла с голоду лыковый лапоть.

<1894>

НЕ ЧУРАЙСЯ!

© **Перевод М. Голодный**

Не гляди ты с презреньем, барчук,
На мозоли ладони шершавой,—
Это знак трудовой наших рук,
Не коснется тебя эта слава!
То медаль за труды и за муку,
За работу весь век без отказа.
Не стыдись подавать ты мне руку,
На ладонях моих — не проказа!
Эй! Картуз подымай ты смелей
На поклон мой до самой земли!
Не снесу головы я твоей,
Лишь моей бы паны не снесли.
Не беги от моей ты сермяги,
В ней ходить не зазорно ничуть!
А вот мне не хватило б отваги
Чертов фрак на себя натянуть.
На рубаху глядишь с неохотой —
Не по нраву мужичье шитье,
Да к тому же пропитана потом —
Сколько дней не стирали ее!
А твоя? Вроде снега как раз.
Кто над нею потел, кто белил,
Ткал, и шил, и стирал?.. А сейчас
Этот пот на себя ты взвалил.
Мне в рубахе твоей было б стыдно —
На нее ведь не тратил я сил,
Хоть бела она, но не завидна,
Не возьму, хоть бы ты подарил.
А взгляни-ка на хату мою:
Прогнила, протекает, кривая
И приткнулась в деревне на самом краю.
А как держится — даже не знаю.
Не гляди, что я плохо живу, —
Мне никто не пришел пособить;
Хоть ленивым на свете слыву,
А могу целый свет прокормить.
В разных книжках ты мудрость постиг,
Что накоплена с давних веков.

Ты ведь шагу не ступишь без книг,
А где книги для нас, мужиков?
Где ж нам разума столько набрать —
Лишь соха да загон день за днем!
Наше дело — косить да пахать,
Вечно в страхе господнем живем.
А умел бы водить я пером,
Я бы много чего написал,
Рассказал бы, как сеем и жнем,
Как мы косим — что бог нам послал.
Может, ты б это всё прочитал
Да к труду приобрел бы охоту,
Может, нас бы тогда уважал,
Не чурался б мужицкого пота,
И мне подал бы руку, слепому,
И довел бы меня до дороги,
Не блуждал бы и я по репью, бурелому,
По колючкам, что ранят мне ноги.
Ой, ранят и ноги и сердце,
В сердце ненависть, злобу рождают,
Не дают ни на что опереться,
К злomu делу ведут, к правде путь
преграждают.

Не суди же слепого, что ходит он криво,
И пойми, что ослеп он от плача.
Что ощупью бродят слепые — не диво,
Как вот падает в яму зрячий?!

<1894>

ГОСПОЖЕ ОЖЕШКО

© **Перевод С. Ботвинник**

Где же нам пытаться
С мудрыми равняться,
Автора прославить —
Наша речь проста ведь...
Но похвал тут мало:
Книгами своими
Славу ты связала
С людьми трудовыми.
В книгах всё писали
Не о нашем брате,
О чужих лишь знали —
Не об отчей хате!
Землепашцев низких
Обошли далёко,
Укрывали книжки
От нашего ока!
А ты, пани, смело
Заглянула в хату,

Всё уразумела,
И нашему брату
Протянула руку,
И душой болела,
Видя нашу муку...
Ты пером сумела
Так излить печали —
Сердце стало рваться,
Женщины рыдали —
Некуда деваться.
Чем в ответ мы платим?
Что тебе приносим?
Разве что заплачем,
Да бога попросим.
В благодарность, пани,—
Молитвы, рыдания,
Их ведь в знак признанья
Шлют тебе крестьяне!

1891

«**Ветер завывает...**»

© **Перевод Н. Браун**

Ветер завывает,
Рвется мысль устало.
Песни умолкают,
Что играл, бывало.
Раз еще сыграю —
Пусть года уплыли —
Тем, о ком страдаю,
Что меня забыли.

«**Кто на железной струне так играет...**»

© **Перевод Н. Браун**

Кто на железной струне так играет —
Гроном гремит она, плачет, смеется,
Стонет, танцует она и рыдает,
Стойкий и тот содрогнется, —
Тот и над сердцем господствовать может,
Дар музыканта — твой дар это, боже!
Тот, кто услышит ее переливы,
Тот не пропащий, тот будет счастливый.

АДАМ ГУРИНОВИЧ

Адам-Гилярий Каликстович Гуринович родился 13 января 1869 года в усадьбе Ковали Вилейского уезда. Сын обедневшего дворянина, Гуринович сначала получил образование в Виленском реальном училище, а затем поступил в Технологический институт в Петербурге. Здесь началась революционная деятельность юноши. Он был членом организованного в 1889 году «Кружка молодежи польско-литовско-белорусской и малорусской», куда входили студенты многих высших учебных заведений Петербурга. Гуринович принадлежал к революционно настроенной части кружка и принимал самое активное участие в нелегальной работе, поддерживал связи с Г. В. Плехановым, выписывал из-за границы марксистскую литературу^[74].

Над молодым студентом был установлен тайный полицейский надзор. Когда весной 1893 года он поехал на каникулы в Вильну, департамент полиции известил об этом Виленское губернское жандармское управление. Вскоре из Петербурга последовало предписание об аресте Гуриновича. Его под стражей препроводили в Петербург и посадили в Петропавловскую крепость. Месяцы, проведенные в крепости, расшатали здоровье Гуриновича. Его совершенно больного выпустили «на свободу». Спустя несколько недель, 14 января 1894 года, он скончался.

Литературная Деятельность Гуриновича была весьма многосторонней. Он писал стихи, прозу, переводил произведения русских, польских, украинских писателей. Особенно много сил он отдал собиранию фольклора, сотрудничал в этнографическом журнале «Висла», публиковал белорусские народные песни, поговорки, пословицы, загадки. В 1893 году издал в Кракове «Сборник белорусских произведений», в котором богато представлены образцы белорусского фольклора. Ему принадлежит также агитационное произведение «Дядька Антон» (Вильна, 1892), в котором показано бедственное положение крестьянства после реформы 1861 года.

Стихотворения Гуриновича не были опубликованы при жизни поэта. Они стали попадать в печать только в послеоктябрьские годы. Многого до нас не дошло — затерялось, как и другие материалы, при аресте Гуриновича. Из отношения департамента полиции начальнику Минского жандармского управления известно, что у Гуриновича было отобрано «восемь тетрадей с рукописями на белорусском наречии»^[75].

Личный архив поэта хранится в Отделе рукописей Центральной библиотеки Академии наук Литовской ССР.

«Говорим спасибо Бурачку Матею...»

© Перевод С. Ботвинник

Говорим спасибо Бурачку Матею:

Дал он нам надежду, согрел душу ею,
Значит, и меж нами находятся люди
С отзывчивым сердцем, с полной боли грудью.
Брат, тебе спасибо за слова такие,
Что напоминают речи нам родные.
Ты возьми-ка дудку, нас порадуй ею —
Идти грустной песне колеей своею,
Пробуждать ей в душах мысль о лучшей доле,
Какой не пришлось нам изведать дотолё.

«Что за звук заунывный раздался...»

© Перевод Г. Семёнов

Что за звук заунывный раздался
На лугах, на полях и в лесах,
Высоко, аж под небо поднялся
И со стоном пропал в облаках?
Может, вьюга в полях так завывала,
Иль береза в лесу так скрипит?
Иль сова — с нами крестная сила! —
На погибель кому-то вопит?
Может, мать над могилой рыдает,
Где лежит ее бедный сынок?
Может, девушка к богу взывает,
Потеряв свой девичий венок?
Нет! Могла ли бы мука такая
Из груди вырываться одной? —
Весь народ наш от края до края

Стонет так над своею судьбой.
Есть и руки у нас, и охоты
Занимать для труда нет потребности,
Да нигде не найти нам работы,
И не будет ни соли, ни хлеба.
Плох надел нам от дедов достался,
И его поделили сыны,
А теперь — дальше некуда сжался,
Два шага, глянь, всего ширины!
«Что ты спишь, мужичок...»

© Перевод С. Ботвинник

«Что ты спишь, мужичок,
Зажмуривши очи?
Заболит, смотри, бок —
С ночи спишь до ночи!»
Оглянись-ка на свет
И расправь-ка плечи,
Да что есть, чего нет
Ты послушай речи.
Глянь, мужик уж иной
Начал подыматься,
Мысли: кто ж я такой? —
В голове теснятся.
Иль я птица? Иль скот?
Иль зверье какое?
Иль на ум зря идет,
Что дитя людское?
Я не пан... Значит, хам!
Обзывали бранно,
Говорили: бог сам
Сказал: «Слушай пана».
Мужик слушал его
От века до века
И дождался того,
Что попал в опеку.
А царь
Злость в словах таилась:
«Что хотят дать враги —
Сам я дам как милость!»
Тут запел наш мужик
Радостную песню:
«За стол сяду, как бык,
С панами я вместе!»
Да и каждый был рад,
Дождавшийся воли:
«Раз такой всюду лад —
Будет еще то ли...»
Не дождутся всё, ждут:

От царя — ни слова...
Может, вздумал надуть
Мужика дурного?
Царь хоть волю нам дал,
Разума — ни крошки;
В жизнь идти приказал,
Не видя дорожки.
Всюду школы для нас
В сёлах он поставил,
Изучать «буки, аз»
Розгами заставил.
Тут родного словца
Не слышат, не знают;
Так ведь он молодца
Совсем доконает,
Да научит ребят
Ругани и русской:
«Сукин сын, я тебя
Засажу в кутузку...»
«Сукин сын» иль «пся мать» —
Различье какое?
Иль не могут нам дать
Что-нибудь другое?

«Нас душили паны...»

© **Перевод А. Прокофьев**

Нас душили паны,
Что шляхтой звались.
Теперь с... сыны
За нас взялися.
Никому ведь при том
Ничего не дали,
Только нашим трудом
Карман набивали.
Только долго ль нам ждать
Милости и ласки,
И вслед думой летать
Всем причудам панским?
Пусть же хлопцы деньком
Собираются кучей,
Мы в союзе таком
Становимся тучей,
Что и дождика даст
В лихой нашей доле,
Дух поднимет у нас,
Словно всходы в поле.
Из той тучи, как гром
Среди летней ночи,
Смерть придет в панский дом,

Глянет пану в очи.

ЖАТВА

© Перевод А. Прокофьев

Матушка, пойду я
Ржицу жать густую.
Нива зеленеет,
Колос наливая,
Ветер с нивки веет —
Жнеек призывает:
«Ну, вставайте, жнеи,
Жито жать скорее!
Вы быстрее острите
Ржавые серпочки,
Жать скорей начните
Узкие полоски.
Я как загуляю,
Жито колыхая,—
Хватит тебе, нивка,
В поле красоваться;
Пора тебе, нивка,
В ригу подаваться!»
— «Тихо, ветер, тихо!
Не желай мне лиха», —
Плачет нивка горько,
Гнется колосками
И не видит только
Жнеечек с серпами.
«Ой, и где ж вы, жнейки,
Где ж вы, молодёнки?
Ветерок проворный
Хочет сбить колосья,
Золотые зерна
Хочет в землю бросить».
— «Тихо, нивка, тихо,
Не желай нам лиха.
Руки занемели,
Там, где блещут косы,
Еще не успели
Мы убрать покосы.
Подожди ты, нива,
Не будь торопливой,
Мы луга красиво
Уберем стогами,
И придем мы к нивам
С острыми серпами».

БОР

© Перевод А. Прокофьев

Ох ты бор, мой бор,

Бор сосновенький!
Ты с каких всё пор
Шумишь, родненький?
Мы с тобой росли,
Красовались,
Из одной земли
Поднимались.
Мы сжились с тобой,
Бор наш родненький,
Как с своей сумой
Бедняк голенький.
Доля, друг, у нас
Несчастливая,
Мы с тобой как раз
Братья милые,
Счастья нет как нет,
Нет отрадушки;
И немил нам свет,
Земля-матушка.
У других людей
Земля славится,
Там и жить светлей,
Дело нравится.
Мы в песке стоим,
В нем купаемся,
Не в пример другим
Пробиваемся.
И леса других
Все красивые,
И листва на них
Вся шумливая.
И в бору шумят
Сосны, елочки,
На ветвях торчат
Всё иголочки.
Мы же много лет
Всё в сермяжечках,
А в карманах нет
Ни бумажечки.
Но пождем, пождем
Часу доброго,
Поглядим пойдём,
Что есть нового.
Ведь не будет так
Веки вечные,
Станет как-никак
Житься легче нам.

ТЕТКА

Алоиза Степановна Пашкевич (основной псевдоним — «Тетка», другие — «Матей Крапивка», «Гаврила из Полоцка», «Банадысь Асака», «Тымчасовы») родилась 3 июля 1876 года в селе Пещаны Виленской губернии. Детство она провела в доме своей бабушки и только девяти лет переехала к родителям в деревню Старый Двор. К этому времени уже проявились незаурядные способности девочки. Бабушка обучала ее польской грамоте, а нянька Ягся, превосходная сказочница, разбудила в ней интерес к народным сказаниям. Алоизе очень хотелось учиться, но выполнить это желание оказалось не легко: отец хоть и был зажиточным крестьянином, но с трудом содержал многодетную семью. Только в 1892 году будущей поэтессе удалось осуществить свою мечту. Она переехала в Вильну, начала готовиться к поступлению в гимназию и через два года была принята в четвертый класс.

По окончании шестого класса девушка вынуждена была, по настоянию врачей, уехать в деревню. Поработав некоторое время сельской учительницей, Пашкевич вернулась в гимназию и получила в 1902 году звание домашней учительницы арифметики. Вскоре она переезжает в Петербург, поступает на общеобразовательные курсы Лесгафта и в 1904 году сдает экзамены экстерном за полный гимназический курс. Пребывание на курсах Лесгафта оставило заметный след в биографии Пашкевич — здесь она впервые попала в среду революционно настроенной молодежи, познакомилась с деятельностью нелегальных кружков. Вернувшись в 1904 году в Вильну, Пашкевич организовывала кружки белорусских рабочих, вела в них активную пропагандистскую работу. Она была хорошим оратором, ее выступления на митингах пользовались большим успехом. Значительное воздействие на формирование мировоззрения писательницы оказал ее товарищ по революционной работе Борис Вигилев («Товарищ Степан»), профессиональный революционер, член местного комитета Российской социал-демократической рабочей партии. Он во многом ограждал Тетку от влияния буржуазно-националистических деятелей, толкавших поэтессу на борьбу за «чисто» национальные интересы.

В 1905 году Тетка, служившая фельдшерницей в лечебнице города Ново-Вилейска (здесь в сентябре 1905 года некоторое время скрывался сбежавший из тюрьмы Борис Вигилев), вступает в революционную организацию рабочих и служащих лечебницы, ведет большую агитационную работу. В составленном после разгрома организации обвинительном акте по делу о «революционном сообществе в больнице в г. Новая Вилейка» говорится, что Алоиза Пашкевич «принимала участие в собраниях общества... На митингах, происходивших в лечебнице, она произносила на белорусском языке речи, возбуждая слушателей к неповиновению властям, неплатежу податей и борьбе против правительства... печатала на белорусском языке „порицавшие царя“ прокламации и раздавала их в лечебнице... Не ограничиваясь агитацией в стенах лечебницы, она ...ездила в сообществе с другими лицами по окрестным деревням, где подстрекала крестьян к ниспровержению существующего в государстве общественного строя»^[76].

В декабре 1905 года среди членов организации начались аресты. Тетке удалось скрыться. В Белоруссии оставаться было опасно, и она уехала в Галицию, во Львов.

Тетка писала стихи уже с начала 1900-х годов, но по-настоящему голос молодой поэтессы окреп в годы первой русской революции. Ее стихотворения, отпечатанные на гектографе, распространялись в виде прокламаций. Писательница принимает участие в издании первой белорусской газеты «Наша доля», вскоре закрытой. Тетка становится активным сотрудником появившейся затем белорусской газеты «Наша нива».

Во второй половине 1906 года Тетка вновь побывала в Вильне, но вынуждена была прятаться от полиции, а затем уехала опять во Львов. Стало ясно, что предстоит долгое пребывание в эмиграции. Алоиза Пашкевич поступила вольнослушательницей на философское отделение Львовского университета, так как все ее старания быть зачисленной в университет не увенчались успехом. Тяжелые условия, в которых пришлось жить поэтессе, не заставили ее отказаться от научной и общественной деятельности. Тетка изучает историю Белоруссии, пишет специальную работу по белорусскому фольклору, вынашивает планы организации издательства, которое выпускало бы популярные книги для белорусского крестьянства, ведет переписку с белорусскими учеными и литераторами.

Заболевание тяжелой формой туберкулеза вынудило Тетку покинуть Львов. 1908–1909 годы она проводит в Кракове и Закопанье, поступает на гуманитарный факультет Краковского университета. Но ее тянет на родину. Нелегально она посещает Вильну, Петербург, встречается с деятелями белорусской культуры — с Янкой Купалой, с основателем белорусского театра Игнатом Буйницким, принимает участие в собраниях белорусской молодежи.

Перемена фамилии в связи с замужеством (Тетка вышла замуж за инженера Кейриса) дала возможность поэтессе в 1911 году вернуться, не опасаясь преследования, на родину. Тетка с новой энергией отдается литературной и общественной деятельности. Она пробует свои силы в прозе (рассказы «Зелёнка», «Новогоднее письмо», «Михаська», «Осенние листья», «Лишняя»), организует в 1914 году издание белорусского журнала для молодежи — «Лучинка», где выступает в качестве публициста, автора научно-популярных статей. В 1915–1916 годах, при новом подъеме волны рабочего движения, она вновь возвращается к революционной деятельности. Тетка активно участвует в организации клуба Виленских рабочих, ведет там пропагандистскую работу, формирует в клубе «Белорусскую рабочую группу»^[77].

Деятельность эта была прервана в начале января 1916 года. Получив сообщение о тяжелой болезни отца, Тетка поехала в деревню Старый Двор. Застать отца в живых ей не удалось, но в Вильну она не вернулась. Поэтесса не смогла уехать из мест, где свирепствовала тяжелая эпидемия тифа, — стала разъезжать по деревням для оказания помощи больным. Это стоило ей жизни — она заразилась тифом и умерла 5 февраля 1916 года.

При жизни Тетки вышли в свет два сборника ее стихотворений: «Скрипка белорусская» («Скрыпка беларуская») и «Крещение на свободу» («Хрэст на свабоду»). Оба сборника изданы в 1906 году нелегально в Жолкве (возле Львова). Несколько стихотворений поэтессы вошли в изданную ею в 1906 году в Петербурге книгу для детей «Первое чтение для деток белорусов» («Першае чытанне для дзетак беларусаў»). Эти сборники и стихотворения, печатавшиеся в повременной печати, не исчерпывают поэтического наследия Тетки, но изучить рукописные материалы поэтессы пока не представляется возможным: архив ее (за исключением

нескольких автографов, сохранившихся в Центральной библиотеке Академии наук Литовской ССР) был вывезен мужем писательницы за границу.

ЛЕТО

© **Перевод М. Шехтер**

Нива шепчет колосками
Золотистой ржи, овса,
Голубеет васильками,
Будто девичья коса.
Ветерок с утра гуляет,
Гнет колосья в тишине,
Солнце зерна согревает,
Аист виден на гумне.
Косарю не до забавы
В зеленеющих лугах:
Поутру ложатся травы
Под косы широкий взмах.
Женщины холсты полощут,
Юбки шьют, сорочки шьют;
Слышно: рог трубит за рощей,
Пастухи коров зовут.
Ребятишки с кузовками
Ягоды собирать пошли,
А девчата — за грибами...
И аукают вдали.
День пришел, примолкли хаты,
Меньше, стало быть, забот.
Временами лишь лохматый
Кот на припечке зевнет
Иль столетний дед с запечья
Вдруг сползет воды попить;
Долгий труд сутулит плечи,
Зренье слабо, — как тут жить!
В прошлом дед был молодчиной,
На все руки мастаком,
В пляске первым шел с девчиной,
Кварту пил одним глотком.
А теперь — ослабли руки,
Старость голову трясет.
«Дед, на печку! — дразнят внуки. —
Умирать тебе черед!..»
А взглянул бы за село ты:
Рожь на солнце горяча
И желта, как меда соты
Или яркая парча.
Словно ткач из пестрых радуг
Полевой соткал ковер,—
Запах руты свеж и сладок,
И цветы ласкают взор.
Вешних, ярких красок много,

Маем взор заморожен.
Это всё цветы, ей-богу!
Лепестков немолчен звон.
Будто в чарах поле это!
Сад я розовый открыл,
Где художника-поэта
Труд меня заморозил.
Может, это не девчина, —
Заливается свирель,
И цепляется малина
За веселый дикий хмель.
Вижу я: идет веселье,
Раздается дружный смех,
Рассыпает флейта трели,
Дуют в дудку, словно в мех.
Песня за сердце хватает,
Песня душу обожгла,
Барабаны оглушают,
И гремят колокола.
Ниве издавна знакомы
Зубы острые серпов;
Связанный жгутом соломы,
Сноп идти плясать готов.
Вот гулянье, впрямь на диво!
Даже копны в пляс идут,
Подпеваает гулко нива,
Барабана вторит гуд.
Вот и небо заблистало,
Морем чистым разлилось,
Зеркалом хрустальным стало,
С ясным солнцем обнялось.
Лес качает головою,
Дуб нахмурился и спит;
Шепчется орех с ольхою,
Березняк кусты смешит.
Мухоморы, как солдаты,
Вдоль тропинки стали в ряд,
Шляпы их круглы, богаты,
Как спина ужа, блестят.
Боровик — гриб над грибами —
Прислонился важно к пню;
Правит суд над бедняками,
Просит мирно жить родню.
Сыроежки да козлята
Тут же спорят невпопад.
В страхе рыжики, маслята,—
Каждый спрятаться бы рад.
Не смолкает птичье пенье,

Щебет, гомон — вперебой,
То вблизи, то в отдаленье,
То на ветке над тобой.
Мне бы взяться за работу
До мозоли кровяной,
Не боялась бы я поту,—
Лишь бы стать селу родной!
Мне бы серп вы дали, бабы,
Дали б острую косу, —
С нивы колос я смела бы,
С трав — прозрачную росу.
Дайте мне платок, родные,
Белый фартук, хоть на час, —
Краски я найду живые,
Нарисую мигом вас!
Только жалко — красок мало,
Трудно будет рисовать,—
Нет такой, чтоб засияла,
Да и кисти не достать,
Чтоб мазок был тонок, чтобы
Цвет был ярок, как нигде.
Взмах — и на платке лицо бы
Отразилось, как в воде.
Что ж, возьму я кисть простую,
Из растений выжму краску,
Пламень в сердце разожгу я,
Кровью брызну, словно в сказке,
И, с мечтой своей в согласье,
Нарисую нашу Касю:
Очи — небо, брови — черны,
Щеки — яркие, рот-малина,
Хороша ты непритворно!
Нет другой такой девчины!
Как нам ею не хвалиться!
А головка... то ль пшеница,
То ли жито колосками
Золотится над плечами!
Косы, косы так и вьются,
Зубы белые смеются!
Стан — былинки гибче тонкой, —
Ну и Кася, ну девчонка!
Как царевна, как богиня,
Как нарцисс иль цвет виргиний,
Как лилея на Дунае,
Как фиалочка лесная,
Расцвела в глуши убогой
Наша Кася... Хоть немного,
Хоть еще одну-две краски —

Написала б без опаски!
Под рукой холстинка мнется,
Помазок на части рвется,
Невтерпеж в такое лето
Мне писать... Пойду по свету,
Может, краски разыщу я,
У артиста кисть стяну я,
Вот тогда и быть победе —
Нарисую всех соседей!

1902 или 1903

ОСЕНЬ

© **Перевод М. Шехтер**

Осень риги наполняет,
Новым хлебом наделяет
Бедных, сырых да усталых:
«Ешьте, братцы, ведь немало
Гнули спины вы всё лето,—
Закусите хоть за это!»
Вот картофеля мешки
В подпол тащит напрямки
Да капусту кочанами;
Гонит журавлей с гусями
В неизвестные просторы
За моря или за горы.
«Птицы, птицы, не кляните,
А молитвы говорите,
Чтоб волна вас не смахнула,
Чтоб не съела вас акула,
Чтоб назад вернулись с пеньем
Пастушонку в утешенье».
Хороша хозяйка-осень,
Много в дом добра приносит:
То орехи, то пшеницу,—
В закрома и не пробиться.
Обо всем она хлопочет:
Зябь вспахать, как должно, хочет,
О парах подумать тоже,
Чтоб весной быть людям с рожью.
На дороге сколько люду!
Будто поглядеть на чудо,
Девушки спешат, ребята,
Скот пылит, ржут жеребята.
Бабы тащат веретена,
Полотенца, холст беленый,
Сыр, грибы, мешки фасоли, —
Может, легче станет доля.
Полон рынок смеха, крика,
Шум и гам стоит великий.

Гусь гогочет, хрюкнул боров,
Петухи свой кажут норов,
Сара тащит яйца с воза,
Берка платит за березу.
Сапоги торгует Янко,
Юрка бродит спозаранку,
Крыся в зеркало глядится,
Агатулька в шаль рядится,
Кася ищет взором метким
Кашемира для жакетки,
Бусы, чтоб в четыре шнура:
В дружки звал не зря Бандура.
Продает торговец соль,
Знахарь облегчает боль.
Как же быть мне без товара,—
Всё лицо горит от жара!
Из местечка убегу я,
Погляжу на даль родную,
На лесок, — по всем приметам,
Всё окрест как было летом.
Впрочем, нет! Листва иная —
Пожелтевшая, сквозная;
Там цветок без лепесточка,
Там грибок из-под кусточка
Глянет вдруг и спрячет ушки.
Осень бродит по опушке,
Травы глушит и цветочки, —
Вянут, чахнут стебелечки.
Осень листья на дорогу
Сыплет мягко, понемногу, —
Без того в полях зима
Сбила б ноженьки сама,
Юбку пыль посеребрила б,
Щеки белые покрыла б.
Пусто, пусто в чистом поле,
Сердцу тягостно до боли.
Где цветы, где зелень лета,
Птичий гомон в час рассвета?
Всюду старость грустью веет,
Туча мелкий дождик сеет,
Солнце косы чешет редко,
Бос дубочек-малолетка.
Желт лужок. Умчалось лето.
Реки тонким льдом одеты.
В сучьях ветер свищет, плаче
По березкам сойка скачет.
Ухарь-филин кличет зайца...
Впрямь готова грызть я пальцы,

Сравнивая с жизнью нашей,—
Ведь ничем она не краше!
Лишь зажмурюсь, пред глазами
Замелькают люди в храме,
На крестинах и в костелах,
На гулянках невеселых.
Тут и слезы, тут и песни,
Труд безрадостный, болезни,
Поцелуи да могилы,
Желтый свет свечи постылой...
Расхлебать ли эту кашу!
Где же, братцы, счастье наше?

1902 или 1903

МУЖИЦКАЯ ДОЛЯ

© Перевод В. Бугаевский

Тяжко жить, трудиться,
Если нету доли,
Жито не родится
На мужицком поле.
С копны обмолота
Не больше осьмины, —
Сколько ни работай,
Ешь одну мякину.
Осень подспела —
Податям нет счета,
А семья не ела,
О деньгах забота!
Так-то вот, мой милый,
И живи и майся,
Если хватит силы,
Доли дожидайся.
Где ж ты, моя доля,
Где ты затерялась,
Спряталась ты, что ли,
А беда осталась?
Знаю только муки, —
Да о них что скажешь?
Хоть в мозолях руки, —
Спать голодным ляжешь.
Хоть и встанешь рано,
Да зевать — не время.
Луг косить для пана
Я спешу со всеми.
За гроши с косою
В поле допоздна я.
Говорят порою:
«Добрый пан...» Не знаю!
Эконома знаю,—

С ним-то мы знакомы...
Что ни день встречаю,
Он в лугах как дома.
Целый день свирепо
Лает, пес несытый...
Не прожить без хлеба,
Так терпи, Никита.
Стискаю зубы
И с косою шагаю,
Пересохла губы.
«Пить!» — я изнываю.
И с ночной прохладой
Отдыха всё нету, —
Ведь косу мне надо
Наточить до света,
Чтоб наутро рано
Острою косою
Луговину пана
Докосить с росой.
Где ж ты, моя доля?
Отзовись, откликнись!

1903

А МУЖИК ПОНЫНЕ НЕ ПЕРЕМЕНИЛСЯ

© **Перевод А. Прокофьев**

Многие прошли века,
Как Христос родился,
А мужик поныне
Не переменялся.
Гора стала долом,
А доли горами,
Моря пересохла
И стали полями.
На полях на этих
Камень покрошился,
А мужик поныне
Не переменялся.
Вот нашли вновь землю,
Порох раздобыли,
Наряду с бумагой
Литеры открыли.
И немало книжек
Людам показали,
Для «хамулы» только
Ключи затеряли.
Написал Коперник,
Что свет закружился,
А мужик поныне
Не переменялся.

Ах! Остался темным,
Как тот лес зеленый,
На земле «хамула»,
Всеми притесненный.
Люди заглушили
В душах всё святое,
Только «хам» остался
Горькой сиротою.
И бог с неба глянул,
Глянул — удивился,
Что мужик поныне
Не переменялся.
«Ну! — сказал, — сыночек,
Проси, что захочешь,
Всё пошлю я с неба,
Всё, что ты попросишь.
Я хочу, чтоб, сын мой,
Ты с бедой не знался,
Чтобы стал свободным,
С горем бы расстался».
— «О, дай ты мне, боже,
На родной сторонке
Хату да лошадку,
Побогаче женку.
Дай еще коровку,
Телку, свинку тоже,
Жита дай, измелем,
Да и хватит, боже.
И за всё спасибо!
Буду человеком
И расстанусь с горем
От века до века».

1904

МУЗЫКАНТ БЕЛОРУССКИЙ

© **Перевод И. Поступальский**

На дуде сыграю,
На гармонии, что ли,
Иль всплакну на скрипке
О мужицкой доле.
Стало слишком тяжело,
Душу давит горе,
Слезы так и льются,
Жизнь померкнет вскоре.
Заиграй же, скрипка,—
Песня разнесется,
Если не услышат,
Сердце разорвется.
Скрипка зарыдала —

Дрогнули ракиты.
Только нот печальных
Не услышит сытый.
Если ж и услышит,
Скрипача облает:
«Гляньте, хам не в шутку
Равенства желает!»
Двинь, смычок, по струнам
С пламенной силой,
Чтобы наша скрипка
Мертвых пробудила.
Ты поведай, скрипка,
Панству сказ суровый,
Как голодным «хамам»
Тяжко жить без крова!
И смычком по струнам
Грянул в возмущенье,—
Задрожали птицы,
Смолкло пчел гуденье.
Пенью музыканта
Скрипка вторит смело.
Скоро песню «хама»
Мир услышит целый.

1904

НЕБЫВАЛЫЕ ВРЕМЕНА

© **Перевод М. Шехтер**

И песни молчат, и веселья не видно,
И старость почувствовал юный,
И звонкие ноты на скрипке брать стыдно,—
Порваны радости струны.
Художников краски — горе рисуют,
И тени с холстов не сходят,
И грустно поэты ныне рифмуют,
И кровью сердца исходят.

Январь 1905

КРЕЩЕНИЕ НА СВОБОДУ

© **Перевод С. Ботвинник**

На востоке рдеет небо;
Так и надо, эка небыль!
Реки крови льются в море,
Гибнет там солдат от горя
Без рубашки и без хлеба;
Так и надо, эка небыль!
Угнан сын, расстанься с мужем.
Мы царю послушно служим.
Наши стоны рвутся в небо,
Но молчим мы — эка небыль!
Бьет казак, жандарм стреляет,

Спины нам налог сгибает,
С соли дань плати и с хлеба —
Мы и платим, эка небыль!
Люди падают в столице:
Пули бьют и в грудь, и в лица...
Шли с попом, подняв иконы,
К государю бить поклоны.
Сыпал пули царь, как с неба, —
Так и надо, эка небыль!
Дурней крестят на свободу.
Царь науку дал народу,
Показал нам, словно с неба:
Больше нет в царе потребы!
Слышен крик Гапона: «Нужно
Поступать тут ладно, дружно,
Нужно бомбой, пулей, дробью
Бить по подлости и злобе,
И тогда смахнем мы быстро
Всех антихристов, министров!»
Голос с неба возвещает:
«По царю петля сучает!»
С той поры Москва, Варшава,
Рига, Вильнюс и Либава —
Наш народ семьею всею
Гонит вон царя-злодея!
Люди слышат голос с неба:
«Больше нет в царе потребы!»
Бомба — трах! В куски Сергея,
Мирский мчит домой скорее,
Царь дрожит, министры млеют,
Бедоносцев аж болеет.
Побросали каски, бляхи...
Но всего страшнее — ляхи:
Смело колют, точно целят —
Словно жито, чертей мелют.
С неба слышится народу:
«Взять пора ему свободу!»

Февраль 1905

МОРЕ

(Революция народная)

© Перевод А. Прокофьев

Не такое нынче море,
Не такой в нем слышен шум —
Грозное нынче море!
Волны полны диких дум.
Море словно уголь стало,
Море с дна теперь горит,
Море скалы раскидало,

Море хочет смыть гранит.
Море злится, крепнут волны,
С диким шумом берег рвут;
Гром гремит, грозой наполнен,
С моря брызги в небо бьют.
Где-то стон с волны сорвется,
Где-то плач сорвется с губ,
Берег болью отдается,
Гром гремит из тысяч труб.
Волны сгрудились полками,
Шум русалок разбудил,
И пронизан мрак огнями,
Небо черный гнев накрыл.
Злится бог, а буря эта
С глаз святой снимает сон.
Бьется, рвется всё на свете,
Аж дрожит небесный трон.
Трон дрожит, волна всё круче,
Кличет бог святых на сход;
Там надумали, что тучи
Час придет, и пустят в ход.
Начат бой, и бога войско
Залпом бьет в седую даль...
Миллион падет геройски,
Всё же крепнет рать, как сталь.
Ведь у моря силы много,
Закален в борьбе любой;
Не отступит войско бога...
Не на шутку начат бой.
Ждут века такого боя,
Он гигантов нам дает,
Будут биться в нем герои,
Слава тем, кто в нем падет.

Октябрь 1905

ПОД ЗНАМЕНЕМ

© **Перевод И. Поступальский**

Полно мучиться, мать,
Плакать вместе с отцом,
Что Винцулю не встать,
Что убит он врагом,
Что он шел среди друзей,
Знамя красное нес
И кричал: «Царь-злодей,
Много ль выпил ты слез?
Кровью залит ты весь, —
Кровь сосешь ты из нас!
Мы со знаменем здесь,
Мести близится час!

Штык долой! Саблю вон!
Не стреляй в нас, солдат!
От присяги Гапон
Отрешил тебя, брат!»
— «Пли!» — в ответ закричал
Капитан на коне,
И солдат задрожал,—
Грянул залп в тишине.
Зашатался Винцуль,
Но не бросил древка.
Тут штыками патруль
Приколосл смельчака...
Мы увидели: бьет
Кровь Винцуля ключом,—
Как кропилом, народ
Окрестила кругом...
Гроб простой на руках
На кладбище несут,
Гроб — в цветах и венках,
И за гробом идут
И солдат, и бедняк,
И разъевшийся пан,
И бездомный босяк,
И... палач-капитан.
Он шагает, скорбя,
И в лице его дрожь,
Проклинает себя,
На себя не похож:
«Я убил, я пролил
Пролетарскую кровь,
Душу я погубил,
Заплатить я готов!»
Капитан не стерпел —
Отравился простак;
А народ осмелел,
Поднял выше свой стяг.
И идет и, горя
Правым гневом, поет,
На врага, на царя
Миллионы ведет.
Не погиб наш Винцуль,—
Он живет среди нас...
Устыдился патруль,
Не поднять ему глаз.
Да! Солдат уж не тот,
Что тогда в нас стрелял!
Капитан не живет, —
Он его б не узнал.

Непослушный солдат
Офицеру кричит:
«Я народу сын, брат!»,
К демонстрантам спешит.
А прикажут стрелять
В знамя красное — он
Усмехнется, и, глядь,
Пулей воздух сражен...
Люди, гневом горя,
С красным флагом идут,
На врага, на царя
Руку мести несут.
Всё теперь решено,
Люди видят зарю,
И во взорах одно:
«Время согнуть царю!»

Октябрь 1905

ВЕРА БЕЛОРУСА

© Перевод А. Прокофьев

Верю, братцы: скоро станем
Мы людьми и сбросим сон;
На свет божий ясно взглянем,
Век напишет нам закон.
Не чернилами он пишет
И в архивы не сдает, —
Нет, он к ниве нашей вышел
И наш пот на ниву льет.
И земляца плодородит,
Рожь зернится, будет хлеб!
Так живем, а всё ж в народе
Кто-то шепчет: «Встань, кто слеп!»
Верю, братцы, в нашу долю,
В нашу силу верю я,
Закалилась наша воля
И в сердцах огонь, друзья!
Мы — из камня, с волей твердой,
Из железа мы, из стали,
Нас огнем калили в горнах,
Чтоб еще сильнее мы стали.
И теперь мы из гранита,
А сердца из динамита,
Руки сильны, грудь сильнее,
Надо цепи рвать скорее!

Октябрь или ноябрь 1905

ДОБРЫЕ ВЕСТИ

© Перевод В. Корчагин

Друзья! К нам слово о светлой доле,
Как зов на битву, летит с востока;

Нам птицы звонко поют о воле,
Над каждой хатой кружась высоко.
Людей сплотило святое слово;
Союз наш братский не разорвать!
В сражение мужа послать готова
Жена и сына — родная мать.
Старик с винтовкой идет в дружину,
И внук за дедом в отряд спешит;
Отважный хлопец, простясь с девчиной,
На баррикаде, в огне стоит...
Мужайтесь, братья! Заря восходит,
И весть, как песня, дошла до нас,
Что миллионы идут к свободе,
Что близок, близок победы час!
Друзья! Бессмертна народа сила,—
Великой жертвы не избежать.
Чтоб солнце счастья всегда светило,
Нам нужно тучи скорей прогнать!

Декабрь 1905

ПЕРЕД НОВЫМ ГОДОМ

© Перевод В. Корчагин

К концу подходит год кровавый.
Часы пробили. Ночь темна.
Хожу по комнате. Отравой
И холодом душа полна.
В углах мерещатся скелеты,
Еще стекает кровь с костей...
Страшна была година эта,
Грядущая пора — страшней!
Мне чудится большое поле,
На нем — народ. Ах, слышу крики!
Людей казаки режут, колют,
В детей они вонзают пики;
Вот мать над мертвым сыном бьется,
Слезами раны обливает,
Но залп над полем раздается —
И пуля женщину сражает;
Старуху лошадь затоптала;
Вон — юноша лежит без рук...
Ах, льется кровь рекою алой!
Ах, боже правый, сколько мук!
В стране бесправия и горя
Вскипает гнев и гром растет.
Самодержавной волчьей своре
Народ рабочий смерть несет.
Сжимает царь кулак злодейский, —
Озолотил он подлых слуг:
Еще послушен полк гвардейский,

Еще свирепствуют вокруг
Солдаты царские, жандармы,
Еще кичатся юнкера...
Но луч уже проник в казармы!
Придет желанная пора —
И рать, как море, к трону хлынет,
Штыки к сатрапам повернет,
Сам Витте в страхе пост покинет...
Я вижу, добрый будет год!
Я знаю, быть богатым всходам
Там, где кровь людей текла.
С Новым годом, с грозным годом!
Бей, народ, в колокола!

Декабрь 1905

РАЗОХОТИЛСЯ

© **Перевод В. Бугаевский**

Вот был бы я социалист, да и ружье имел,
То я б так взгрел
Стражников, земских, становых и прочих собак!
А так — один кулак!
Приходят социалисты, листовки тычут,
Бунтоваться кличут,
А дали б только пороху хоть горстку,
Пистолет, винтовку,—
Отдал бы последнюю рублевку
За пули и дробь.
Так то племя проклятое въелось в кости,
Такой нагнало злости,
Что сладу нету...
Становой — пан, а земский — важней стократ,
А кто наихудший гад —
Так стражник из Заполья!
А что б ему — недоля!
Было б кому губить свет,
А чтоб его сгинул след!
Пас свиней этот шкода
У соседа Петра Сороки два года,
Потом в кучера пошел к начальникам нашим,
А теперь царским стал стражем.
Стражник, шутите, — сила,
А хоть бы тебя болячка задавила!
Хоть бы тебя разорвало в клочья,
Хоть бы покоя не знал ни днем, ни ночью, —
Так ты мне осточертел,
В холодной из-за тебя я сидел!
Набрехал, накрутил, дали медаль;
Только то, что ружья не имею, — жаль,
Но не бойся, я не сплешаю, как дам,

Аж брызги полетят, поленом по мозгам!
Не жить тебе, гаду, —
Ужель нет с этими шельмами сладу!
Глянь и там и тут,
Что ни день их бьют,
Начиная с Сената,
Вплоть до стражников, ихнего брата,
То бомбой, то из пистолетов,
Что ни день — меньше эполетов.
Хоть эту дрянь и разводит царь,
А корми их пахарь, как встарь,—
Попросту мужик.
Известно: каждый из царских слуг привык —
Мало им пенсий! — грабить мужика.
И чем проворней у них рука,
Тем чины быстрее идут.
Гляди, министр он, генерал,—
А за что? За то, что, как по-русски говорится,

воровал.

А мужик — так за вязанку дров
Сиди пять годков.
И нас, не хотевших водочку пить
Да налоги платить,
Так казаки пороли,
Что и в пекле жару не зададут нам поболе.
Меня и еще двоих в острог
Засадили потом на недолгий срок.
Словно в костеле, сказал бы я, там
Набилось народа, пока мы сидели.
Ксендзов туда — и был бы там храм.
Впрочем, всё ж одного мы имели:
Ну и славный был человек,
Не забыть мне вовек!
Когда началась в тюрьме голодовка,
Под конец мы такими хилыми стали,
Что всё время спали;
Только ксендз да еще солдат
Как запоют «Марсельезу», брат,
Так поневоле мы все встаем
И разом песню поем.
Выпустили меня, а ксендз так там и остался.
Со слезами он со мной расставался,
Поучал, просил, кричал мне вослед:
«Не робей, Петрусь, знай, на тот свет
Кого надо спровадь,
А не то минует тебя благодать;
Мы тебе сниться будем,
Коль не станешь мстить этим людям!»

Так вот я, Петрусь, спасаючи душу,
Приказ не нарушу,
Выполню вмиг.
Мне б дробовик,
Пороху иль пистолет,
И проложу я тотчас след.
Наведу порядок не малый,
Чтоб досталось не только стражнику, становому
Или там генералу,
Но и губернатору нашей губернии!

1905

ВАМ, СОСЕДИ

© Перевод М. Шехтер

Вам, соседи, куманечки,
Белорусы-голубочки,
Песнь пою я год за годом,—
Запоем же всем народом.
Сложим, люди, вместе песню, —
Прозвучит она чудесней;
От рожденья шар земной
Песни не слыхал такой!
Сколько голосов! Мильон
Вмиг, в единый слившись стон,
Грянет песню. В песне — труд,
Счастье, волю, жизнь найдут.
Мы от века, братцы, спали,—
Дружно петь впервые стали!

1905

МОИ ДУМЫ

© Перевод М. Шехтер

Хочу я быть зерном пшеницы,
Взойти на сельском поле,
Зазолотиться, без метлицы,
Дать людям хлеба вволю!
Хочу я быть рекою быстрой,
Родной измерить край,
Тех — напоить, тех — искупать,
А где — укрыться в гай!
То зашуметь, то зашептать,
То смолкнуть в сладком сне,
Сорваться с места, вновь гулять,
Огнем кипеть на дне.
Да так взыграть и разъяриться,
Чтоб до неба достать,
Снять с неба солнце, вниз спуститься
И света людям дать.
Пролагая путь к свободе,
К счастью звать, борясь с судьбой,

Думать всюду о народе,
Видеть всюду край родной;
Иль сверкающей росой
Каждый тронуть стебелек,
Иль обняться так с землею,
Чтоб никто разнять не смог!
Ну, а если ветром стану, —
Над морями полечу,
Мчаться бурей не устану
И на месяц вдруг вскочу.
Или, к звездам взмыв с размаху,
Как кресалом проведу, —
Месяц задрожит от страха,
Словно чувствуя беду.
«Ты откуда, что ты хочешь,
Чего воешь и шумишь?»
— «Я — посланец, вольный ветер,
Прилетел на суд вас звать!
Край сиротский наш не светел,
Там доколе людям спать?
Я там бился и кружился,
Много хаток развалил,
Но доныне не добился,
Чтоб народ заговорил!»

1905 или 1906

НАД МОГИЛОЙ

© Перевод М. Шехтер

Над могилой встану дубом,
Расскажу собратьям лю́бым
О судьбе их, о свободе, —
Песней стану я в народе!
Стану дудкою пастушьей,
Песней растревожу души;
Спросят все в родимом крае:
«Что за музыка такая?
Что же будет, что же будет,
Коль подхватят песню люди!..»
Остры зубы, точно пилы,
Колют, режут, тянут жилы,
Раскаляют, мигом студят,
Кличут старых, малых будят.
Вскрикнул все, душой пылая:
«Что за музыка такая?
Что же будет, что же будет,
Коль подхватят песню люди!..»
Лист дубовый — под хлебами,
Желудь мелют жерновами,
А где с дуба хоть пылинка —

Затрясешься, что осинка;
А где дудочки звучанье —
Люд спешит, как на гулянье,
Удивленно вопрошая:
«Что за музыка такая?
Что же будет, что же будет,
Коль подхватят песню люди!..»

1905 или 1906

МОЙ САД

© **Перевод И. Поступальский**

Мой сад стоит под белым цветом;
В стыдливой красоте нарцисс,
Сирень склоняется букетом,
Кусты тюльпанов разрослись.
Цветет левкой, пышна рябина,
И вишня словно в молоке,
А там — смородина, малина
И юный граб невдалеке.
Люблю мой сад порою вешней,
Когда поет в нем соловей,
Когда в цветенье ветвь черешни
И гуд пчелиный всё смелей.
Люблю мой сад я утром мая,—
Он светлую покрыт росой,
В нем липа шепчет вековая,
В нем слышится «ку-ку» порой.
Люблю мой сад под белым цветом...
Люблю, что зелен он потом,
Что груши созревают летом,
Что труд не затихает в нем.
Люблю в саду встречать и осень:
Отяжелевший плод красив,
Теряют хвою ветки сосен
И золотятся листья слив.
Люблю мой сад зимой чудесной,
Когда в кристаллах он дрожит
И дятел, сев на ствол древесный,
О стуже песенку стучит...

1905 или 1906

ЛЕС

© **Перевод М. Шехтер**

Высокий лес, шуми, скрипи,
Росу собирай,
В реку вливай;
Грибы расти,
Не дай цвести
Цветам печали.
Зеленой дали

Неси свой день,
Клади на пень
В гирляндах мох, —
Стели постель,
Чтоб каждый мог
Прилечь, уснуть!
Высокий лес, ты слышишь гром,
Ревущий яростно кругом?
Ты видишь: в дупла скрылись птицы,
На тучу туча с гулом мчится.
Гром грянул,
Молнии сверканье —
И черным углем стал орех.
А вот и град, как наказание,
А вот в лесу, пугая всех,
Гроза раскалывает дуб.
А вот, безжалостен и груб,
Вихрь клонит ели над тропею.
А вот, прикрыв гнездо родное,
Птенцов пищащих
Спасает аист.
А вот, под бурею склоняясь,
Малина ветки простирает.
Дрожащий заяц пробегает.
Град на цветах всех пчел побил,
С листвы букашек пестрых смыл.
В лесу всё прячется, дрожит,
Лес помрачнел и стал суров.
По веткам шум;
Гроза — как шторм,
На землю лег листвы покров.
Высокий лес, дремучий лес,
Ты бел под кровлей синей.
Денек морозный...
Березы, сосны
Одеты в иней,
Ждут святок ныне.
Ветвистой елки
Темны иголки,
Дуб полусонно
Склонился к клену.
И куст калины
Прижался к длинной,
Трухлявой колоде.
Затихли песни
В листве черешни.
Не в пору птице
Теперь гнездиться,—

Суровы стужи...
Но птичья стая
Летит другая
Из-за Дуная
(Теплей нет края!).
Сойка зимует,
Глухарь токует,
Дятел клюв точит,
Сова хохочет;
Воробей у хаты,
Мусорщик чубатый,
Да сестра-синичка —
Наши гости зимою.

1905 или 1906

БУНТОВЩИК

© **Перевод В. Корчагин**

Снег вокруг. Мороз ярится,
И скрипят от стужи санки.
Погоняя Сивку, мчится
Наш Тамаш из Мураванки.
Что ж он так спешит до хаты,
Не жалея лошаденку?
Может, заждались там сваты?
Может, там грустит девчонка?
Может, там поют да пляшут?
Может, скрипка там играет?..
Он кнутом всё машет, машет,
Сивку хлещет, погоняет...
Доскакал Тамаш до тына,
Мигом пробежал сенями.
«Мать, отец, простите сына,
Дайте распрощаться с вами!
Женка милая, Гануля,
Обо мне тужить не надо.
На тебя еще взгляну ли,
Ласточка моя, отрада?
Сын, прости! Тебя, бедняжку,
Некрещеным я покину.
Будет голодно и тяжко,
Может, станешь есть мякину.
Проклинать судьбу ты будешь,
Может, в батьку камень кинешь,
Может, мать свою забудешь...
Честным будь, иначе сгинешь!
Мне б тобою любоваться,
Мой сыночек ненаглядный!
Но куда ж, родной, деваться
Нам от власти беспощадной?

Кандалы нам надевают,
Без суда и вздернуть могут...»
Тут Тамаш, слезу глотая,
Через дверь — и в путь-дорогу...

Январь или февраль 1906

СОСЕДЯМ В НЕВОЛЕ

© Перевод В. Бугаевский

От наших хат, от наших нив,
От всех друзей, кто только жив,
Несу слезу, несу я стон,
Несу нагаек царских звон.
У нас там ночь; от этой тьмы,
От страшных мук немеем мы,
Иссохла грудь, и льется пот...
Терзают нас! Услышь, народ,
Услышь, услышь и руку дай,—
Родные мы. Так правду знай:
И в черный день и светлым днем
На поле нам стоять одном
Плечом к плечу, в рядах друзей —
За волю против палачей!

1906

НАШЕ ПОЛЕ

© Перевод Н. Браун

Наше поле межи делят,
Засеваем поле рожью;
Что-то земли оскудели,
Наш загон родить не может.
Пашня, что ли, тощей стала?
Руки ль слабые такие,
Что так хлеба нынче мало,
Что мы ходим, как слепые?
Пашни черны, есть и сила,
Только сеятелей наших
Всё иная даль томила —
Снился край богатых пашен...
Зерен золото кидая,
Наши люди там бывали,
Собирали урожаи,
Здесь лишь камни вырастали.
Не пора ль пахать приняться?
Заросла полынью нива.
Ну-ка, кумы, сваты, братцы,
На работу выйдем живо!
Кто из вас пахать умеет,
Кто умело соху ладит,
Кто счастливо зерна сеет,
Огороды скоро садит,—

Живо, живо за работу!
Время, братцы, потрудиться,
Все равны здесь без расчета,
Труд любой нам пригодится!

1906

СЫНОК МАЛЕНЬКИЙ

© Перевод А. Прокофьев

Я, тятенька, хочу читать,
Хочу я свет скорей узнать,
Морские дальние просторы,
Еще хочу увидеть горы.
А научусь — сделаю, тятя, покупку:
Куплю табаку тебе в трубку,
И кожух отменный, белый
Да армяк суконный целый;
Куплю рубашку новую
Да соху кленовую.
Когда начнешь ты пахать,
Будешь сынка вспоминать.
Мамку я тоже люблю,
Красный платок ей куплю,
Пестрый фартук, голубке,
Еще желтую юбку;
Бусинок на один шнурок
Купит тебе твой сынок.
Только читать научите
Да и в свет сынка пустите.
Тогда, тятя милый,
Голубь мой сизый,
И мамушка-душечка,
Пестрая кукушечка,
Куплю, что обещано.

1906

БУРЯ ИДЕТ

© Перевод М. Шехтер

Вновь нависли тучи низко,
Вновь туманы землю кроют;
Вновь по свету бродит призрак,
Вновь сурово вихри воют.
Вновь бушует непогода,
Вновь гроза огнями блещет,
Вновь безумствует природа, —
Вновь гремит и градом хлещет.

1906

В ДОРОГУ

© Перевод М. Шехтер

За моря, за океаны
Полечу в далекий край,

Ведь люблю я ураганы,
В грозной буре вижу рай;
Ведь средь бури своевольной
Думам легче на волне:
Лишь на диких гривах-волнах
Песня может сниться мне.
Знаю: только на просторе
Звуки лиры ловит слух!
В страшной буре, в буйном море
Крепнет мой свободный дух.

1906

СКРИПКА

© **Перевод В. Корчагин**

Что не высказать словами,
Что на сердце накопело,
Что горит в душе, как пламя, —
Скрипка б выразить сумела.
Звучно б струны задрожали,
Благо думы рвутся в небо,
Благо крыльев не сломали,
Благо песнь дороже хлеба...
Вскину я смычок свой быстрый —
Струны бойко отзовутся,
Засверкают звуки-искры,
Думы в песню перельются.
Песня сердце б разрывала,
В ней гремели бы перуны,
Я б о счастье заиграла,—
Только б знать, что крепки струны!
Песнь дохнула бы цветами
И листвою лип душистых;
Зазвучала бы серпами,
Шумом всходов золотистых,
Вечеринкой деревенской,
Ветром поля, птичьей трелью,
Песней ласковою женской
Над убогой колыбелью.
Край весь песней охватила,
Дух народа обняла бы;
Я людей бы веселила,
Им отраду принесла бы;
Я бы души растопила,
Я сердца огнем зажгла бы,
Подняла бы край мой милый!
Песнь лилась бы то слезою,
То молитвою, то стоном,
То ударила б грозою,
То плеснула б светлым звоном...

Струны ждут, дрожат, тугие,
Страсть горит в крови кипучей.
Люди! Братья! Дорогие!
К вам летит мой зов певучий!

1906

АРТИСТ-МУЗЫКАНТ

© Перевод М. Шехтер

Скрипка яростно играет,
А скрипач в душе рыдает.
Только струны скрипки грянут —
Все вздохнуть от горя станут.
Черный взор блестит слезою, —
Струны стонут под рукою,
Музыкант со скрипкой слился
И, как ветер, в небо взвился...
Весь он в песне, весь он в звуке,
То застонет в тяжкой муке,
То людей берет в объятия,
То швыряет им проклятья.
Вот, гляди, по скалам скачет,
На уступ взбежал и плачет,
Слезы точит; после — в море;
Как зарница, на просторе
Светит, гаснет, тихо млеет,
Не огонь — лишь искра тлеет.
Вот смычок остановился,
В скрипку, как змея, вонзился.
Что играет, что слагает —
Только сам артист и знает.

1906

РОДНАЯ ДЕРЕВНЯ

© Перевод В. Корчагин

Чем ты сердце покорила,
Моя деревушка?
Иль волной заморозила
Вилия-резвушка?
Или шелесты дубровы
Я забыть не в силе?
Иль соседи колдовского
Зелья наварили?
Пусть иное предо мною,
Пусть далече буду, —
Я село свое родное
Вспоминаю всюду.
В море кажутся мне волны
Вилией-рекою;
И в Сибири сердце полно,
Край родной, тобою.

1906

В ЧУЖОЙ СТОРОНЕ

© Перевод М. Шехтер

Мне грустно. Людям я чужая,
Я душою изнываю.
Мыслью мчусь я в край далекий,
В бор дремучий, в бор высокий,
На свою родную нивку.
Вижу выгон, вижу Сивку,
Вот бегут коровки с поля...
Эх вы, хаты! Дай мне, доля,
Хоть знакомую росинку,
Из родимых мест пылинку,
Хлеба кроху — дар от брата.
Ой, мила родная хата!
Ой, как мил родимый край,—
Полетела б, словно в рай!
Дорога душе сермяжка,
Лапотки, кафтан, рубашка...
Мусорный за хатой ворох
Сердцу тоже мил и дорог.

1906

С НОВЫМ ГОДОМ

© Перевод Н. Браун

Вот и Новый год приходит...
Здравствуй, брат! Что нам несешь?
Что посеешь ты в народе?
Что на нивах ты пожнешь?
Ты развяжешь ли нам путы,
Ты не будешь сердцем злой?
Иль придешь такой же лютой,
Как тот старый был, седьмой?
Может, тучи с неба сдуешь,
Слезы с глаз ты оботрешь?
Иль, как старый, околдуешь,
Снова в спячку позовешь?
Гей, скажи нам?!

1907

КРЕСТЬЯНКАМ

© Перевод В. Корчагин

Ой, крестьянки, ой, сестрицы,
Что ж вы, цветики, завяли?
Восковые ваши лица
Высохли от слез печали...
Как калину град сбивает,
Как гроза каменья рубит,
Так и вас судьба ломает,
Красоту нещадно губит.

Сколько горя векового!
Сколько в косах прядей белых!
Сколько пота трудового
На ладонях огрубелых!..
И за всё — на бугорочке
Крест над грубым гробом вашим,
Да в слезах склонились дочки, —
Их житье не будет краше.
Ой, крестьянки, ой, сестрицы,
Ой вы цветики сухие!
Ой, бескрылые вы птицы,
Ой, страдалицы немые!..

1907 или 1908

«Наступает весна...»

© **Перевод И. Поступальский**

Наступает весна —
Понесется «ку-ку»
Через лес и поля,
Через Неман-реку;
По вилийской волне
На плотах поплывет,
Доберется до хат,
Закричит, позовет:
«Поднимайтесь, гу-гу!
Уж весна на дворе,
Уж цветы на лугу
И трава в серебре.
Гей! За сохи скорей
Да пахать, да пахать...
Поскорей, поживей
Засевать, засеивать!
Ранним утром зерно
Рассыпай на ходу, —
Пусть уходит оно
В борозду, в борозду,
Чтоб сорняк не густел,
Чтоб осот не торчал,
Чтоб ячмень зеленел,
Чтоб овес созревал,
Чтоб картошка росла
Краше яблок, вкусней,
Чтоб капуста была —
Головы тяжелей!
Будет легче тогда
С нищетой воевать,
Чтоб забылась беда,
Темноты цепи рвать...»

1908

С ЧУЖБИНЫ

© **Перевод В. Бугаевский**

И душно, и тяжело, и сердце сомлело
Вдали от своих, на чужой стороне.
Как птица, на крыльях лететь бы хотела, —
Стремилась бы к ним я, подобно волне.
Мне слиться бы с тучею капелькой малой,
А тучу велела б ветрам унести
Далеко, далеко, туда, где, бывало,
Над Неманом бор мне шумел на пути.
Где Вильна гнездо меж холмами свивает
И лентою белой течет Вилия,
Где каждая тропка и крест меня знают
И просят, зовут, чтоб вернулась к ним я.
Там я родилась, там далекой порою
Училась ребенком слова лепетать.
К ним нынче бы я полетела стрелою,
Чтоб с ними, как прежде, год Новый встречать.
О милые, милые, там под снегами
Лежащие тропки, полянки, леса,
Вы вновь пред моими стоите глазами,
Мне вновь вспоминается ваша краса.
И вы, от работы согбенные вечной,
И ты, их оплакивающий беду,
Примите сегодня привет мой сердечный.
Пусть легче живется нам в этом году!

7 января 1909

ЛИРА

© **Перевод В. Корчагин**

Играл бы я много, да силы уходят
И струны за струнами рвутся,
Хоть думы еще неумные бродят,
Хоть песни еще и поются.
Играл бы я много, да смерть надо мною
Кружится и сердце мне гложет.
Порвитесь же, струны! Уснем под землю, —
Ничто разлучить нас не сможет!
Быть может, над нами подыметесь ива,
И к ней под тенистые ветки
Сбегутся весною в игре шаловливой
Гурьбою веселою детки.
И веточку ивы для звучной свирели
Один из них срежет, быть может,
И вам отголосок — умолкшие трели —
Сердца будет снова тревожить.
Умолкшие струны! Вы дрогнете снова,
Что не было спето — споется.
И, звонче и радостней став, мое слово

Из юного сердца польется.
И станет над бедной моею могилой
Светло оттого, что с чудесной,
Великою, неудержимую силой
Польется ожившая песня.

1909

ГАДАНИЕ

© **Перевод В. Корчагин**

Загадай, кукушка, закукуй о счастье,
Погадай о доле нашей бедной Насте!
Где веноч венчальный, где сынок единый
И куда девалась красота девчины?
Отчего в оковах у бедняжки руки,
На лице поблекшем — след смертельной муки?
На груди запавшей узелок с землею —
Всё, что из деревни унесла с собою.
В холоде скитаний увядало тело;
Вся согнулась Настя, за год поседела.
Вместо глаз — две раны, их застлала слезы,
Щеки стали белы, как кора березы...
Ну, гадай, кукушка! Закукуй о счастье,
Погадай о доле нашей бедной Насте!..
Встрепенулась птица, села на лозину:
Знать, утешить хочет ворожкой девчину...

1910

«Дайте два крыла орлиных...»

© **Перевод В. Корчагин**

Дайте два крыла орлиных, —
Горько стало жить в низинах!
По перу мне киньте, братцы, —
К вам, орлы, хочу подняться!
Эх, орлы! Парить бы с вами
Над горами, над долами
Да крылом своим могучим
Рассекать седые тучи.
Знать орлиные повадки,
Крылья ранить в смертной схватке,
Вражьей кровью упиваться,
В облака стрелой взвиваться.
Дайте два крыла орлиных, —
Душно мне с людьми в низинах!
По перу мне киньте, братцы, —
К вам, орлы, хочу подняться!

12 декабря 1914

«ЛУЧИНКА»

© **Перевод В. Корчагин**

От хаты до хаты в зимнюю ночь
Пойдем с «Лучинкой» и будем искать:

Может, забытый людьми в уголочке,
Хлопчик какой-нибудь хочет читать?
Может быть, спрявши кудельку, девчина
Где-нибудь грустно у печки сидит,
Может быть, в вечер январский длинный
С тоской на унылое поле глядит.
Придем к ним — «Лучинкой» развеем печали,
О крае родном поведаем им,
Чтоб искры нашей «Лучинки» запали
В думы, в сердца друзьям молодым.
И может, «Лучинка» во мраке ночи
Осветит хлопцам их уголок,
И вскинут бодрее девчата очи,
Охотнее сядут прясть ленок.
По улицам тихим, по снежным дорожкам
Будем с «Лучинкой» шагать вперед,
Во всех деревнях, под каждым окошком
К свету призывать молодой народ.
Вы, молодые, для старших — опора,
Вы — солнышко для материнского взора.
Растите и крепните, жизнь познавая!
С надеждой вас ждет сторона родная.

1914

СИРОТКА

© Перевод И. Поступальский

В черной порванной юбчонке,
Личико в слезах, не мыто;
И отец и мать в могилах, —
Нет ни крова, ни защиты.
У межи сидит и плачет,
Где укрыться — неизвестно,
Ей едва шестой годочек!..
Ночь... пугает мрак окрестный...
Слез не надо, сиротинка,
Белорусская девчинка!
Спят отец и мать в могилах, —
Услыхать тебя не в силах,
Слез не вытрут, не утешат,
Не помогут бедной дочке...
Нива даст ночлег бедняжке,
Теплый дождь омоет щечки,
Мягкий мох постелью будет;
Не беда, что нет привычки, —
Сном забудешься спокойным,
Ветер заплетет косички.
Колосок накормит спелый,
Солнышко согреет тело,
Крест дорожный будет тятей,

Пашня — матушкой дитяти.
Поднимись с межи, родная!
Посмотри: алеют зори,
Даль светлеет с каждым часом...
Позабудь, голубка, горе!
Верь: не сгинешь, сиротинка,
Белорусская девчинка!
Ты сиротскою дорогой
В люди выйдешь понемногу.
Позабудь свой страх, сиротка!
Вырастай свободной, смелой, —
Ждет тебя народа дело!

1914

ОТКРЫВАЙ СКОРЕЕ, ПАНИ...

© Перевод А. Прокофьев

Тесовы ворота, пани,
Открывай скорее,
С золотым венком выходят,
Вышли с поля жнеи.
Солнце греет, солнце греет,
Поспела пшеница
На утеху доброй пани,
Красной молодежи.
Ой, настало время, колос,
Час настал вам, зерна,
Положить себя под грозный,
Под каменный жернов.
Ой, настало время сердцу
Загореться жарко
И, как колос золотистый,
Отдарить подарком.
Словно серая кукушка,
Сердце призывает,
Отзовись на этот голос,
Пани дорогая.
Не проспи, молодка-пани,
Вешние денечки
И сердечный голос тихий,
Так зовущий в ночки.
Но не слышит наша пани,
Ей вестей не надо,
Да зачем ей свои детки,
Если наши рядом.
Да зачем ей свои детки
И семья родная,
Если нас, как деток, любит
Пани молодая.
Хоть паненке любо с нами

Жить, не зная ссоры,
Но судьба — отец извечный —
Отберет, и скоро.
Несет ворог ненавистный
Злой неволи сети,
Выйди, выйди, королева,
Поскорей из клетки.
Ой, да как тебе, цветочек,
Расти, красоваться,
Если буря вдруг нагрянет,
Можешь не подняться.
Ой, как сердцу молодому
Жить с отравой лютой,
Если просит сердце счастья
Каждую минуту.
Будь счастлива, будь счастлива,
Живи всем на диво,
А мы пани не забудем,
Пока будем живы.

МАКСИМ БОГДАНОВИЧ

Максим Адамович Богданович родился в богато одаренной талантами семье. Отец поэта Адам Юрьевич вышел из крестьянской среды, переменял много профессий, с трудом получил образование и стал учителем. Он с увлечением изучал белорусскую этнографию, литературу, историю (А. Ю. Богдановичу принадлежит ряд научных исследований в этих областях), собирал в своей превосходной библиотеке материалы по истории белорусской культуры, белорусского народного творчества. Незаурядными способностями отличалась и мать поэта — Мария Афанасьевна, учительница, художественно одаренный человек.

Будущий поэт родился 27 ноября 1891 года в Минске. Через полгода семья переехала в Гродно. В пятилетнем возрасте Богданович лишился матери. Его отец с тремя сыновьями уезжает в Нижний Новгород.

Адам Юрьевич занимался воспитанием сыновей очень серьезно, стремился их приобщить к сокровищнице мировой культуры. В написанных им «Материалах к биографии Максима Адамовича Богдановича» он перечисляет имена писателей, с которыми должны были по намеченной им программе знакомиться его сыновья. Здесь мы находим корифеев русской и мировой литературы. Особое место в этой программе занимало изучение белорусского народного творчества — сыновья читали сказки в сборниках П. Шейна и Е. Романова, а также записанные самим Адамом Юрьевичем (он был не только знатоком, но и собирателем белорусского фольклора).

Система воспитания, выработанная отцом, рано пробудила у Максима Богдановича интерес к художественной литературе. Немаловажную роль, по-видимому, сыграло и знакомство с М. Горьким. С 1896 года отца поэта связывала с великим писателем долготлетняя дружба. Максим Богданович часто бывал в доме Пешковых, много времени проводил с сыном Горького; дети читали одни и те же книги, пользуясь библиотеками А. Ю. Богдановича и М. Горького^[78].

Из всех увлечений юного Максима наиболее сильным было увлечение историей и культурой Белоруссии, ее народным творчеством. «Моя семья и тесно с ней связанные семьи моих двух сестер, Гапановичей и Голованов (тоже чисто белорусские, которые так срослись, что, в сущности, представляли одну семью в трех разных квартирах), были своего рода белорусской колонией в далеком краю при слиянии Оки и Волги», — писал отец поэта, рассказывая, что от теток Максим слышал в детстве белорусскую речь и белорусские народные песни. «Свои опыты писания на белорусском языке он начал очень рано, приблизительно с 10–11 лет...»^[79] Увлечение «белорусской», по свидетельству отца поэта, несколько отступило на задний план лишь в годы первой русской революции, когда гимназист Богданович (с 1902 по 1907 год он учился в Нижегородской гимназии) увлекся политикой, стал посещать митинги, активно участвовать в гимназических кружках. Когда в 1908 году семья переехала в Ярославль, А. Ю. Богдановичу стоило немалых трудов устроить в Ярославскую гимназию сына, получившего в Нижнем Новгороде аттестацию «неблагонадежного ученика».

В старших классах гимназии увлечение литературой и гуманитарными науками становится еще более серьезным. Значительное влияние на развитие поэта в эти годы оказал В. В. Белоусов, преподаватель Ярославской гимназии, превосходный знаток греческого и латинского языков и античной литературы. Он руководил занятиями Богдановича, помог ему изучить греческий, итальянский, французский языки.

К этому времени Богданович не только писал стихи, но и публиковал их в периодических изданиях. Первое его произведение — стихотворение в прозе «Музыкант» — появилось в газете «Наша нива» в 1907 году. Систематически он стал печататься в «Нашей ниве» с конца 1909 года.

В 1911 году по окончании гимназии состоялась поездка Богдановича в Белоруссию, оставившая в душе юноши сильные впечатления. Он побывал в Вильне, пожил в белорусской деревне, познакомился с жизнью белорусского крестьянства.

Богданович хотел поступить на филологический факультет Петербургского университета, тем более что его рекомендовали профессору А. А. Шахматову как человека, способного стать специалистом в области белорусского языка, этнографии и истории. Но ограниченные средства отца и тяжелая болезнь юноши воспрепятствовали осуществлению этих планов. Пришлось поступить в Ярославский юридический лицей.

Годы обучения в лицее были временем интенсивной работы Богдановича. Он много писал и переводил, продолжал свои занятия греческой, итальянской, французской, немецкой литературой, занимался изучением славянских языков, исследованием украинской литературы (украинский язык он знал хорошо и даже пробовал писать на нем стихи).

Вопросы общественной жизни по-прежнему сильно занимают Богдановича. Об этом свидетельствует сохранившееся в архиве Литовской Академии наук письмо поэта, в котором он предостерегает редакцию «Нашей нивы» от сотрудничества человека, подозреваемого в провокации: «Сколько в этом правды, — писал Богданович в 1913 году, — сказать не могу; как Вы сами знаете, обвиняют в провокации у нас очень легко. Поэтому, кажется, самым лучшим было бы оповестить об этом только кое-кого из своих людей и проследить, чтобы 3-ко не допустить к какому-либо белорусскому и вообще общественному делу. Тем временем я напишу в Нижний Новгород, чтоб мне дали более полные сведения»^[80].

Кроме «Нашей нивы» Богданович в это время участвует во многих других белорусских и русских изданиях: в «Белорусских календарях „Нашей нивы“», в сборнике «Калядная писанка», в журналах «Украинская жизнь», «Национальные проблемы», «Ежемесячный журнал», «Русский экскурсант», в издании «Пушкин и его современники». В течение нескольких лет он был сотрудником ярославской газеты «Голос».

При жизни поэта вышел в свет лишь один сборник его стихотворений — «Венок» (Вильна, 1913). Сохранившиеся письма Богдановича свидетельствуют о том, какую упорную борьбу приходилось вести тяжело больному поэту за возможность издать сборник стихотворений. В начале 1913 года он писал в редакцию «Нашей нивы»: «Что касается издания книжки, то вижу, что оно задерживается главным образом из-за недостатка денег, но никак не придумая, как Вам помочь. Сам я не зарабатываю, у отца просить, так он много дать не может, ибо живет от 20-го до 20-го, да к тому же много кому должен. Но вот что: когда я поправлюсь, то попробую занять под книжку у разных своих знакомых деньги»^[81]. Эти наивные планы, разумеется, не подвинули вперед издания сборника, и рукопись, находившаяся в редакции уже более года, пролежала там еще год.

Богданович писал в одном из писем последнего периода о намерении издать еще несколько сборников своих стихотворений («Молодик», «Перстенек», «Шиповник»), но планы эти поэту осуществить не удалось.

Осенью 1916 года Богданович переехал в Минск, поступил на службу в Губернский продовольственный комитет. Несмотря на тяжелое самочувствие, связанное с обострением болезни, поэт занимается общественной деятельностью, много сил отдает работе с беженцами — белорусскими крестьянами, которых война согнала с насиженных мест, преподает в кружках белорусской молодежи.

Болезнь вынудила Богдановича в феврале 1917 года выехать в Ялту. Обстоятельства сложились так, что последние месяцы своей жизни поэт провел в одиночестве, в очень тяжелых бытовых условиях. Он умер 25 мая 1917 года.

Богатый архив Богдановича (автографы стихотворений, рассказов, статей, письма, черновые наброски и т. д.) был тщательно собран отцом поэта и передан Институту белорусской культуры. В годы Великой Отечественной войны этот архив погиб^[82].

«ВЕНОК»

«Вы, любители порыться...»

© Перевод Т. Казмичева

Вы, любители порыться
В ветхих, выцветших страницах
Книги, много лет забытой,
Блеклый в ней найти цветок, —
Просмотрите этот томик:
Я прокладывал бумагу
Свежими в те дни цветами
Мыслей искренних и чувств.

В ЗАЧАРОВАННОМ ЦАРСТВЕ

«Слышишь гул? Это дико-печальный лесун...»

© Перевод автора

*O voi, ch'avete gl'intelleti sani,
Mirate la dottrina, che s'asconde
Sott'il velame degli versi strani.*

Dante. Inf. IX.[\[83\]](#)

Слышишь гул? Это дико-печальный лесун
Заиграл на лесной, позабытый уж лад.
Под руками его, как на море бурун,
Словно тысячи туго натянутых струн,
Тонкоствольные сосны гудят.
Отгадай, отчего взволновалась река,
Шепот тихий идет к полосе с полосы,
И о чем им звенит говорок ветерка,
Что дрожит и блестит на листьях дубняка —
Капли слез иль холодной росы?

1910

ОЗЕРО

© Перевод автора

Тут рос густой, суровый бор,
И леший жил; когда ж топор
В бору раздался — леший сгинул
И, уж невиданный с тех пор,
Нам зеркальце свое покинул.
Как будто в мир иной окно,
Лежит, спокойное, оно,
Течение жизни отражает
И всё, что сгнуло давно,
В холодной глубине скрывает.

1910

НАД ОЗЕРОМ

© Перевод автора

Скоро вечер в прошедшее канет.
Блещут звезды пушистые, светит
Месяц бледный, холодный и тянет
Из реки серебристые сети.
В них русалки запутали косы, —
Рвут и путают влажные нити.
Ночь плывет над землей, сеет росы,
Тихо шепчет русалкам: «Усните».

1909

ВОДЯНОЙ

© Перевод А. Прокофьев

Седоусый, сгорбленный, я залег под тиной,
Много лет я греюсь так, сплю на дне реки.
Весь травой окутанный, будто паутиной,
Грудь мою засыпали желтые пески.

Над водой у берега тихо спит осока,
Где лоза зеленая жалобно шумит,
Волны тихо катятся и бегут далёко, —
Всё вокруг заснуло, сном извечным спит.

1909

ЗМЕИНЫЙ ЦАРЬ

© Перевод А. Прокофьев

В темном небе хороводом
Голубые звезды,
В темном небе светит месяц
Золотым серпом...
Мы из нор подземных, душных
Выползли на воздух
И на теплую зимовку
Тянемся, ползем.
Полям, лесом — нам повсюду
Пролегли дорожки!
Лентой движемся мы в пуще,
Впереди всех — я.
И горят моей короны
Золотые рожки,
Темным блеском отливают
Чешуя моя.
Нас никто ни днем, ни ночью
Не посмеет тронуть:
Знахарь, видя, путь устелет
Белым полотном;
Золотой рожок ему
Уроню с короны,
И опять по полотну мы
Дальше поползем.

1910

БУРЯ

© Перевод Т. Казмичева

Понурое чудовище слепое
По шири неба вдаль лениво проплывает,
Всё стихло. Только вдруг пространство рассекает
Мечом огнистым пламя голубое.
Ударил меч — и грохот прокатился,
Мерцает вновь клинок, удары не стихают,
Холодной крови бьют ключи и вниз стекают...
А люди говорят: «То дождь пролился».

1911

«С тучей большой грозовой кудрявая прядка тумана...»

© Перевод Т. Казмичева

С тучей большой грозовой кудрявая прядка тумана
По небу плавно неслись, отчего-то пылая румяно.
Слиться в могучую тучу хотелось им в небе высоком,

Только далеко их ветер разнес, налетев ненароком.
Мелким дождем изошла, как слезами, одна над землею,
Издали гулко в ответ отозвалась другая грозою...
Так и погибли в разлуке — такая им выпала доля,—
Слыша, как ветер над смертью их весело воет на воле.

1910

ОЗЕРО

© Перевод Б. Ирнин

В чаше темной и глубокой
Плещет, пенится вино;
Хмелем светлым и холодным
Чуть колышется оно.
И качается осока,
И шумит высокий бор,
А в душе не замолкает
Струн веселых перебор.

1910

«Привет тебе, жись на воле!..»

© Перевод Б. Ирнин

*Оглянись — и мир вседневный
Многоцветен и чудесен.*

А. Фет

Привет тебе, жись на воле!
Над головой — дубов шатер,
Сквозь листья видно небо, поле
И выси гор.
Теней лоскутья на полянах
Не спрячут золота лучей,
Оно горит средь пятен рваных
Всё горячей.
А солнце распахнет под вечер
На небе красный веер свой,
И вдаль помчится вольный ветер,
Шурша листвою.
Когда ж померкнет яркий полог
И потемнеет лоно вод —
Заблещет серебром иголок
Звезд хоровод.
И милой станет вся природа,
Равно — и яркий блеск и тень,
Тот день, что ждет еще у входа,
И прошлый день.

Между 1909 и 1912

«Блестит на небе звезд посев...»

© Перевод В. Любин

Блестит на небе звезд посев;
Посев в полях зазеленел,
Меж ними, к речке полетев,

Поднялся лунь, как призрак бел.
Взмыл нетопырь на крыльях; там
Кузнечик молоточком бьет,
Шныряют мыши по полям,
И мнится — всё вокруг живет!
Жизнь слышится со всех сторон,
Шумит во мгле ее поток,—
Не потерял ли тихий сон
Из алых маков свой венок?

1911

«Теплый вечер, тихий ветер, свежий стог...»

© **Перевод А. Прокофьев**

Теплый вечер, тихий ветер, свежий стог —
Уложили вы меня на землю спать...
Светлой пыли не видать уж вдоль дорог,
В небе месяца пробился бледный рог,
В небе стали звезды расцветать.
Вдруг одна слезой скатилась огневой,
Прошумела мягко крыльями сова;
Вижу я, с природой слившийся душой,
Как дрожат от ветра звезды надо мной,
Слышу, как в лугах растет трава.

1910

«Доброй ночи, заря-заряница!..»

© **Перевод М. Исаковский**

Доброй ночи, заря-заряница!
Тихий сумрак на землю ложится,
Черной ризою всё покрывает,
Пылью звезд небеса засеваает.
Тишина мне окутала душу.
Ветерок придорожную грушу
Еле слышно колышет-качает.
Где-то звон бубенцов замирает,
Где-то булькает-льется криница.
Доброй ночи, заря-заряница!

1911

«Тихо по мягкой траве...»

© **Перевод А. Прокофьев**

Тихо по мягкой траве
Синеокая ночь проходила;
Тихо с заснувших полян
Плыл в небеса, исчезал,
Словно дым синеватый кадила,
Редкий, прозрачный туман;
Неба раскрыв глубину,
Несмело сквозь тьму выплывали
Звезд золотистых венки;
Сухо кузнечик звенел;

И, разливаясь, играли
Волны зеркальной реки...
Пала роса. На полях
Разгорались бусинки милых
Желто-червонных огней...
Время, когда нам грустить
Душою на свежих могилах
Пусто пронесшихся дней.

1911

«**Вечер на западе в розовом пепле...**»

© **Перевод Б. Ирнин**

Вечер на западе в розовом пепле
Гасит червонную россыпь углей;
Тихо; ветвей ветерок не растреплет,
Травка не дрогнет в молчаньи полей,
Темные тени длиннее в лощине,
Пташки усталой всё тише полет;
Месяц плывет молодой, бледно-синий
В небе вечернем, зеленом, как лед;
Звезды-снежинки искрятся над житом,
Сизые росы мерцают на нем...
Полно ж терзаться нам всем пережитым,
Хоть на мгновенье душой отдохнем.

1910

СОМНАМБУЛ

© **Перевод А. Прокофьев**

Месяц выплыл над сумрачной, сонной землей
И повел его в темную даль за собой,
Приманил на реку, где мерцала вода,—
Сердце пойманной рыбкой забилося тогда.
Но когда светлый путь с неба на воду лег,—
Страх, что в сердце гостил, стал нежданно далек.
И серебряной стала река, и она
Уводила в тот край, где одна лишь весна.
Долго, долго тебя ожидал он, искал,
Наконец этот час долгожданный настал...
И пошел по пути он, пошел он до дна:
Охватила его тишина, глубина.

Между 1909 и 1912

«**Лето, с землей разлучаясь, заплакало...**»

© **Перевод А. Прокофьев**

*Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.*

А. Пушкин

Лето, с землей разлучаясь, заплакало;
На́ поле тихо лилися слезинки.
Всё же пригожею осенью ясною
Где они пали, — цветы вырастали,

Цветики осени, грустью вспоенные,
Горем, печалью, слезинками лета,
Цветики осени милые, бледные!
Выросли вы, чтобы сразу погибнуть.
Может, поэтому сердце несчастное
Новый венок так любовно сплетает.

Между 1909 и 1912

«Где-то в тучах живут пауки...»

© **Перевод Н. Браун**

Где-то в тучах живут пауки,
Ткут они паутину дождей.
Так они и толсты, и мягки,
С телом скользким, как тело ужей;
В теле стынет холодная кровь,
Злость бесцельная в круглых глазах...
Чу! Я шорох их ног слышу вновь,
Крыша, стены в их скользких сетях.

1911

РАЗРЫТАЯ МОГИЛА

© **Перевод Б. Ирнин**

Мелкий дождь сечет и льется;
Ветер злобно в хату рвется,
В поле стоном отдается,
Стукнет вдруг ко мне в окно;
Сердце бедное забьется,
И внезапно в нем проснется,
И внезапно всколыхнется
Всё, что умерло давно.
Вспомнит сердце, что любило,
Вспомнит молодость и силу,
Что исчезло, что уплыло,—
Всё припомнит, как во сне.
Вижу: сердце не забыло
Всё, что жизнь в нем загубила...
И разрытою могилой
Веет грустно в душу мне.

1909

«Ночь. Рожок мой шипит и пылает...»

© **Перевод В. Державин**

Ночь. Рожок мой шипит и пылает,
Старый чайник, остывши, стоит.
За стеною пурга запеваает,
Колокольцами в поле звенит.
Далеко ее гул отдается,
И чего-то всё думаю я:
Не из плена ли зимнего рвется,
Из оков своих снежных, земля?
Грудь могучую тяжело вздымает,

А повеет — как бурей дохнет,
Снег холодный в полях колышет
И вот-вот свои цепи стряхнет.

Между 1909 и 1912

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

© Перевод В. Державин

Мчатся кони по снежному полю,
Колокольцы гремят под дугой.
Запевают про долю и волю,
Навевают на сердце покой.
Вьется змейка серебристой дороги,
Россыпь звездная в небе горит,
И задумчиво месяц двурогий
Сквозь морозную дымку глядит.
Поле тонет в вечернем тумане,
Снег блестит, как холодная сталь,
И летят мои легкие сани
И несут меня в синюю даль.

<1910>

ЗИМОЙ

© Перевод Б. Ирнин

Привет, морозный звонкий вечер!
Привет, скрипучий мягкий снег!
Метель утихла, замер ветер,
И волен легких санок бег.
Как будто призраки, березы
В вечерней синеве стоят,
На небе звезды, от мороза
Похолодевшие, дрожат.
Умытый месяц сверху в поле
Прозрачный, светлый столб спустил
И ризой блещущей раздолье
Снегов синеющих покрыл.
Взрывайте ж, кони, их санями!
Медь бубенцов, звени, гуди!
Вокруг летят леса с полями,
И закипает кровь в груди.

<1911>

ПЕРЕД ПАВОДКОМ

Перевод М. Исаковский

Проясняется погода —
Воротилась весна.
Скоро, скоро вся природа
Встрепенется ото сна.
И под гомон птичьей стаи,
Давши волнам полный ход,
Приподнимет Неман старый
На хребте могучем лед.

Зазвенят, застонут льдины,
И бурливая вода
Смоет мокрый снег с равнины,
Не оставив и следа.
Разливайся ж, многоводный,
Среди роц, лугов, полей
И своей красой свободной
Крылья дай душе моей!

1910

«Подыми к небесам свои взоры...»

© **Перевод автора**

Подыми к небесам свои взоры —
И ты станешь опять как дитя,
И затихнут больные укоры,
Пропадут, от души отлетя.
Ей не нужно ни счастья, ни ласки,
В сердце нет ни тоски, ни забот.
Ты — царевич мечтательной сказки,
Эта тучка — ковер-самолет.

Между 1909 и 1912

«По-над белым пухом вишен...»

© **Перевод Б. Ирнин**

De la musique avant toute chose.

P. Verlaine [\[84\]](#)

По-над белым пухом вишен,
Будто синий огонек,
Бьется, вьется быстрый, легкий
Синекрылый мотылек.
Золотясь, трепещут струны
Солнца, вставшего в зенит,—
То дрожащими крылами
Мотылек по ним звенит.
И волною льется песня —
Тихий, ясный гимн весне.
То не сердце ль напевает
Этот гимн крылатый мне?
Или это звонкий ветер
В тонких травах шелестит?
Или, может, то высокий
У реки тростник шумит?
Не понять мне, это тайной
Остается для меня:
Не дают мне думать звуки,
Что летят, дрожат, звеня.
Песня рвется, песня льется
На раздольный, вольный свет.
Кто ж услышит эту песню?
Может, только сам поэт.

1910

РОМАНС («Видишь, Венера взошла над землею...»)

© Перевод А. Прокофьев

*Quand luira cette étoile, un jour,
La plus belle et la plus lointaine,
Dites-lui qu'elle eut mon amour,
O derniers de la race humaine!*

Sully Prudhomme^[85]

Видишь, Венера взошла над землею,
Светлые думы с собой привела...
Помнишь, и в первую встречу с тобою
Также Венера взошла.
С этой поры я привык любоваться
Небом ночным, всё Венеру искал,
Тихой любовью к тебе разгораться
С ноченьки этой я стал.
Всё же расстаться пора наступает;
Верно, уж доля такая у нас.
Сильно любил я тебя, дорогая,
Бьет расставания час.
Буду в далеком краю я томиться,
В сердце любовь затаил я свою.
Ночью мне звездочка ярко искриться
Будет в далеком краю.
Глянь на нее иногда, как бывало,
Взгляды сольем мы с лучами ее...
Чтоб на мгновенье любовь засверкала,
Глянь иногда на нее...

Между 1909 и 1912

ВРЕМЯ ШАБАШИТЬ

© Перевод М. Исаковский

Гей, шевелитесь же, кони понурые,
Время шабашить нам — солнце зашло.
Борозды красные, желтые, бурые
В небе спокойном оно провело.
Скоро и звезды гурьбою появятся,
Месяц покроет поля полотном...
Время и нам уж в деревню отправиться,
Там до утра отдохнем.

<1910>

ОТЗВУКИ РОДИНЫ

«Вся в слезах девчина...»

© Перевод А. Прокофьев

Вся в слезах девчина
Клонится у тына,
Рядом с ней шиповник в росах,
Словно сиротина.
Ветерок вздыхает

И росу сбивает.
Ах, от слез ведь и девчина
Тоже средство знает!
Отгадайте ж, люди,
Кто сбивать их будет?
И когда он, желтоклювый,
Грусть ее избудет?

Между 1909 и 1912

«Грустно мне, и сердце песню тихо запеваает...»

© Перевод М. Исаковский

Грустно мне, и сердце песню тихо запеваает:
«Стежка в поле пролегаает, травой зарастает.
Наклонились над стежкой явор да калина.
Там любилися когда-то хлопец и девчина.
Ох, да шла дорога долом, шла она и горкой —
Не укрылася девчина от той доли горькой...
И лежит ее дорожка, травкой зарастает,
Грустно глянуть, тяжело видеть — так душа

страдает».

1911

«Не кукуй ты, серая кукушка...»

© Перевод М. Исаковский

Не кукуй ты, серая кукушка,
Грустно так в бору родном.
Может, скажешь ты, что жить я буду, —
Только нет — молчи о том.
Не про то мне шепчут мое сердце
И моя больная грудь:
Вся душа моя болит и ноет,
Боль мне не дает вздохнуть.
Вижу, что недолго проживу я
И без времени умру...
Прокукуй же над моей могилой,
Как весной в родном бору.

Между 1909 и 1912

ЯН И МАТЬ

© Перевод М. Шехтер

Истомилась, слез горючих пролила ты речку.
Что ж, постой под образами да затепли свечку:
Может, свет тот слабый Яну и прибавит силы...
Восковой ребенка облик свечка осветила.
Тает воск свечи, и тихо капельки стекают,
На глазах запавших Яна слезы проступают.
Свечка светит, свечка гаснет, свечка догораает,
И в простой убогой хате мальчик умирает.
Ой, не вечно светит свечка, нет, не век гореть ей —
Догорит она, исчезнет, как и всё на свете!

<1911>

«Сердце ноет, грудь сжимается от боли...»

© Перевод М. Исаковский

Сердце ноет, грудь сжимается от боли,—
Ой, пойду из тесной хаты в чисто поле.
В чистом поле ветер веет-повевает —
Уходи ты прочь, тоска моя немая!
Голос бы мне звонкий соловьиный,
Чтобы в песнях вылил я кручину,
Чтоб ее развеял буйный ветер,
Чтоб ее я никогда не встретил!

1911

ВЕЧЕР

© Перевод Б. Ирнин

Месяц полный встал на небе,
Низко над равниной,
Блещет, круглый, красно-желтый,
Будто глаз совиный.
Тяжело, с жужжаньем тихим,
Майский жук летает;
Про любовь, про расставанье
Кто-то запекает.
Голос полем прокатился
И в бору отдался:
«Ой, не высохла ль криничка,
Где голубь купался?»
И тоской тревожат сердце
Отголоски грустной
Деревенской нашей песни,
Песни белорусской...

<1911>

СТАРАЯ БЕЛАРУСЬ

ЛЕТОПИСЕЦ

© Перевод Б. Ирнин

*Усё прайшло, мінула,
Як і не было,
У капцах паснула,
Зеллем зарасло.*

Душой измучившись в житейских непогодах,
В монастыре свои он доживает годы.
Здесь тишина, покой — ни шума, ни забот;
Он летопись свою четвертый пишет год,
И списывает всё от слова и до слова
С истлевших грамот он про судьбы Могилева,
Про добрые его и темные дела.
Так с горечи цветов усердная пчела
Собрать умеет мед в заботе повсечасной,
И виденному он — свидетель беспристрастный.

Я. Купала^[86]

Всё, что вершилось здесь в минувшие года,
О чем здесь думали и спорили тогда,
За что вели борьбу и веру как хранили,—
Потомки всё прочтут, очистив труд от пыли.
То, что забудется, с водою уплывет,—
Вдруг в памяти людей возникнет, оживет,
Когда найдут его нехитрое писанье
Про жизнь далекую, про давние деянья...
Так море синее приносит к нам с волной
Бутылку на берег, облитую смолой,
Всю в тине, в ракушках бесчисленных.

Немало

Она была в воде и многое встречала.
Бутылку рыбаки поднимут, разобьют
И в ней, как водится, письмо они найдут.
Обычай есть морской: со всех краин света
Так тонущие шлют известья. В море где-то
Погибли все они, и, может, сотни лет
Со дней тех протекли, и их народа нет,
Переменилось всё, про них уже забыли,
Но, буквы, — вы теперь всё снова разбудили!
Узнают люди вдруг о прадедах своих —
О горе, радостях, о приключеньях их,
Кому молились, какой надеждой жили
И где на дне морском их волны схоронили.

1912

ПЕРЕПИСЧИК

© Перевод автора

На кожаном листе пред узеньким окном
Строй ровных, четких букв выводит он пером
И красную строку меж черными рядами
Вставляет изредка; заморскими зверями,
Людьми, птицами, венками из цветов
И многокрасочным сплетеньем завитков
Он украшает сплошь — довольно есть сноровки —
Свои пригожие заставки, и концовки,
И заголовки все, — ведь некуда спешить!
Порой привстанет он, чтоб лучше заострить
Перо гусиное, и глянет: кротко солнце
Столбом прозрачным шлет свой свет через оконце,
И золотая пыль струится меж лучей;
Вдали над белыми громадами церковей
Блистают купола; проворно над крестами,
Как жар горящими, проносятся кругами
Стрижи веселые; а тут, вблизи окна,
Малиновка поет и стучает желна.
И вновь он склонится, заставку вновь выводит
Неярким серебром; неслышно день проходит,

Настанет скоро ночь, и первая звезда
Благословит конец пригожего труда.

1912

КНИГА

© Перевод автора

Псалтырь, покрытую нежесткой бурой кожей,
Я взял, чеканные застежки отомкнул,
Пересмотрел ряды кириллицы пригожей
И воска с ладаном приятный дух вдохнул.
Прочел псалом: «Как лань к источнику стремится,
Так рвется, господи, к тебе душа моя».
Пахнула свежестью старинная страница,
И с тихой радостью читаю книгу я.
В конце ее стоит нехитрая приписка:
«Для искупления грехов души своей
Списал псалтырь Иван из града Волковыска
В году семь тысяч сто восьмом с начала дней».

1912

СЛУЦКИЕ ТКАЧИХИ

© Перевод В. Корчагин

Не видеть им родимой хаты,
Не слышать деток голоса:
Забрал на двор их пан богатый
Ткать золотые пояса.
И, опустив печально взоры,
Уже забыв отрады дни,
На полотне своем узоры
На лад персидский ткут они.
А за стеной — дороги в поле
И шум черемух у окна...
И думы мчатся поневоле
Туда, где расцвела весна.
Там ветерок веселый веет,
Звенят, смеются ручейки,
Там так заманчиво синеют
В хлебах зеленых васильки;
Там — вешний гул густого бора...
Ты ткешь, безвольная рука,
На месте чуждого узора
Цветок родного василька.

1912, между 1914 и 1917

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

© Перевод В. Корчагин

Скорина, доктор лекарских наук,
Движенье звезд ночных на башне наблюдает.
Пора! Вот из его проворных рук
Целительный отвар пан писарь принимает.
Испил. Глядит на перстень золотой

И видит: изумруд тускнеет и мутится...
И с горечью почувствовал больно́й,
Что жизнь уж прожита и к ней не воротиться.

1913

«Тихий вечер; жар дневной спадает...»

© Перевод Б. Ирнин

Тихий вечер; жар дневной спадает,
Веселее речка пробегает,
В пруд вливаясь где-то в тростнике;
Дремлет пруд в густом еще венке
Верб зеленых, свежих, хоть корявых;
Тина в берегах отлогих, ржавых
Самотканым поясом легла;
Лилиями заводь расцвела.
Маленькая ласточка порою
Промелькнет над самую водою,
Крылышком черкнув по ней слегка
И вспугнув в осоке мотылька.
То вдруг окунь или язь плеснется,
И вода кругами разойдется.
Выползает серый уж порой
На плотине полежать сырой,
Там, где набок мельница скривилась,
Вся истлела — как не развалилась?
Почернело колесо давно,
Мохом темным обросло оно.
Но сегодня снова заскрипело, —
Девушка сюда пришла за делом,
Чтоб избыть любовь-присуху ей,
И стоит она с бедой своей.
Опустила смуглую головку,
И сердечко — слышно сквозь шнуровку —
Часто бьется. Мельник, дед седой,
Трижды взбрызнул ей лицо водой
И, уставивши на волны очи,
Приглушенным голосом бормочет:
«Поклонится я тебе, царица,
Чистая студеная водица.
Ты течешь болотами и мхами,
Желтыми сыпучими песками,
Берега крутые подрываешь,
Камни и деревья подмываешь
И несешь их к морю-океану,
К проклятому острову Буяну,
Там и ветер буйный не гуляет,
Солнце красное не светит, не сияет,
Там не блещет ясная зарница.
И уносишь ты туда, водица,

Грусть-тоску с сердечка Катерины.
Вот вокруг я обвожу три тына,
На замок их крепко замыкаю,
Ключ я в море-океан кидаю,—
Как ключу со дна уж не подняться,
Так тому и быть, не миноваться...»
И подносит мельнику девчина
Яйца и беленую холстину.

1912

«Кулигою, в бору глухом...»

© **Перевод Н. Банников**

Кулигою, в бору глухом,
Где рядом с пашнею три хаты,
Идет мужик — зипун в заплатках
И шапка ветхая на нем.
Старик, и кряжист и суров,
Со снеговою бородою,
Землей пропахший и сосною,
Не сводит зорких глаз с хлебов.
«А, чтоб ты сдох! Вон, по росе
Брел кто-то к житу от криницы;
Да вот и узкий след копытца —
Олени шkodили в овсе.
Ну хоть не сей! Овес и рожь —
Всё вытопчут до обмолота;
А тут еще напасть — болота:
Ступи — и сгинешь ни за грош».
В траве проходу нет от змей,
Комар кружится черной тучей,
Кулигу глушит бор дремучий,
Нет, изведут леса людей!
Не любит леший топора
И насылает пущу снова,
Да только есть у деда «слово»,
А то бы не видать добра!

Между 1909 и 1912

ГОРОД

ВСТУПЛЕНИЕ

© **Перевод А. Прокофьев**

Ты — чарователь неустанный,

Ты — неслабеющий магнит.

В. Брюсов

Пегас однажды в переулки
Свернул с проселочных дорог,—
И прокатился топот гулкий,
И искры взвились из-под ног.
И встал в груди моей усталой
Сын камня — город мой родной.

Услышу я той искры жало —
Стих сразу в сердце бьет волной.

Между 1909 и 1912

«Блещут улицы Вильны и гулко гремят!..»

© Перевод Н. Браун

Блещут улицы Вильны и гулко гремят!
Тротуары потоки людей заливают,
В окнах свет, фонари над толпою горят,
И глаза на измученных лицах сверкают.
Но взгляни: переулки тесны и кривы,
В них дома старосветские смотрят сурово;
Только мох меж каменьев да стебли травы,
И на башне, как круглое око совы,
Циферблат — неусыпный свидетель былого.
Тихо здесь. Молчаливые встали и спят
В высоте купола, шпили, арки бойницы;
В отдаленья шаги одиноко звучат,
Колокольные звоны порой задрожат
И замолкнут, слетая со старой звонницы.
Вспомяни, мое сердце, давнишние дни!
По приказу бурмиистра всё, как подобает:
Вот уж окна закрыли, погасили огни...
Стража мимо прошла... И не спим мы одни —
Я да черный кожан, что у башни летает.

1911 или 1912

В ВИЛЬНЕ

Сонет

© Перевод М. Талов

Свет фонарей в далекой вышине...
На вывесках их отражений блески...
Огни витрин. На каждом перекрестке
Анонсы и плакаты на стене.
Кипит толпа на жестком улиц дне!
С рекламами снуют вокруг подростки...
Здесь уличных торговцев выкрик хлесткий...
Гул, грохот... Всё течет, как в быстрине.
Там — паводок карет... А за рядами
Контор и касс вокзал манит огнями.
Свистки, гудки... Людей водоворот...
Пакгауз... склады... Шум и гул несвязный...
И трубы в тьму небес вонзил завод...
О, города волшебные соблазны!

1911 или 1912

«За крышами города краски зари угасают...»

© Перевод М. Талов

За крышами города краски зари угасают,
И мраком густым напоен уже воздух вечерний;
Каскадом с трамвайного провода искры слетают,

И огненный штрих метеор оставляет на черни.
С бульвара доходит стон музыки нежно-тягучей,
Горят фонари, мошकारа над их светом кружится,
И вьется она вокруг стекла, вьется легкою тучей,
А к свету пробиться не может... и тщетно томится...
И вспомнил я осень одну, как средь пасмурной ночи
Оркестр заиграл и огни в вышине вострепнулись,
Дышалось нам вольно, светились надеждою очи...
Мы к свету взлетели... и вдруг на стекло натолкнулись.

1911

«На улочках всё ночью глухо...»

© Перевод М. Талов

На улочках всё ночью глухо;
Не глуше ночи ропот толп.
Так кто ж уловит чутким ухом,
Как стонет телеграфный столб?
И город, где нет места дали,
Нет места для стихийных сил,
Дорогу проложил печали
Полей, курганов и могил.
Полей, где в воздухе лютует
Буря, крутя холодный снег,
Полей, где глухо всё бушует,
Где слышится и стон и смех!
И вот тот гул мне в душу влился.
Гуди, дрожащий провод, пой!
И я к воротам прислонился,
Изнеможенный и больной.

1911 или 1912

МЕТЕЛЬ

© Перевод М. Талов

Бьет ветер в бубны кровель, бьет,
Гремит по ним, звенит, поет,
И это пенье всё мощней, —
То разгулялся пан Подвей.
Бьет ветер в бубны кровель, бьет,
Гремит по ним, звенит, поет.
Вскипело снежное вино,
И белой пеной бьет оно.
Бьет ветер в бубны кровель, бьет,
Гремит по ним, звенит, поет.
Над улицами — дикий хмель,
И, опьянев, гудит метель.
Бьет ветер в бубны кровель, бьет,
Гремит по ним, звенит, поет.

1911 или 1912

«Сел мальчик у крыльца с тарелкой; забавляясь...»

© Перевод М. Талов

Сел мальчик у крыльца с тарелкой; забавляясь,
Из мыла выдувает пузыри.
И, в воздух радугой высоко подымаясь,
Они горят в сиянии зари.
И, очарованный их красотой тонкой,
Проворно, с жадной ловкостью кота,
Хватает мальчик их своей худой ручонкой,
А остается в ней лишь мокрота.

1911 или 1912

«**Пылают зноем крыши и асфальт...**»

© **Перевод М. Талов**

Пылают зноем крыши и асфальт,
От громяющей телеги — тучи пыли;
«Коробушку» выводит детский альт,
Шарманки плачущей надрывы опостыли.
Пойти бы на бульвар; на несколько мгновений,
Сев на скамье далекой, задремать!
А там газету свежую достать
И целиком ее прочесть — до объявлений!

1911 или 1912

ДВЕ СМЕРТИ

© **Перевод Н. Браун и А. Прокофьев**

Вчера на Мещанской улице, в д. № 17 отравилась синильной кислотой И. Иванова.
Причины самоубийства неизвестны.

Когда патриций смерть, приветствуя, встречал,
Когда уже он вены вскрыл,
Дрожали звуки флейт, день ясный догорал,
Через окно струею ветер повевал,
Миндальный горький запах плыл.
Ты, грозный жребий, снова повторен;
Смертельный миг в губах застыл,
Не мглился зеркало, и замер крови звон;
Был каждый лист в дыму, обуглен, опален,
Миндальный горький запах плыл.

1911 или 1912

ДУМЫ

С. Е. ПОЛУЯНУ

© **Перевод В. Державин**

*С Израилем певцу один закон:
Да не творит себе кумиров он.*

Е. Баратынский

Полюбуйся падучей звездой,
Что искристым чарует огнем;
Будто змей пролетит золотой
И рассыплется в небе ночном.
Но ведь мир еще вспомнит о ней,
Светлый свет ее — в душах людей!
Жизнь свободно и ярко прожить...

Нет счастливей судьбы на земле:
Всё кругом на момент осветить —
И погаснуть навеки во мгле.
Всё исчезнет, пройдет, словно дым, —
Светлый след будет вечно живым.

<1910>

КАГАНЦУ

© **Перевод В. Державин**

Смолк певец, затаил свои песни,
Он их больше уже не поет.
Но растут они в нем всё звучней, всё чудесней...
Лед холодный в душе под напором их треснет,
И рекою разлив их пойдёт.
Так порою поток под землю таится;
Но ведь сможет он недра прорыть
И гремучим ключом на свободу пробиться,
И по шири земной будет долго катиться
И родимому краю служить.

<1910>

«**Уж синее небо темнеет...**»

© **Перевод автора**

Уж синее небо темнеет.
День кончился, ночь впереди.
Блистательных звезд ожерелья
Порвались на божьей груди.
Рассыпались звезды и чутко
На землю, на край наш глядят.
Что ж видят они там, что слышат?
Зачем всё дрожат и дрожат?

1910

КРАЙ МОЙ РОДИМЫЙ...

© **Перевод М. Исаковский**

Край мой родимый! Как проклятый богом,
Сколько ты вынес недоли!
Тучи, болота... Над нивой убогой
Ветер гуляет на воле.
Клены, березки да темные хаты
С тощими нивами рядом.
Люди, как нищие, ходят в заплатах,
Ясному солнцу не рады.
Сделали много их сильные руки,
Вынесли многое спины.
Сколько заставили вытерпеть муки
Пущи, овраги, низины!
Глянь, пригляди к забитому люду,
Сердце от боли заплачет:
Горькое, тяжкое горе повсюду,
Всюду одна неудача.

В песне поется, как вдовьего сына —
Янку — судьба загубила;
Там, где над речкой склонилась калина,
Янку вдова схоронила.
В песнях и в сказках — всё та же невзгода,
Радости сердце не чует.
Стиснуто горем дыханье народа,
Горе повсюду панует.
Словно широкое, бурное море,
Край наш оно затопило...
Братья! Развеем ли тяжкое горе?
Братья! Достанет ли силы?

<1909>

«Холодной ночью я на полевом просторе...»

© Перевод А. Прокофьев

Холодной ночью я на полевом просторе
Лег у костра, забылся в полусне.
Огонь слабел, слабел... Совсем погас он вскоре...
И весело вдруг стало как-то мне!
Пусть, серый пепел, ты весь тот костер собою
В недолгий срок, как ризою, покрыл,—
Я знаю, что огонь дрожит и под золою,
Я знаю, красный жар под нею не остыл.
Пусть череда годин унылых, грустных, серых,
Как пепел, на душу ложится много раз,
Скрывая под собой огонь горячей веры.
Пусть не видать его... А всё ж он не погас!

Июль 1910

«Брось ты и плакать и крушиться...»

© Перевод Б. Иренин

Брось ты и плакать и крушиться
Об участи родной страны!
Не видишь — солнце золотится
Ночами в зеркале луны?
Горит оно! Оно проглянет
И всех поднимет ото сна.
Погожий день еще настанет —
Проснется наша сторона!
Под маскою зимы ненастной,
Под снегом виден лик весны,
И сказкой веет стих мой — ясный,
Как звезд предутренние сны.

<1911>

«Срезаем мы ветки сухие. Одна за одной...»

© Перевод А. Прокофьев

Срезаем мы ветки сухие. Одна за одной
На землю без жалоб они чередою ложатся.
Ведь смерть их нужна, чтобы дерево новой весной

Могло бы расти, красоваться.
Товарищи, братья! А если бы Родина-мать
В бореньи с недолей истратила все свои силы,—
Смогли б мы, как надо, в час этот ей жизни отдать,
Без жалоб пустых лечь в могилу?!

1910

«Ринемся, братья, смелей...»

© Перевод Б. Ирнин

Ринемся, братья, смелей
В бой, навстречу суровой судьбе!
Вопли трусливых людей
Пусть не будут помехой борьбе...
Против течения плывет
В мире только живое одно!
Мертвое ж сразу идет
В речке камнем на самое дно.

<1910>

«Наших дедов душили чащобы лесов...»

© Перевод Б. Ирнин

Наших дедов душили чащобы лесов,
Не давали им жить настоящим житьем,
И палить они стали те дебри огнем,
Их кругом поджигая с далеких концов.
И пылали по нашему краю леса,
Пока солнце не стало повсюду светить;
И светлей и вольней люди начали жить,
На золе, где ни глянь, спелой ржи полоса.
С наших дедов суровых пример бы нам взять,
Не клониться в беде, не бояться огня,
Ведь тогда лишь дождемся мы ясного дня,
Если тяжесть борьбы нас не будет пугать.

Между 1909 и 1912

«Приди, гроза, и силой новой...»

© Перевод А. Прокофьев

Приди, гроза, и силой новой
Вей, ветер, с нею заодно!
Под вихрем улетит полова,
Оставит чистое зерно.
Ударь, циклон, в такую пору,
Целуй сильней морское дно,
Плесни волну — и перлов гору
На берег выбросит оно.

Между 1909 и 1912

«Не горит ни в час смерканья, ни глубокой темной ночью...»

© Перевод Б. Ирнин

Не горит ни в час смерканья, ни глубокой темной ночью
Драгоценный камень,
Но лишь ясный день настанет — и красой чарует очи,

Манит дивный пламень.
Упадет луч солнца жаркий на шлифованные грани —
Блеск польется дивный,
Всюду радужные искры рассыпать тот камень станет
Ярко, переливно.
Так вот в сумрачные ночи темным кажется народ мой,
Бедный и несчастный;
Но лишь встанет в небе солнце — и проснется дух народный
И засветит ясно!

<1911>

«Солнце пило воду из криниц холодных...»

© **Перевод М. Исаковский**

Солнце пило воду из криниц холодных,
Будто пар, тянуло солнце воду ввысь;
По лучам взлетели капли в поднебесье,
Тучами по небу вольно понеслись.
Вдаль они несутся, и летят под ними
Рощи и болота, нивы и луга.
Что же там сверкает? То не ты ль, сестрица,
То не ты ли льешься серебром, река?
Загремели гулко радостные громы,
И далеко буйный ветер их разнес.
И к реке родимой ринулись тучи
И слились с нею ливнем капель-слез.

Между 1909 и 1912

«Ой, зачем я стал поэтом...»

© **Перевод М. Исаковский**

Ой, зачем я стал поэтом
В нашей бедной стороне?
Грудь болит, и сердце вянет,
Только нет покоя мне:
Разум вечно полон мыслей,
Из души бьет чувств струя, —
Может, кровь за ними хлынет,
Отдохну тогда лишь я.

Между 1909 и 1912

«Давно уж телом я хвораю...»

© **Перевод А. Прокофьев**

Давно уж телом я хвораю
И слаб душой, —
Одна надежда не стихает
На край родной!
В родном краю течет криница
С живой водой.
Там с горем я могу проститься,
С большой бедой.
Когда ж умру я, свет покину,—
Не плачу я!

Не будешь тяжкою ты сыну,
Земля моя.
Мне даст приют она, родная,
И в ней, сырой,
Навеки грудь моя больная
Найдет покой.

1912

«Когда Геракл поверг к стопам своим Антея...»

© Перевод Н. Браун

Когда Геракл поверг к стопам своим Антея —
Под ветром колос так склоняется в пыли,—
В грудь сына силы вновь вдохнула мать Гея.
И вот, могуч как дуб и прежнего сильнее,
Воспрянул снова он и поднялся с земли.
Я, жизнью сломанный, в преддверии могилы,
Приник к тебе, земля родимая моя,
И бодрость ты влила в слабеющие жилы,
Ты пробудила вновь души дремавшей силы,—
И жалоб с той поры не знаю больше я.

Июнь 1910

«Бледный, хилый, всё ж люблю я...»

© Перевод Н. Глазков

Бледный, хилый, всё ж люблю я
Твой и мудрый, и кипучий стих, Анакреон!
Стих твой в жилах кровь волнует,
В нем струю жизнь играет, веет хмелем он.
Стих такой как дар природы —
Виноградное густое, темное вино:
Дни идут, проходят годы,
Но становится всё крепче, всё хмельней оно!

<1910>

«Живешь не вечно, человек...»

© Перевод В. Державин

...passe sans laisser même son ombre sur le mur.

V. Hugo [\[87\]](#)

Живешь не вечно, человек,
Так проживи в минуту век,
Чтоб волновалось не в тиши,—
Чтоб морем бытие текло,
Чтоб чувство через край души
Не раз, не два пошло!
Живи и в жизни цельным будь,
Чтобы весь мир вместила грудь,—
И в напряженьи полноты
Стремительного бытия
Сойдешь без боли тихо ты
В долину забытья.

<1911>

«Мудрого слова...»

© **Перевод В. Державин**

Мудрого слова
Мед золотистый,
Полные соты
С детства мне любы.
Только не меньше
Сердцу по нраву
Мед своим хмелем
Светлым и тонким.

<1911>

«Где вы, лесов, полей цветы?..»

© **Перевод В. Державин**

Где вы, лесов, полей цветы?
Вас холод загубил!
К чему ж алмазные цветы
Он на стекле взрастил?
Не воротить, не разбудить
Былого чувства им,
Как мне вовек не оживить
Его стихом своим.

<1911>

«Если в раковину темную жемчужницы...»

© **Перевод В. Державин**

Если в раковину темную жемчужницы
Попадет песчинка хоть одна,
Перлом станет там со временем она.
Если в душу западет мне и закружится
Темный, грубый сколок бытия,
В перл преобразит его душа моя.

Между 1909 и 1912

«Свеча блестящая сияет...»

© **Перевод А. Прокофьев**

Свеча блестящая сияет,
Горит, чтоб расступилась мгла;
В ее огне — краса живая,
Она пригожа и светла.
А мотылек дрожит от боли,
Он привлечен из мглы огнем,
Он ринулся в огонь без воли
И смерть свою находит в нем.
Свеча горит и тает. Льется
За каплей капля, как роса,
А мотылек уже не бьется:
Тебе как жертва он, краса!

Между 1909 и 1912

ПЕВЦУ

© **Перевод В. Державин**

Знай, собрат молодой, что сердца у людей
Тверды, хóлодны, словно каменья,
И неопытный стих разобьется о них,
Не родив в них святого волненья.
Гибкий стих свой из стали ты должен ковать,
Обрабатывать долго, с терпеньем;
Как ударишь — как колокол он зазвенит,
Брызнут искры из грубых каменьев.

<1910>

ВОЛЬНЫЕ ДУМЫ

ВСТУПЛЕНИЕ

© **Перевод В. Державин**

Meine Bitterkeit kommt nur aus den Galläpfeln meiner Tinte, und wenn Gift in mir ist, so ist es doch nur Gegengift.

Heine [\[88\]](#)

Я думы вольными отрядами
Здесь перед вами вывожу,
А вам, хулители, скажу:
Болезнь иную лечат ядами.

Между 1909 и 1912

РАЗГОВОР С БАРЫШНЯМИ

© **Перевод А. Прокофьев**

«Смотрите! Ласточка на диво
Своим птенцам гнездо слепила,
Вокруг летает хлопотливо,
И поглядеть, так сердцу мило!»
— «Ну, что же, барышни-паненки,
Пожалуй, чудо тут возможно:
В гнезде том миленьком и стенки
И дно — из грязи придорожной».

<1912>

«**Вы мне говорите: душа у поэта...»**

© **Перевод А. Терновский**

Вы мне говорите: душа у поэта,
Когда он певучие строки слагает,
Небесным огнем обогрета,
И выше других он взлетает.
Спасибо, спасибо, друзья дорогие;
Душа моя, верно, счастливой была бы,
Но знаю, что песни такие
Красиво выводят и жабы.

Между 1909 и 1912

«**Вам, паны, видны далекие просторы...»**

© **Перевод Н. Браун**

Вам, паны, видны далекие просторы
В блеске солнца с богатырских плеч народных,
Но не все лучи открыты вашим взорам —
Днями звезд вам не увидеть путеводных.

Я прошу вас над колодцем наклониться:
Хоть давно уж почернел он и сгнивает,
Дно его в ночи и в полдень всё искрится,
В глубине зеркальной звезды отражает.
К тем, кто жизнью были брошены глубоко,
Вниз, как в норы подземельные, под вами,
Вы, паны, хотя и видите далеко,
Гляньте в души их — колодцы со слезами.

<1913>

«Мы в бурю по морю блуждали...»

© Перевод В. Державин

Мы в бурю по морю блуждали,
И вот — желанная земля!
Путь верный звезды указали,
Порука в том — треск корабля,
Что сел на риф неосторожно.
Привет, желанная земля!
И звезды смотрят бестревожно,
Как тонут люди с корабля.

Между 1909 и 1912

«Была пора: метель шумела глухо...»

© Перевод В. Державин

Была пора: метель шумела глухо
И замела пути. К былому ни следа.
Но улеглась она. Уходят в даль года,
А всё не реют крылья духа.
Куда ж теперь идти? Куда?
В душе горит огонь тоски понурой, черной.
Иль мне рекою слез своих его залить
И плугом тяжкого мученья сердце взрыть?
Взойдут ли в нем надежды зерна?
Куда ж идти и что свершить?

<1911>

МНЕ СНИЛОСЬ...

© Перевод автора

Я всё выше и выше на гору подымался
К солнцу, ясному солнцу, что дарит нас теплом.
Но чем больше к нему по скалам приближался,
Тем суровее холод становился кругом.
Захрустел снег сыпучий под моими ногами,
Обжигало морозом мне лицо всё сильнеей...
И, угрюмый, усталый, вниз пошел я снегами:
Там хоть солнце и дальше, но сияет теплей.

<1910>

«Много в жизни людей есть дорог...»

© Перевод В. Державин

Много в жизни людей есть дорог,
А ведут они все до могилы.

И без ясных надежд, без тревог,
Загубив свои лучшие силы,
Все мы некогда встретимся там
И самих себя спросим жестоко:
Для чего мы по разным путям
Шли в неведомый край одиноко,
И зачем поспешали мы так,
Напрягая последние силы,
Если тихо ползущий червяк
Всё ж догнал нас у самой могилы?

Между 1909 и 1912

<Из цикла «НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО»>

ЭЛЕГИЧЕСКИЕ ДИСТИХИ

© Перевод В. Любин

Мы зерна древние лелеем,
Мы урожай столетий жнем.

В. Брюсов

Чистые слезы струятся разорванной нитью жемчужин,
В сор превратились они, в пыль на дороге упав.

Май 1910

* * *

Клонится к сумраку день, и становятся тени длиннее.
С болью на вечере лет вспомнится это тебе.

<1911>

* * *

С берега низкого дно океанское скрыто от взоров,—
Наглухо скрыла его синяя темень воды.
Если ж взметнешься ты вверх, уносимый прибрежной

стремниной,

Ясно увидишь тогда камешек каждый на дне.

<1911>

МАЙСКАЯ НЕПОГОДА

© Перевод В. Любин

Падают вишен цветы, и разносит их ветер холодный.

В черную грязь, словно снег, падают вишен цветы.

Плачьте, ветви, листва! Обрывают цветение ваше,—

Незачем больше вам жить. Плачьте же, ветви, листва!

<1911>

СОНЕТ («Среди песков египетской земли...»)

© Перевод Б. Ирнин

Посвящаю А. Погодину

Un sonnet sans defect vaut seul un long poème.

Boileau [\[89\]](#)

Среди песков египетской земли,
Над водами синеющего Нила,
Уж сколько тысяч лет стоит могила.
Там горсточку семян в горшке нашли.
Хоть зерна высохли, но всё же проросли,
Их пламенная жизненная сила
Проснулась вновь, пшеницу всколосила,
И урожай те зерна принесли.
Вот символ твой, отчизна дорогая!
Взметнувшийся от края и до края
Народный дух бесплодно не заснет,
Он к свету ринется, как та криница,
Которая стремится всё вперед,
Чтоб из-под почвы на простор пробиться.

<1911>

СОНЕТ («На спящих темных заводях болота...»)

© Перевод В. Любин

Ne ris point du sonnet,
O critique moqueur.

Saint-Beuve ^[90]

На спящих темных заводях болота,
Снегов небесной вышины белей,
Закрасовались чашечки лилей
Среди растущего вокруг осота.
Там плесень, ил накоплены без счета,
А краски всё ж не сделались мутней,
Хоть много там бывает скользких змей
И ржавчина лежит, как позолота.
Болото до краев напоено.
Столетий гниль вобрав в себя, оно
Растекшеюся жижей напитало
Цветов росистых чистую красу.
О, если б в милосердьи задержала
Тут смерть свою незвонкую косу!

<1911>

ТРИОЛЕТ («Как птица в гибких тростниках...»)

© Перевод В. Любин

Красавец юный Триолет.

К. Фофанов

Как птица в гибких тростниках,
Стрелюю мысль моя мелькнула
И вдруг исчезла, потонула,
Как птица в гибких тростниках.
Но всё же душу всколыхнула,
И вот поет она в словах:
«Как птица в гибких тростниках,
Стрелюю мысль моя мелькнула».

<1911>

ТРИОЛЕТ («Хоть раз взглянул на солнце я...»)

© Перевод В. Любин

Хоть раз взглянул на солнце я,
Оно мне ослепило очи,
И что мне темень вечной ночи,—
Хоть раз взглянул на солнце я.
Пусть надо мною все хохочут,
Вот речь ответная моя:
«Хоть раз взглянул на солнце я,
Мне солнце ослепило очи!»

<1913>

РОНДО

© Перевод В. Любин

Пригожих ясных звезд узор
Ночь небосклону подарила.
Вода болот, прудов, озер
Его в глубинах повторила.
Хвалу возносит жабий хор
Красе, которую явила
Грязь луж. Наполнен мглой простор,
И хлябь нежнейший отразила
Узор.

А солнце прокляли, что скрыло
Те звезды днем. И слышит бор,
И слышит поле лепет хилый.
Но жаб не слышно выше гор,
Где ночь серебристый начертила
Узор.

1911

ОКТАВА

© Перевод В. Любин

Как мощный реактив, который возрождает
Меж строками письма и сызнава зовет
Ряд смолкших прежде слов, — так темень заливаает
Всю прозелень небес, холодных, словно лед.
И через сумрак их неспешно проступает
Некрупных нежных звезд серебряный черед.
Привет, любимые! Сильней, ясней горите,
Душе о красоте природы говорите!

1911

ТЕРЦИНЫ

© Перевод В. Любин

Есть чары в позабытом стародавнем,
Приятно нам столетий пыль стряхнуть,
Живя в былом, и доблестном и славном,—
И старину мы любим вспомнить.
Мы жадно тянемся к большим поэтам,
Чтоб хоть душой в прошедшем потонуть.

Так возвратился я к рондо, к сонетам,
И загорелся стих понурый мой.
Как месяц светит отраженным светом,
Так стих сияет старой красотой.

<1911>

МАДОННЫ

В ДЕРЕВНЕ

© Перевод М. Комиссарова

Lumen coeli, sancta rosa!^[91]

Пушкин

Девичий облик нас пленяет и волнует,
Нас матери душа возвышенно чарует.
Величье красоты в их слитности живой,—
Художники пред ней склоняют гений свой,
Чтоб воплотить в творениях прекрасных
Прообраз матери в чертах девичьих ясных.
Ты стала, дева-мать, как символ красоты,
И вот уж с полотна глядят твои черты.
Я с тайным трепетом души на них взираю,
И сердцем я стремлюсь к отеческому краю,
Минувшее свое припоминаю я!
Меж темных образов проходит жизнь моя,
Я что-то в ней ищу тревожною душою.
И давний день один встает передо мною.
Однажды летнею рабочею порой
Я шел деревнею. Понурой чередой
Вдоль улицы, кривой и неширокой, хаты
Стояли серые, сутулясь; как заплаты,
Виднелись на стенах слепые окна их
И почерневшая солома крыш гнилых.
Всё разрушалось тут, старело, умирало,
И мало что вокруг хоть как-то украшало
Ту ветхость бедную; и только мак цветки,
Такие яркие, как будто мотыльки,
Рассыпал по грядам и тешил ими душу,
Да, может, кое-где еще увидишь грушу
Кривую, старую. Вот только и всего.
А из людей кругом не видно никого, —
Все на поле они; не пробежит порою
Молодка с ведрами на речку за водою,
И в шапке войлочной не встретишь мужика,
И не услышишь ржанья жеребенка,
И песня грустная не разольется звонко...
Что ж странного, когда, услышав крик ребенка,
Внезапно вздрогнул я и оглянулся. Ах!
Я мальчика вспугнул; на слабеньких руках
И на ногах он полз по травке у дороги;
Он к няньке — лет восьми — в младенческой тревоге

Спешил, дополз, и вот в подол он тут же к ней,
Как будто жалуясь, уткнулся поскорей.
И, как склоняется от ветра верх березки,
Так девочка к нему нагнулась, чтобы слезки
Подолом вытереть и словом приласкать,
Чтоб успокоить плач, — совсем, совсем как мать.
И в символ для меня слились живой, единый
С чертами матери — девичий образ дивный,
Тот образ девочки, и в этот миг она
Была, казалось мне, вся до краев полна
Такой широкою, родимой красотой,
Что, помнится, на миг я просветлел душой.
Не красота была, быть может, в бедной той
Смиренной девочке, и хилой и худой,
А что-то высшее, что Рафаэль великий
Стремился воплотить в бессмертном женском лике.
Страницу лучшую хранит мне жизнь моя!
Вновь с тихой радостью ее читаю я.
Пусть многое с тех пор потоком время смыло
Из памяти моей, и светлый облик милый
Той девочки исчез в туманной глубине,—
Я верю: в трудный час вернется он ко мне.

Между 1909 и 1913

ВЕРОНИКА

© Перевод В. Державин

«È un pensier del mio caro».

Giovanni^[92]

Я, как на воске, сохраняю
В душе минувшего печать.
Хочу свой вольный стих начать —
И вмиг бывшее вспоминаю;
И вновь лечу туда, туда —
К вам, детства дальние года.
Встают перед духовным взглядом
В воображении моем
И тихий старосветский дом
С тенистым, одичалым садом,
И шест скворешника, и двор,
И в маках низенький забор.
Соседу нашему Забеле
Тот старый двор принадлежал.
Я там с его детьми играл,
По крышам с ними лазил смело,
И, криком наполняя дом,
Производили мы содом.
Беспечны были игры наши:
Порой, поставив городки,
Хвалились меткостью руки,

Смеялись все при виде «каши»,
И каждый сдерживал свой плач,
Когда в плечо врезался мяч.
А каждый вечер выпускали
Мы вяхирей и турманов.
Дав несколько больших кругов,
Они под облако взлетали,
Как чистый снег кружились там
И падали на кровлю к нам.
Когда же робко загорались
На небе звезды и ночной
Прохладою сменялся зной,
Мы на крылечке собирались,
И оглашал негромкий хор
Протяжной песней стихший двор.
Так беззаботно пролетала
В веселых играх жизнь моя.
А рядом, тихое дитя,
Забелы дочка подрастала.
Ее тогда я мало знал:
Совсем почти и не встречал.
Жилось печально Веронике
(Так звали девочку). Она
Росла без матери, одна,
Как полевой цветочек дикий,
Отец хоть сердце и имел,
Да приглубить не умел.
Вот потому и полюбила
Скрываться в старый сад она,
Где веяло дыханье сна,
Где тишина в листве таила
Очарованье и покой,
Как будто в глубине морской.
Вдали как волны пробегали,
Всплеснувши пеною цветов
Поверх черешневых кустов,
И в темных липах замирали.
А тут и глухо и темно —
Ни дать ни взять морское дно.
И забывала Вероника
За книжкой всё... А поглядит:
Какою жизнью сад кипит!
Шиповником и повиликой
К ней тянется. Спросонья шмель
Гудит, и горько пахнет хмель.
И вновь страница за страницей
Раскрытой книги шелестит,
И незаметно день летит.

Роятся думы вереницей...
И юная душа растет
И в полноте красы встает.
Когда ж осенние картины
Сад изменяли, и с берез
Рвал листья ветер, а мороз,
Кровавая ягода рябины,
Сребрил траву, и мы ногой
Взрывали прелых листьев слой,
И понемногу червонели
Черемуха и пышный клен,
А гнезда старые ворон
Между ветвей нагих чернели,
И, как пожар, пылал закат
Меж сизых облачных громад;
Когда осенний ветер дико
Железом кровельным гремел,
На чердаках пустых гудел,—
Тогда скрывалась Вероника
От нас до лета в институт,
Ее не вспоминали тут.
А время всё катилось дале,
Отодвигая в толщу дней
И городки и голубей;
Мы неприметно подрастали —
Иной уже усы растил
И верхом красоты их мнил.
И только разглядел тогда я,
Что рядом тихо подросла
И вешним цветом расцвела
Соседей дочка молодая.
Тогда впервые в тишине
Родился стих живой во мне.
Он бил кипящею струею,
Сквозь холод мысли протекал
И в твердых формах застывал,
Как воск горячий под водою.
Нетрудно было угадать,
Что я в стихах хотел сказать.
Прибавлю, что свое творенье
Соседской дочке я послал,
И млел, и всё ответа ждал.
Прошли среда, и воскресенье,
И десять дней, как десять лет,
И месяц... а ответа нет.
И вдруг я с нею повстречался,
Заговорил, как в полусне.
Она в лицо взглянула мне,

Внезапно с губ ее сорвался
Такой невинный, чистый смех,
Что на него сердиться грех.
Смеяться могут так лишь дети
Да люди с ясною душой;
Как жаворонок полевой
Звенел он, юной страсти сети
Уничтожал. Но в тот же час
Он оборвался и погас.
Печаль девичий лоб покрыла,
Как тень от облака нашла.
Мне на плечо рука легла,
И тихо, ласково спросила
Чуть слышным шепотом она:
«Вам больно? То моя вина?»
Нет, звездочка моя, не больно.
Одно лишь видела душа,
Как ты свежа и хороша,
Как рада жизни ты неволью —
Вся как в серебряной росе,
Со скромной лентою в косе.
И материнский образ тонко
В ней проступил, когда она,
Тревожной ласкою полна,
Ко мне склонилась, как к ребенку,
По-новому передо мной
Живой сияя красотой,
Где с первой прелестью девичьей
Сливались матери черты.
О, как ты дивно, красоты
Двойной слиянное обличье!
Казалось, вечный оживал
В ней Рафаэля идеал!
И пред высокою красою,
Пронизан, зачарован ей,
Склонился я душой моей,
Благоговеющей душою;
А в сердце было так светло,
В нем затаилось тепло.
Досель еще оно пылает;
Глядишь — погасло, — вдруг язык
Огня живого давний миг
Воспоминаньем озаряет...
И мчит меня к снегам Парнаса
Крылатый конь, чтоб я потом
Пел о далеком, о былом...
Но как найти следы Пегаса
На этих шумных мостовых?

Передохни ж, мой верный стих.

Между 1909 и 1913

<ИЗ ЦИКЛА «ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ»>

«Хмуро небо ночное...»

© Перевод С. Ботвинник

Хмуро небо ночное, —
Ночь давно пересилила день,
И от свечки в покое
Уж бесшумно колыхается пятнами тень.
Ты не спишь ни минутки —
Напряженно в постели лежишь,
Словно жадно и чутко
Устремляешь свой взгляд в эту темную тишь.
Голос — трепетней, глуше,
Еле рот твой раскрылся, румян.
Мне шепнула: «Послушай», —
И, зардевшись, кивнула на гибкий свой стан.
Сердце сжалось в волненьи!
Понял я. У постели я встал
Пред тобой на колени,
С затаенной надеждою к чреву припал.
А оно уж дрожало,
Билась жизнь, затаенная в нем, —
И душа просияла
Никогда не гасимым священным огнем.

Август или октябрь 1912

БЕРЕМЕННОЙ

© Перевод А. Прокофьев

Тихо идешь ты и в чреве ребенка, шагая, колыхаешь,
Служишь теперь колыбелью темной и теплой ему.

Август или октябрь 1912

«Дитя, что в колосе зерно...»

© Перевод А. Прокофьев

Дитя, что в колосе зерно,
Под сердцем у тебя всё зреет,
И сердце темное светлеет,
Щедрей становится оно.
И ничего в нем больше нет,
Лишь есть любовь, ее сверканье
И сладко-сонное желанье,
И сладко-сонной думы след.

Август или октябрь 1912

ТРИОЛЕТ («Деревянное яичко...»)

© Перевод С. Ботвинник

Деревянное яичко
Представляешь ты собой.
В нем увидишь, лишь открой,
Деревянное яичко.

Как игрушка-невеличка,
В чреве скрыт ребенок твой —
Деревянное яичко
Представляешь ты собой.

Август или октябрь 1912

«Когда дитя, ребенок твой...»

© Перевод А. Прокофьев

Когда дитя, ребенок твой,
Под сердцем тихо шевельнется,
То вмиг по телу разольется
Еще невиданный покой.
И ты, такой покой храня,
Как будто слышишь человечка:
«Я — птенчик, под твоим сердечком
Как в гнездышке. Не тронь меня!»

Август или октябрь 1912

ПРОКЛЯТЬЕ БЕРЕМЕННОЙ

© Перевод С. Ботвинник

К твоим окошкам спозаранку
Явилась ворожить цыганка
В посконном рубище нечистом,
Блестя серебряным монистом.
И, твой отказ почуяв сразу,
Шипит проклятья злую фразу,
В твой взор впирает взор сердитый:
«Ребенка мертвого роди ты!»
Тут засмеялась ты несмело,
Вся задрожала, побледнела.

Август или октябрь 1912

«С горем ты дитя рождаешь...»

© Перевод А. Прокофьев

С горем ты дитя рождаешь,
Боли никак не унять.
Стонами сердце терзаешь...
Что я могу тут понять?
Сильно меня ты любила,
Сильно тебя я любил,
Всё же довел до могилы,
Мукам отдав, погубил.

Август или октябрь 1912

«Совсем без сил, в поту, как белый снег бледна...»

© Перевод С. Ботвинник

Совсем без сил, в поту, как белый снег бледна,
На смятой, кровью залитой постели
Лежит усталая и жалкая она,
«Я — мать», — одно лишь шепчет еле-еле.
Она измучилась. Ей, может, уж не жить —
Но счастьем полон взор страдальницы недавней,

А на ее тугой груди уже лежит
Багровый, тепленький — и чмокает забавно.

Август или октябрь 1912

«После родов день ото дня ты вянешь...»

© **Перевод А. Прокофьев**

После родов день ото дня ты вянешь:

Поблекшее осунулось лицо,
Растрескались обветренные губы;
На них порой неясно пробежит
Пугливая и жалкая усмешка;
Большие синеватые круги
Легли, как тени, у очей, а очи
Как будто просят милости у всех.
Так маленький пушистый одуванчик
Под ветром облетает, чтобы семя
Могло взрасти и расцвести могло бы,
И после только жалкий стебелек
Всем говорит о жизни, данной детям.

Август или октябрь 1912

«Смертию смерть поправ...»

© **Перевод А. Прокофьев**

«Смертию смерть поправ»,
Ты на земле отгостила...
И, хоть сама умерла,
В муках дитя породила.
Скоро в могилу навек
Тело усталое ляжет;
Пусть же, как символ над ним,
Крест о мученьях нам скажет!

Август или октябрь 1912

«Тем венки суровой славы...»

© **Перевод А. Прокофьев**

Тем венки суровой славы,
Что за край родной в бою
Жребий вынули кровавый,
Повстречали смерть свою.
Всё же доля есть славнее:
В чьих сердцах любовь горит,
Боль и муки знают с нею
Те, кто миру жизнь дарит.
Слава тем, кто, так страдая,
Может с честью смерть принять,
Кто в мученьях умирает,
Чтобы жизнь ребенку дать!

Август или октябрь 1912

«Белый крест, плита, под ней могила...»

© **Перевод Б. Ирнин**

Белый крест, плита, под ней могила;

Нежным цветом роза зацвела...
Здесь когда-то ты, мой друг, почила, —
Родила в мученьях и легла.
Миновало всё... И боль и горе —
Всё поблекло в долгой смене дней;
И одна лишь надпись «Disce mori»^[93]
Здесь напомнит о судьбе твоей.

Август или октябрь 1912

**СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИК «ВЕНОК»
ПРИДЕТ ВЕСНА**

© Перевод П. Семьинин

Холодно. По полю ветер гуляет,
Воет, как зверь,
Снегом швыряет, тоску нагоняет,—
Плохо теперь.
Плохо... но сердце поет: не томися,
Будет весна! —
Крикнет: «Проснися, земля, пробудися!
Вспрянь ото сна!»
Солнце проглянет, зазеленеет
Шелк на лугу.
Голос весны будто ветром развеет
Горе-тоску.

<1908>

НАД МОГИЛОЙ

© Перевод А. Тверской

У дороги в чистом поле
Могила стоит,
А над нею — злая вьюга
Гуляет, шумит.
На могиле одиноко
Калина растет.
Ее ветер овевает,
Метелица гнет,
Вкруг могилы незаметной
Пляшет и гудит —
Всё о том, кто в поле чистом
Непробудно спит.

<1908>

МОИ ПЕСНИ

© Перевод Н. Браун

1

Когда горе душу обоймет мою,
Станет жалко дней потерянных своих,—
Я тихонько песни грустные пою,
Всю печаль свою я вкладываю в них.

Тихо песня разливается, звенит,
Говорит мне, как я молодость сгубил,
И как до сих пор не смог я полюбить,
И совсем по-настоящему не жил.

2

А как милую я вспомню сторону,
Да как вспомню ее бедность и нужду,
Дрогнет сердце, — и опять я петь начну,
Хоть немного свою душу отведу.
Грозно песня разливается, гремит,
Долю злую мужиков она клянет:
Ведь невидимая цепь на них висит,
В стороне родной их давит тяжкий гнет.

1908

НОЧЬ

© Перевод А. Тверской

Тихо всё было на небе, земле и на сердце...
Ночь темнотою родные места покрывала,
Яркие звезды блистали, и месяц вдруг выплыл,
Небо, и лес, и поля серебром заливая.
Всё уж уснуло, и только березы шептались,
Только осины шумели, и только колосья,
Землю целуя, на поле широком качались.
...Тихо всё было на небе, земле и на сердце.

1908

НА ЧУЖБИНЕ

© Перевод П. Кобзаревский

Вокруг меня пышно цветы расцветают.
Печально среди них я хожу одинок.
И вижу: мне синей головкой кивает
Родной наш, забытый в тени василек.
«Здорово, земляк! — чуть заметный в долине,
Понурый, невесело шепчет он мне. —
Вспомянем с тобой на богатой чужбине
О бедной, далекой своей стороне».

1908

ИЗ ЦИКЛА «ЭРОС»

1. «Цветики алые, в косы вплетенные...»

© Перевод А. Прокофьев

Цветики алые, в косы вплетенные,
В косы вплетенные,
Неопыленные.
Тайна желаний у них неумная,
Бьет неумная,
Сила нескромная.
Всё же напрасно соки бьют жаркие,

Соки бьют жаркие,
Свежие, яркие.
Быстро завянут они полоненные,
В косы вплетенные,
Неопыленными.

1908 или 1909

2. «Взглянул, как меж волос, меж туч косматых, темных...»

© **Перевод Н. Браун**

Взглянул, как меж волос, меж туч косматых, темных
Сerp месяца возник
И вдруг напомнил мне ряд вздохов приглушенных
И мук любовных крик,
И тела гибкого безумье, извиванье,
И запах, что пьянит...
.....
В груди сжимается горячее дыханье,
И кровь волной стучит.

1908 или 1909

ЛЕШИЙ («Привольная темная пуща!..»)

© **Перевод П. Семьинин**

Привольная темная пуща!
Огромные липы, дубы,
Осинника, ельника гуща,
Меж хвои опавшей — грибы.
Всё мрачно, космато и дико,
Жара недвижимо стоит.
Во мху, перевитом брусникой,
Лесун одинокий лежит.
Корявая сморщилась шкура,
И мохом зарос он, как пень;
Трясет головою понуро,
Бока прогревая весь день.
Гляжу на него я уныло,
И больно становится мне:
Всё сгнуло — удаль и сила,
Пропало, как дым в вышине.

<1909>

КРЕСТИНЫ ЛЕШЕГО

© **Перевод А. Прокофьев**

Бор шумел, навевал беспокойные сны,
И над ним тихий гул раздавался, —
Это леший высоко качался
На вершине могучей сосны.
Ему месяц печальный светил,
Поднимали кресты в небо ели,
В этой синей небесной купели
Душу дикую он окрестил.

<1909>

ИЗ ПЕСЕН БЕЛОРУССКОГО МУЖИКА

1. «Гнусь я вечно, пока не порвется...»

© **Перевод А. Тверской**

Гнусь я вечно, пока не порвется
Жизнь моя, словно сгнившая нить;
Если б знал я, что столько прольется
Слез и пота, — не стал бы и жить.
Верст немало оттопал пешком я,
Строил всюду дороги, мосты;
Лился пот, как дробил я на комья
Тяжким плугом сухие пласты.
Над песком, над трясинной немою
Много всяких я вытерпел мук.
Не придется потом, под землю,
Мне стыдиться мозолистых рук.
Помирать мне пора, пот и слезы
Жизнь мою, словно мыши, грызут;
Горе гнет, как метелица лозы,
Думы сердце и душу гнетут.
Счастье ж глянет — и вдаль пронесется,
Мне во сне его только ловить!..
Так пускай же, пускай ее рвется
Жизнь моя, словно сгнившая нить!

<1909>

2. «Я хлеба у сытых просил и молил...»

© **Перевод П. Кобзаревский**

Я хлеба у сытых просил и молил —
Они мне каменья давали,
И эти каменья меж ними и мной
Стеною огромною встали.
И вот она выше и выше растет,
И многих пугает порою.
Что ж будет, коль дрогнет, коль рухнет она?
Кого погребет под собою?

<1909>

ФИЛИН

© **Перевод П. Семьинин**

Загорелись кровью очи. Вдаль несется
С темной ели звук тоски и смеха
И широко в чаще отдается,
Повторенный голосистым эхом.
И, пугаясь, ждешь исхода ночи.
Всё сдается: встал лесун великий, —
Огневеют, блещут кровью очи,
Не смолкает смех глухой и дикий.

<1909>

«НАШЕЙ НИВЕ»

© **Перевод С. Ботвинник**

От всей души я шлю приветы:
Три года здоровствует дитя —
На языке родном газета;
От всей души я шлю приветы,
В простом, сердечном слове этом
Желаю долгого житья.
От всей души я шлю приветы —
Три года здоровствует дитя!

<1909>

ЛЕШИЙ («Сосны, ели, хвощ да хвоя...»)

© Перевод А. Прокофьев

Сосны, ели, хвощ да хвоя,
Темный мох.
Знаю я — косматый леший
Тут залег.
Завалился он на хвою,
На кору,
Всё колышет и всё движет
Он в бору.

1909

СТАРОСТЬ

© Перевод П. Кобзаревский

Пылают осины, калины
Червонные сыплют листы
И вязкой желтеющей глины
Тяжелые кроют пласты.
И леший, согнувшись понуро,
Бредет по раздолью дорог.
Обшарпана старая шкура,
И сломан о дерево рог.
Дорога вся в лужах. Размыта
Дождем проливным колея.
И чавкает грязь под копытом,
Шуршит, выползая, змея.
Косматая шерсть перемокла,
Бредет старикашка во тьму,
И льдинки, как битые стекла,
Царапают лапы ему.
Спешит он дойти до трясины:
Там — мягкие, теплые мхи,
А здесь только плачут осины
И колются сучья ольхи.

1909

ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ

© Перевод А. Прокофьев

Раскрасился сажею вечер.
Дождь бьется с волною речной;
Гуляет, гудит над ней ветер

И воет, как волки зимой.
Спокойно мне здесь под водою,
Я возле постава лежу;
В него упираясь рукою,
Я с мельницей сказку твержу.
И кружится жернов проворен,
И ходит стена ходуном;
А думы — что колос без зерен, —
Не стану бороться со сном.
Постав я ногою толкаю,
Склоняюсь ко дну головой —
Дремлю, а потом засыпаю
Под шум непогоды глухой.

1909

ПОДВЕЙ

© Перевод П. Семьнин

Разгулялася веселая метель,
Пробудился, в поле кинулся Подвей,
В голову ему ударил снежный хмель,
Не сдержал он буйной радости своей.
Пляшет, скачет. Снег срывается, летит,
Веют белые над полем рукава,
А Подвей несется, кружится, гудит,
Запевает, удалая голова!
Рвется, треплется рубаха на ветру,
Разметались космы, пали на глаза,
Сучья с треском наземь рушатся в бору,
Стонут, плачут на раздолье голоса.
Долго, долго будет тешиться Подвей!
А когда в постель повалит снежный хмель, —
Белый мрак его сокроет меж полей,
Заметет, завалит буйная метель.

1909

«**Я, больной и бескрылый поэт...»**

© Перевод П. Семьнин

Я, больной и бескрылый поэт,
Помню, раз позабыл свое горе, —
Это чудо принес ваш привет.
Я — больной и бескрылый поэт.
Может, стих моей жизни уж спет, —
Так пускай вам хоть песня повторит,
Как больной и бескрылый поэт
На минуту забыл свое горе.

1909

«**Дождик в поле, и холод, и мгла...»**

© Перевод В. Саянов

Дождик в поле, и холод, и мгла...
В деревушке мерцают огни.

Там, таясь, испугавшись, легла
Доля горькая в черной тени.
И под темными крыльями ночи
Не видны мне теперь ее очи.
Только ветер осенний ночной
В поле грустно гудит и поет
О родимой сторонке глухой
И о доле несчастной ее.
Сжала сердце мне песня ночная,
Пусть же ветер опять запеваает,
Пусть поет средь родимой земли
И разбудит в сердцах наших стыд,
Чтоб на битву с неправдою шли
Те, в ком совесть сегодня не спит.
Долю черная ночь не укроет,
Если выльется слово живое!

1909

ЗМЕИНЫЙ ЦАРЬ

© Перевод П. Семьинин

Темень. Бор сосновый мшист и дик.
Смерть пришла уже ко мне...
Ты зажгись, зари вечерней лик,
В этой мгливой вышине.
Страшно и тоскливо в час ночной
Помирать. Шумит трава.
Где-то дятла слышен стук глухой,
Громко ухает сова.
А умрешь — притиснут грудь пласты
Глины. Встану ж на яру,
Голову просуну сквозь кусты,
Гляну в небо и умру.
Скатится корона, побежит,
Золотая, в серый мох.
Крот могилу рыть мне заспешит,
Пронесется ветра вздох.
В небе встанет месяц-молодик,
Заблестит роса в огне.
Ты зажгись, зари вечерней лик,
В этой мгливой вышине.

<1910>

ВЕЧЕР

© Перевод И. Грушецкая

На небе месяц всплыл зеленый,
Он вскоре станет снежно-бел.
Над лесом, где вздыхают клены,
На небе месяц всплыл зеленый.
Мир спит, не видя в дреме сонной,
Что свет за тучкой заблестел

И в небе месяц всплыл зеленый,
Что вскоре станет снежно-бел.

<1910>

МОЯ ДУША

© **Перевод М. Комиссарова**

Моя душа — как ястреб дикий,
Что рвется в небо на простор
И вольных пташек ловит крики, —
Моя душа — как ястреб дикий.
Услышав их, стряхнет великий
Свой сон, взлетит превыше гор, —
Моя душа — как ястреб дикий,
Что рвется в небо на простор.

<1910>

НАД МОРЕМ

© **Перевод В. Городецкая**

Вчера еще бури раскаты
Гремели, выл яростный ветер,
И чайки металась над морем,
Как белые снежные хлопья,
И темно-зеленые волны
Взлетали живою стеною,
Рассыпавши белые кудри.
Взлетали, катились по морю,
Одна за другой набегали
На дикий, обрывистый берег.
И бурные скалы дрожали
От силы их тяжких ударов,
На грудь принимая и в брызги
Дробя ледяные громады.
А буря стонала, и волны
Под грохот и гул погибали
Так весело, гордо и вольно,
Не думая даже о смерти.
И я был веселым и гордым,
И чувство свободы волною
Меня поднимало высоко,
Сердечную тину смывая.
Всё то, что годами под спудом
Лежало в глубокой дремоте,
Теперь пробудилось разом
И стало могучим и цельным.
Я чувствовал в это мгновенье,
Что стал я свободным и сильным,
Я знал, что и я — человек.

.....

Промчалась суровая буря,
А море еще не утихло.

В безбрежном свинцовом просторе
Повсюду вздымаются волны,
Бегут без надежды, без воли,
Понуро влекутся на берег,
Бессильно вползают на скалы
И гибнут с ворчаньем глухим.
Мне жалко вас, хмурые волны!
Мне жаль вас всем сердцем усталым,
Душою, уже опустевшей:
Вы — сестры родные мои!

<1910>

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «НАШЕЙ НИВЫ»

© Перевод А. Прокофьев

Примите привет в день рожденья газеты!
Я вас поздравляю от сердца всего!
За вами народ поднимается к свету,
Ведите ж и дальше его.
Что б жизнь ни несла вам, но прямо и смело
Идите повсюду будить вы народ
И дружно трудитесь всем духом и телом,
Итог подведем через год!

<1910>

ЛЕШИЙ («Я спокойно дремлю под горой меж кустов...»)

© Перевод Н. Банников

Я спокойно дремлю под горой меж кустов,
Лес притихнул — ни шума, ни шепота.
Только чую в тиши надо мной звон подков,
Смутно слышу гул конского топота.
Разве гукнуть, чтоб эхо по лесу неслось,
Чтобы кто-нибудь, с грудью разбитою,
Задыхался в крови, чтоб опять довелось
Мне всю ночь хохотать под ракитою?!

<1910>

НАД МОГИЛОЙ МУЖИКА

© Перевод Н. Банников

Спи, бедняга! Только гроб тебе достался,
Гроб один — труду бессонному цена.
Всю-то жизнь свою с землею ты тягался —
Час пришел, и вот — осилила она!
Грудь пластом тяжелой глины придавила
И в глаза твои насыпала песку...
Так зачем, скажи, холодная могила,
Было с жизнью век тягаться мужику?

Июнь 1910

КРИТИКУ

© Перевод А. Прокофьев

Напрасно ловите вы в сетку мотылька,
Чтоб лучше крылья разглядеть:

Ударит и помнет их сеть,
И вмиг узор сотрет неловкая рука.

Июнь 1910

«Живая куколка! Не душу и не сердце...»

© **Перевод Н. Браун**

Живая куколка! Не душу и не сердце
Я так в Вас полюбил, а голоса красу,
Да милую игру шопеновского скерцо,
И очи синие, и русую косу.
Вот поженились мы, и вот Вы мать, и Ваше
Дитя во чреве день за днем растет.
Вы мне милы — и нет оправы краше
К той новой книге жизни, что придет.

Июнь 1910

БУДУЩАЯ МАТЬ

© **Перевод А. Прокофьев**

Вечер тихий как-то просто
Завершает бытие.
Аист белый, чернохвостый
Полетел в гнездо свое.
Я иду такой порою,
Грузный шаг держу ровней,
Вечер веет тишиною.
Всё же что-то слышно в ней.
Может, это чует ухо —
Аист в вышине летит,
Иль ребенка сердце глухо,
Глухо так во мне стучит.

Июнь 1910

«Скрыта в поле цветами могила...»

© **Перевод А. Прокофьев**

Скрыта в поле цветами могила,
Заросла всюду дикой травой,
Да и память людская забыла,
Кто находится тут под землей.
И наверно, никто не узнает,
Что не просто песчаный курган,
А давно здесь могила степная
Поднялась, где бушует бурьян.
Да не так ли от вас я скрываю
Речи блеск, не довел до сердец
И печаль, что мне грудь разрывает,
От которой так чахнет певец?

Июнь 1910

«Вот и ночь. Засверкали слезами высоты немые...»

© **Перевод В. Державин**

Вот и ночь. Засверкали слезами высоты немые,
Жадно тянут росу зелена запыленные хлеба.

Только росы падут, раскрываются краски ночные,
Раскрывается сердце мое под слезинками неба.
И не высказать мне, как в ту пору оно потеплело,
Как доверчиво, нежно горячие речи шептало;
Но безмолвное небо, услыша их, всё потемнело,
И слеза покатила по тучам и в сумрак упала.

1910

«Тихие мои все песни, темные, как уголь черный...»

© Перевод В. Державин

Тихие мои все песни, темные, как уголь черный,
Но они заблещут жаром, если их в огне мученья
Раскалит душа моя;

А погаснет — заиграют, словно самоцветов зерна,
И, застывши, превратятся в драгоценные каменя
В час, как лягу в землю я.

1910

РОМАНС («Не найти мне покоя ни темною ночью, ни днем...»)

© Перевод А. Прокофьев

Не найти мне покоя ни темною ночью, ни днем,
Ведь любовь меня мучает, жжет нестерпимым огнем.
Всё же знаю: чтоб боль от ожога скорей заглушить,
Надо только на рану холодной земли положить.
Мне, наверно, придется накрыться землею сырой,
Чтоб мученья унять и забыть ту, любимую мной.

1910

«Этот источник, что раньше волну свою нес к океану...»

© Перевод А. Старостин

Этот источник, что раньше волну свою нес к океану,
Высох, и нет уж его — не ласкают дрожащие струи
Мощную грудь океана, ввысь улетели, на небо,
Паром прозрачным, и там превратились они в стаю тучек.
Только не могут они позабыть океан многошумный
И в небесах — и теперь отражаются в глади зеркальной.

1910 (?)

«Залилось слезами, будто звездами...»

© Перевод А. Прокофьев

Залилось слезами, будто звездами,
Небо синее, безбрежное
Над просторами морозными,
Над тобой, мое поле снежное.
Ширь холодная без конца вокруг...
Исходил ее, истомившийся;
Но услышал я ее сердце вдруг,
Услыхал душой, с небом слившейся.
И грудь впалая распрямилась,—
Ты не страшно мне, поле чистое!
Надо мной слеза покатила
Вниз, горячая и огнистая!

1910 (?)

«Ночь туманом сизым землю обливает...»

© Перевод А. Старостин

Ночь туманом сизым землю обливает.

На траве роса жемчужная блестит.

Звезд на небе россыпь золотая

Тихо искрится, дрожит.

1910 (?)

«Бывает, что пруд переполнит...»

© Перевод А. Старостин

Бывает, что пруд переполнит

Вода и польется на берег;

Когда же исчезнет излишек,

То больше вода не бежит.

Бывает и так, что разрушит

Плотину вода; в эту пору

Струятся последние волны —

И пруд высыхает совсем.

С поэтами так же бывает:

Один дает людям излишек,

Другой — всё, что есть. Я такой:

Пою я с надтреснутым сердцем,

Я всё до конца отдаю.

Между 1909 и 1911

ПЕСНЯ ПРО КНЯЗЯ ИЗЯСЛАВА ПОЛОЦКОГО

(Из «Слова о полку Игореве»)

© Перевод Н. Банников

Изяслав, Васильков сын,

Сверкая очами,

О литовские шеломы

Позвонил мечами!

Отнял славу он у деда,

У князя Всеслава,

И улегся недвижимо

На траве кровавой —

Под червлеными своими

Отчими щитами,

Весь иссечен, весь изрублен

Вражьими мечами.

Отнял славу и промолвил

На смертной постели:

«Крылья птиц твою дружину,

Княже, приодели,

Звери кровь ее слизали», —

Ведь в бою кровавом

Брата Всеволода нету,

Нету Брючеслава!..

И ушла душа из тела

Князя удалого
Через кольца ожерелья
Рдяно-золотого.
Сникло, кончилось веселье,
Песни замолкают,
И встревоженные трубы
В Городне играют.

<1911>

«Кто ж из нас порой не любит...»

© **Перевод В. Городецкая**

Кто ж из нас порой не любит
Меж страничек желтых, старых
Книги, уж давно забытой,
Отыскать сухой цветок?
Уж и краски побледнели,
Опадают лепесточки...
Но какие чувства будит
В сердце слабом тот цветок!
Почему его хранили,
Что желалось, что забылось —
Вновь всплывет всё и разбудит
Милых мыслей длинный рой.
В мыслях вновь переживете
То, что больше не вернется,
И для вас еще дороже
Станет высохший цветок.
Строчки, строчки дорогие!
Зародились вы в мгновенье
Бурных чувств, что грудь вздымали
В то мгновенье, как волна.
Не беда, что чувства эти
В вас остыли и засохли,
Всё же в вас — воспоминанье,
И за то — спасибо вам.
И читатель вас не минет —
Ведь и у него бывали
Мысли, схожие с моими,
И такие ж волны чувств.
Всё, что было пережито,
Оставалось в сердце следом
И лежало недвижимо
Темной залежью, пластом.
Растревожьте ж, мои строчки,
Этот сердца пласт глубокий,
Пусть одно воспоминанье
За собой ведет другие,
Пусть читатель дни былые
В мыслях вновь переживет!

<1911>

«Когда я на миг закрываю...»

© Перевод В. Городецкая

Когда я на миг закрываю
Глаза, утомленные лампой,
Когда перед ними всплывают
Из тьмы сине-алые блики, —
Всем сердцем тогда вспоминаю
Последнее наше свиданье,
Веселые алые губы,
Глубокие синие очи...
Как тот мотылек легкокрылый,
Что вот-вот сейчас встрепенется
И с мака взлетит, упорхнувши, —
На этих губах трепетало
И было не в силах сорваться
Одно тиховейное слово...
Какое? — Вы знаете сами.
Но где же те алые губы?
И где то волшебное слово?
Не диво, мои дорогие,
Что вдруг из-под век моих хмурых
Покатятся слезы скупые.
Тогда я прошу: прикрутите
Свет лампы хотя бы немного,
Он что-то глаза мои режет...

<1911>

СЕРЕБРЯНЫЕ ЗМЕИ

© Перевод П. Семьинин

Рогом серебряным мглился
Месяц меж туч молодой.
Озеро ходит, клубится,
Плещется в нем водяной.
Он из глубин выпускает
В зыби змею за змеей;
Вот они стаей всплывают,
Яркой блестя чешуей.
Будут всю ночь они виться,
Будут хребтами блистать,
Будут до света резвиться —
Прыгать, сплетаться, нырять.
Жарким сияя червонцем
Сквозь поредевшую мглу,
Пустит встающее солнце
В них золотую стрелу,—
Сгинет змея за змеею,
Месяц уйдет молодой.
Долго о них под водою

Будет вздыхать водяной.

<1911>

«Разгорайся, огонь мой, где мрак сильный лег...»

© Перевод А. Прокофьев

Разгорайся, огонь мой, где мрак сильный лег,
Пусть тебя шум ветров не пугает:
Гасят ветры всегда небольшой огонек,
А большой — лишь сильнее раздувают.
Разгорайся сильнее, огонь мой, да так, —
Если б замер ты вдруг, обессилев,
Испугал бы людей обступивший их мрак,
Пусть огней никогда б не гасили.

<1911>

Д. Д. ДЕБОЛЬСКОМУ

© Перевод А. Прокофьев

Быть может, трудный путь житья
 Стал кольцевым, мой друг,
И вот в краю забытом я
Не раз рождался, как дитя,
 Пройдя весь полный круг.
Быть может, я не кончу жить.
 И снова наяву
Вновь стал бы путь со мной дружить,
И всё, что мозг сумел забыть,
 Я вновь переживу.
И может быть, в простор без дна
 Весь век мой круг летит,
И воя то новизна одна,
Что путь, мной пройденный сполна, —
 Иначе заблестит.
И в новом мире всё пройдет
 Былое предо мной...
Что ж: пусть мой смертный час пробьет,
Пусть снова жизнь меня ведет
 Минувшею тропой.

1911

«Не грусти, что солнца...»

© Перевод А. Прокофьев

Не грусти, что солнца
Свет закрыли тучи —
Народится буря
Из тяжелых туч.
Правда, всё притихло:
Волны, бор дремучий...
Всё же будет буря.
Бей, удар, могуч!

1911

ПОХОРОНЫ

© **Перевод Г. Семёнов**

Снежно-белая улица сонная,
А на ней между пятен навоза
Тут и там, потемнев от мороза,
Стынет хвоя, снежком занесенная.
Человека по этой вот улице
Провезли в катафалке унылом;
Крест несли, шел священник с кадилом,
Да извозчики сзади тянулись.
И вокруг оголялися головы,
И крестилися люди в молчанье;
Сердце ныло, теснило дыханье
У друзей от раздумья тяжелого.
Черный креп, дальний хор, запах ладана
И покойник, лежащий безгласно, —
Так таинственно всё, так ужасно,
Всё так просто и так неразгаданно!

1911 (?)

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

© **Перевод А. Прокофьев**

Час поздний. Мрак весенней ночи
На узких улицах лежит.
А мне отрадно. Блещут очи,
Во мне от счастья кровь кипит.
Иду я радостный, хороший,
Душа счастливая горда...
А под резиновой калошей
Тихонько хлюпает вода.

1911 (?)

«Я жду, грустя. Ты почему из дому...»

© **Перевод Н. Браун**

Я жду, грустя. Ты почему из дому
Не выйдешь в зной на мой печальный зов?
По мягкому асфальту городскому
Оттиснули бы туфли ряд следов.
И незаметный для тебя и бледный,
Вокруг себя не видя ничего,
Я к ним припал бы... Вот и жду я, бедный:
Когда ж конец томленья моего?

1911 (?)

СОНЕТ («Замерзла ночью быстрая криница...»)

© **Перевод А. Прокофьев**

Замерзла ночью быстрая криница;
Твоя пора, зима, пришла сюда!
Всё замерло, движенью нет следа,
И даже сверху слоем снег ложится.
Но всё напрасно, там под ним струится
Могучая, живучая вода.

Но подожди! Настанет час, когда
Сумеют волны здесь на вольный свет пробиться.
Я этот символ приложил к себе,
Согнувшись в злой и тягостной борьбе,
Постиг родной природы говор вещей.
Как — промолчу, ведь каждый здесь поэт,
Рассейте ж сами легкий сумрак речи,
Своей души туда пролейте свет!

<1912>

ГОРОДСКАЯ ЛЮБОВЬ

© Перевод автора

Мы под навесом лип, укрывших нашу пару,
Идем проплеванной дорожкой по бульвару.
Окурки, скорлупа, бумажки под ногами, —
Но их замечу ль я, идя под ручку с вами?
Чрез дымчатый хрусталь прозрачно-темной ночи
Идущих мимо нас людей сияют очи,
Рубинами горят во мраке папиросы,
При свете россыпью на липах блещут росы...
Ах, сколько есть красы волшебной рядом с нами,
Когда взглянуть вокруг влюбленными глазами.

<1912>

«Белым цветом одета калина...»

© Перевод автора

Белым цветом одета калина,
Но белее калины Марина.
«Отчего ты, как месяц, ясна?»
— «Я не знаю», — сказала она.
Раз вернулась поздно Марина,
В волосах же белеет калина.
«Отчего ты, как месяц, странна?»
— «Я не знаю», — сказала она.
Но не век расцветает калина,—
Не вплетает цветов уж Марина.
«Отчего ты, как месяц, грустна?»
— «Я не знаю», — сказала она.
А когда облетела калина,
Отравилась зельем Марина,
И, как месяц далекий, бледна
В белом гробе лежала она.

<1912>

ИЗ ЦИКЛА «УСМЕШКИ»

1. ПАН И МУЖИК

© Перевод П. Семьинин

Слава пану — от него узнал и я:
Не на трех китах качается земля.
Верно это: уж давно сдается мне,
Что стоит она на нашей же спине.

2. «Читаю я журнал: идеи...»

© **Перевод В. Державин**

Читаю я журнал: идеи
В нем прогрессивные кипят!
В словесности его затеи
Уводят на сто лет назад.
П-ч сентиментализмом
Там нас задумал поразить,
А пан К-а романтизмом
Символистическим пленить.
Пусть приналягут эти двое,
Авось опять придет пора,
Когда читали «Громобоя»,
«Пастушки грусть» et cetera.^[94]

3. «Зовут у нас окаменелости...»

© **Перевод В. Державин**

Зовут у нас окаменелости
«Духовной пищею людей».
Их в руки взять — не хватит смелости,
Уж пусть их спрячут — хоть в музей!

4. БЕСЕДА

© **Перевод В. Державин**

«Э, вы смеетесь надо мной!»
— «Да правда ж, сам читал я в драме,
Как произносит становой
Нежнейший монолог стихами».

1912

«Ты вечером крещенским ворожила...»

© **Перевод автора**

Ты вечером крещенским ворожила,
Прозрачный воск струею в воду лила,
Желая угадать мою судьбу, —
И видишь — холмик... крестик... Да, могила!
Год не пройдет, как буду я в гробу.
Нахмутив бровки, воск со дна ты взяла,
Его тревожно сплющивала, мяла
И улыбнулась: «Где судеб закон!
Знай, чем бы мощь его нас ни встречала,
В моих руках, как воск, погнется он».

Между 1909 и 1913

С. ПОЛУЯНУ

© **Перевод А. Кочетков**

Ты был как месяц одинокий:
Таким и жил и умер ты.
Пусть мир наш людной и широкий —
Ты был как месяц одинокий.
Простора, света, красоты
Искал, и, ото всех далекий,

Ты был как месяц одинокий:

Таким и жил и умер ты.

<1913>

«В тот дом вошел я молчаливо...»

© Перевод П. Семенин

В тот дом вошел я молчаливо,
Где годы ранние прошли.
Там стены мохом поросли,
А стекла — в радужных отливках.
Повсюду пыль. И стало мне
Так грустно, грустно в тишине.
Я в сад пошел. Всё глухо, дико,
Густой травой заросло.
Что прежде было, то прошло,
И только надпись «Вероника»
Видна на липовой коре —
Как будто знак о той поро.
Расти же, дерево, всё выше,
Как памятник живой вставай
И к небу надпись поднимай.
Пусть будет так, пока мы дышим:
Чем больше вдаль уходит дней,
Тем имя милое видней!

<1913>

ИСПОЛНЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

© Перевод Н. Браун

Через залитый ярким светом бор
Проходит насыпь желтая чугулки.
Как ровно рельсы, словно на рисунке,
Уходят вдаль! Как ярко семафор
Стеклом зеленым отражает солнце!
Как телеграфные столбы гудят!
Смотри: дрозды на проводе сидят,
А провод весь горит огнем червонца!
И вот, раздвинув листья, словно сеть,
Круша мохнатой лапою сушины,
Не торопясь, из-за кустов малины
Выходит бурый молодой медведь.
Он воздух нюхает и насыпь озирает
Ленивыми глазами, будто спит,
И вдаль, услышав смутный гул, глядит,
И вдруг от удивленья замирает...
Чуть слышно рельсы тонкие гудят;
С веселым шумом через бор зеленый
Несутся за вагонами вагоны:
Шипит машина, искры вверх летят,
И дым, белея, тянется струею;
Под солнцем ярко блещет сталь и медь;

Смеются в окнах люди... А медведь
Стоит и слышит крик мой: «Стих за мною!»

<1913>

ДЕД

© Перевод автора

Сегодня было так тепло,
Что дед — и тот спустился с печи,
Сел там, где горячей пекло,
И грел в тулупе старом плечи.
Виднелся бор, синела даль,
Вкруг пахло медом и травой...
А деду даже и не жаль,
Что скоро будет он землею.

<1913>

КУПИДОН

© Перевод автора

От впечатлений детских лет
В моей душе остался след.
Я не забыл, как была рада
Душа от плитки шоколада,
Обернутой со всех сторон
Бумажкой пестрой, как ширинкой:
Там под «загадочной картинкой»
Стоял вопрос: где Купидон?
Я не забыл, как долго с ней
Сидел я в комнатке моей,
Бесплодно мучась над загадкой,
Хоть и покончив с шоколадкой.
Ведь здесь же, здесь таишься ты!
Ведь, может быть, через мгновенье
Средь чуждого изображения
Твои проглянут вдруг черты,
И встанешь ты передо мною
С крылатой острою стрелою,
Мне в сердце метящей, и с луком,
Запеть готовым грозным звуком...
Но нет тебя — и, огорчен,
Я даже плакать принимался.
Что ж ты очам не показался,
Любви властитель, Купидон?
С тех пор прошло не мало дней,
И снова пред душой моей
Вопрос забытый с силой новой
Встает тревожный и суровый.
Я Купидона вновь искать
Теперь пытаюсь несмело,
Но так печально это дело,
Что лучше про него молчать.

<1913>

НА КЛАДБИЩЕ

© **Перевод Н. Глазков**

Амур, и грустный и пригожий,
Стоит с повязкой на глазах
У склепа старого... В полях
Привольно пахнет свежей рожью.
Вокруг кресты... Так отчего же
Тут, где венки, могилы, прах,
Амур, и грустный и пригожий,
Стоит с повязкой на глазах?
Я тихо думаю: быть может,
Любовь, лежащая в гробах,
Преодолела смерти страх?
Так спите ж! Вечно на часах
Амур, и грустный и пригожий.

<1913>

ТРИОЛЕТ («Мне долгая разлука с вами ...»)

© **Перевод А. Старостин**

Мне долгая разлука с вами —
Чернее ваших черных кос.
Зачем недобрый час принес
Мне долгую разлуку с вами?
Я побледнел от горьких слез
И начал триолет словами:
Мне долгая разлука с вами —
Чернее ваших черных кос.

<1913>

ВОСПОМИНАНИЕ

© **Перевод А. Прокофьев**

«День этот, — так сказал Катулл, —
Я обозначу белым камнем».
Я рад, как встрече с другом давним,
С аллеей, где над липой гул.
Когда-то зонтом на песке
Там ручки милые писали.
Что — не скажу. Вы отгадали,
Слова уже на языке.

<1913>

ПИСЬМО

© **Перевод М. Шехтер**

Хоть это всё равно что сов нести в Афины,
Вас всё-таки занять хочу на миг единый
Своим посланием.

Давно здесь минул день,

Все ставни замкнуты, мерцает свет, и тень
От головы моей со стенки мне кивает;
Вот в черных рамках там сурово выступает

Писателей толпа; и каждый — близкий друг,
Пусть незнакомый мне. От лампы светлый круг
На лица ровно лег. Спокойно я взираю
На этот круг подчас, и, примостившись с краю,
Склоняясь над столом до утренней звезды,
Исписываю я бумажные листы.
О драмах Пушкина веду я речь. Не Мэри,
Не Фауст, не Борис, а Моцарт и Сальери
Волнуют мысль мою. Мне кажется, что тут
Сальери выслушал несправедливый суд.
Рассудком ледяным плененный, вдохновенье
Он должен был убить — согласно обвиненью.
Сальери в творчестве стремится всё понять,
Всё взвесить мысленно и выверить опять,
Обдумать способы, материал и цели,—
Он четкость ясную любил в малейшем деле!
В его трудах найти внезапное не тщись!
Основы их основ — размеренная мысль!
Но всё же, всё же... Что помехой вдохновенью?!
Нам нравятся его блестящие творенья.
Он с метеором схож, что в искрах над землей
Пронзает полог мглы сверкающей дугой,
Горит, слепительный, весь в пламени несется,
А в глубине своей холодным остается.
Так, значит, мастерство Сальери добывал
Лишь мыслью и трудом. Но вправду ль убивал
Он тем природный дар, как явствует из драмы?
Ответит скрипка нам. Стаккато, фуги, гаммы
Не зря из года в год Сальери выводил
И силою язык той скрипки изменил.
Она гудит звончей. Певучих звуков сила
За годы долгие ее переродила,
И, теми песнями могучими полна,
Прониклась чуткостью неслыханной она.
Вдохнувший душу в дерево, напев в какой-то мере
Ужель не пробудил живой души в Сальери!
Нет! Вечный труженик, себя он развивал,
Сальери, верный раб, талант не зарывал
Во глубине земли. Пусть судный день настанет:
Спокойно Музе он и прямо в очи глянет.
И будет за любовь к труду, за труд большой
Оправдан Музою и собственной душой.
Так поступаешь, мысль, и ты, чтоб труд поэта
В твореньях засверкал. Хвала тебе за это!
Привет мой и тебе, бессонный, вечный труд,
Готовишь радость ты из творческих минут!
Земной поклон тебе, радушная Камена,
Нам вдохновенье дал родник твой, Иппокрена!

Трудом возвышенным полна душа моя,
И вам, стихи, привет слагаю нынче я!
Александрийский стих! Ты, тихий как Эребус,
Скрыть подо льдом огонь умеешь. Кто in rebus
Musarum^[95] знает толк, не может не любить
Упорства мастера. Недаром воскресить
Мне хочется тобой обычай позабытый —
Эпистолы слагать. Ну что ж, теперь засни ты!

1913

«Народ, Белорусский Народ!..»

© **Перевод А. Прокофьев**

Народ, Белорусский Народ!
Ты — темный, слепой, словно крот.
Повсюду тебя обижали,
В ярме прожил ты столько лет,
И душу твою обокрали,—
В ней речи твоей даже нет.
Разбуженный грозной бедой,
Весь полный смертельной тоской,
Ты крикнуть: «Спасите!» не можешь
И должен «Спасибо!» кричать.
Услышьте, кого я тревожу,
Кто сердцу привык доверять!

1913

В СТАРОМ САДУ

© **Перевод автора**

Изящный сад — такой, как у Ватто:
Белеют статуи в листве зеленой;
Вдали — прохладный грот, фонтан бессонный,
Беседка... Верно, саду лет уж сто.
Весь погружен душой в былые дни,
Смотрю мечтательно, рассеянно листаю
Поэта нового... и закрываю,
Смущенный тем, что это не Парни.

1913

КРИТИКУ

Триолет

© **Перевод А. Прокофьев**

Челлини статуй не ваял,
А только статуэтки, —
Однако мастером он стал.
Челлини статуй не ваял, —
Ты слышишь, критик едкий?
Зря триолет ты обругал:
Челлини статуй не ваял,
А только статуэтки.

1913

«Счастье, ты вчера блеснуло мне несмело...»

© **Перевод автора**

Счастье, ты вчера блеснуло мне несмело,
И поверилось, что жизнь проста, легка.
В сердце зыбком что-то пело и болело,
Радость душу мне щемила, как тоска.
А сегодня вновь мечтой себя туманю,
Книгу развернул, но не могу читать.
Как случилось, что полюбил я Аню,
Разве знаю я? Да и к чему мне знать?

1912 или 1913 (?)

«**Вы так часто в зеркало глядели...**»

© **Перевод А. Прокофьев**

Вы так часто в зеркало глядели,
Никогда в мои глаза, ни разу,
Где вы так же, так же отражаетесь
В черных, блестящих зрачках —
Этих зеркальцах маленьких, круглых.
Но исчезнет из зеркала образ,
Следа не оставив,
А в моей душе
Ему не погаснуть.

1912 или 1913 (?)

«**Холодная, ясная ночь...**»

© **Перевод А. Прокофьев**

Холодная, ясная ночь...
Звонко хрустит снежком,
Идя мне навстречу, девчушка.
«Как вас зовут?» —
Спросил я ее.
(Сегодня же все гадают.)
И она отвечает тихонько:
«Аня».

1912 или 1913 (?)

«**Моя государыня...**»

© **Перевод А. Прокофьев**

Моя государыня,
Татьяна Р-на!
В музее одном я увидел
Над японскою вазою надпись:
«Просят руками не прикасаться».
О любви я скажу точно так же,
Ведь это — задушевное дело,
А души человеческой так же
Нехорошо касаться руками.
Деликатные люди сами знают об этом,
А неделикатным об этом напоминают.

1912 или 1913 (?)

«**Всё одна теперь мне думка сердце сушит...**»

© **Перевод А. Прокофьев**

Всё одна теперь мне думка сердце сушит,
Как бы встретиться с тобой, к тебе прийти,
А полынь-трава пускай себе заглушит
Позабытые давнишние пути.

1912 или 1913 (?)

«**Больше всего на свете желаю я...**»

© **Перевод А. Прокофьев**

Больше всего на свете желаю я,
Чтобы у меня был свой ребенок —
Маленькая дочушка-несмышлениш,
Аня Максимовна,
Такая красивенькая,
Тепленькая, мокренькая,
С черными волосиками и бровками,
С темно-карими глазками,
А ручки — как бы перетянутые нитками.
Совсем такая, как вы,
Когда вы были маленькой девчонкой.

1912 или 1913 (?)

«**Буду сниться днями и ночами...**»

© **Перевод А. Прокофьев**

Буду сниться днями и ночами.
И приду. Люблю, и ты люби.
Хочешь — душу растопчи ногами,
Хочешь — мучай, хочешь — погуби.

1912 или 1913 (?)

«**Муар...**»

© **Перевод А. Прокофьев**

Муар
Двумя цветами
Переливается,
И видно всем,
Где начинается и где кончается какой;
А всё ж таки между меж ними
Чертою твердой
Не провести.
На сердце — боль.
И никогда
С душою вашей так не сольется
Моя душа.
Конец.

1913 (?)

«**Темноокая пани, конец!..**»

© **Перевод А. Прокофьев**

Темноокая пани, конец!
Есть подобие ваших очей —
Звезды темные, что невзначай

Загораются в мраке ночей.
Темноокая пани, они
Так красивы в чудесный тот миг,
И не хуже ваших очей,
Если ярко сверканье у них.
Темноокая пани, скажу:
Я на этом огне не сгорю —
Много в мире есть разных огней,
Все они входят в душу мою.

1913 (?)

ПРОСТЕНЬКИЙ СТИШОК

© Перевод А. Кочетков

Ночной неяркой радуги колечко
Края луны чуть зримо обвело.
Его порой не каждый и приметит:
На небесах и на земле — светло.
Ночной неяркой радуги колечко!
Ты потому и нравишься так мне.
Ведь у меня одна с тобою доля —
Сиять чуть зримо в синей вышине!

1913 (?)

ВОРОЖБА

© Перевод И. Грушецкая

Всё стихло — шум дождя и грома грохотанье.
Блеск синей молнии уже не режет высь.
Клубами в небесах обрывки туч свились,
Как мягкий воск в воде, налитый для гаданья.
Что эта ворожба сулит земному лону?
Взгляни ж, как брызнули в просветы облаков
Горячие лучи — и пояс в семь цветов
Повис, сияющий, в лазури небосклона.

1913 (?)

СОНЕТ («Манящие глаза сияют мне...»)

© Перевод М. Шехтер

Манящие глаза сияют мне,
Даря волшебную улыбку, губы
Открыли белые прямые зубы...
Слова теплы... Кровь буйствует в огне.
Обман? Иль я с мечтой наедине?
Иль верить милым обещаньям любо?
А может, жар, что обжигает грубо,
Скрывает холод ледяной на дне?
Вот так подчас над сонною землею
Дугою искрометной золотою
Прорежет мглу горящий метеор.
Разбрызгивая искры, он несется,
Звезды блестящей отражает взор,
А в глубине холодным остается.

<1914>

«Ты долго сидела за столом...»

© **Перевод И. Грушецкая**

Ты долго сидела за столом,
Недвижно, в оцепененье,
И было слышно в тишине,
Как маятник отсчитывает время,
Как дробный дождь сечет оконные стекла
И в желобе журчит струя воды.
А ты всё сидела...
Не хватало сил
Отвести глаза
От черной рамки в газете —
Бездонного колодца,
До края полного страдания и слез.

<1914>

ЭМИГРАНТСКАЯ ПЕСНЯ

© **Перевод П. Кобзаревский**

Есть на свете такие бродяги,
Что не верят ни в бога, ни в черта,
Любы им пестрокрылые флаги
Кораблей океанского порта.
Им ведь некого дома покинуть,
Да и дома у них не бывает,
Безразлично им — жить или сгинуть,
Об одном они жадно мечтают:
Побывать в городах незнакомых,
Испытать там и счастья и горя,
И погибнуть в пучинах соленых
Белопенного синего моря.
Ну, а мы — не об этом мечтаем,
Нас не радует новое небо,
Мы с родным не расстались бы краем,
Если б в нем было вволюшку хлеба.
Нам сквозь бурное улиц кипенье
И сквозь гул человеческой лавы
Снится Неман, родное селенье
И огни портовые Либавы.

1914

МЕЖИ

© **Перевод Н. Браун**

Простор бескрайный огляни кругом:
Вон обступили каждый дом
Заборы с острыми гвоздями,
Они усыпаны стеклом.
Смотри: в просторах, за селом,
Межами
Поделены колосья на полях,

Канавы вырыты в лесах,
И стопудовые у всех границ камня
Среди лугов бескрайных залегли.
Штыков ряды по всем краям земли
Горят и смотрят в диком рвении
На государственный рубеж.
И видишь: сколько всюду меж!
Безмерны вольные просторы
Святой земли, — а человек
Заборы строил, рвы копал за веком век,
Он, как лиса, зарылся в норы
И там пугливо жил — один,
Дрожащий, как листва осин,
Неверный, бессердечный, жадный.
Всегда злорадный,
Для всех чужой, совсем чужой,
За изгородью, за межой.
А что за этими межами!
Гниет в труде безмерном тут
Голодный, обнищавший люд,
Который сильными руками
Богатство мира сотворил —
Равнины пашнями покрыл,
Чугунке путь он пробивает,
Заводов трубы поднял он до звезд,
А сам давно ослеп от слез
И помощи не ожидает.
Смотри: по всей земле святой
Волной широкой золотой
Без края блещет хлеба море,
Цветут луга, шумят леса...
Повсюду есть богатство и краса,
А люди гибнут в голоде и горе,
Во тьме, от холода дрожа,
И всюду — ров, забор, межа.

1914

ПАНУ АНТОНУ НОВИНЕ НА ПАМЯТЬ ОТ АВТОРА

© Перевод А. Прокофьев

День добрый, пан! Вот Вам простая надпись.
Есть милая японская забава:
Бросают в воду мелкие осколки
Деревьев — и они становятся цветами.
Всё это мне припомнилось неволью,
Когда статью я Вашу о «Венке»
Читал. И Вас благодарю я очень,
И жму Вам руку. Ваш М. Богданович.

1914

ДВОЙНИ

© **Перевод А. Прокофьев**

Несмело я теперь ставлю
Под стихами, повестями и статьями
Свою подпись — Максим Богданович.
Хочу — и стыжусь и боюсь,
И не могу поставить Ваше имя.
А мне было б радостно до боли
Видеть его рядом со своим.
Еще ребенком я слышал,
Что есть на небе двойные звезды,
Которые так близки между собой
И так дружно сливают свой свет,
Что нам кажутся одной звездой.
Доля их — это ж наша доля.
Вы, и сами того не замечая,
Так много дали мне,
Так наполнили собою мою жизнь,
Что еще могу я сказать,
Заглянув в свою душу:
Что там Ваше и что мое?
Вот почему я чувствую себя виноватым,
Когда я ставлю под стихами иль прозой
Только свою подпись — М. Богданович.
Но люди пусть всё же узнают,
Их прочитав,
Что это им звезды двойные
Светили одной звездой.

1914 (?)

«**Я — незаметный, серый человек...**»

© **Перевод А. Прокофьев**

Я — незаметный, серый человек.
Но Вами, только Вами полна моя душа.
Льются из нее стихи о Вас,
Как льется весной сквозь кору чистый сок
Из переполненного им серого клена.

1914 (?)

«**Здесь мои покоятся чувства, когда-то живые...**»

© **Перевод А. Старостин**

Здесь мои покоятся чувства, когда-то живые...
Может, полюбите вы кладбище их навещать...

Между 1909 и 1915

«**Замер напев — и сама отозвалась нежно на лире...**»

© **Перевод А. Прокофьев**

Замер напев — и сама отозвалась нежно на лире
Звоном тишайшим струна...

Может, откликнетесь вы?

Между 1909 и 1915

«**В жизни всё надоело, признаться...**»

© **Перевод А. Прокофьев**

В жизни всё надоело, признаться,
Злость из сердца ушла и печаль,
Крыльям больше моим не подняться,
Не умчусь я уж в синюю даль.
Нудно льются, тоскливы и серы,
Словно мутными волнами, дни...
Ой, зачем я надежды и веры
Погасил в своем сердце огни?..

Между 1909 и 1915

«**Как широко в бору разлился вольный шум!..**»

© **Перевод А. Прокофьев**

Как широко в бору разлился вольный шум!
То он гудит в ветвях, то слышен легкий шорох,—
Стихает вдруг в душе борьба неясных дум
 Под гул спокойный, ровный бора.
Наверно, в том бору под шорох сосняка
Хозяйка всех лесов заводит песню тихо.
И под ее напев свободно взрослого сына
 Минует дум разбитых лихо.
Он может всё в бору понять и пережить:
И каждый треск, и стон, и звонкий птичий клекот;
Душе его родным, знакомым должен быть
 И гул громов, и травки шепот.
Пусть уплывают дни его в безбрежный океан, —
Не властна смерть над тем, кто век живет так вольно!..
В душе всплеснул огонь! Его закрыл туман...
 И сердцу бедному так больно!

Между 1909 и 1915

«**Сегодня ночью я в царстве сказки...**»

© **Перевод А. Прокофьев**

Сегодня ночью я в царстве сказки:
Свет сник, растаял в час ночной,
И в небе из-под полумаски
Глядится месяц молодой.
За тучкой он как за вуалью,
Что отливает серебром, —
Боится, видно, он сверканья
Звезд ярких в небе голубом.
Там кто-то снежной взвил пыльцою,
Как будто тешился, играл.
А я вот песенкой простою
Воспел небесный карнавал.

Между 1909 и 1915

«**Всплыла колония сифонофора...**»

© **Перевод А. Прокофьев**

Всплыла колония сифонофора,
Их, словно гроб живой, несет волна!

Они срослись в колонию, она
Вся из калек, не жаждущих простора.
Кто ею управляет среди моря
И кто берет добычу возле дна.
А равновесие хранит одна,
И все живут без счастья и без горя...

Между 1909 и 1915

«Материнское причастие...»

© Перевод С. Ботвинник

Материнское причастие
Принял вместе с молоком
И заснул. С мольбой о счастье
Люди замерли кругом.
Лишь часы за тонкой стенкою
Не смолкают: та-та-та...
Лишь напев над колыбелькою:
«Вышла кошка за кота».

Между 1909 и 1915

ЛАКОМКА

© Перевод А. Прокофьев

Этот милый белый пальчик,
Тоненький и гладкий,
Всё-то в рот берет мой мальчик,—
Видно, очень сладкий!..

Между 1909 и 1915

«Ой, греми, греми, труба...»

© Перевод А. Прокофьев

Ой, греми, греми, труба, —
утром рано

В поход собираться;
Собирались товарищи Яна,
А ему не подняться.
Собирались товарищи Яна,
Глубоко яму роют.
В яме той при дороге
Хлопца похоронят.
Ой, не плачьте, дети,
Не рви сердце, женка,
Не рви, не томися,
И за Янку, за беднягу,
Богу помолися.
Он нашел другую женку —
Чужую сторонку.
В чистом поле повенчался,
Пулей обручался.

1914 или 1915

«Ой, скатилася звездочка, скатилася...»

© Перевод А. Прокофьев

Ой, скатилась звездочка, скатилась,
Ты ушла от нас и не простилась,
Не простилась, не распрощалась,
И куда ушла — не сказала.
Я ж тебя лечила, сберегала,
На снег наговорный клала,
Сквозь хомут продевала
И поила липовым цветом,—
Почему ж ты мне сделала это?..

1914 или 1915

«**Ой, леса-боры и луга-разлоги!..**»

© **Перевод А. Прокофьев**

Ой, леса-боры и луга-разлоги!
Через вас идут все пути-дороги.
Как-то хлопца я очень любила
И к нему тропинку проложила.
Шла тропинка — дошла до разлуки.
Я возьму и вновь по ней похожу,
Снова на тропинку я погляжу.
А на ней-то трава-мурава,
И крушинник разрастается,
Ветками дороженьки касается:
Ни проходу, ни проезду тут нет.
Из-под зарослей криничка течет,
И колыхается гнездышко в них.
Потому и колыхается,
Что там пташка-певунья заливается:
«Ты не будешь, криниченька,
От разводья полней весной;
И полюбишь ты, девушка,
Да не так, как любила той порой!»

<1915>

«**Темной ночью лучина догорала...**»

© **Перевод П. Семынин**

Темной ночью лучина догорала,
Я сорочку Артему вышивала:
Посередке — солнышко,
А вокруг него — звезды малые.
Только входит тут в хату сестричка,
Белый, чистый лист у нее в руках,
Бело личико всё в слезах:
«Ой, убили Артема, убили,
В стороне незнакомой зарыли;
Ой, убили Артема шрапнелью,
Занесло его могилу метелью...»
Как услышала я, уразумела,
Мои ниточки все помешались,
Солнце яркое закатилось,

А в очах помутилось...
Для чего ж я на свет уродилась?

<1915>

«Я хотел бы встретиться с вами на улице...»

© Перевод А. Прокофьев

Я хотел бы встретиться с вами на улице
В тихую, синюю ночь
И сказать:
«Видите эти яркие звезды,
Светлые звезды Геркулеса?
К ним летит наше солнце,
И несется за солнцем земля...»
Кто мы такие?
Только путешественники — попутчики среди небес.
И зачем на земле
Ссоры и распри, боль и горе,
Если все мы вместе летим
К звездам?

<1915>

МУШКА-ЗЕЛЕНУШКА И КОМАРИК-НОСАТИК

Очень жалостная история, рассказанная в согласии с правдой

© Перевод П. Семьинин

Возле речки Самотечки комары толкутся,
Распевают «толкача» и друг за дружкой рвутся:
 «Гей, гоп, толкачики,
 Гей, гоп, осиновые,
 Работы Максимовой...»
А Максим лежит на травке, сонно так моргает,
И комар за комариком к нему подлетает;
Вот их песенник завзятый зазвенел над ухом,
Как комарика-бедняжку погубила муха.

1

Закачалась сосенка боровая,
Закручинилась девчина молодая,
Закручинилась певунья и резвушка —
Мушка, по прозванью зеленушка:
«Ой, да в чем же я настолько виновата,
Что никто не шлет ко мне, девчине, свата.
И приданым ведь немалым я владею —
Целый куст шиповника имею,
Щелку в яблоне — от ветра хорониться,
Лист ольховый — от дождя укрыться,
Медом полную кадучку пребольшую —
Желудовую скорлупку золотую,
А когда тот мед на блюдечко кладется,
В рот слюна наверно наберется».

Как услышал эти жалобы комарик,
Сильно призадумался сударик:
«А пошто бы мне на ней и не жениться?
Знать, пойдет, чтоб больше не томиться.
Хоть носатый я, и тощий, и нескладный,
Так зато скакать умею ладно».
И ударился комарик как из пушки
Кликать сватов к мушке-зеленушке.

2

Прилетела мушка до хаты,
Видит: в доме комарик носатый,
Сватовья-жуки заседают,
Важно с батькой о чем-то рассуждают:
«Мы — охотники, ходим за куницей,
Не куницей — девицей-молодицей».
Больше часа сваты гомонили,
А потом у девчины спросили:
«Ну, по вкусу ли гость наш богатый?» —
«А узнайте у мамы и таты».
Тут горелкой они подкрепились,
А комарик с резвухой обручились.
Брал жених от мушки-девчины
Дорогой ручник из паутины,
Что она на травке стелила
И на ясном солнце белила.
В воскресенье свадьба-веселье,
Заходил комар, как с похмелья,
Начал петь и приплясывать тихо,
А потом как хватил «шерстянику»:
«Шерстяника, шерстяника моя,
Полюбила комара-гультая,
А комар и не глядит на нее,
Всё летает да песни поет!»

3

Загудела, расшумелась дубрава —
То про свадьбу разнеслась по свету слава.
Как венец на муху сватьяшки надели,
Все вокруг аж очи проглядели.
А когда с родными мушка расставалась,
Тут гостей до слез прошибла жалость.
«Кланяюсь я батюшке и матушке,
Иль постыла я в родимой хатушке?
Ой, зачем меня растили, миловали
Да в семейку чужую отдали!..»

В каравайницы улиток попросили,
И они квашню на диво замесили.
Овод у комарика был старшим дружкой,
Дробным маком рассыпался перед мушкой.
Мотыльки-бояре, пчелочки-боярки,
Прыткие на редкость, особенно до чарки.
А как старшая боярочка-шмелиха
Затянула, всем боярам стало лихо:
«Ой, богаты бояре, богаты,
Только дома забыли деньжата.
Хоть деньжат они мало имеют,
Так зато выхваляться умеют.
Кто копейку дает — гривной числит ее,
А кто гривну поклат — будто рубль даровал!..»
Тут как музыка поддала жару-пылу,
Сразу гулом жутким всё покрыла.
Шмель пузатый на басу играет ловко,
А на скрипочке подыгрывает пчелка.
И нашелся мушененок некий малый —
Славно так позванивал в цимбалы.
Во всю мочь кузнечики скакали,
Вверх взлетали, звонко припевали:
 «Комары плясать
 Зарекаются:
 Ножки длинные —
 Поломаются».

Этак пляшут кто помалу, кто помногу,
А один так отдал шмелихе ногу.
Гости дружно пьют-едят да рассуждают,
Музыканты же веселья подбавляют.
Всех достойно мушка пригласила,
А еще-то лучше угостила.
Всё, что надо, на столах стояло чинно,
Даже мед был и шмелиный и пчелиный.
Жук огромный так горелки нализался,
Что свалился и под лавкой отсыпался.
Осы в черных платьях с желтыми каймами
Прямо ели мушку злостными очами.
А она близ мужа скромненько сидела
И зеленой юбкой шелестела.
Муравья низко свесила головку —
Затянула чересчур она шнуровку,—
А потом как закричит истошно, дико:
В капле дождика тонула муравья.
Всё стемнело, капли часто застучали
И в дупло к зеленой мушечке попали.
Гости вмиг попрятались в кусточки —
Под кору забились, под листочки.

Утром же, очухавшись с зарею,
К комару пошли догуливать толпою...
А потом и перезовы были,
Чтоб родню худою славой не покрыли.

4

Облетели цветики
 На юру.
Ой, не сладко серому
 Комару.
Как с резвушкой-мушкой
 Стал он жить —
Довелось бедному
 Потужить.
Не умеет мушечка
 Работать,
Лишь умеет с хлопцами
 Хохотать.
Не умеет ткать она
 И пошить,
Никакого кушанья
 Наварить.
Почесал он голову,
 Сам не свой.
«Как мне жить, несчастному,
 С такой женой?
Где глаза я, братики,
 Потерял,
Как ее, бездельницу,
 В жены брал?»
Полетел он плакаться
 В синь-лесок,
Сел на дуб зелененький
 Под листок.
Сел на дуб развесистый
 И вздохнул,
Песню грустно, жалостно
 Затянул:
«Выйду в поле да развею свое горе,
Горе горькое, бездонное!
Гей ты, полюшко зеленое,
Широко ты, поле, протянулося,
Глубоко ты, сердце, всколыхнулося!
Где я смерть теперь повстречаю —
В море, в речке, в озере ли темном,
Что, ступая, конь пробил копытом
И что буйным дождиком налито?..»

Что за шум в бору учинился?
 А комарик там с дуба свалился.
 Будет спать он теперь на погосте —
 Поломал и побил свои кости...
 Столяры тут дуб распилили,
 А из досок гроб смастерили.
 Весь китайкой обили проворно,
 А по краешку лентою черной.
 Гей, кладут комара в домовину,
 Созывают родню и дружину.
 Комары над гробом затрубили,
 Светляки ярче звезд засветили.
 «Музыканты, потише дудите,
 Мое сердце на части не рвите!»
 Горько мушка-вдова голосила,
 Скорой смерти у бога просила:
 «Муженек ты мой, свет комарочек,
 Ты из гроба подай голосочек...
 Ах, никто над тобой не заплачет,
 Только облачко частыми дождями,
 Только мушечка горькими слезами».
 Понесли комара на холстинах
 По лесам, по холмам и долинам.
 Близ дороги могилу копали
 И в нее комара опускали.
 Как в сырую земельку зарыли,
 Сверху холм большой навалили.
 Люди добрые мимо проезжают,
 Шапки сняв, меж собой рассуждают:
 «Не иначе — проезжий сановник:
 Генерал, иль майор, иль полковник...»
 — «Нет, лежит тут комар-комарочек,
 У которого с локоть носочек».

<1915>

МАКСИМ И МАГДАЛЕНА

© **Перевод П. Семьнин**

Гей, пойду я по улице
 Да в то поле за околицу,
 У околицы плетень и огород —
 Вьется хмель там, завивается.
 Ой, зачем твои кудри зеленые
 Градом-дождиком не выбило?
 Хмель-хмелинушка веселый мой,
 Раскудрявый ты хмелинушка,
 Загубил ты буйну голову,
 Буйну голову Максимову.

Максим у шинкарки гуляет,
Он гуляет — крест пропивает
Да товарищей своих зазывает:
«Пиво-мед в ковши наливай,
Чтоб лилось через край, через край,
Песню громкую пой-заводи
Да цимбалами позванивай!»
Гей, как грянули друзья гопака,
Заходили даже стены кабака.
Струны звонко говорят из-под руки,
Частой дробью отвечают каблуки,—
Их подковки стальные звенят...
У порога люди добрые стоят,
Подпевают, приговаривают
Да Максима всё похваляют.
Он сидит — не помалу пьет,
Под цимбалы он в ладони бьет.
Захмелела у Максима голова,
Говорит он такие слова:
«Магда, Магдочка,
Мой цветочек, моя ласточка!
Не любиться мне, хлопцу, с тобою —
С воеводскою дочкой-красою.
Нынче с войтом тебя обручают,
Ручники вынимают,
Русу косу твою пропивают.
То не травка-повилика расплетается —
Наша верная любовь с тобой кончается.
Уж не будешь гулять, как бывало,
Целовать, как всегда целовала,
В темный сад выходить с полночи
И глядеть ненаглядному в очи.
Твое личико — снега белей,
Бровки — доли сиротской черней,
Не забуду их, хоть больше не увижу,
Хоть до смерти тебя не услышу.
Лейся, брага, теки, как река,
Ой, упала на сердце тоска!»
Во хмелю Максим болтает, заплетает жарко,
Да услышала те речи старая шинкарка
И к хоромам воеводским быстро побежала,
Воеводе при народе всё пересказала.
Гей, как грянет воевода о крыльцо ногою:
«Ты заплатишь мне, собака, буйной головою!»
Услыхали это слуги, быстро побежали,
Кандалами хлопцу ноги заковали.
Повели его к площади торговой —
На помост высокий, сосновый.

Люди добрые вокруг стоят:
Он идет — не идет, спотыкается,
Белы рученьки по бокам висят,
Ноги резвые подгибаются.
Да не плачется людям на долю Максим,
Только молвит он о цимбалах им.
Захотелось ему на прощанице
В этот смертный час,
Уж в последний раз,
Услыхать их рокот-игранице.
В миг единый цимбалы достали,
На помост на высокий поклали.
Гей, потрянул Максим кудрями —
хватит плакать, будет!..

Песню горькую заводит — все притихли люди:
«То не ветер ночной повеваает,
Тихо в горницу сон заступает,
Очи крыльями мне смежает, застилает.
То не пташка в гнезде встрепенулася —
Мое сердце содрогнулося.
Снилось мне: я межою иду,
Сбоку нива колыхается,
Сбоку нива колыхается,
Крупной светлой росой осыпается.
Ох, исполнился тот недобрый сон,
Нынче сбылся он через девять дён.
Сбылся сон, моя отрада-краса,
Слезы катятся, что крупная роса...»
Тихо всё, только струны звенят,
Только песня разливается,
Люди добрые молча стоят,
С горя сердце разрывается.
Лучше было б тебе не любиться,
На вельможную дочку не дивиться!
Вновь потрянул Максим кудрями —
хватит плакать, будет!

И опять заводит песню — и притихли люди:
«Магда, Магдочка,
Моя зоренька ясная,
Мое солнышко прекрасное!
Ой, от солнышка
На земле цветы расцветают,
От него же они и высыхают.
А ты в небе светишь-пылаешь
И про то не знаешь...»
Тихо всё, только струны звенят,
Только песня разливается.
Люди добрые молча стоят,

С горя сердце разрывается.
Лучше было б тебе не любиться,
На вельможную дочку не дивиться!
Вновь потрянул Максим кудрями —
хватит плакать, будет!

И опять с помоста песню услышали люди:
«Мои деточки, мои малые,
Вы наплачетесь, нарыдаетесь,
Остаетесь на свете без батюшки!
Кто вас будет кормить, одевать,
От холодных ночей укрывать?
Станете вы, детки, бедняками,
Пойдете лесами-лугами
Да путями-дорогами;
А дороги те без конца лежат —
Без конца вам, детки, горе горькое терпеть».
Тихо всё, только струны звенят,
Только песня разливается.
Люди добрые молча стоят,
С горя сердце разрывается.
А как смертью Максима казнили,
Белы руки к воротам прибили
На торговой площади просторной,
А головушку к башне дозорной,
Чтоб дожди ее кудри мочили,
А ветра бы сушили,
Чтобы вороны летали да очи клевали,
Да чтоб люди видели и не забывали.

<1915>

«Среди улицы у нас хоровод...»

© **Перевод А. Прокофьев**

Среди улицы у нас хоровод,
Не иду я в круг веселый гулять,
Как тот мак на гряде, стоять,
Красотой своей подружкам докучать.
Выдает меня всё белое лицо:
Только миленькое имя назовут,
Мои щечки разгораются,
А девчата усмеваются.

<1915>

«Как Василий в бою умирал...»

© **Перевод М. Комиссарова**

Как Василий в бою умирал,
Всё сторонку свою вспоминал:
«Вы прощайте, прощайте, поля,
Вы прощайте, непаханые!
Мне вас больше уже не пахать,
Зерном чистым на заре не засежать».

Не увижу я тебя, темный луг,
Поле чистое, раздольное!
Мне по вам уж больше не ходить,
Мне зеленой травы не косить.
Расстаюся я с тобой, светлый бор,
Пуща темная, дремучая!
Мне твой шум уже не услышать,
Мне высоких сосен не срубить.
Ой, прощай ты, семейка моя,
Вы прощайте, товарищи!
Не придется мне вас к сердцу прижать,
Посидеть, повеселиться, погулять.
Бью челом тебе, челом, Беларусь,
Вся сторонюшка бездольная!
Не забыл твой сын тебя, родную,
За тебя он в землю лег сырую».
Как Василий в бою умирал,
Всё сторонку свою вспоминал.

<1915>

ВОРОНА И ЧИЖ

Басня

© **Перевод А. Кочетков**

Простая эта быль не так давно была.

К Чижу (а у него какая ж сила?)

Ворона подступила:

«Что, правда — я похожа на орла?»

Смекает Чиж: коль в споры с ней пуститься,

Ведь можно с хохолком и с головой проститься...

«Совсем орел!» — пугливо пискнул Чиж

Проклятой птице с клена.

«Ну, то-то же! Смотри ж!» —

С угрозой ласковой прокаркала Ворона

И полетела прочь.

Тут стало Воробью невмочь:

«Браток! Ты что же, птиц не различаешь —

Орлом Ворону величаешь?»

Смущенный Чиж прошебетал тогда:

«Я никому не причинил урона...

Назвать Орлом Ворону — не беда,

Беда сказать Орлу, что он Ворона!»

1915

ПЕСНИ

СЕРБСКАЯ

© **Перевод А. Прокофьев**

Кто там едет по Косову полю?

Едет полем делибаш отважный —

Славный шершень на жуке рогатом.

День он едет, и второй, и третий,

На четвертый к морю подъезжает,
Лужей у людей оно зовется.
Задержался, глянул славный шершень,
И слова такие он промолвил:
«Ой ты конь мой, ой ты жук рогатый,
Я вскормил тебя, мой жук, метлицей,
Я вспоил тебя, мой жук, росую.
Сослужи ты верную мне службу
И перескочи-ка через море».
И ответил шершню жук рогатый:
«Господин мой, делибаш отважный!
Лучше б не скакать нам через море,
Не искать бы смерти неминучей.
Когда мы из хаты выезжали,
Говорила мамка-шершениха,
Что недобрый сон ей ночью снился,
Будто жемчуг всё она низала,—
Не иначе будут слезы литься».
Засмеялся шершень, так промолвил:
«Стал ты, конь мой, бабой шумадийской!
Отроду я смерти не боялся
И теперь ее не испугаюсь».
И послушал шершня жук рогатый.
Разогнался, принапрягся сильно,
Взял разбег — и прыгнул через море.
На высокий яр как раз и прыгнул!
И сорвался задними ногами
Жук рогатый с яра прямо в море,
Вмиг из-под копыт взлетела глина;
Так он прыгнул и отвоевался.
Вот какой был этот славный шершень,
Да и конь тот — черный жук рогатый!
Только шершню этого всё ж мало.
«Ой ты конь мой, — молвил, — верный конь мой!
Передом ты прыгал через море,
Ну-ка прыгни через море задом».
И послушал шершня жук рогатый:
Разогнался, принапрягся сильно,
Прыгнул он — да, видно, в час недобрый!
С высоты упал бедняга в море,
В сине море вместе с господином.
Так скоропостижно смерть он принял,
Славный шершень, делибаш отважный.
Ныне нет уже таких юнаков.

1915

РУССКАЯ

© **Перевод А. Прокофьев**

Нынче день у нас светлый, радостный —

Воскресение самого Христа.
Я, девчиночка, в хоровод пошла
Да со всеми там повидалася.
Ах, со всеми там целовалася,
Целовалася, не гордилася,
Только с милым постыдилася.
Немало с ним деньков прошло,
Вместе ночек пересижено
И слов сладких перемолвлено,
В уста горячо цело...
Да эх, целовано.

1915 (?)

УКРАИНСКИЕ

© **Перевод А. Прокофьев**

Ну в кого же ты, девчиночка, лицом удалася?
То ли в батьку, то ли в мамку, то ль в соседа Яся?

* * *

Встал рядом с девчиной хлопец, песню запеваает,
И как будто с лент девчины взгляда не спускает.
Да не так на ленты смотрит, как глядит на очи,
Всё на те он смотрит очи, что темнее ночи.

* * *

Словно роза — так пригожа Василева Галя:
Глазки ясны, сама красна, краше не видали...

* * *

На Микиту в переулке все собаки лают,
Он проходит — и подковки искры высекают...

1915 (?)

СКАНДИНАВСКАЯ

© **Перевод А. Прокофьев**

Была Ингеборг, как сосенка, стройна,—
Так ветер суровый поет,—
И горькую долю узнала она.
Нам жалко, нам жалко ее.
Не слушала мать, не слыхала отца,—
Так ветер суровый поет,—
Любила Оскара, морского бойца.
Нам жалко, нам жалко ее.
Оскар уезжает в чужую страну,—
Так ветер суровый поет,—
Надолго невесту оставил одну.
Нам жалко, нам жалко ее.

Дней много промчалось и много ночей,—
Так ветер суровый поет,—
Слез много лилось из девичьих очей.
Нам жалко, нам жалко ее.
И вести к Оскару летят чередой,—
Так ветер суровый поет,—
Твоя Ингеборг спит в могиле сырой.
Нам жалко, нам жалко ее.
И тяжко Оскару становится жить,—
Так ветер суровый поет,—
Он бросился в бой, чтоб девчину забыть.
Нам жалко, нам жалко ее.
И вот повстречал он смертельный удар, —
Так ветер суровый поет,—
Погиб из-за милой отважный Оскар.
Нам жалко, нам жалко ее.
Горюет о нем Ингеборг без конца,—
Так ветер суровый поет,—
Не видно Оскара, морского бойца.
Нам жалко, нам жалко ее.
Над морем нависла скала, как стена,—
Так ветер суровый поет,—
Там ждет Ингеборг всё одна да одна.
Нам жалко, нам жалко ее.
И вот она видит: в далеких краях,—
Так ветер суровый поет, —
Весь черный Оскаров корабль на волнах.
Нам жалко, нам жалко ее.
И с воплями кинулась в море она,—
Так ветер суровый поет,—
И не поднялась больше с темного дна.
Нам жалко, нам жалко ее.

1915

ИСПАНСКИЕ

© Перевод А. Прокофьев

Ясноокая Анита
Развернула веер черный
И лицо закрыла строго
В кружевных его узорах.
У отцов-базилиан я
Как-то ночь провел бессонный,
Всё учился звездочетству.
Вот оно затмение солнца!

1915 (?)

* * *

Донна Клара лик закрыла

Черным веером сурово,
И сказал один гидальго:
«Трудно в час затмения солнца».

1915 (?)

* * *

«Ясноликая сеньора,
Предостойнейшая донна,
Донна Клара, донна Клара,
Погубили вы меня!
Ах, без вас и день — как полночь,
С вами полночь — словно день.
Донна, донна! Знать, вы взяли
От моих следов земли,
Нашептали наговоры
Из волшебных черных книг».
— «Досточтимый кабальеро,
Дон Фернандо, дон Фернандо,
Я всегда, всегда была
Настоящей христианкой,
Не умею ворожить.
У меня другие чары:
Косы чуть не до колен,
И глаза горят, как звезды,
И лицо — белей снегов».

1915 (?)

ЯПОНСКИЕ

© **Перевод А. Прокофьев**

Ах, как распелась
Синеглазая пташка
В муках любовных.
Стихи, пташечка, стихи,
Чтоб не томила я.

* * *

Милая, вспомни:
Веяло теплой весной,
И вишни цвели.
Как-то ветку качнул я, —
Белый цвет осыпал нас.

* * *

Дивно-нежные,
Ярко-красные, желтые,
Синеватые

Листочки осенние
Кроют шелком пути.

* * *

Всё уходит,
И следу нет в помине,
Как серый пепел
От костра погасшего,
Развеянный ветрами.

1915 (?)

ПЕРСИДСКИЕ

© **Перевод А. Прокофьев**

Я всё забыл на свете и знаю лишь одно:
Зюлейка молодая — что старое вино.
И я упился ею, — теперь вином упьюся...
Посмотрим, что сильнее: Зюлейка иль оно?

* * *

Прозрачным покрывалом закрыла лик она.
Она — как полный месяц, как в облаках луна.
Проглянь, мой месяц милый, взгляни мне ясно в очи,
Чтобы печаль на сердце не так была сильна.

1915 (?)

«**Аня, Анечка...**»

© **Перевод А. Прокофьев**

Аня, Анечка,
Моя елочка зеленая!
То ли вихри тебя подломили,
То ли громы сразили?
Ты лежишь — не шелохнешься,—
Глазки ясные закрылися,
Губы бледные сомкнулися.
Только что ж мы, люди милые,
Загрустили все?
Боль не мучает грудь,
И тебе довелось заснуть.

1915 (?)

«**Ленту сине-голубую...**»

© **Перевод А. Прокофьев**

Ленту сине-голубую
Я в тебя вплету, коса!
У того, кого люблю я, —
Голубые пояса.
Может, милый догадается,
Почему она вплетается,
И со мною не расстанется.

1915 (?)

«А в местечке Терестечке толков не счесть...»

© Перевод М. Шехтер

А в местечке Терестечке толков не счесть,
Толков не счесть — все слушают весть:
Что сыскали нынче Янко-стрельца
Средь зеленого ельничка,
Да у камня у белого,
Во мху темном, меж брусникою.
Вся головушка разбитая,
Алой кровушкой омытая.
Гей, над ним лишь сосна шумит,
Смутно шепчет, приговаривает:
«Не гонялся бы ты, Яне, за куницами,
Пуще этого — за теми молодими!»

1915 (?)

«Поздно; надо домой собираться...»

© Перевод Б. Ирнин

Поздно; надо домой собираться,
Злым часам полюбилось спешить...
Ах, когда б ты могла догадаться,
Как не хочется мне уходить!
Там, за дверью, — ни ветра, ни бури,
Там одно — одиночество, грусть;
И, как прежде, печальный, понурый,
Я к углу своему потащусь.
Мысли нудные вновь закружатся,
Сердце станет по-прежнему ныть...
Ах, когда б ты могла догадаться,
Как не хочется мне уходить!

1915 (?)

«Звездочка, ты не погаснешь, ясная...»

© Перевод А. Старостин

Звездочка, ты не погаснешь, ясная,
Ты еще родной осветишь край...
Беларусь, невольница несчастная,
Встань и на свободный путь вступай...

1915 (?)

«Беларусь, твой народ повстречается...»

© Перевод А. Кочетков

Беларусь, твой народ повстречается
С ярким солнцем встающего дня.
Посмотри, как восток разгорается,
Сколько в тучках далеких огня!..

1915 (?)

ДОЛЯ МУЖИКА

© Перевод Б. Ирнин

Расскажи мне, мужик,

Как к нужде ты привык?
Ступишь ты на порог —
Всюду плесень да мох.
Всё богатство твое —
Лишь бурьян да гнилье.

1915 (?)

БЕЛАРУСЬ

© Перевод А. Прокофьев

Беларусь, Беларусь!
Огнем имя твое мне горит
И с песнею матери вольно несется,
Страшным огнем в разговоре стоит,
В гневе громом мне в грудь отдается.
Как невеста в семье трудовой,
Ты приданого не накопила,
Все богатства души огневой
Сестрам гордым своим подарила.

1915 (?)

«**Всё проходит — и радость, и муки...»**

© Перевод Б. Ирнин

Всё проходит — и радость, и муки,
Только образ запомнится твой:
Брови темные, узкие руки
И головки пробор золотой.

1915 или 1916

СТИХИ БЕЛОРУССКОГО ЛАДА

1. БЕСЕДНАЯ

© Перевод А. Прокофьев

А челом, челом, мои гостюшки,
Собирайтесь на беседушку,
На беседушку в хату новую,
В хату новую — сосновую,
Да за столики точеные,
Да за скатерти беленые,
Ой, беленые-самотканые
И узоры вышиванные;
Вышивала их я в семь шелков,
Вышивала коршуновый суд.
Он суд дает — пересуд берет,
С больших птиц он брал хоть по перышку,
А с меньших — так и целый хвост.
Приходил тут мужик-воробей,
Он синицу-тещу в суд ведет
В ноги коршуну поклоны бьет.
Не промолвил он своей жалобы,
Да как начался и треск и стук.
Как вспорхнули все, испугалися,
Разлетелись, кто куда сумел.

Галка только задержалась,
Да потом куда-то девалась, —
И узоров не осталось.
Но красна беседа не узорами
И не скатертью свежезастланной,
А хорошею речью ласковой.

2. «Как пришла я на ток молотить...»

© Перевод А. Прокофьев

Как пришла я на ток молотить,
Думу вздумав, застоялася
И нежданно рассмеялася.
Даже стыдно на домашних взглянуть:
Не почуяли ль, трясучка на них,
Отчего мое личико смеется,
Отчего мое сердечко бьется.

3. «Хоть и звездочка — да не вечерняя...»

© Перевод А. Прокофьев

Хоть и звездочка — да не вечерняя,
И любимая — да не верная.
Полюбила, словно яхонт подарила.
Яхонт-камень — сердцу он на гореваньце,
Мне с любовью расставаньце.

1915 или 1916

ЛЯВОНИХА

© Перевод А. Прокофьев

Ах, Лявониha, Лявониha моя!
Вспомяну тебя хорошим словом я, —
Черный пух твоих изогнутых бровей,
Очи яркие — найди их веселей!
Вспомяну твою походочку и статью,
Вспомяну, как ты умела целовать.
Ой, Лявониha, Лявониha моя!
Ты певала голосистой соловья.
В пляске первым отбивал твой каблучок
И «метелицу», и «юрку», и «бычок».
Рожь ли жала, не жалея своих сил,
Там Лявон твой восхищенья не таил!
Ой, Лявониha, Лявониha моя!
У бедовой полдеревни кумовья.
Знала ты, как пригласить и угостить,
И уважить, и в тоске развеселить.
Знала к месту слово доброе сказать,
А минутой — к сердцу накрепко прижать.
Ой, Лявониha, Лявониha моя!
Дай же бог тебе счастливого житья.
Дай на свете белом радостно прожить,
Всех вокруг как веселила — веселить,
Чтоб не раз тебя с отрадой вспомнил я.

Ой, Лявониha, Лявониha моя!

1915 или 1916

«На Лявоновой рубахе вышиты голубки...»

© **Перевод М. Комиссарова**

На Лявоновой рубахе вышиты голубки;
Я за то их вышивала, что целует в губки.
На Семеновой рубахе вышиты листочки;
Я за то их вышивала, что целует в щечки.
На Софроновой рубахе вышиты подковки;
Я за то их вышивала, что целует в бровки.

1915 или 1916

СКИРПУСЯ

© **Перевод А. Кочетков**

Ой, пошла наша Скирпуся на базар
Поглядеть, какой повывезли товар:
 То ль ворона, то ль сова,
 То ль Скирпусенька-вдова.
Продала она коня,
Сторговала селезня,
Селезничка хохлатенького,
Молодого да ладненького.
 От покупки от такой
 Извелась она душой:
 Селезничек умывается,
 Сам глядит да озирается,
 Озирается на улочку,
 Не приметит ли где уточку,
 Селезничек — Ивашечка,
 Он целуется с Наташечкой.

1915 или 1916

АГАТА

© **Перевод А. Кочетков**

Быстро шла я... И вспомнить-то жутко:
Жгли у ратуши ведьм городских.
«Глянь, Агата, — вдруг шепчет Марутка,—
Ты встречала красавцев таких?»
Рыцарь ехал задумчив, спокоен,
Золотой колыхался шелом, —
Как Георгий святой, славный воин,
Был он строен и ясен челом.
Не забыть мне той встречи мгновенной...
Ах, когда б еще раз повидать
И коня, и убор драгоценный —
Всю знакомую гордую статью!
День за днем я сажу у оконца,
Нить пряду, проклиная кудель,
И гудит, всё гудит веретенце,
Словно в поле далеком метель.

Ах, зачем, почему омрачила
Я свои молодые года:
Ах, зачем, почему не спросила,
Кто такой он и едет куда!
Лишь узнать бы — фигурку из воска
Милым именем я окрещу,
Выйду в поле и на перекрестке
Я залятье свое нашепчу.
И сквозь посвист, сквозь бурю ночную,
Под напев придорожных раки
Я так близко, так близко почую
Набегающий цокот копыт.
Пусть вовек не вернуть мне покоя,
Пусть спасенье свое погублю,
Только знаю — увижу его я
И окажу наконец, как люблю!

1915 или 1916

«Когда полосу огневую...»

© **Перевод А. Кочетков**

Когда полосу огневую
На западе солнце проводит,
Оставивши башню немую,
В свой сад королева выходит.
Вот шмель прогудел бархатистый,
Вот — мушка, нежней изумруда.
Высоты лазорево-чисты...
Вдруг птичка спорхнула оттуда.
Спорхнула — и звонко запела,
Что есть и весна, и мечтанья,
И жизнь, и любовь без предела,
И первая боль расставанья.
Тоскливо глядит королева,—
Проснулись мечты молодые...
Король озирается гневно,
И хмурит он брови седые.

1915 или 1916

«Молодые года...»

© **Перевод Н. Глазков**

Молодые года,
Молодые желанья,
Где там горе-беда?
Только радость свиданья.
Помнишь только красу
И черты дорогие:
Золотую косу
И глаза голубые;
Темный сад-виноград
И под яблоней встречи,

Жгучий, огненный взгляд
И горячие речи.
Будь вся жизнь молода
Вечно светлыми днями!
Пролетайте, года,
Золотыми огнями!

1915 или 1916

«Выхожу во двор пустой и сонный...»

© Перевод Б. Ирнин

Выхожу во двор пустой и сонный.
Грустно в нем, но радостно мне всё ж.
Как не счесть нам звезд в ночи бездонной,
В сердце светлых мыслей не сочтешь.
Много знал я горечи с тоскою,
Что щемила, мучила и жгла...
Всё прошло, всё утекло водою, —
Молодость осталась, не прошла!

1915 или 1916

«Стужа, мрак... И опять я хвораю...»

© Перевод П. Кобзаревский

Стужа, мрак... И опять я хвораю,
В сердце мыслей докучных угар.
Заварить бы горячего чаю,
Разогреть бы скорей самовар!
Запоет он и тонко и тихо,
Засияет внизу огоньком,
И развеется темное лихо
Над согретым моим уголком.

1915 или 1916

«Вижу, пора позавидовать бедному Марку...»

© Перевод А. Кочетков

Вижу, пора позавидовать бедному Марку.
Юность плывет, и мечты без следа улетели.
Эх, да и кто ж надоумил суровую Парку
Нитку мне прясть из такой незавидной кудели?
Тихо гуденье и пенье ее веретенца,
Тянется, тянется длинная серая нитка,
Тянутся серые дни без просвета, без солнца.
Нет, не дожидаться мне счастья, добра и прибýtка!
Хоть бы не серую — черную ты выпрядала,
Пусть поднесла бы мне горя — да полную чарку;
Только и горя такого изведаль я мало.
Вижу, пора позавидовать бедному Марку.

1915 или 1916

«Непогожий вечер. Хватит, друже, грусти!..»

© Перевод В. Державин

Непогожий вечер. Хватит, друже, грусти!
Чтоб печаль развеять, тихо запеваю:

«Ой, летели гуси да с-под Белой Руси,
Всколыхнули воду тихого Дуная!»
Есть любовь, измена, боль разлуки лютой;
Много испытаний суждено судьбою...
Я пою всё громче про любовь — про чью-то...
Да печали в песне больше уж не скрою.

1915 или 1916

«Мы с тобою вдвоем при огне в тишине...»

© Перевод Н. Браун

Мы с тобою вдвоем при огне в тишине,
Свой рисунок на крашенке пишешь ты мне.
Как печальны твои молодые года!
Сколько раз тебя в жизни томила беда!
Что она натворила, лихая, с тобой,
Над душой насмеялась твоей молодой!
Ты рисуешь — взгляни, как безрадостен цвет,
Ни штриха, ни узора здесь яркого нет.
Не старуха ль водила рукою твоей?
Ты года молодые свои пожалей.
Жизнь твоя пролетит, пробежит — не догнать,—
Не забудь же ты красок веселых достать.

1915 или 1916

ПОГОНЯ

© Перевод М. Талов

Только в сердце тревожном почую
За отчизну любимую страх —
Вспомню Острую Брамму святую,
Грозных всадников на скакунах.
В белой пене проносятся кони,
Мчатся, тяжело храпя, во всю прыть...
Стародавней Литовской Погони
Никому не сдержать, не разбить.
В неоглядную даль вы летите,
А за вами, пред вами — года.
И за кем вы в погоню спешите?
Где ваш путь и ведет он куда?
Иль они, Беларусь, понесли
За сынами родимой земли,
Что отвергли тебя, отреклися,
Отреклися и в плен увели?
Бейте в сердце их, бейте мечами,
Чтоб вовек им чужими не стать!
Пусть узнают, как сердце ночами
Изнывает за родину-мать...
Мать-отчизна! В лихую годину
Не уймется щемящая боль...
Ты прости, ты прими к себе сына!
За тебя умереть мне позволь!..

В даль летят и летят эти кони,
Звонкой сбруей гремя, во всю прыть...
Стародавней Литовской Погони
Никому не сдержать, не разбить...

1916

СТРАТИМ-ЛЕБЕДЬ

© Перевод Н. Браун

То не ангел в трубу вострубил —
Бог из тучи Ною говорил:
«Чаша гнева моего до краев полна
На грехи людей, на бесчинства их.
Вот наступит година суровая,
Хлынут с неба ливни безмерные
И омоют от смрадной нечисти
Землю всю они, белый вольный свет».
Начинал тут Ной строить свой ковчег
Из того дерева ливанского.
Ширина того ковчега — сто локтей,
А длина — поболее тысячи.
Собрал туда Ной и птицу и зверей,
Чтобы не исчез их род с земли,
Да не плыл к нему с моря синего
Стратим-лебедь — птица гордая.
У него обычаи — орлиные,
У него утехы — соколиные,
Перья-перышки белеются
Да на зорьке пламенеются.
У него в крыле перьев триста три:
Он взмахнет крылом — будто бор шумит,
Он взмахнет другим — что метель гудит.
Как польют дожди — потекла вода,
Половодья сильней разлилась она,
Затопила все луга-поля,
Все луга-поля, все леса-боры;
Вот уж выше гор подымается,
Птицы в небе стаяй кружатся,
Стонут жалобно, от тоски кричат,
Смотрят-ищут, где приют найти.
А по всей земле только волны бьют,
Только волны бьют белой пеною,
И по тем волнам смелый плавает
Стратим-лебедь — птица гордая.
Как взмахнет крылом — будто бор шумит,
Как взмахнет другим — что метель гудит.
И насели тут на лебеда
Птицы малые целой стаею.
Он из силы выбивается,
Только б птицы успокоились.

День он плавает, другой-третий день,
На четвертый стал просить-молить:
«Вы взлетите хоть на времечко,
Выбиваюсь я из последних сил;
Дайте грудью мне, эй, вольней вздохнуть,
Дайте крыльями, эй, сильнее взмахнуть!»
Не послушались птицы лебедя,
Потемнело у него в глазах,
Крылья сильные подломились,
Голова под воду опустилася,—
И пошел на дно моря синего
Стратим-лебедь — птица гордая.
Ото всех теперь потомки есть,
Только нет одних — Стратимовых.

1916

«Набегают оно...»

© Перевод П. Кобзаревский

Набегают оно
Вечерами, ночами,
Открывает окно
И шуршит за кустами.
Напевает одну
Стародавнюю сказку
Про любовь и весну
И про девичью ласку.
Сердцу снится краса —
След ноги на песочке,
Золотая коса,
Синеватые очи.
Как забудусь я сном
В синеватые ночи, —
Прилетаешь ты в дом,
Тихо смотришь мне в очи.

1917

«Пролетайте вы, дни...»

© Перевод А. Прокофьев

Пролетайте вы, дни,
Золотыми огнями,
А умру молодым —
Облетайте цветами...

1917

«В том доме, где глаза закрою...»

© Перевод А. Прокофьев

В том доме, где глаза закрою,
В краю чудесном у синей бухты,
Я не один — книга со мною
Из типографии Мартина Кухты.

1917

СТИХОТВОРЕНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

«Хорошо прозрачной теплой ночью мая...»

Хорошо прозрачной теплой ночью мая
В травах светляков зеленый свет горит.
Хорошо на небе россыпь золотая
Звезд блестящих переливчато дрожит.
В этот час душа широко раскрывает
Крылья белые, помятые житьем,
И, взмахнувши вольно ими, улетает
В царство сказки, всё овейное сном.

1910

«Слушай, Рона, эту сказочку про „гагу“...»

Посвящаю В. Д. Золотаревой
Слушай, Рона, эту сказочку про «гагу»:
Мама просит, чтоб в кровать она легла;
«Гага» маме говорит: «Не лягу», —
Мама «гагу» «амке» отдала.
Если, Роночка, ты встанешь спозаранку
Или если спать не будешь по ночам, —
Позову я к нам большую «амку»,
Этой «амке» Роночку отдам.

1911

«В горячем споре возражая беспрестанно...»

В горячем споре возражая беспрестанно,
У ней я ручку безотчетно взял,
И вдруг, играя ей, нечаянно, нежданно,
Но горячо поцеловал.
Я не шептал тогда: «Безумно вас люблю я»
Иль: «Я теперь про целый мир забыл»,
Но, чередую пальчики целуя,
Я тихо, тихо говорил:
«Сорока-ворона
Кашку
Варила,
Деток
Кормила;
Этому дала,
Этому дала,
Этому дала,
А этому не дала:
Ты мал,
Глуп,
Воды не носил,
Дровец не рубил;
Тебе кашка
На полочке
В черепичке.
Шух-шух, полетели,

На другую ручку сели».
С каким смущеньем я, когда душа очнулась,
Взглянул, поднять не смея головы,
И вижу — милая тихонько улыбнулась,
Как, может быть бы, улыбнулись вы.

<1912>

СОНЕТ («Что с того, что стих в душе кипит?..»)

Суровый Дант не презирал сонета.

А. Пушкин

Что с того, что стих в душе кипит?
Он через холод мысли протекает
И тут лишь твердость формы обретает,
Как воск, что при гаданьи в воду влит.
Поэт всегда обдуманно творит.
В тот миг, когда вал чувства грудь вздымает,
С мерилом ум холодный выступает:
Он взвесит всё, проверит, расчленит.
Таков и ты, чертящий над землею
Ночное небо яркою дугою,
Блестящий, золотистый метеор.
Горишь ты, оплавляешься, несешься,
Весь в искрах огневых, за кругозор,
А в глубине холодным остаешься.

Между 1909 и 1913

«Смех и говор. В пестрой юбке обезьянка...»

Смех и говор. В пестрой юбке обезьянка
Корчит уж «как баба ходит по воду»,
И гудит «Тоску по родине» шарманка;
Я же к птичке в клетке «счастье» брать иду.
Но с таким стараньем клювом вынимает
Птичка серая мне голубой билет,
Что душа невольно верить ей желает:
«Не обманешь?» — «Нет!»
— «Серьезно, птичка, нет?»

Между 1909 и 1913

«Прочтите с участием правдивую эту...»

Прочтите с участием правдивую эту,
Печальную быль.
Упали горячие, чистые слезы
На серую пыль.
Сверкали дрожащие чистые слезы,
Срываясь, катясь.
Но в душной и серой пыли обратились
В холодную грязь.

Между 1909 и 1913

КОСТЕЛ СВ. АННЫ В ВИЛЬНЕ

Чтоб заживить на сердце раны,
Чтоб освежить усталый ум,

Придите в Вильну к храму Анны,—
Там исчезает горечь дум.
Изломом строгим в небе ясном
Встает, как вырезной, колосс.
О, как легко в порыве страстном
Он башенки свои вознес!
А острия их так высоко,
Так тонко в глубь небес идут,
Что миг один — и, видит око,
Они средь сини ввысь плывут.
Как будто с грубою землею
Простясь, чтоб в небе потонуть,
Храм стройный легкою стопою
В лазури пролагает путь.
Глядишь — и тихнут сердца раны,
Нисходит мир в усталый ум.
Придите в Вильну к храму Анны!
Там исчезает горечь дум.

Между 1911 и 1913

ЧЕТВЕРНОЙ АКРОСТИХ

Ах, как умеете Вы, Анна,
Не замечать, что я влюблен.
Но всё же шлю я Вам не стон,
А возглас радостный: осанна!

1912 или 1913 (?)

«Уймитесь, волнения страсти...»

Уймитесь, волнения страсти,
Усни, безнадежное сердце.
 Угрюмо, тоскливо
Неситесь года за годами,
 Угрюмо, тоскливо.
Одну лишь таю я надежду:
У Ани родится ребенок,
 Похожий на маму,
С глазами, как темные звезды,
 Похожий на маму.
Отдам свою жизнь ему в руки, —
Пускай тогда будет что будет:
 Иль пусть он в ручонках
Сломает ее, как игрушку,
 Иль пусть он в ручонках
Согреет мне сирое сердце.

1912 или 1913 (?)

ЗЕЛЕНАЯ ЛЮБОВЬ

По улице, смеясь, шая,
Проходят бойко гимназисточки.
Их шляпок зыблются поля,
И машут нотных папок кисточки.

Болтают, шутят, не боясь,
Что их сочтут еще зелеными.
Но чья б душа не увлеклась
Коричневыми рапионами^[96].
Вон, словно цапля, за одной
Кокетливой вертиголовкою
Кадет, высокий и прямой,
Идет походкою неловкою.
Близка уж стужа зимних дней;
Покрыта вся панель порошею.
Царица дум его по ней
Чеканит мелкий след калошею.
Волнуясь, кадет идет,
В ее следы попасть старается.
А сердце в грудь всё громче бьет
И тихим счастьем озаряется.

Между 1909 и 1915

«Я вспоминаю Вас такой прекрасной, стройной...»

Я вспоминаю Вас такой прекрасной, стройной,
И тайно мне милы и голос Ваш, и смех,
И теплота руки, и взор очей спокойный,
И легкой шапочки морозный, темный мех.
Три года протекли, как нам пришлось расстаться.
Не посещай меня, воспоминаний час!
От них проснется боль, и мысли омрачатся,
И горечь всё зальет... Я вспоминаю Вас.

Между 1909 и 1915

«Зачем грустна она была...»

Зачем грустна она была
Тогда, в минуты упоенья,
Когда прекрасного чела
Еще не тронули мученья?
Зачем грустна она была?
 Душа ее, влюбленная
 Под чарами весны,
 Увидела, смущенная,
 Пугающие сны.
Зачем смеялася она
Тогда, в минуты расставанья,
Когда душа была больна
И пело в ней мольбы рыданье?
Зачем смеялася она?
 Душа, что наполнялася
 Страданьем через край,
 С отчаянья смеялася,
 Припомнив прежний рай.

Между 1909 и 1915

ИКРА

(Якобы басня)

На масленице слышал я от друга:
«Не говорите никогда мне про икру,
А особливо — ввечеру.
Есть у меня к ней отвращенье, род недуга.
Черна, жирна,
Противна мне она,—
Ее я ненавижу.
Тот день, когда ее законом воспретят.
Всегда мне будет свят.
Лишь только я икру завиху,
Как в душу водворяется тоска,
И кажется, что жизнь пуста и нелегка,
Что скоро превращусь я в идиота
И что бесцельна вся моя работа.
Ах, не глядели б на икру мои глаза!
Но всё же иногда случайно взгляд наткнется,—
И тотчас же невольно навернется
Горячая слеза.
Ведь даже, верьте, так бывает,
Что сердце с болью замирает,
И я, печальный взор вперяя в потолок,
Мечтательно гляжу на ламповый крючок.
Да, так и знайте!
Коль я безвременно умру,
Причиной смерти называйте —
Икру».
«Что ж, ваш приятель,
Конечно, идиосинক্রазией страдал»,—
Быть может, так бы мне сказал
Догадливый читатель.
Но к стати ль?
Сомнительно. «Так он, должно быть, лицемер!
О, гнусной лжи разительный пример!
Как это скверно!»
Опять неверно.
«Но неужели он аскет?»
О, нет.
Вот ключ к разгадке излиятий странных:
Приятель, что передо мной скорбел,
Ведет в большом издании отдел
Известий иностранных.
Теперь, наверно, моего знакомого
Поймет душа сатириконтца.
Для прочих же могу добавить лишь одно:
Густое черное пятно,
На место вредное газеты заграничной
Наложенное к щедрости привычной

Решительною цензорской рукой,
Зовется образно «икрой».

Между 1909 и 1915

ОСЕНЬЮ

Ветер гонит желтых листьев стаю.
Коля смотрит и сосет свой пальчик.
Я сижу в мечтах за чашкой чаю,
По чаинкам тоненьким гадаю:
Девочка родится или мальчик.
Не узнать — и бог с ним, не досада.
Всё равно, как ни гадай — ребенок.
Для меня и то уже отрада,
Что, пожалуй, нынче будет надо
Загодя порываться меж пеленок.

<1916>

«Не сердись на меня, тихий друг...»

Не сердись на меня, тихий друг,
Не досадуй, прости, извини:
Слишком много порой жутких мук,
Слишком часты тяжелые дни.
Жизнь ко мне и всегда-то строга,
Но подчас с ней не сладишь никак —
Она жжет и теснит, как врага,
Бьет, как тяжкий железный кулак.
В эти дни я угрюм и суров,
Болен телом и болен душой,
И заплакать, пожалуй, готов
И махнуть безнадежно рукой.
В эти дни не гляди на меня, —
Много их, но не вечно они,
И найдется ж хоть искра огня,
Что согреет и в темные дни!

ПЕРЕВОДЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Из Я. Купалы

ЖНИВО

Созревших хлебов золотые посеvy
За селами, там, где лесов рубежи,
Склонили колосья до самой межи
С призывным шептаньем: мои жнеи, где вы?
И жнеи сошлись. Направо, налево,
Срезая колосья налившейся ржи,
Задвигались быстро серпы, как ножи,
Под жнивные, старые вечно напевы.
Тоскливая древняя песня плывет
В колосьях склонившихся шепчущей нивы
И в пуще теряет свои переливы.
Плывет эта песня ко мне и зовет,
И в сердце, как звонкие косы, поет:

«Ты так же, брат, сеешь... а где твое жниво?»

1910 или 1911

«Для тебя, отчизна предков моих...»

Для тебя, отчизна предков моих,
Ничего не пожалею я на свете.
Я на целый мир воспел бы доли эти
И воздвиг дворцы на кладбищах твоих.
Рад бы я тебя душой согреть,
Солнце взять и звезд небесных, золотых
И венок оплести тебе из них,
Чтоб сияла ты в добытом цвете.
За тебя готов погибнуть я в бою
С той неправдою, что терпишь ты от бога
И от сына своего слепого.
За тебя свою я душу погублю
И за это лишь прошу тебя, молю:
Не гони меня от своего порога.

Из Т. Шевченко

А. О. КОЗАЧКОВСКОМУ

Давно всё это было. В школе
Я у дьячка — учил дьячок —
Стащу удачно пятак
(Ведь был я чуть совсем не голый,
Такой оборвыш) да куплю
Листок бумаги и сошью
Красиво книжечку; крестами,
Узором завитков с цветами
Кругом листочки обведу
И списываю Сквороду
Иль там «Три царие с дарами»
Сам для себя... и в бурьяне,
Чтоб не увидел кто, запрячу
И там пою, а то и плачу.
И довелось снова мне
Под старость с книжками скрываться,
Писать украдкой да стараться
И петь и плакать в бурьяне, —
И тяжко плакать! Кто же знает,
За что господь меня карает?
В ученье, мучаясь, я рос,
В ученье поседеть пришлось,
И на ученье ж в гроб положат;
И это из-за пятака,
Что своровал я у дьячка...
Так вот как бог карать нас может.

<1914>

Н. И. КОСТОМАРОВУ

Лучи веселые играли

В веселых тучках золотых.
Гостей безвыходных своих
В тюрьме уж чаем оделяли
И часовых переменяли,—
Синемундирных часовых.
Но я к дверям, всегда закрытым,
К решетке прочной на окне
Привык немного — и уж мне
Не было жаль давно пролитых,
Давно сокрытых и забытых
Моих кровавых тяжких слез.
А их немало пролилось
В пески полей, сохой не взрытых.
Хоть рута, хоть бы что взошло!
И вспомнил я свое село, —
Кого-то в нем я там покинул?
В могиле мать, отец загинул...
И горе в сердце низошло:
Кто вспомнит, в ком найду я брата?
Смотрю, — к тебе, чтоб повидать,
Земли черней, мой друже, мать
Идет, с креста как будто снята.
Господь, тебя я восхваляю!
За то спою свой гимн суровый,
Что я ни с кем не разделю
Мою тюрьму, мои оковы.

Между 1911 и 1916

В НЕВОЛЕ

В Украине ли, в Сибири ль будут
Томить — не всё равно ли мне?
И не забудут иль забудут
Меня в далекой стороне —
Мне одинаково вдвойне.
В неволе взросши, меж чужими,
Я, не оплаканный своими,
В неволе плача и умру
И всё в могилу заберу;
И сгинет след мой, как в пустыне
На нашей славной Украине,
На нашей — не своей земле.
И не промолвит мать сыну,
Не скажет горестно: «Молись,
Молись, сынок: за Украину
Его замучить собрались».
И что мне — будет иль не будет
Он так молиться в тишине?
Одно не безразлично мне:
Что Украину злые люди

Приспят, ограбят — и в огне
Ее, убогую, разбудят...
Ох, как не безразлично мне!

Между 1911 и 1916

«В неволе тяжко... хоть и воли...»

В неволе тяжко... хоть и воли
Узнать, пожалуй, не пришлось;
Но всё-таки кой-как жилось,—
Хоть на чужом, да всё ж на поле...
Теперь же тяжкой этой доли,
Как бога, ждать мне довелось.
И жду ее и поджидаю,
Свой глупый разум проклиная,
Что дал себя он затемнить
И в луже волю утопить.
И стынет сердце, если вспомнит,
Что не в Украине похоронят,
Что не в Украине буду жить,
Людей и господу любить.

Между 1911 и 1916

«И серое небо, и сонные воды...»

И серое небо, и сонные воды...
Вдали над берегом поник
Без ветра гнущийся тростник,
Как пьяный... Боже, гибнут годы!
Что ж, долго ли придется мне
В моей незамкнутой тюрьме,
Над этим бесполезным морем,
Томиться тяжкой жизни горем?
Молчит иссохшая трава
И гнется, словно и жива;
Не хочет правды говорить.
А больше некого спросить.

Между 1911 и 1916

«Готово! Парус распустили...»

Готово! Парус распустили
И двинули не без усилий
По синим волнам в Сыр-Дарью
С баржой баркас неторопливый.
Прощай же, Кос-Арал тоскливый!
Всё ж грусть проклятую мою
Ты разгонял два года целых.
Спасибо! Сам себя хвали,
Что люди и тебя нашли
И знали, что с тобою сделать.
Прощай, товарищ! Ни хвалы
И ни упрека не слагаю
Твоей пустыне; в новом крае,

Быть может, вспомяну, как знаю,
О прошлых днях тоски и мглы.

Между 1911 и 1916

Из В. Самийленко

«Те, что в холодных сердцах любви ни к кому не имеют...»

Те, что в холодных сердцах любви ни к кому не имеют,
Нам говорят, что они мир весь хотят полюбить.
Вот где сердец широта! В них каждому место найдется!
Только я в сердце таком места не стал бы искать.
Скажут они, что работают сразу для целого мира,—
Где же народ на земле, пользу имевший от них?
Пусть только каждый распашет свое неширокое поле,
И зацветет вся земля цветом прекрасным везде.
Каждый трудится пускай только хоть для родного народа, —
И все народы земли счастливы будут тогда.

Между 1911 и 1916

Из И. Франко

НА РЕКЕ ВАВИЛОНСКОЙ

На реках вавилонских тамо седоком...
На реке вавилонской — и я там сидел,
На разбитую арфу угрюмо глядел.
Вавилоняне вокруг издевались толпой:
«Что-нибудь про Сион, про Фавор нам запой!»
— «Про Сион? Про Фавор? Их уж слава в былом:
На Фаворе — пустыня, в Сионе — разгром!
Нет, иную я песню для вас изберу:
Я родился рабом и рабом я умру.
Появился на свет я под свист батогов,
Вырос в рабской семье, средь отчизны врагов.
С детства я приучился бояться господ
И с улыбкой смотреть, как томят мой народ.
Мой учитель был пес, что на лапки встает
И что лижет ту руку, которая бьет.
Пусть возрос я, как кедр, что венчает Ливан,
Но душа моя — словно ползучий бурьян.
Пусть я пут не носил на руках, на ногах,
Но ношу в своих нервах невольничий страх.
Пусть мечтой о свободе душа пожила б,
Но ведь кровью я — раб! Но ведь мозгом я — раб!
Вавилонские жены! Лицо наклоня,
Проходите скорей, не взглянув на меня,
Чтоб не пало проклятье мое на ваш плод,
Не пришлось бы рабом наделить нам народ.
Вавилонские девы! Держитесь вдали,
Чтобы тронуться ваши сердца не могли
И чтоб тяжкая вам не судила судьба
Повторять про себя: „Полюбила раба“».

<1915>

Из А. Крымского

«Пальмы гордые и лавры...»

Пальмы гордые и лавры,
Кипарисы до небес,
Океан цветов роскошных,
Померанцев дивный лес.
Я шатаюсь, опьяненный
Ароматною весной.
Вдруг смотрю — в тени под пальмой
Колосок простой ржаной.
«Гэй, земляче! — шепчет колос,
Наклоняясь тяжело, —
Раю этому мы чужды,
Что ж сюда нас занесло?»

Между 1911 и 1916

«Теплый гром. Цветя, черешня...»

Теплый гром. Цветя, черешня
Пьет медвяную росу...
Я поднял листок иссохший
И, задумавшись, несу.
Всё свежеет. В гrome бури
Обновилась земля...
Ведь навеки омертвела
Только ты, душа моя.

Между 1911 и 1916

Из Арвера

СОНЕТ («Святую тайну глубь моей души скрывает...»)

Святую тайну глубь моей души скрывает,—
В ней вечная любовь оттиснула печать.
Но, мучась без надежд, я принужден молчать:
Виновница любви о ней совсем не знает.
Увы! Она меня всегда не замечает,
И, рядом с ней идя, я одинок опять...
Так дни мои пройдут... Но ничего мне дать —
Не смевшему просить — она не пожелает.
Ее господь создал и нежной и не злой.
И всё ж, не слушая слов страсти за собой,
Рассеянно она пойдет тропой своею
И, строго чистая, невинная, шепнет,
Читая этот мой сонет, весь полный ею:
«Кто ж эта женщина?» И, знаю, не поймет.

Между 1909 и 1915

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание ставит своей задачей познакомить русского читателя с историей белорусской поэзии дооктябрьского периода. В книге представлено творчество всех видных поэтов, сыгравших существенную роль в развитии белорусской поэзии — от ее первых шагов до эпохи расцвета, ознаменованной именами таких выдающихся мастеров, как Янка Купала, Якуб Колас, Максим Богданович.

Ввиду того что во втором издании Большой серии «Библиотеки поэта» творчеству Я. Купалы и Я. Коласа будут посвящены отдельные сборники, в эту книгу их произведения не включены.

При отборе текстов для настоящего издания составитель руководствовался стремлением шире показать наиболее интересные и плодотворные явления белорусской поэзии, преимущественно те из них, которые тесно связаны с освободительным движением и революционно-демократической мыслью Белоруссии XIX — начала XX вв. Таким образом, одни поэты представлены здесь лишь отдельными произведениями (например, В. Дунин-Марцинкевич), другие — почти с исчерпывающей полнотой (Ф. Богушевич, Тетка и М. Богданович). Не включены в сборник стихи белорусских поэтов (Дунина-Марцинкевича, Лучины, Богушевича), написанные на польском языке.

При отборе переводов для данного сборника использованы издания: «Антология белорусской поэзии» (Л., 1948); «Антология белорусской поэзии» (М., 1952)); Ф. Богушевич. Избранное (М., 1953); Алоиза Тетка. Избранное (М., 1953); М. Богданович. Избранные произведения (М., 1953).

Многие произведения, вошедшие в этот сборник, переведены на русский язык впервые. Это — произведения В. Дунина-Марцинкевича, А. Гуриновича, некоторые стихотворения Лучины, Богушевича, Тетки и большое количество стихотворений Богдановича.

Переводы, напечатанные в сборнике, сделаны или выверены по наиболее авторитетным изданиям и публикациям, в которых учтена последняя авторская редакция текста.

Перевод поэмы «Тарас на Парнасе» выверен по изданию: «Энеїда навыварат. Тарас на Парнасе» (Минск, 1953).

Перевод стихотворения П. Багрима «Эй, берись, парнишка малый...» выверен по изданию: «Анталогія беларускай паэзіі», т. 1 (Минск, 1961).

Произведения В. Дунина-Марцинкевича, напечатанные в нашем сборнике, переведены по изданию: В. Дунін-Марцінкевіч. Збор твораў (Минск, 1958).

Переводы стихотворений Я. Лучины, помещенные в данном сборнике, сделаны или выверены по изданию: Янка Лучына. Выбраныя творы (Минск, 1953). Стихотворения «Всей труппе господина Старинного Белорусское слово» и «Пора новогодняя скоро наступит...» переведены по сборнику «Беларускія пісьменнікі другой паловы XIX стагоддзя» (Минск, 1956).

Переводы стихотворений Ф. Богушевича выполнены по текстам следующих изданий: Ф. Багушэвіч. «Дудка беларуская. Смык беларускі» (Минск, 1922); Ф. Багушэвіч. Выбраныя творы (Минск, 1952); стихотворение «Госпоже Ожешко», не входившее ранее в сборники произведений писателя, переведено по тексту, напечатанному в сборнике «Беларускія пісьменнікі другой паловы XIX стагоддзя» (Минск, 1956).

Переводы стихотворений Гуриновича сделаны по сборнику «Беларускія пісьменнікі другой паловы XIX стагоддзя» (Минск, 1956).

Стихотворения Тетки переведены (а опубликованные ранее переводы выверены) по текстам следующих изданий: Творы Цёткі (Минск, 1934); Цётка. Выбраныя творы (Минск, 1952). Стихотворение «Открывай скорее, пани...», не входившее ранее в сборники произведений поэтессы, переведено по тексту, опубликованному Л. Бендэ в статье «Невядомыя творы Цёткі» («Беларусь», 1947, № 6).

Переводы произведений М. Богдановича выполнены по текстам двух академических изданий: 1. Творы, тт. 1–2 (Минск, 1927–1928); 2. Творы. Вершы. Апавяданні. Нарысы (Минск, 1957). В двухтомник вошли все известные к тому времени произведения Богдановича (стихи, проза, публицистика), опубликованные в сборнике «Венок», в периодических изданиях, а также сохранившиеся в архиве поэта. В издание 1957 г., помимо материалов двухтомника, включены также произведения Богдановича, найденные и опубликованные за последние годы. Тексты многих стихотворений по сравнению с изданием 1927–1928 гг. уточнены.

В настоящем сборнике стихотворения, не вошедшие в собрания сочинений Богдановича, даны по первым публикациям: стихотворение «Беларусь» переведено по тексту, напечатанному в альманахе «Беларуси календар на 1927 год» (Вильна, 1927); стихотворение «Не сердись на меня, тихий друг...» печатается по публикации С. Александровича в газете «Літаратура і мастацтва» (1957, от 25 мая).

Сведения об архиве Богдановича (погибшем в годы, когда Минск был оккупирован фашистами) почерпнуты из двухтомного академического издания (Творы. Минск, 1927–1928), где было опубликовано многое из рукописного наследия поэта, а в приложениях дано подробное описание его архива. Важным источником, позволившим уточнить датировку многих стихотворений и установить последнюю авторскую редакцию текста, были обнаруженные в архиве Богдановича два экземпляра «Венка» с пометками автора. Таким образом, двухтомник 1927–1928 г. стал основным источником сведений о рукописном наследии Богдановича. Ценные извлечения из рукописей имеются и в диссертации Г. С. Железняка «Поэзия М. Богдановича» (1941), автор которой работал над архивом поэта.

Композицию сборника определяет хронология. Поэты представлены здесь в той последовательности, в какой они выступали в белорусской литературе; внутри каждого из разделов материал также расположен в хронологической последовательности.

Около половины книги занимает раздел, посвященный творчеству замечательного белорусского лирика М. А. Богдановича. Этот раздел строится из трех частей. В первой воспроизводятся почти все оригинальные стихотворения из единственного прижизненного сборника Богдановича «Венок», состоящего из ряда циклов, композиция которых была столь тщательно продумана автором, что нарушить ее не представляется целесообразным. Структура этой книги нами полностью сохранена. Учтено также намерение поэта включить в состав сборника цикл «Любовь и смерть» (вслед за циклом «Мадонны»), который по неизвестным причинам в книгу не вошел и при жизни автора не был опубликован (см.: М. Багдановіч. Творы, т. 1. Минск, 1927, стр. 469–470).

Вторую часть составляют стихотворения, не вошедшие в «Венок». Наконец, в третьей собраны стихотворения Богдановича, написанные им на русском языке.

Некоторые стихотворения поэта были им самим переведены на русский язык. Эти переводы публикуются здесь без выделения в особый раздел, но все они оговорены в примечаниях и оглавлении. Лишь в немногих случаях, когда автопереводы слишком далеки от белорусских оригиналов, они приведены в примечаниях. (Об истории автопереводов см. примечание к стихотворению «Слышишь гул? Это дико-печальный лесун...»).

Даты первой публикации или год, не позднее которого могло быть написано стихотворение, заключены в угловые скобки. Знак вопроса в круглых скобках означает, что дата указывается приблизительно. В примечаниях оговариваются лишь те случаи, когда мы меняем или уточняем датировку стихотворения. Не имеют точной датировки произведения Богушевича, и поэтому мы даем их в том порядке, в каком расположил их автор в своих сборниках «Дудка белорусская» и «Смычок белорусский» (даты, проставленные в тексте, — это даты опубликования стихотворений в указанных сборниках). Последние три стихотворения опубликованы были после смерти поэта, уже в советское время.

Пояснения мифологических имен, малоупотребительных слов и белорусской лексики, вошедшей в тексты переводов, вынесены в особый словарь.

«ТАРАС НА ПАРНАСЕ»

Перевод одноименного произведения. Поэма, впервые опубликованная в 1889 г. («Минский листок» от 16 мая), выдержала, начиная с 1896 г., много изданий, печаталась в различных сборниках. Попытки установить имя автора поэмы делались неоднократно. Некоторые исследователи называли в качестве автора В. Дунина-Марцинкевича, другие высказывали предположение, что поэма написана студентами Горецкой сельскохозяйственной академии. Теперь доказана необоснованность этих версий (см. об этом вступ. статью С. Майхровича к изданию «Энеида навыварат. Тарас на Парнасе». Минск, 1953). Имя автора поэмы остается пока неизвестным. *На самого Кузьму-Демьяна* — 1 июля (ст. стиля), в день памяти «святых» православной церкви Козьмы и Дамиана. *Какой-то хлопчик, пухлый, томный* и т. д. Здесь и в последующих строках дано описание Амура (Эрота). *Не душите Вы фельетон мой и «Пчелу»*. Имеется в виду Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859), журналист реакционного направления, издатель газеты «Северная пчела», известной своими нападениями на передовую русскую литературу. *Облаять... Как Гоголя запрошлым летом*. Эта строка дала возможность приблизительно установить время написания поэмы: Булгарин, неоднократно выступавший в «Северной пчеле» против Гоголя, подверг нападкам в 1836 г. «Ревизора», а в 1842 г. — «Мертвые души». Упоминание имени Лермонтова в числе известных писателей дает возможность датировать поэму началом 1840-х годов. *Товарищ рядом с ним идет... грамматику*

несет. Имеется в виду Греч Николай Иванович (1787–1867), реакционный журналист, с 1831 г. по 1860-й вместе с Булгариным издавал «Северную пчелу»; автор учебника «Практическая русская грамматика» (1827).

ПАВЛЮК БАГРИМ

«Гей, берись, парнишка малый...». Перевод стихотворения «Заграй, заграй, хлопча малый...». *Крошин* — местечко Минской губернии, родина П. Багрима.

ВИКЕНТИЙ ДУНИН-МАРЦИНКЕВИЧ

Купала. Перевод поэмы «Купала». *Ольгерд* (ум. 1377) — великий князь Литовский (1345–1377).

Стихотворение Наума Приговорки. Перевод стихотворения «Верш Наума Прыгаворкі». *Наум Приговорка* — имя одного из героев комической оперы Марцинкевича «Крестьянка» (музыка С. Монюшко). В 1852 г. в Минске при первой постановке оперы роль Наума исполнил сам Марцинкевич. С тех пор он нередко подписывал свои произведения именем Наума Приговорки. *Аполлинарий Контский* (1823–1879) — польский скрипач и композитор. *Сырокомля Владислав* (1823–1862) — псевдоним польского поэта Людвиг-Владислава Кондратовича. *Монюшко Станислав* (1819–1872) — польский композитор. Все трое посетили Минск в октябре 1856 г. Их принимал в своем доме Марцинкевич. Он прочитал гостям «Стихотворение Наума Приговорки», а дочери поэта в национальных костюмах преподнесли им венки и букеты цветов. *С ляцкой нивы* — из Польши. *С витовой усадьбы* — из Вильны.

ЯНКА ЛУЧИНА

«Не ради славы иль расчета...». Это первое опубликованное стихотворение Лучины написано на русском языке. «*Листок*». Имеется в виду газета «Минский листок», которая выходила с 1886 по 1894 г.

Всеї труппе господина Старицкого Белорусское слово. Перевод стихотворения «Усей труппе дабрадзея Старыцкага Беларускае слова», написанного во время гастролей в Минске украинской театральной труппы. *Старицкий* Михаил Петрович (1840–1904) — украинский писатель и театральный деятель, один из основателей украинского национального театра. *Щара* — название реки, протекающей в Белоруссии.

По поводу 100-летней годовщины дня рождения лорда Байрона. Написано на русском языке. Байрон родился в 1788 г.

«За горы солнце садится...». Перевод стихотворения «Заходзіць сонца за горы.».

«Не я пою — народ божий...». Перевод стихотворения «Не я пяю — народ божы...».

Погудка. Перевод стихотворения «Пагудка». *Вязаночка*. Имеется в виду сборник Лучины «Вязанка», для которого было написано это стихотворение.

Старый лесник. Перевод 9-й главы поэмы «Стары леснік», единственного сохранившегося на белорусском языке ее отрывка. Полностью поэма напечатана на польском языке.

Сивер. Перевод стихотворения «Сівер». *Северный ветер* — здесь: символ политической реакции. Написано стихотворение после того, как потерпели крах попытки Лучины получить разрешение на издание газеты на белорусском языке.

Что думает Янка, когда везет дрова в город. Перевод стихотворения «Што думае Янка, везучы дровы ў горад».

Родной сторонке. Перевод стихотворения «Роднай старонке».

Весна. Перевод стихотворения «Вясна».

«Пора новогодняя скоро наступит...». Перевод стихотворения «Пакуль новы год настане на свеце...». *Календарь этот*. Стихотворение было напечатано в «Северо-западном календаре на 1892 г.», изданном А. И. Слупским (Минск, 1891).

ФРАНЦИСК БОГУШЕВИЧ

Моя дудка. Перевод стихотворения «Мая дудка». Им открывается сб. «Дудка белорусская».

Мужик дурней вороны. Перевод стихотворения «Дурны мужык, як варона». *От Петра и до Якуба* — с 29 июня (ст. стиля), с «Петрова дня» (когда православная церковь празднует память апостолов Петра и Павла) до 25 июля (ст. стиля), дня памяти «святого» Якуба (Иакова).

Как правду ищут. Перевод стихотворения «Як праўду шукаюць». *С коляд до Покрова* — то есть целый год: от рождественских праздников (с 24 декабря ст. стиля) до праздника Покрова богородицы (1 октября ст. стиля).

В суде. Перевод стихотворения «У судзе». По свидетельству современника, студенческая молодежь часто декламировала «В суде» на вечеринках, концертах, а в 1905 г. — на митингах в Вильне (см.: Е. Хлебцевич. Царскі суд над творами Ф. Багушэвіча. — «Беларусь», 1946, № 11–12).

Волк и овечка. Перевод стихотворения «Воўк і авечка».

Моя хата. Перевод стихотворения «Мая хата».

Правда. Перевод стихотворения «Праўда».

С ярмарки. Перевод стихотворения «З кірмашу».

Дума. Перевод стихотворения «Думка». *В наборе* — сдан в рекруты.

Крестины Матя. Перевод стихотворения «Хрэсьбіны Мацюка». В заключении Петербургского комитета по делам печати «Крестины Матя» были признаны самым опасным стихотворением сборника «Дудка белорусская», возбуждающим «в крестьянах вражду к представителям власти...» (см. сб. «Беларускія пісьменнікі другой паловы XIX стагоддзя». Минск, 1956, стр. 319). Сатирические стрелы против «представителей власти» имели, по свидетельству современника, вполне конкретный адрес — в стихотворении был изображен генерал-губернатор Северо-Западного края князь Хованский (см.: Е. Хлебцевич. Царскі суд над творами Ф. Багушэвіча. — «Беларусь», 1946, № 11–12).

Бог не поровну делит. Перевод стихотворения «Бог не роўна дзеле». В заключении Петербургского комитета по делам печати указано, что это стихотворение «резко противопоставляет неимущую часть населения классу богачей и намеренно науцает бедняку, что его тяжелый труд уходит на содержание притесняющего его господствующего класса» (см.: сб. «Беларускія пісьменнікі другой паловы XIX стагоддзя». Минск, 1956, стр. 321).

Завистник и клад на Ивана Купал у. Перевод стихотворения «Хцівеіц і скарб на святога Яна». *На Ивана Купалу* — в ночь на 24 июня (ст. стиля), когда, по старинному народному поверью, цветет папоротник, приносящий счастье смельчаку, сумевшему побороть злые силы, охраняющие цветок.

Где черт не сможет, туда бабу пошлет. Перевод стихотворения «Гдзе чорт не можа, там бабу пашле». *Яблоко украла Ева*. Имеется в виду библейская легенда о том, как прародительница людей Ева сорвала в райском саду яблоко с дерева познания добра и зла, за что бог изгнал ее и Адама из рая.

Худо будет. Перевод стихотворения «Кепска будзе». *Из калиндарка* — из календаря. *Не приписан... по сказке*. Ревизские сказки — списки лиц, подлежащих рекрутской повинности.

В остроге. Перевод стихотворения «У вастрозе». Оно привлекло особое внимание цензора Петербургского комитета по делам печати, как произведение, которое «возбуждает резкую и жесточайшую вражду не только к отдельным представителям власти, но и вообще ко всему правящему классу как явно негодному и ненужному и опирающемуся на законы, будто бы несправедливые и противные интересам крестьянской массы» (см.: сб. «Беларускія пісьменнікі другой паловы XIX стагоддзя». Минск, 1956, стр. 321). *Равны пред законом и пан и мужик*. Имеется в виду судебная реформа 1864 г., формально провозгласившая «равенство» всех сословий перед судом.

Побывал в пекле. Перевод стихотворения «Быў у чысцы!». *Съезд мировой* — съезд мировых судей.

Смычок. Перевод стихотворения «Смык». Им открывается второй сборник Богушевича — «Смычок белорусский».

ПЕСНИ

Этот цикл стихотворений написан Богушевичем по мотивам белорусских народных песен.

1. Вдова. Перевод стихотворения «Удава».

2. Горе. Перевод стихотворения «Гора».

3. «Аж сорока рассмеялась...». Перевод стихотворения «Аж смялася сарока...».
4. Жених. Перевод стихотворения «Сватаны». *До Святой* — до праздника Пасхи.
5. Невеста. Перевод стихотворения «Сватаная».
6. «Что ты бежишь, мужичок?..». Перевод стихотворения «Чаго бяжыш, мужычок?».
7. «Танцуй, гарцуй, пане...». Перевод стихотворения «Гарцуй, танцуй пане...». *Продай свою славу — Город Варшаву*. Многие крупные землевладельцы в Белоруссии были выходцами из Польши.
8. Колыбельная. Перевод стихотворения «Калыханка».
9. «Веселись, ходи ногами...». Перевод стихотворения «Весяліся, рві з капыта...».
10. Тучки. Перевод стихотворения «Хмаркі».

Панская милость. Перевод стихотворения «Панская ласка».

Зарок. Перевод стихотворения «Ахвяра».

Защита животных. Перевод стихотворения «Скацінная апека».

Баллада. Перевод стихотворения «Балада».

Не всем одна смерть. Перевод стихотворения «Не ўсім адна смерць». Это стихотворение, а также «Панская милость» и «Зарок» вызвали особое негодование цензуры. «В изложенных стихотворениях противопоставлены друг другу два класса, — сказано в заключении Петербургского комитета по делам печати, — с одной стороны — крестьянская масса, представленная подневольной и угнетенной, с другой же — господа, изображенные жестокими, нравственно низкими и грубыми людьми, выступающими в роли командующего класса лишь для эксплуатации безответного народа и для достижения собственного благополучия» (см.: сб. «Беларускія пісьменнікі другой паловы XIX стагоддзя». Минск, 1956, стр. 323).

Не чурайся! Перевод стихотворения «Не цурайся!».

Госпоже Ожешко. Перевод стихотворения «Ясновельможнай пані Арэшчысе». Посвящено польской писательнице Элизе Ожешко (1842–1910), с которой Богушевича с 1887 г. связывали дружба и общие литературные интересы. Поэт переписывался с Ожешко, несколько раз ездил к ней в Гродно (последний раз — в 1893 г.), читал ей свои стихи. «...Это вещи чудесные, они имеют какую-то особенную прелесть...», — писала Э. Ожешко в одном из своих писем о белорусских стихотворениях Богушевича. Она считала необходимым поощрять его литературную работу, помогала ему своими советами. Стихотворение «Госпоже Ожешко» написано в связи с двадцатипятилетием творческой деятельности писательницы (см.: М. Ларченко. Аб некаторых праблемах рэалізма ў творчасці Ф. Багушэвіча. — «Полымя», 1955, № 12). Его должны были поместить в «Юбилейном альбоме», подготовленном к юбилею Ожешко, но цензура не разрешила стихотворение к печати. Оно было опубликовано только в послеоктябрьские годы.

«Ветер завывает...». Перевод стихотворения «Вецер дзьме і вые..». Оно написано незадолго до смерти поэта. Богушевич послал его в письме своему другу С. Нагроцкому.

«Кто на железной струне так играет...». Перевод стихотворения «Хто над жалезнай струной запануе...».

АДАМ ГУРИНОВИЧ

«Говорим спасибо Бурачку Матею...». Перевод стихотворения «Дзякуй табе, браце, Бурачок Матею...», обращенного к Ф. Богушевичу. *Матей Бурачок* — псевдоним, под которым Богушевич издал свой первый сборник стихов. *Ты возьми-ка дудку*. Образ дудки в творчестве Богушевича был символом его поэзии: «Дудкой белорусской» назвал он свой первый сборник, «Дудкой» озаглавил самое значительное из своих программных стихотворений.

«Что за звук заунывный раздался...». Перевод стихотворения «Што за звук ды так громка раздаўся...».

«Что ты спишь, мужичок...». Перевод стихотворения «Што ты спіш, мужычок..». Стих 1 строфы 7 в рукописи зачеркнут.

«Нас душили паны...». Перевод стихотворения «Перш душылі паны...».

Жатва. Перевод стихотворения «Да жніва».

Бор. Перевод стихотворения «Бор».

ТЕТКА

Лето. Перевод стихотворения «Лета».

Осень. Перевод стихотворения «Восень».

Мужицкая доля. Перевод стихотворения «Мужицкая доля». Было напечатано в нелегальном сборнике «Песни», изданном за границей в 1903 г.

А мужик поныне не переменялся. Перевод стихотворения «Мужык не змяніўся». *Коперник* Николай (1473–1543) — польский астроном, автор гелиоцентрической теории строения вселенной.

Музыкант белорусский. Перевод стихотворения «Музыкант беларускі».

Небывалые времена. Перевод стихотворения «Небывалыя часы». Это отклик на события «кровавого воскресенья» 9 января 1905 г.

Крещение на свободу. Перевод стихотворения «Хрэст на свабоду». Напечатанное на гектографе, оно распространялось в 1905 г. в Вильне. «Вспоминаю воздействие на виленских рабочих... стихотворения „Крещение на свободу“, изданного в виде нелегальной прокламации», — пишет Е. Хлебцевич, указывая, что эту листовку «читали на улицах» (см. его статью «Цётка». — «Беларусь», 1945, № 2, стр. 16). *На востоке рдеет небо*. Речь идет о русско-японской войне 1904–1905 гг. *Гапон* Георгий Аполлонович (1870–1906) — священник, тайный агент полиции, организовавший мирное шествие рабочих 9 января 1905 г. к царю. Описывая возмущение Гапона расправой над рабочими, Тетка явно еще не подозревала об истинной роли священника-provokatora. *Сергей* — великий князь Сергей Александрович, московский генерал-губернатор, ярый реакционер, был убит 4 февраля 1905 г. И. П. Каляевым. *Мирский* — Петр Данилович Святополк-Мирский (1857–1914) — государственный деятель царской России, бывший в это время министром внутренних дел. *Бедоносцев*. Речь идет о Победоносцеве Константине Петровиче (1827–1907) — реакционном, государственном деятеле, бывшем тогда обер-прокурором Синода. Бедоносцевым поэтесса его называет, имея в виду популярность в то время эпиграмму:

Победоносцев для Синода,
Обедоносцев для царя,
Он Бедоносцев для народа
И Едоносцев для себя.

Море. Перевод стихотворения «Мора». Написано в дни всеобщей политической стачки в октябре 1905 г. Распространялось в виде прокламации.

Под знаменем. Перевод стихотворения «Пад штандарам». Было напечатано в октябре 1905 г. на гектографе в виде прокламации. *Гапон* — см. выше примеч. к стих. «Крещение на свободу».

Вера белоруса. Перевод стихотворения «Вера беларуса».

Добрые вести. Перевод стихотворения «Добрыя весці». Написано в дни декабрьского вооруженного восстания. В Новой Вилейке, где в это время Тетка работала в психиатрической лечебнице, в декабре 1905 г. забастовали железнодорожники, а 12 декабря — все заводы.

Перед Новым годом. Перевод стихотворения «Перад Новым годам». Написано в дни разгула реакции, наступившем после разгрома декабрьского вооруженного восстания. *Витте* Сергей Юльевич (1849–1915) — председатель Совета министров в 1905–1906 гг.; его отставки решительно требовали массы в дни революционных боев 1905 г.

Разохотился. Перевод стихотворения «Ласы».

Вам, соседи. Перевод стихотворения «Вам, суседзі».

Мои думы. Перевод стихотворения «Мае думкі».

Над могилой. Перевод стихотворения «На магіле».

Мой сад. Перевод стихотворения «Мой сад».

Лес. Перевод стихотворения «Лес».

Бунтовщик. Перевод стихотворения «Бунтаўнік».

Соседям в неволе. Перевод стихотворения «Суседзям ў няволі». В мае 1907 г. сборник Тетки «Скрипка белорусская» был включен Петербургским комитетом по делам печати в

список запрещенных цензурой книг. Поэтому, когда в июне 1907 г. в виленские книжные магазины попали экземпляры «Скрипки», книгопродавцы были привлечены к ответственности за распространение сборника, «возбуждающего к учинению бунтовщического деяния». О стихотворении «Соседям в неволе» следователь писал: «Автор призывает население к вооруженному восстанию для изменения государственного строя в России и переходу на сторону революционеров в борьбе их с самодержавной властью, которая угнетает народ, причем государь император называется „котом“» (см.: В. Ивашин. Новое аб' зборніку Цёткі «Скрыпка беларуская». — «Літаратура і мастацтва», 1954, 14 августа).

Наше поле. Перевод стихотворения «Наш палетак». Здесь в аллегорической форме поставлены вопросы развития белорусской национальной культуры.

Сынок маленький. Перевод стихотворения «Сынок маленькі».

Бура идет. Перевод стихотворения «Бура ідзе».

В дорогу. Перевод стихотворения «У дарогу».

Скрипка. Перевод стихотворения «Скрыпка».

Артист-музыкант. Перевод стихотворения «Артыст грайка».

Родная деревня. Перевод стихотворения «Родная вёска». *Вилия* — река в Белоруссии, правый приток Немана.

В чужой стороне. Перевод стихотворения «На чужой старонцы».

С Новым годом. Перевод стихотворения «З Новым годам». *Иль придешь такой же лютой*. Имеется в виду поражение революции и кровавые репрессии, которые после «третьеиюньского переворота» (3 июня 1907 г. была разогнана II Дума) обрушило на революционный народ правительство.

Крестьянкам. Перевод стихотворения «Вясковым кабетам».

«Наступает весна...». Перевод стихотворения «Скора прыдзе вясна...». *Вилия* — см. выше.

С чужбины. Перевод стихотворения «З чужыны».

Лира. Перевод стихотворения «Грайка».

Гадание. Перевод стихотворения «Гаданне».

«Дайте два крыла орлиных...». Перевод стихотворения «Арлы-брацці, дайце скрыдлы...».

«Лучинка». Перевод стихотворения «Лучинка». «*Лучинка*» — литературный и научно-популярный ежемесячный журнал на белорусском языке, предназначенный для молодого читателя. Издавался в Минске, в 1914 г. Официально редактором журнала числился А. Власов, в действительности редактировала и организовывала издание ежемесячника Тетка.

Сиротка. Перевод стихотворения «Сірацінка».

Открывай скорее, пани... Перевод стихотворения «Адкрый, пані». Написанное по мотивам народных белорусских песен, оно не было напечатано при жизни поэтессы. Сохранившееся в рукописи стихотворение было опубликовано в журнале «Беларусь», 1947, № 6 (публикация Л. Бендэ).

МАКСИМ БОГДАНОВИЧ

«ВЕНОК»

Осенью 1911 г. М. Богданович прислал в редакцию «Нашей нивы» тетрадь стихотворений для издания их отдельным сборником. «Венок» хоть и помечен 1913 г., но вышел в свет в начале 1914-го. Таким образом, рукопись долго лежала без движения (из-за отсутствия у поэта необходимых для издания книги средств), и состав ее за это время претерпел много изменений. Размышления о составе и композиции сборника продолжались вплоть до издания сборника (см. письма Богдановича. — «Полымя», 1958, № 3).

Название сборника имеет сложную историю. Рукопись, присланная поэтом в редакцию, была озаглавлена: «Книга избранных стихотворений». В. Ластовский в своих воспоминаниях о Богдановиче рассказывает, что руководители «верхней» палаты (буржуазно-националистическая группировка в редакции «Нашей нивы»), получив у княгини Радзивилл некоторую сумму денег на свои издательские нужды, потребовали, чтобы на обложке сборника Богдановича был помещен «лебедь» — родовой герб княгини. «Рисунок для обложки дал я из

своего собрания... — писал Ластовский. — Рисунок <изображавший лебедя> напоминал веночек, потому я и решил, пользуясь правами издателя, добавить к авторскому еще и свое заглавие „Венок“. Вышло неплохо: „Венок, книжка избранных стихотворений“. А чтобы оправдаться перед читателями, почему названа книжка „венком“, я на первом... листе поместил разъяснение: „Венок на могилу С. А. Полуяна"... Сделал я это без ведома автора, но основываясь на его сердечном отношении к покойному Полуяну» (Мае ўспаміны аб М. Багдановічу: — «Крывіч», 1926, № 11 (1), стр. 66). Думается, что Ластовский считал необходимым «оправдаться» не столько перед читателями, сколько перед самим автором — нельзя же было раскрыть ему назначение похожего на веночек рисунка (письма поэта явно свидетельствуют, что, при всех затруднениях с изданием книги, он далек был от мысли искать меценатов). Оправдаться оказалось нетрудно: мысль возложить веночек на могилу С. Полуяна нашла живой отклик у Богдановича, которого волновала трагическая судьба белорусского поэта, покончившего в двадцать лет жизнь самоубийством. Незадолго до смерти Богданович в одном из своих писем заметил: «Просматриваю этими днями свой „Венок“. Недостатков разных — тьма, да и книжка это совсем молодая: стихи ее писались с середины 1909 до середины 1912 гг., когда мне было 17–20 лет. Но в ней все же есть и творчество, и вдохновение, и серьезная работа» (Творы, т. 1. Минск, 1927, стр. 450).

«Вы, любители порыться...». Перевод стихотворения «Вы, хто любіце натрапіць...»

В ЗАЧАРОВАННОМ ЦАРСТВЕ

«Слышишь гул? Это дико-печальный лесун ...». Автоперевод стихотворения «Чуеш гул? — Гэта сумны, маркотны лясун...». Об истории автопереводов Богдановича рассказал отец поэта. «В 1913-м или 14-м г., — писал А. Ю. Богданович, — гостила в Ярославле двоюродная сестра Максима Адамовича — Анна Ивановна Гапанович. Ей поэт подарил книжку своих стихов на белорусском языке. Она сказала, что не может оценить поэтические достоинства его произведений, так как плохо знает белорусский язык. Тогда Максим Адамович, собственноручно переписав, подарил ей тетрадку переводов на русский язык...» (свидетельство А. Ю. Богдановича — надпись на этой тетради — цит. по кн.: М. Багдановіч. Творы, т. 2. Минск, 1928, стр. 397). Эту тетрадку автопереводов (в нее вошли 22 стихотворения) поэт озаглавил «Зеленя». На обложке ее он сделал надпись: «Стихи. Перевод с белорусского автора. Переводы стихов — словно женщины: если красивы, то неверны, если верны, то некрасивы. Нем<ецкая> писат<ельская> поговорка. — Ярославль. 1909–1913 гг.» (Творы, т. 1. Минск, 1927, стр. 488).

Озеро («Тут рос густой, суровый бор...»). Автоперевод стихотворения «Возера» («Стаяў калісь тут бор стары...»), сделанный для сб. «Зеленя».

Над озером. Автоперевод стихотворения «Над возерам», сделанный для сб. «Зеленя».

Водяной. Перевод стихотворения «Вадзянік». В авторском экземпляре «Венка» датируется 1910 г., но здесь Богдановичу изменила память: впервые стихотворение опубликовано в 1909 г.

Змеиный царь. Перевод стихотворения «Змяіны цар».

Буря. Перевод стихотворения «Бура».

«С тучей большой грозовой кудрявая прядка тумана...». Перевод стихотворения «Ў небе — ля хмары грымотнай — празрыстая, лёгкая хмара...».

Озеро («В чаше темной и глубокой...»). Перевод стихотворения «Возера» («Ў чарцы цёмнай і глыбокай...»).

«Привет тебе, житье на воле!..». Перевод стихотворения «Прывет табе, жыццё на волі!..». Эпиграф — из стихотворения «Мы с тобой не просим чуда...».

«Блестит на небе звезд посев...». Перевод стихотворения «Блішчыць у небе зор пасеў...».

«Теплый вечер, тихий ветер, свежий стог...». Перевод стихотворения «Цёплы вечар, ціхі вецер, свежы стог...». Имеется автоперевод, сделанный для сб. «Зеленя». Ввиду того, что его вторая строфа значительно отличается от оригинала, помещаем его в примечаниях:

Теплый вечер, тихий ветер, мягкий стог

Уложили спать меня на грудь земли.

Не курится пыль столбами вдоль дорог,
В небе месяца сияет бледный рог,
В небе тихо звезды расцвели.
Убаюканный вечерней тишиной,
Позабыл я, где рука, где голова.
Вижу я, с природой слившись душой,
Как дрожат от ветра звезды надо мной,
Слышу, как растет в тиши трава.

«Доброй ночи, заря-заряница!...». Перевод стихотворения «Доброй ночи, зара-заряница!...».

«Тихо по мягкой траве...». Перевод стихотворения «Ціха па мяккай траве...».

«Вечер на западе в розовом пепле...». Перевод стихотворения «Вечар на захадзе ў попеле тушыць...».

Сомнамбул. Перевод стихотворения «Сомнамбул».

«Лето, с землей разлучаясь, заплакало...». Перевод стихотворения «Плакала лета, зямлю пакідаючы...». Эпиграф — из стихотворения «Цветы последние милей...».

«Где-то в тучах живут пауки...». Перевод стихотворения «Дзесь у хмарах жывуць павукі...».

Разрытая могила. Перевод стихотворения «Разрытая магіла».

«Ночь. Рожок мой шипит и пылает...». Перевод стихотворения «Ноч. Газніца гарыць, чырванее...».

Зимняя дорога. Перевод стихотворения «Зімовая дарога».

Зимой. Перевод стихотворения «Зімой».

Перед паводком. Перевод стихотворения «Перад паводкай».

«Подыми к небесам свои взоры...». Автоперевод стихотворения «Падымі угару свае вока...», сделанный для сб. «Зеленя». В тексте «Венка» стихотворение состояло из трех строк. В авторском экземпляре «Венка» строфа 2 зачеркнута. Намерение снять ее подтверждено переводом автора.

«По-над белым пухом вишен...». Перевод стихотворения «Па-над белым пухам вішняў...». Эпиграф — из книги «L'art poétique» («Поэтическое искусство») французского поэта Поля Верлена (1844–1896), многие стихотворения которого Богданович перевел на белорусский язык.

Романс («Видишь, Венера взошла над землею...»). Перевод стихотворения «Раманс» («Зорка Венера ўзышла над зямлёю...»). Эпиграф — из стихотворения французского поэта Сюлли Прюдома (1839–1907) «L'idéal».

Время шабашить. Перевод стихотворения «Досі ў жо працы».

ОТЗВУКИ РОДИНЫ

«Вся в слезах девчина...». Перевод стихотворения «Ўся ў слязах дзяўчына...».

«Грустно мне, и сердце песню тихо запеваает...». Перевод стихотворения «Сумна мне, а ў сэрцы смутак ціха запявае...».

«Не кукуй ты, серая кукушка...». Перевод стихотворения «Не кувай ты, шэрая зязюля...».

Ян и мать. Перевод стихотворения «Ян і маці».

«Сердце ноет, грудь сжимается от боли...». Перевод стихотворения «Сэрца ные, сэрца кроіцца ад болю...».

Вечер («Месяц полный встал на небе...»). Перевод стихотворения «Вечар» («Месяц круглы ўстаў на небе...»). О фольклорной основе стихотворения рассказал А. Ю. Богданович: «И я, и моя сестра Магдалина любили напевать любимую песню нашей матери, которую она пела в длинные зимние вечера при свете лучины или коптящей лампочки, сидя на лежанке за шитьем или прялкой: „А дзе ж тая крынічанька, што голуб купаўея?“ — и мы видим, что он

ее использовал как характерный мотив для создания определенного настроения в своей пьеске „Вечер“» («Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича». — Сб. «Беларуская літаратура», вып. 3. Минск, 1960, стр. 204–205).

СТАРАЯ БЕЛАРУСЬ

Летописец. Перевод стихотворения «Летапісец». Эпиграф — из стихотворения «З мінуўшых дзён». *Про судьбы Могилева*. Белорусский город Могилев (на Днепре) был очевидцем многих исторических событий.

Переписчик. Автоперевод стихотворения «Перапісчык», сделанный для сб. «Зеленя».

Книга. Автоперевод стихотворения «Кніга», сделанный для сб. «Зеленя». И «Переписчик», и «Книга» навеяны впечатлениями, полученными поэтом во время поездки в Вильну летом 1911 г. А. Ю. Богданович свидетельствует, что, возвратясь в Ярославль, поэт много рассказывал «о Вильне и ее старине, и о том впечатлении, которое она произвела на него, о виленском музее древностей» («Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича». — Сб. «Беларуская літаратура», вып. 3. Минск, 1960, стр. 178). *В году семь тысяч сто восьмом с начала дней* — в 1600 г. в переводе с библейского летоисчисления на современное.

Слуцкие ткачихи. Перевод стихотворения «Слуцкія ткачыхі». Оно существует в двух редакциях; первая была опубликована в 1912 г. в «Нашей ниве» и затем вошла в «Венок»; мы печатаем вторую, которая представляет собой переработку текста, сделанную поэтом в авторском экземпляре «Венка», то есть последнюю авторскую редакцию. *Золотые пояса* — знаменитые слуцкие пояса, тканые золотом, серебром, шелком, которые увидел Богданович в Вильне в коллекции старинных вещей, связанных с историей и культурой белорусского народа. Впечатление, которое пояса произвели на поэта, было огромно (см.: А. Ю. Богданович. *Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича*. — Сб. «Беларуская літаратура», вып. 3. Минск, 1960, стр. 188), им посвящено одно из наиболее поэтических его творений. Факты, связанные с историей поясов, изложены в стихотворении неточно (так, например, пояса изготовлялись не в панских имениях, а на фабрике М. Радзивилла в Слуцке, существовавшей с 1758 по 1844 г.). Но, при всей поэтической вольности изображения, очень верно, по отзыву историков белорусского искусства (см.: Творы, т. 1. Минск, 1927, стр. 458–459), отмечен в стихотворении постепенный отход мастеров от иноземных, «персидских» узоров к национальному орнаменту.

Безнадежность. Перевод стихотворения «Безнадзейнасць». Дату написания — 1913, помеченную самим поэтом в плане одного из предполагаемых сборников, принято считать неточной на том основании, что, по словам самого Богдановича, в «Венок» вошли стихотворения 1909–1912 гг. (см.: Творы, т. 1. Минск, 1927, стр. 459). Однако это вовсе не означает, что не могли быть отдельные исключения. Известно, что какие-то произведения на протяжении 1913 г. досылались в редакцию, — об этом свидетельствует, например, письмо в редакцию «Нашей нивы» от 2 марта 1913 г., где сообщается о досылке эпилога к поэме «Вероника» («Польмя», 1958, № 3, стр. 180). К тому же именно в письмах 1913 г. отразился живой интерес поэта к личности Скорины, о котором идет речь в стихотворении. Поздней осенью 1913 г. Богданович писал в редакцию «Нашей нивы»: «Если общество имени Скорины будет основано, я охотно запишусь в члены. Взятся бы написать жизнеописание Скорины, если б общество поручило мне это». В письме от 7 ноября 1913 г. имеется глухое упоминание: «Когда покончу со Скориной...», а в мае 1914 г. о биографии Скорины говорится как о работе уже написанной (там же, стр. 182). Таким образом, нет оснований считать ошибочной дату 1913 г. *Скорина* Франциск Георгий (ок. 1490 — ум. не ранее 1535) — выдающийся белорусский ученый, просветитель, сыгравший огромную роль в истории белорусской культуры, положивший начало печатанию книг на белорусском языке.

«Тихий вечер; жар дневной спадает...». Перевод стихотворения «Ціхі вечар; знікнула спякота...».

«Кулигою, в бору глухом...». Перевод стихотворения «Па ляду, у глухім бары...».

ГОРОД

Этот цикл сложился из написанных Богдановичем в 1911–1912 гг. стихотворений, в основу которых легли впечатления его первой поездки в Вильну летом 1911 г.

Вступление («Пегас однажды в переулки...»). Перевод стихотворения «Уступ» («Звярнуў калісь Пегас на вулкі...»). Эпиграф — из стихотворения «Городу».

«Блещут улицы Вильны и гулко гремят!..». Перевод стихотворения «Вулкі Вільні зіяюць і гулка грэмяць!..». *И на башне... циферблат*. Имеется в виду старинная башня в центре Вильнюса; в XVI в. ее надстроили, превратив в колокольню кафедрального собора, в верхнюю часть башни вмонтированы куранты.

В Вильне. Перевод стихотворения «У Вільні».

«За крышами города краски зари угасают...». Перевод стихотворения «За дахамі места памеркла нябёс пазалота...»

«На улочках всё ночью глухо...». Перевод стихотворения «На глухіх вулках — ноч глухая...».

Метель. Перевод стихотворения «Завіруха».

«Сел мальчик у крыльца с тарелкой; забавляясь...». Перевод стихотворения «Сеў хлопчык з шклянчакай ля вулічнага ганку...»

«Пылают зноем крыши и асфальт...». Перевод стихотворения «Ад спекі пышучь дахі і асфальт...». «*Коробушка*». Очевидно, упоминается песня из поэмы Н. Некрасова «Коробейники».

Две смерти. Перевод стихотворения «Дзве смерці».

ДУМЫ

С. Е. Полуяну («Полюбуйся падучей звездой...»). Перевод стихотворения «С. Е. Палуяну» («Глянь, як зорка у цемні ляціць...»). Эпиграф — из стихотворения «Не подражай: своеобразен гений...». *Полуян* Сергей (1890–1910) — белорусский поэт демократического направления. Покончил жизнь самоубийством 8 апреля 1910 г.

Каганцу. Перевод стихотворения «Каганцу». *Карусь Каганец* — псевдоним белорусского поэта Казимира Кастровицкого (ум. 1918), произведения которого с 1910 г. стали появляться в «Нашей ниве».

«Уж синее небо темнеет...». Перевод стихотворения «Упалі з грудзей пана бога...».

Край мой родимый... Перевод стихотворения «Краю мой родны! Як выкляты богам...».

«Холодной ночью я на полевом просторе...». Перевод стихотворения «Халоднай ноччу я ў шырокім, цёмным полі...».

«Брось ты и плакать и крушиться...». Перевод стихотворения «Щнь вечны плач свой аб старонцы!..».

«Срезаем мы ветки сухие. Одна за одной...». Перевод стихотворения «Зрзаюць галіны таполі адну за адной...».

«Ринемся, братья, смелей...». Перевод стихотворения «Рушымся, брацця, хутчэй...».

«Наших дедов душили чащобы лесов...». Перевод стихотворения «Нашых дзедаў душылі абшары лясоў...».

«Приди, гроза, и силой новой...». Перевод стихотворения «Ўстань, навальніца, мкні нанова...».

«Не горит ни в час смерканья, ни глубокой темной ночью...». Перевод стихотворения «Не блішчыць у час змяркання і ў глыбокай цёмнай ночы...».

«Солнце пило воду из криниц холодных...». Перевод стихотворения «Напілося сонца са крыніц сцюдзёных...».

«Ой, зачем я стал поэтом...». Перевод стихотворения «Ой, чаму я стаў паэтам...».

«Давно уж телом я хвораю...». Перевод стихотворения «Даўно ўжо целам я хварэю...».

«Когда Геракл поверг к стопам своим Антея...». Перевод стихотворения «Калі звалі дужы Гэракл у пыл Антэя...».

«Бледный, хилый, всё ж люблю я...». Перевод стихотворения «Бледны, хілы ўсё ж люблю я...». *Анакреон* (ок. 570–478 до н. э.) — древнегреческий поэт, родоначальник целого направления в лирике — анакреонтической поэзии, воспеваящей радости жизни.

«Живешь не вечно, человек...». Перевод стихотворения «Жывеш не вечно, чалавек...». Эпиграф — из стихотворения «O mes lettres d'amour, de vertu, de jeunesse...».

«Мудрого слова...». Перевод стихотворения «Мудрай прамовы...».

«Где вы, лесов, полей цветы?..». Перевод стихотворения «Дзе вы, лясоў, палёў цвяты?..».

«Если в раковину темную жемчужницы...». Перевод стихотворения «Калі ў ракавіну цёмную жамчужніцы...».

«Свеча блестящая сияет...». Перевод стихотворения «Свяча бліскучая зіе...».

Певцу. Перевод стихотворения «Песняру».

ВОЛЬНЫЕ ДУМЫ

Вступление («Я думы вольными отрядами...»). Перевод стихотворения «Уступ» («Я думы путамі не скутыя...»).

Разговор с барышнями. Перевод стихотворения «Гутарка з паненкамі». Другой вариант этого стихотворения опубликован поэтом на русском языке в журнале «Сатирикон» (1912, № 30).

О, как уютно, чисто, мило

Касаточка гнездо слепила.

Но вы забыли, господа,

Что входит грязь в состав гнезда.

Поэт искал разные способы разработки этой сатирической темы. В его архиве был найден (см.: Творы, т. 1. Минск, 1927, стр. 464) черновой набросок стихотворения на русском языке:

«Ах, как уютно, чисто, мило

Касаточка гнездо для птенчиков слепила!» —

Увидевши его, мамаша говорила;

Папаша излагал солидно поученье

Про трудолюбие, терпение, уменье,

И дети пальцы в нос совали в восхищенья,

Придя, шептали, веселясь.

А надо им сказать тогда,

Что входит грязь

В состав уютного гнезда.

Мораль сама понятна, господа!

«Вы мне говорите: душа у поэта...». Перевод стихотворения «Вы кажаце мне, што душа у паэта...». В архиве Богдановича был автоперевод этого стихотворения («Вы говорите, что в душе моей...»), который до нас не дошел.

«Вам, паны, видны далекие просторы...». Перевод стихотворения «Вы, Панове, пазіраеце далёка...».

«Мы в бурю по морю блуждали...». Перевод стихотворения «Мы доўга плылі ў бурным моры...».

«Была пора: метель шумела глухо...». Перевод стихотворения «Была калісь пара: гучэла завіруха...».

Мне снилось... Автоперевод стихотворения «Мне снілася...», сделанный для сб. «Зеленя».

«Много в жизни людей есть дорог...». Перевод стихотворения «Шмат у нашым жыцці ёсць дарог...».

< ИЗ ЦИКЛА «НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО» >

В этом цикле стихотворений Богданович дает образцы старинных лирических жанров и форм стиха. В своем письме в редакцию альманаха «Молодая Беларусь» он заметил, что в цикле «Наследие прошлого» сказалось его желание привить белорусской поэзии достижения мировой литературы, помочь ей получить европейский вид (см. об этом вступ. статью).

Элегические дистихи. Перевод стихотворения «Элегічныя дысціхі». Эпиграф — из стихотворения «Кому-то». *Элегические дистихи* — двустишия, состоящие из одной строки гексаметра (шестистопный дактиль) и другой — пентаметра (пятистопный дактиль).

Майская непогода. Перевод стихотворения «Непагодаю маёвай».

Сонет («Среди песков египетской земли...»). Перевод стихотворения «Санет» («Паміж пясцоў егіпецкай зямлі...»). Эпиграф — из поэмы французского поэта и теоретика классицизма Депрео Николая Буало (1636–1711) «Поэтическое искусство». *Сонет* — стихотворение из 14 строк, образующих два четверостишия и два трехстишия. Строки рифмуются по схеме: абба, абба (или абаб, абаб), ввг, дгд. Автоперевод на русский язык (о нем см.: Творы, т. 1. Минск, стр. 466) до нас не дошел. *Погодин* Александр Львович (1872–1938) — профессор, специалист по славянским литературам, автор статьи «Белорусские поэты», напечатанной в 1911 г. в «Вестнике Европы». Перевел на русский язык стихотворение М. Богдановича «По-над белым пухом вишен...».

Сонет. («На спящих темных заводях болота...»). Перевод стихотворения «Санет» («На цёмнай гладзі сонных луж балота...»). Эпиграф — из стихотворения «Sonnet. Imité de Wordsworth». *Сент-Бёв* Шарль Огюстен (1804–1869) — французский поэт и критик.

Триолет («Как птица в гибких тростниках...»). Перевод стихотворения «Трыялет» («Як птушка ў гібкіх трасніках...»). Эпиграф — из стихотворения Константина Михайловича *Фофанова* (1862–1911) «Триолет». *Триолет* — восьмистишие, рифмующееся по схеме: абаааб; четвертая и седьмая строки полностью повторяют первую, а восьмая — вторую.

Триолет («Хоть раз взглянул на солнце я...»). Перевод стихотворения «Трыялет» («Калісь глядзеў на сонца я...»). Автоперевод для сб. «Зеленя» представляет собой скорее новый вариант стихотворения:

На солнце загляделся я,
И солнце очи ослепило.
Затем что сердце свет любило,
На солнце загляделся я.
Наощупь я пошел, но была
Не в стыд мне слепота моя:
На солнце загляделся я,
И солнце очи ослепило!

Рондо. Перевод стихотворения «Рандо». *Рондо* — стихотворение из 13 строк с двумя рифмами по схеме: абаба, аба, аббаа. Слова первой строки повторяются после 8-й и 13-й строки как дополнение.

Октава. Перевод стихотворения «Актава». *Октава* — восьмистишие с тремя рифмами по схеме: абабабвв. В нем обязательно чередование женских и мужских рифм.

Терцины. Перевод стихотворения «Тэрцыны». *Терцины* — трехстишия, средняя строка которых рифмуется с двумя крайними строками последующих: аба, бвб, вгв...

МАДОННЫ

«Отдел „Мадонны“ сложился у меня из двух поэм: „Вероника“ и „В деревне“», — писал в 1913 г. Богданович издателем сб. «Венок». «Этот отдел посвящаю А. Р. К. (так только буквы и поставьте)», — читаем мы в другом письме («Полымя», 1958, № 3, стр. 181–182). А. Р. К. — это, по-видимому, та же девушка, которой посвящен целый ряд стихотворений и которые поэт хотел объединить в цикл «Полынь-трава». См. о ней в примеч. к стих. «Счастье, ты вчера блеснуло мне несмело...».

В деревне. Перевод поэмы «У вёсцы». В сюжете поэмы много совпадений со второй частью прозаического этюда Богдановича «Мадонна» (1913). Эпиграф — из стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...».

Вероника. Перевод поэмы «Вераніка». Эпиграф — из поэмы «Armond» итальянского поэта Джованни Прати (1815–1884). Центральный образ поэмы связан, по свидетельству Д. Д. Дебольского, с его маленькой племянницей Вероникой, к которой Богданович был очень привязан: «Имя „Вероника“ Максиму очень нравилось. От этой девчушки и название его поэмы „Вероника“. И тогда уже он начал искать и примечать в чертах и жестах девочки женственное и материнское... запомнилось, как весною 1912 г. Максим, сидя в кресле-качалке, рассказывал мне об этом волновавшем его образе, как о его, Максима, открытии и как о манящей загадке» («Старонкі ўспамінаў» — «Літаратура і мастацтва», 1958, от 5 февраля).

< ИЗ ЦИКЛА «ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ» >

«Хмуро небо ночное...». Перевод стихотворения «Цёмна неба начное...».

Беременной. Перевод стихотворения «Да вагітнай».

«Дитя, что в колосе зерно...». Перевод стихотворения «Дзіцё, што ў коласе зярно...»

Триолет («Деревянное яичко...»). Перевод стихотворения «Трыялет» («Дзераўлянае яечка...»).

«Когда дитя, ребенок твой...». Перевод стихотворения «Як хораша, калі дзіцё...».

Проклятье беременной. Перевод стихотворения «Пракляцце вагітнай».

«С горем ты дитя рождаешь...». Перевод стихотворения «З ёнкам дзіцё ты раджаеш...».

«Совсем без сил, в поту, как белый снег бледна...». Перевод стихотворения «Бяз сіл, ўся ў пату, як белы снег блядна...».

«После родов день ото дня ты вянешь...». Перевод стихотворения «Пасля радзін ты ўсё штодня марнееш...».

«Смертию смерть поправ...». Перевод одноименного стихотворения.

«Тем венки суровой славы...». Перевод стихотворения «Там вянкi суворай славы...».

«Белый крест, плита, под ней могила...». Перевод стихотворения «Белы крыж, плiта, пад ёй — магіла...».

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИК «ВЕНОК»

Придет весна. Перевод стихотворения «Прыдзе вясна».

Над могилой. Перевод стихотворения «Над магілай».

Мои песни. Перевод стихотворения «Мае песні».

Ночь. Перевод стихотворения «Ноч».

На чужбине. Перевод стихотворения «На чужыне».

ИЗ ЦИКЛА «ЭРОС»

1. «Цветики алые, в косы вплетенные...». Перевод стихотворения «Ў космах схаваліся кветы чырвоныя...».

2. «Взглянул, как меж волос, меж туч косматых, темных...». Перевод стихотворения «Зірнуў, як між валос, між хмар калматых, цёмных...».

Леший («Привольная темная пуца!...»). Перевод стихотворения «Лясун» («Привольная, цёмная пушча...»).

Крестины лешего. Перевод стихотворения «Хрэсьбіны лясуна».

Из песен белорусского мужика. Перевод стихотворений «З пяснаў беларускага мужика». Второе стихотворение было, по-видимому, запрещено цензурой: в тексте «Нашей нивы» (1909, № 39) последние восемь строк покрыты типографской краской.

Филин. Перевод стихотворения «Пугач».

«Нашей ниве». Перевод стихотворения «Нашай ніве». Написано к трехлетию газеты (первый ее номер вышел 10(23) ноября 1906 г.).

Леший («Сосны, ели, хвощ да хвоя...»). Перевод стихотворения «Лясун» («Сосны, елі, хвощчы...»).

Старость. Перевод стихотворения «Старасць».

Осенней ночью. Перевод стихотворения «Асенняй ноччу».

Подвей. Перевод стихотворения «Падвей».

«Я, больной и бескрылый поэт...». Перевод стихотворения «Я, бальны, бескрыдлаты поэт...». Автограф — на обороте фотографической карточки. Посвящено М. А. Кितिцной, девушке, с которой поэт познакомился летом 1909 г. во время лечения (у него открылся весной 1909 г. туберкулезный процесс) на ферме «Шалаш» в окрестностях Ялты.

«Дождик в поле, и холод, и мгла...». Перевод стихотворения «Дождж у полі і холад... І мгла...».

Змеиный царь («Темень. Бор сосновый мшист и дик...»). Перевод стихотворения «Змяіны цар» («Цемень. Сосны. Елкі. Мох. Кара...»).

Вечер («На небе месяц всплыл зеленый...»). Перевод стихотворения «Вечар» («На небе месяц устаў зялёны...»).

Моя душа. Перевод стихотворения «Мая душа».

Над морем. Перевод стихотворения «Над морам».

Письмо в редакцию «Нашей нивы». Перевод стихотворения «Ліст у рэдакцыю „Нашай нівы“». Написано к четырехлетнему юбилею газеты.

Леший («Я спокойно дремлю под горой меж кустов...»). Перевод стихотворения «Лясун» («Я спакойна драмлю под гарой між кустоў...»).

Над могилой мужика. Перевод стихотворения «Над магілай мужыка».

Критику («Напрасно ловите вы в сетку мотылька...»). Перевод стихотворения «Крытыку» («Дарэмна ловіце вы ў сетку матылька...»).

«Живая куколка! Не душу и не сердце...». Перевод стихотворения «Жывая лялечка! Не душу і не сэрца...».

Будущая мать. Перевод стихотворения «Цяжарная».

«Скрыта в поле цветами могила...». Перевод стихотворения «Скрылась кветамі ў полі магіла...».

«Вот и ночь. Засверкали слезами высоты немые...». Перевод стихотворения «Вось і ноч. Нада мной заліліся слязамі нябёсы...».

«Тихие мои все песни, темные, как уголь черный...». Перевод стихотворения «Ціхія мае ўсе песні, цёмныя, як вугаль чорны...».

Романс («Не найти мне покоя ни темною ночью, ни днем...»). Перевод стихотворения «Раманс» («Не знайсці мне спакою ні цёмнаю ноччу, ні днём...»).

«Этот источник, что раньше волну свою нес к океану...». Перевод стихотворения «Тая крыніца, што ранып к акіяну нясла свае хвалі...».

«Залилось слезами, будто звездами...». Перевод стихотворения «Залілось слязамі, быццам зоркамі...».

«Ночь туманом сизым землю обливает...». Перевод стихотворения «Ноч імглою сізай землю аблівае...».

«Бывает, что пруд переполнит...». Перевод стихотворения «Бывае, вада перапоўніць...».

Песня про князя Изяслава Полоцкого. Перевод «Песні пра князя Ізяслава Полацкага», стихотворного переложения отрывка из «Слова о полку Игореве», великого памятника древнерусского эпоса, повествующего о походе новгород-северского князя Игоря Святославовича (1151–1202) против половцев в 1185 г. *Изяслав, Васильков сын* — Изяслав, о

смерти которого рассказано в «Слове», был сыном полоцкого князя Василька Рогволодовича. *Князь Всеслав* — дед Изяслава, полоцкий князь Всеслав Брячеславич, предводитель многих военных походов. *Всеволод, Брячеслав* — братья Изяслава. *Трубы в Городне играют*. В «Слове...» сказано: «трубы трубят городеньский». Речь идет, по-видимому, о месте, где княжил Изяслав. Была ли это Городня (как сказано у Богдановича) или Гродно — неясно (см.: «Слово о полку Игореве». Л., 1953, стр. 266).

«Кто ж из нас порой не любит...». Перевод стихотворения «Пэўна любіце, вы, пане...»

«Когда я на миг закрываю...». Перевод стихотворения «Як толькі закрыву я вочы...».

Серебряные змеи. Перевод стихотворения «Срэбныя змеі». В тексте первой публикации имеется подзаголовок: «Из цикла „Водяной“». Такой цикл не был осуществлен Богдановичем. По-видимому, предназначавшиеся для него стихотворения вошли в цикл «В зачарованном царстве».

«Разгорайся, огонь мой, где мрак сильный лег...». Перевод стихотворения «Разгарайся хутчэй, мой агонь, між імглы...».

Д. Д. Дебольскому. Перевод стихотворения «Д. Д. Дзявольскаму». *Дебольский* Диодор Дмитриевич — товарищ Богдановича по ярославской гимназии и лицей. Поэта с Дебольским связывали интересы преимущественно философского характера, что отразилось в теме данного стихотворения.

«Не грусти, что солнца...». Перевод стихотворения «Не бядуй, што хмары...».

Похороны. Перевод стихотворения «Хаўтуры».

Первая любовь. Перевод стихотворения «Першая любоў».

«Я жду, грустя. Ты почему из дому...». Перевод стихотворения «Маркотна я чакаю. Для чаго ты...».

Сонет. («Замерзла ночью быстрая криница...»). Перевод стихотворения «Санет» («Замёрзла ноччу шпаркая крыніца...»).

Городская любовь. Автоперевод стихотворения «Пад ценню цёмных ліп, схавайшых нашу пару...», опубликованный в журнале «Сатирикон» (1912, № 46). Отец Богдановича в письме, адресованном редакторам академического двухтомника, заметил, что в основу стихотворения положены автобиографические мотивы, связанные с ярославским периодом жизни поэта (см.: Творы, т. 1. Минск, 1927, стр. 439).

«Белым цветом одета калина...». Автоперевод стихотворения «Белым кветам адзета каліна...». Считалось, что это стихотворение из сб. «Зеленя» не имеет белорусского оригинала. Между тем белорусский текст был опубликован (см. статью Н. Ватацы «Невядомы тэкст М. Багдановіча». — «Літаратура і мастацтва», 1958, от 7 июня).

ИЗ ЦИКЛА «УСМЕШКИ»

1. Пан и мужик. Перевод стихотворения «Пан і мужык».

2. «Читаю я журнал: идеи...». Перевод эпиграммы «Чытаю я журнал сучасны...». Под журналом имеется в виду газета «Наша нива». В автографе на этом и двух последующих стихотворениях была надпись «Sine ira» — «без гнева» (лат.). П-ч — Павлович Альберт Францевич (1875–1951), сотрудник «Нашей нивы». *Пан К-а* — Янка Купала. «Громовой» — баллада В. А. Жуковского.

3. «Зовут у нас окаменелости...». Перевод эпиграммы «Чаму у нас акамянеласці...».

4. Беседа. Перевод эпиграммы «Гутарка».

«Ты вечером крещенским ворожила...». Автоперевод стихотворения «Ты ночкаю каляднай варажыла...», сделанный для сб. «Зеленя».

С. Полуяну («Ты был как месяц одинокий...»). Перевод стихотворения «С. Палуяну» («Ты быў, як месяц, адзінокі...»).

«В тот дом вошел я молчаливо...». Перевод стихотворения «Ізноў пабачыў я сялібы...».

Исполненное обещание. Перевод стихотворения «Споўненае абяцанне».

Дед. Автоперевод стихотворения «Дзед», сделанный для сб. «Зеленя».

Купидон. Автоперевод стихотворения «Купідон», опубликованный в 1913 г. в «Северной газете». В сб. «Зеленя» это стихотворение озаглавлено «Скерцо».

На кладбище. Перевод стихотворения «На могілках».

Триолет («Мне долгая разлука с вами...»). Перевод стихотворения «Трыялет» («Мне доўгае разстанне з вамі...»). Имеется автоперевод для сб. «Зеленя», но так как он представляет собой другой вариант стихотворения, помещаем его в примечаниях:

Мне долгое забвенье Вами Чернее
Ваших черных кос.
Пронзает душу остриями
Мне долгое забвенье Вами.
Я побледнел от томных слез
И начал триолет словами:
«Мне долгое забвенье Вами
Чернее Ваших черных кос».

Воспоминание. Перевод стихотворения «Успамін». *Катулл* Гай Валерий (ок. 84–54 до н. э.) — древнеримский поэт. Здесь Богданович имеет в виду 107-е стихотворение Катулла. *Я обозначаю белым камнем* — белой чертой или белым камнем римляне обозначали счастливые дни.

Письмо. Перевод стихотворения «Ліст». Это стихотворное послание было адресовано В. Ластовскому. О Ластовском и о полемическом содержании стихотворения см. во вступ. статье. *Сов нести в Афины*. Афина (греч. миф.) — богиня мудрости, покровительница города Афин, изображалась обычно со своей священной птицей совой — эмблемой мудрости. В переносном смысле означает то же, что «учить ученого». О *драмах Пушкина*. Далее перечисляются герои его драматических произведений («Пир во время чумы», «Сцена из „Фауста“», «Борис Годунов», «Моцарт и Сальери»). *Александрийский* стих — двенадцатисложный стих (шестистопный ямб) с цезурой (то есть паузой) после шестого слога. *Эребус* — вулкан в Антарктике.

«Народ, Белорусский Народ!..». Перевод стихотворения «Народ, Беларуси Народ!..».

В старом саду. Автоперевод стихотворения «У старым садзе», сделанный для сб. «Зеленя». *Изящный сад... как у Ватто*. В картинах французского живописца Ватто (1684–1721) часто встречаются изысканно-изящные, воздушные парковые пейзажи. *Парни* Эварист Дезире де Форж (1753–1814) — французский поэт.

Критику («Челлини статуї не ваял...»). Перевод стихотворения «Крытыку» («Чэлліні статуї не рабій...»). *Челлини* Бенвенуто (1500–1574) — итальянский скульптор, писатель, ювелир.

«Счастье, ты вчера блеснуло мне несмело...». Автоперевод стихотворения «Ўчора шчасце толькі глянула нясмела...». *Аня* — по мнению отца Богдановича, Анна Р-на К-ва, «ярославка, красивая девушка. Она имела немало поклонников, в числе которых был и поэт. Знакомство поэта с нею относится к 1912–13 гг.» (письмо от 23 июня 1926 г. — см.: Творы, т. 1. Минск, 1927, стр. 439). Возможно, что это сестра гимназического товарища поэта Анна Кукуева, о которой говорит в своих воспоминаниях Д. Д. Дебольский («Старонкі ўспамінаў». — «Літаратура і мастацтва», 1958, от 5 февраля). Правда, он относит это знакомство к «последним гимназическим годам», то есть к 1910–1911 гг. Этой девушке посвящено несколько стихотворений Богдановича: «Четверной акростих», «Уймитесь, волнения страсти...», «Вы так часто в зеркало глядели...», «Холодная, ясная ночь...», «Вашей тетке, мне кажется, очень приятно...», «Моя государыня...», «Всё одна теперь мне думка сердце сушит...», «Больше всего на свете желаю я...», «Буду сниться днями и ночами...», «Муар двумя цветами...», «Темноокая пани, конец!..». По-видимому, Богдановичем был задуман цикл стихотворений, посвященных Анне К-вой: на автографе одного стихотворного наброска («Толькі чаму ж гэта ў ночы глыбокія...», — в это издание не вошел) была надпись: «Полынь-трава. Стихи об Ане Р... не, с ее портретом, автографом, с комментариями к стихам». Замысел остался неосуществленным.

«Вы так часто в зеркало глядели...». Перевод стихотворения «Вы так часта пазіралі ў люстру...».

«Холодная, ясная ночь...». Перевод стихотворения «Халодная, ясная ноч...».

«Моя государыня...». Перевод стихотворения «Мая гаспадыня...».

«Всё одна теперь мне думка сердце сушит...». Перевод стихотворения «Ўсё адна цяпер мне думка сэрца сушыць...».

«Больше всего на свете желаю я...». Перевод стихотворения «Больш за ўсё на свеце жадаю я...».

«Буду сниться днями и ночами...». Перевод стихотворения «Буду сніць і днямі і начаі...».

«Муар...». Перевод стихотворения «Муар...».

«Темноокая пани, конец!..». Перевод стихотворения «Цёмнавокая пані, канец!..».

Простенький стишок. Перевод стихотворения «Просценькі вершык».

Ворожба. Перевод стихотворения «Варажба».

Сонет («Манящие глаза сияют мне...»). Перевод стихотворения «Санет» («Прынадна вочы ззяюць да мяне...»).

«Ты долго сидела за столом...». Перевод стихотворения «Ты доўга сядзела за сталом...».

Эмигрантская песня. Перевод стихотворения «Эміграцкая песня».

Межи. Перевод стихотворения «Мяжы». В № 28 «Нашей нивы» за 1915 г., где были напечатаны «Межи», незаполненное место, оставленное вслед за текстом стихотворения, указывает на то, что в нем была, по-видимому, еще одна строфа, снятая цензурой.

Пану Антону Новине на память от автора. Перевод стихотворения «Пану Антону Навіне на спамін ад аўтара». *Антон Новина* — псевдоним Антона Луцкевича, одного из руководителей буржуазно-националистической группы в редакции «Нашей нивы». О происхождении и смысле этой дарственной надписи, сделанной на экземпляре «Венка», см. во вступ. статье.

Двойни. Перевод стихотворения «Двайняткі».

«Я — незаметный, серый человек...». Перевод стихотворения «Я — непрыкметны, шэры чалавек...».

«Здесь мои покоятся чувства, когда-то живые...». Перевод двустишия «Тут пахаваны мае пачуванні, — калісі жывыя...».

«Замер напев — и сама отозвалась нежно на лире...». Перевод двустишия «Спеў залунаў — і сама адгукнулася чула на ліры...».

«В жизни всё надоело, признаться...». Перевод стихотворения «Ўсё ў жыцці мне даўно ўжо абрыдла...».

«Как широко в бору разлился вольный шум!..». Перевод стихотворения «Ліецца па бары шырокі, поўны шум...».

«Сегодня ночью я в царстве сказки...». Перевод стихотворения «Сягоння ноччу я ў царстве казкі...».

«Всплыла колония сифонофора...». Перевод стихотворения «Ўсплывае грамада сифонафора...». Комментарий к стихотворению находим в одной из статей поэта. «Сифонофоры, — писал М. Богданович, — простейшие морские животные, сросшиеся в одно целое, называемое колонией (то есть обществом) сифонофор. Каждая сифонофора... исполняет какую-либо специальную работу, оставаясь прикрепленной к ней на всю жизнь... Одна из них... поддерживает равновесие плавающей в море колонии. Другая выполняет исключительно половую деятельность. Третьи... гребут... Перед нами — изуродованные, искалеченные в интересах целого личности. Это — результат неоднородности общества, выросшей на основе застывшего разделения труда» («Н. Д. Ножин». — Творы, т. 2. Минск, 1928, стр. 311).

«Материнское причастие...». Перевод стихотворения «Прычасціўся целу мацеры...»

Лакомка. Перевод стихотворения «Ласун».

«Ой, греми, греми, труба, — утром рано...». Перевод стихотворения «Ой, грэмі, грэмі, труба, ўранку рана...».

«Ой, скатилась звездочка, скатилась...». Перевод стихотворения «Ой, скацілася зорачка, скацілася...».

«Ой, леса-боры и луга-разлоги!..». Перевод стихотворения «Ой, ляса-бары ды лугі-разлоги!..».

«Темной ночью лучина догорала...». Перевод стихотворения «Цёмнай ноччу лучына дагарала...».

«Я хотел бы встретиться с вами на улице...». Перевод стихотворения «Я хацеў бы спаткацца з вамі на вуліцы...». *Звезды Геркулеса* — созвездие северного полушария неба.

Мушка-зеленушка и комарик-носатик. Перевод шуточной поэмы «Мушка-зелянушка і камарык-насаты тварык». Поэма написана по мотивам народных белорусских песен, вошедших в сборники К. Романова, П. Шейна, Я. Чачота. *В каравайницы... попросили* — попросили испечь караваи, которые подаются на девичнике.

Максим и Магдалена. Перевод поэмы «Максім і Магдалена». Отрывок из этой поэмы («А как смертью Максима казнили..») был опубликован вместе со статьей Богдановича «Забыты шлях» (написанной в 1915 г.) в газете «Вольная Беларусь» (1918, от 28 апреля) в качестве образца стихов белорусского народного лада.

«Среди улицы у нас хоровод...». Перевод стихотворения «Сярод вуліцы у нас карагод...».

«Как Василий в бою умирал...». Перевод стихотворения «Як Базыль у паходзе канаў...».

Ворона и Чиж. Перевод басни «Варона і Чыж».

ПЕСНИ

Поэтом был задуман цикл стихотворений, представляющих собой стилизацию под народные песни различных стран. В его архиве был найден набросок плана цикла: «Сербская, Белорусская, Великорусская, Украинская, Скандинавская, Испанская, Японская, Персидская...». Под этими названиями помещаются ниже не опубликованные при жизни поэта песни. Среди них нет «белорусской», указанной в плане, она, по-видимому, была опубликована отдельно или включена в другой цикл.

Сербская. Перевод стихотворения «Хто там едзе па Косаву полю?..» *Косово поле* — местность в Югославии, где 15 июня 1389 г. произошло кровопролитное сражение между турками и сербами. Битва на Косовом поле нашла широкое отражение в сербском фольклоре. *Шумадия* — лесистая горная местность в центральной Сербии.

Русская. Перевод стихотворения «Сёння дзень у нас светлы, радасны...».

Украинские. Перевод стихотворений: «У каго ты, дзяўчынанька, тварай удалася?»; «Ўстаў хлапчына ля дзяўчыны, каламыйку грае...»; «Слічна Галя Васілёва, слічна ды прыгожа...»; «А чаго ж там на вуліцы так сабакі брэшучь?..».

Скандинавская. Перевод стихотворения «Была Ингеборг, як сасонка, страйна...».

Испанские. Перевод стихотворений: «Яснавокая Аніта...»; «Донна Клара твар закрыла...»; «Найяснейшая сіньёра...».

Японские. Перевод стихотворений: «Ах, як спявае...»; «Мілая, згадай...»; «Дзі ўна кволья...»; «Ўсё знікае...».

Персидские. Перевод стихотворений: «Я ўсё забыў на свеце і ведаю адно...»; «Празрыстым пакрывалам ты агарнула твар...».

«Аня, Анечка...». Перевод стихотворения «Аня, Анечка...».

«Ленту сине-голубую...». Перевод стихотворения «Йстужку сінюю ўплятаю...».

«А в местечке Терестечке толков не счесть...». Перевод стихотворения «У мясцечку Церасцечку не званы гудзяць...».

«Поздно; надо домой собираться...». Перевод стихотворения «Ўжо пара мне да дому збірацца...».

«Звездочка, ты не погаснешь, ясная...». Перевод наброска «Ты не згаснеш, ясная зараначка...».

«Беларусь, твой народ повстречается...». Перевод стихотворения «Беларусь, твой народ дачакаецца...».

Доля мужика. Перевод стихотворения «Доля мужыка».

Беларусь. Перевод стихотворения «Беларусь». Впервые опубликованное в «Белорусском календаре на 1927 год» (Вильна, 1927), стихотворение не вошло ни в одно из изданий сочинений поэта. На этот пробел в существующих изданиях указала Н. Б. Ватацы (см. составленный ею библиографический справочник «Максім Багдановіч». Минск, 1961, стр. 25).

«Всё проходит — и радость, и муки...». Перевод стихотворения «Ўсё праходзе — і радасць, і мукі...».

СТИХИ БЕЛОРУССКОГО ЛАДА

1. Беседная; 2. «Как пришла я на ток молотить...»; 3. «Хоть и звездочка — да не вечерняя...». Перевод цикла стихотворений «Вершы беларускага складу»: 1. Бяседная; 2. «Як прышла я на ток малаціць...»; 3. «Хоць і зорачка — ды не вячэрняя...». Цикл был напечатан вместе со статьей Богдановича «Забыты шлях» («Вольная Беларусь», 1918, от 28 апреля) как образец работы над стихом народно-песенного склада.

Лявониха. Перевод стихотворения «Лявоніха». Написано по мотивам белорусской плясовой народной песни. Было опубликовано вместе со статьей «Забыты шлях». Стихотворение фигурирует в плане не осуществленного поэтом сборника (или цикла стихотворений) «На тихом Дунае». «Метелица», «юрка», «бычок» — белорусские народные танцы.

«На Лявоновой рубаше вышиты голубки...». Перевод стихотворения «На Лявоनावай кашулі вышыты галубкі...». Было напечатано вместе со статьей «Забыты шлях» («Вольная Беларусь», 1918, от 28 апреля) под общим заголовком «На тихом Дунае», но в другом варианте: каждая строфа начиналась словами «У Максима на рубаше...».

Скирпуся. Перевод стихотворения «Скірпуся».

Агата. Перевод стихотворения «Агата». Средневековый колорит стихотворения связан с впечатлениями, полученными во время поездки поэта в Вильну.

«Когда полосу огневую...». Перевод стихотворения «Калі паласу агнявую...».

«Молодые года...». Перевод стихотворения «Маладыя гады...».

«Выхожу во двор пустой и сонный...». Перевод стихотворения «Вышаў з хаты. Ціха спіць надворак...».

«Стужа, мрак... И опять я хворую...». Перевод стихотворения «Сцюжа, мрок... Я ізноў хвараваты...».

«Вижу, пора позавидовать бедному Марку...». Перевод стихотворения «Прыдзеца, бачу, пазайдрыць бяздольнаму Марку...».

«Непогожий вечер. Хватит, друже, грусти!...». Перевод стихотворения «Непагодны вечар. Сумна, дружа, мусі?...».

«Мы с тобою вдвоем при огне в тишине...». Перевод стихотворения «Мы гаворым удвух пры агні ў цішыні...».

Погоня. Перевод стихотворения «Пагоня». Было впервые прочитано поэтом вместе со стихотворением «Стратим-лебедзь» в конце 1916 г. в Минском народном доме. *Острая Брама* — так называются ворота, сохранившиеся в оборонительной стене, опоясывавшей в XVI в. Вильнюс. В XVII в. была построена у ворот часовня, где установили «чудотворную» икону Марии. *Литовская Погоня*. В автографе стихотворения Богдановичем было сделано пояснение: «В старой Вильне на стене Острой Браммы высечен герб города — воины на мчащихся конях. Герб этот Вильна получила еще во времена Великого Княжества Литовского, и называется он „Литовской Погоней“».

Стратим-лебедзь. Перевод стихотворения «Страцім-лебедзь». Богданович рассказал белорусскому писателю Зм. Бядуле о замысле своего стихотворения: «Я задумал произведение на тему библейского мифа. Эту тему мне навеяла война, гибель миллионов и моя собственная судьба». О том, что тема стихотворения связывалась в сознании поэта с размышлениями о собственной судьбе, свидетельствует и тот факт, что, читая впервые это стихотворение товарищу, Богданович прочитал концовку так:

Ото всех теперь потомки есть,

Только нет одних — Максимовых.

«Он запнулся и поправился:

Только нет одних — Стратимовых» (см.: Зм. Бядуля. Апавяданні аб М. Багдановічу. — «Літаратура і мастацтва», 1941, от 5 марта).

«Набегают оно...». Перевод стихотворения «Набягае яно...». Это стихотворение и два последующих четырехстишия были написаны поэтом в Ялте, в последние дни его жизни.

«Пролетайте вы, дни...». Перевод стихотворного наброска «Пралятайце вы, дні...».

«В том доме, где глаза закрою...». Перевод стихотворения «Ў краіне светлай, дзе я ўміраю...». *Мартин Кухта* — владелец типографии, в которой был напечатан сб. «Венок».

СТИХОТВОРЕНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

«Слушай, Рона, эту сказочку про „гагу“...». *Рона* — Вероника Золотарева, маленькая племянница Д. Д. Дебольского, к которой поэт был очень привязан.

«В горячем споре возражая беспрестанно...». Было опубликовано в журнале «Сатирикон» (1912, № 49).

Сонет («Что с того, что стих в душе кипит?..»). Эпиграф — из стихотворения «Сонет» (1830). Вошло в сб. «Зеленя». Возможно, что существовал белорусский текст этого и двух последующих стихотворений. Последние шесть строк близки к заключительной части другого сонета Богдановича («Манящие глаза сияют мне...»).

«Смех и говор. В пестрой юбке обезьянка...». Вошло в сб. «Зеленя».

«Прочтите с участием правдивую эту...». Вошло в сб. «Зеленя».

Костел св. Анны в Вильне. Посвящено двоюродной сестре поэта Анне Гапанович. Написано не ранее лета 1911 г., когда состоялась первая поездка поэта в Вильну. В архиве Богдановича был найден отрывок из этого стихотворения на белорусском языке (см.: Творы, т. 1. Минск, 1927, стр. 485). *Костел св. Анны* — памятник готической церковной архитектуры, построенный в XVI в.

Четверной акrostих. Посвящено Анне К-вой. *Акrostих* — стихотворение, в котором из первых букв каждой строки (при чтении сверху вниз) складывается имя, слово или фраза.

Икра. *Душа сатириконца*. По-видимому, стихотворение предназначалось поэтом для журнала сатиры и юмора «Сатирикон», выходившего в Петербурге в 1908–1914 гг., в котором сотрудничал М. Богданович.

Осенью. Было опубликовано в ярославской газете «Голос» (1916, № 154) за подписью «Ек. Февралева». Сотрудник этой газеты А. Д. Титов вспоминает: «В одном из номеров „Голоса“ я прочел небольшое стихотворение, в котором говорилось о женщине, готовящейся быть матерью... Стихотворение мне очень понравилось, но автор укрывался под женским псевдонимом. Я спросил Максима Адамовича, не известен ли ему автор этого стихотворения. „Автор этого стихотворения — я“, — сказал М. А. „Я всегда готов преклоняться пред такой женщиной, которая готовится воспроизвести на свет будущего члена общества — человека. Поистине она выполняет величайшее назначение женщины“» (см.: Творы, т. 1. Минск, 1927, стр. 486).

«Не сердись на меня, тихий друг...». Стихотворение подписано псевдонимом «Rion». По свидетельству редактора ярославской газеты «Голос» С. Каныгина, оно написано М. Богдановичем (см.: С. Александровіч. Тропкамі паэта. — «Літаратура і мастацтва», 1957, от 25 мая).

ПЕРЕВОДЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Из Я. Купалы

Жниво. Перевод стихотворения «Жніво».

«Для тебя, отчизна предков моих...». Перевод стихотворения «Для зямлі маіх прадзедаў...».

Из Т. Шевченко

А. О. Козачковскому. Перевод первых двух стрóf стихотворения «А. О. Козачковському». *Козачковский* Андрей Осипович (1812–1899) — врач, с которым Шевченко познакомился в Петербурге в начале 1840-х годов. *Сковорода* Григорий Саввич (1722–1794) — украинский философ и поэт, песни которого были популярны на Украине. «*Три царие с дарами...*» — духовный стих, в основу которого легла евангельская легенда о трех волхвах, пришедших с дарами приветствовать новорожденного младенца Иисуса.

Н. И. Костомарову. Перевод стихотворения «Н. Костомарову». *Костомаров* Николай Иванович (1817–1885) — историк и писатель. Находился под арестом одновременно с Шевченко. В основу стихотворения положен подлинный случай: Шевченко из окна камеры увидел мать Костомарова.

В неволе. Перевод стихотворения «Мені однаково, чи буду...». Заглавие «В неволе» дано Богдановичем.

«В неволе тяжко... хоть и воли...». Перевод стихотворения «В неволі тяжко... хоча й волі...».

«И серое небо, и сонные воды...». Перевод стихотворения «І небо невмите, і заспані хвилі...».

«Готово! Парус распустили...». Перевод стихотворения «Готово! Парус розпустили...». *Кос-Арал* — остров в устье реки Сыр-Дарья. Шевченко попал туда с экспедицией по исследованию Аральского моря, в которой провел полтора года.

Из В. Самийленко

«Те, что в холодных сердцах любви ни к кому не имеют...». Перевод стихотворения украинского поэта Владимира Ивановича Самийленко (1864–1925) «Ті, що нікого не люблять, бо серце глухе в них, холодне...».

Из И. Франко

На реке вавилонской. Сокращенный перевод стихотворения украинского поэта Ивана Франко (1856–1916) «На ріці вавілонській і я там сидів...». Эпиграф — из Библии; в стихотворении использованы образы 136-го псалма Давида, рассказывающего о вавилонском пленении иудеев. *Фавор* — гора в Палестине. *На Фаворе* — пустыня, в Сионе — разгром. Имеется в виду разрушение Иерусалима войсками вавилонского царя Навуходоносора в 586 г. до н. э.

Из А. Крымского

«Пальмы гордые и лавры...». Перевод стихотворения украинского поэта Аганафангела Ефимовича Крымского (1871–1941) «Горді пальми. Думні лаври...».

«Теплый гром. Цветя, черешня...». Перевод стихотворения «Теплий грім... Цвітуча вішня...».

Из Арвера

Сонет («Святую тайну глубь моей души скрывает...»). Перевод сонета «Imite de l'italien» французского поэта Алексиса-Феликса Арвера (1806–1850). Стихотворение переведено было Богдановичем также и на белорусский язык.

СЛОВАРЬ

Акцизник — в дореволюционной России чиновник, ведавший сбором косвенных налогов на некоторые предметы массового потребления.

Антея (греч. миф.) — сын богини земли Геи, бывший непобедимым до тех пор, пока стоял на земле. По древнегреческому сказанию, Геракл сумел победить Антею только тогда, когда оторвал его от матери-земли.

Артикул — здесь: статья закона.

Ассессор — заседатель в суде.

Базилиане — монашеский орден, соперничавший с иезуитами, имевший много школ для обучения и воспитания молодежи.

Бахус (римск. миф.) — бог вина и веселья.

Благовещение — христианский праздник 25 марта (ст. стиля).

Верещака — яичница со свиной.

Веста (римск. миф.) — богиня стад, хранительница домашнего очага.

Войт — староста.

Вурдалак — по народным поверьям, мертвец, выходящий из могилы, чтобы пить кровь людей.

Гай — лес.

Геба (греч. миф.) — дочь Зевса, богиня юности; на пирах богов исполняла обязанности виночерпия.

Геракл (греч. миф.) — герой, одаренный огромной силой.

Гидальго (исп.) — рыцарь.

Гоня — мера длины поля.

Гультай — лентяй.

Делибаш — так назывался в турецкой армии начальник войска особого назначения, состоящего из отборных храбрецов и способного в опасный момент боя увлечь за собой другие войска.

Дукат — золотая монета.

Жалейка — свирель.

Живица — смола.

Заплот — забор.

Загон — здесь: пашня (загонами называются полосы, на которые разбивается участок земли при вспашке его плугом).

Золотовка — пятнадцатикопеечная монета.

Идиосинкразия — заболевание, выражающееся в повышенной чувствительности человеческого организма к некоторым веществам растительного и животного происхождения.

Израиль — второе имя Иакова, от сыновей которого, по библейской легенде, произошло двенадцать колен народа израильского; этим именем стали называть еврейский народ.

Илья — библейский пророк, боровшийся с идолопоклонством; согласно легенде, он живым был вознесен на небо.

Иппокрена (греч. миф.) — ключ, из которого поэты черпают вдохновение.

Кадет — здесь: учащийся в кадетском корпусе, учебном заведении в дореволюционной России, подготовлявшем детей к военной службе или поступлению в офицерскую школу.

Камена (римск. миф.) — богиня, покровительница наук и искусств.

Капелюх — шапка.

Капище — языческий храм.

Кириллица — одна из двух славянских азбук. Названа так по имени славянского просветителя IX в. Кирилла Философа.

Китайка — бумажная ткань.

Клеть — здесь: чулан.

Кожан — летучая мышь.

Крашенка — окрашенное яйцо.

Кресало — огниво.

Криница — родник.

Крупеня — похлебка с крупой.

Крушинник — крушиновая роща.

Кудель — пучок льна, изготовленный для пряжи.

Кулига — лесная поляна.

Купала — народный праздник в ночь с 23 на 24 июня (ст. стиля), накануне Иванова дня (церковного праздника рождества Иоанна Крестителя); с ним связано много поэтических поверий.

Купидон (римск. миф.) — бог любви.

Лапсердак — длинный сюртук.

Лесун — леший.

Линдар — арендатор.

Лунь — хищная птица с белесовато-пепельным оперением.

Малахай — большая шапка на меху.

Мировые — мировые судьи, из которых, по судебной реформе 1864 г., состояли местные судебные органы.

Наяды (греч. миф.) — нимфы, богини-покровительницы животворящих сил природы, обитательницы текучих вод.

Нептун (римск. миф.) — бог морей.

Ной — герой библейского сказания о «всемирном потопе».

Оратай — пахарь.

Осанна — молитвенное славословие, выражение восторга.

Осот — сорная колючая трава.

Парки (римск. миф.) — богини судьбы, прядущие нить жизни.

Парнас (греч. миф.) — название горы, служившей местопребыванием бога Аполлона, покровителя искусств; взобраться на Парнас — значит войти в литературу, попасть в число избранных поэтов.

Пегас (греч. миф.) — крылатый конь; стал в литературе символом поэтического вдохновения.

Перезовы — ответные приглашения.

Петр — по евангельскому мифу, апостол, один из ближайших учеников Христа.

Плипатент — комиссар.

Пляха — бутылка.

Подвей — олицетворение метели в белорусских народных поверьях.

Подушная плата — подушная подать, налог, который в пореформенной России платили крестьяне с каждой души мужского пола.

Померанцы — деревья, на которых растут горькие апельсины.

Постав — здесь: мельничные жернова.

Посредник — имеется в виду мировой посредник, должностное лицо, которое в период проведения «освободительной» реформы 1861 г. разрешало вопросы, связанные с поземельными отношениями помещиков и крестьян.

Присутствие — так в дореволюционной России назывались некоторые губернские и уездные учреждения.

Рута — растение с горьковато-пряным запахом и желтыми цветами.

Ручник — полотенце.

Рыдван — большая карета.

Сатурн (римск. миф.) — бог посевов, покровитель земледелия.

Святцы — церковная книга, где отмечены дни памяти святых и религиозные праздники.

Сион — гора в Иерусалиме, которая, по библейским сказаниям, считалась святой горой, символом царства Иудейского.

Смушка — каракуль.

Сопелка — дудка.

Сотский — в дореволюционной России крестьянин, которого назначали в помощь сельской полиции.

Становой — становой пристав, полицейский чиновник в дореволюционной России.

Стреха — крыша избы или свисающий край ее.

Тертуха — тертый табак.

Фольварк — усадьба, хутор.

Цимбалы — музыкальный инструмент; на нем играют, ударяя по струнам специальными крючками.

Чугунка — железная дорога.

Шелом — шлем.

Шляма — брага.

Шпарко — быстро.

Штуцер — винтовка.

Эконом — управляющий имением.

Эпистола — послание, письмо.

Юнак — молодец, герой.

Юрий святой — святой православной церкви Георгий, герой многих духовных стихов и народных преданий.

Примечания

1

Цитируется по статье: С. Александрович. В. І. Дунін-Марцінкевіч и польская кртыка («Літаратура і мастацтва». 1957, 30 ноября).

2

«Gazeta Polska», 1861, 20 апреля.

3

Белорусское возрождение. — Творы, т. 2. Минск, 1928, стр. 130.

4

Цитируется по сборнику: «Беларускія пісьменнікі другой паловы XIX стагоддзя». Минск, 1956, стр. 317–318.

5

См. об этом: В. Барысенка. Францішак Багушэвіч і праблема рэалізма ў беларускай літаратуры XIX стагоддзя. Минск, 1957, стр. 149–150.

6

Целиком поэма известна на польском языке. Высказывались предположения, что польский текст является переводом белорусского оригинала, от которого сохранился лишь фрагмент (см. С. Майхровіч. Янка Лучына. Минск, 1952, стр. 45).

7

Такой взгляд был высказан, например, в 1871 году собирателем белорусского фольклора П. Бессоновым.

8

Дудка беларуская. Смык беларускі. Минск, 1922, стр. 7–8. (Здесь и далее, когда белорусский прозаический текст цитируется без ссылки на переводчика, перевод сделан мной. — *Р. Ф.*)

9

Там же, стр. 59.

10

В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полное собрание сочинений, изд. 5-е, т. 1, стр. 259.

11

Цитируется по сборнику: «Беларускія пісьменнікі другой паловы XIX стагоддзя». Минск, 1956, стр. 319.

12

Белорусское возрождение. — Творы, т. 2. Минск, 1928, стр. 133.

13

Перевод см. «Крестины Матяя».

14

Здесь было сказано, что стихотворения Богушевича изображают «белоруса, страдающим от произвола властей и угнетения панов» (см. документы, опубликованные в сборнике «Беларускія пісьменнікі другой паловы XIX стагоддзя». Минск, 1956, стр. 318).

15

См. архивные документы, опубликованные в сборнике «Беларускія пісьменнікі другой паловы XIX стагоддзя». Минск, 1956, стр. 326.

16

Дудка беларуская. Смык беларускі. Минск, 1922, стр. 60.

17

Тетка, скрывавшаяся в то время от преследования полиции, говорит о себе в мужском роде из соображений конспиративных.

18

«Як нам учыцца», — «Наша ніва», 1906, № 1, стр. 4.

19

Отдел рукописей Центральной библиотеки Академии наук Литовской ССР, ф. TV, д. 332, л. 1.

20

Отдел рукописей Центральной библиотеки Академии наук. Литовской ССР, ф. TV, д. 332, л. 2.

21

Перевод В. Щепотева.

22

См. Л. Арабей. Цётка. Минск. 1956, стр. 119–125.

23

Отдел рукописей Центральной библиотеки Академии наук Литовской ССР, ф. VBF, д. 220.

24

Ю. Бібіла. Матэрыялы да біографіі Цёткі. — «Запіскі аддзелу гуманітарных навук Інстытута беларускай культуры», кн. 2. Працы клясы філэлегіі, т. 1. Минск, 1928, стр. 299.

25

Новый период в истории белорусской литературы. — Творы, т. 2. Минск, 1928, стр. 24.

26

Сочинения в 30-ти томах, т. 29. М., 1955, стр. 144.

27

Забыты шлях. — Творы, т. 2. Минск, 1928, стр. 39–40 и 35.

28

Цитуецца па статье: І. Замоцін. М. Багдановіч. Крытычна-біографічны нарыс. В кн.: М. Багдановіч. Творы, т. 2. Минск, 1928, стр. XXXVIII.

29

Творы, т. 2. Минск, 1928, стр. 41.

30

К этому циклу из сборника «Венок» примыкает много ранних стихотворений, не вошедших в него.

31

Статья была подписана инициалами.

32

Глыбы і слаі. — Творы, т. 2. Минск, 1928, стр. 10.

33

Белорусское возрождение. — Творы, т. 2, стр. 141.

34

Творы, т. 1. Минск, 1927, стр. 385.

35

Там же.

36

Там же, стр. 386.

37

В начале своего писательского пути поэт встретил со стороны некоторых сотрудников «Нашей нивы» откровенно враждебное отношение. Первые его стихотворения, присланные в редакцию в конце 1908 года, были напечатаны под псевдонимом «Максим Криница». Сделано это было без ведома автора и вызвало его неудовольствие. По свидетельству В. Ластовского, история с псевдонимом Богдановича не была случайностью: «...политика „верхней палаты“ <так Ластовский именуется буржуазно-националистическую группу в редакции газеты> строго придерживалась линии нераскрытая имен своих сотрудников, чтобы монополия представительства движения была исключительно в ее руках» (Мае ўспаміны аб М. Багдановічу. — «Крывіч», 1926, № 1, стр. 63)

38

«Наша ніва», 1914, № 8, стр. 2.

39

Сборник «Западная Беларусь». Вильна, 1924.

40

«Наша ніва», 1913, № 26–27, стр. 2.

41

Там же, № 30, стр. 1.

42

Сохранился автограф стихотворения в Отделе рукописей Центральной библиотеки Академии наук Литовской ССР (фонд VBF, дело 38–39), он попал туда из архива «Нашей нивы».

43

С Ластовским Богданович познакомился летом 1911 года, когда приезжал в Вильну, и в последующие годы переписывался. По свидетельству человека, хорошо знакомого с перепиской поэта, Ластовский в своих письмах к Богдановичу пытался охранить «его творчество от узких тенденций, от однообразных и тоскливых настроений... приохотить его к настойчивой и тонкой работе над художественной техникой...» (І. Замоцін. М. Багдановіч. Крытычна-біографічны нарыс. В кн.: М. Багдановіч. Творы, т. 2. Минск, 1928, стр. XLV). Творческий путь Богдановича показывает, что попытки предостеречь его от «узких тенденций», от влияния революционно-демократических идей были тщетными.

44

Цитирую первую редакцию стихотворения, опубликованную в сборнике «Венок», в переводе П. Кобзаревского.

45

«В. Самийленко». — Творы, т. 2. Минск, 1928, стр. 74.

46

Творы, т. 1. Минск, 1927, стр. 412, 415.

47

М. Барсток. Новыя матэрыялы М. Багдановіча. — «Беларусь», 1953, № 6, стр. 22.

48

Санет. Тэорэтычна-гістарычны нарыс. — Творы, т. 2. Минск, 1928, стр. 252.

49

Творы, т. 2. Минск, 1928, стр. 80–81, 83, 84.

50

М. Барсток. Новыя матэрыялы М. Багдановіча. — «Беларусь», 1953, № 6, стр. 22.

51

См.: С. Майхровіч. Максім Багдановіч, Минск, 1958, стр. 83.

52

«Полымя», 1958, № 3, стр. 178.

53

Н. Ватацы, Н. Лапідус. Невядомыя творы Максіма Багдановіча. — «Полымя», 1957, № 5.

54

См.: А. Семяновіч, Новае пра Дуніна-Марцінкевіча («Літаратура і мастацтва», 1956, 24 марта); Г. Кислялёў. Архіўныя знаходкі пра В. Дуніна-Марцінкевіча («Літаратура і мастацтва», 1960, 27 апреля), Новыя дакументы пра В. Дуніна-Марцінкевіча («Літаратура і мастацтва», 1960, 27 декабря), В. Дунін-Марцінкевіч і паўстанне 1863 году («Полымя», 1961, № 5).

55

См.: А. Лявіцкі. Лісты з дарогі. — «Наша ніва», 1910, № 35.

56

В тех местах, где еще празднуют древний праздник Купалы, в этот день убирают цветами рога возвращающегося с поля стада. Позднее уже, отпраздновав Купалу, окуривают теми же венками скотину, чтобы отогнать от нее сглаз и болезни.

57

Лошица — имение пана Евстафия Прушанского в 7 верстах от Минска.

58

Оттопки — лапти из липовой коры, которые, когда они сносятся, забрасывают на крыши, чтобы хорошо высохли. В день Купалы ими разжигают купальский костер.

59

Рудабелка — имение пана Александра Лапы в Бобруйском уезде.

60

Лада — литовская Цэрэс — божок или богиня, защитница посевов. Праздновали ее в один день с Купалой, почему и считали, что это должна быть одна и та же богиня.

61

См. об этом: С. Майхровіч. Янка Лучына. Минск, 1952, стр. 15–16.

62

См.: Ян Асьмоў. У вагоне у Горкага. — «Звязда», 1928, 29 мая.

63

В первом томе «Материалов для изучения быта и языка белорусского населения Северо-Западного края» П. Шейна (СПб., 1874) помещено шуточное стихотворное произведение «Сивка-воронка» «в записи ученика VI класса Минской гимназии Неслуховского».

64

До недавнего времени родиной Богушевича считались Кушляны; новые данные см.; С. Александровіч. Новае пра Францішка Багушэвіча («Польмя», 1960, № 6); Г. Кісялёў. Гімназічныя і студэнцкія гады Францішка Багушэвіча («Польмя», 1960, № 10). В этих статьях установлено подлинное место рождения поэта, по-новому освещены многие факты его биографии.

65

См. указанную статью Г. Киселева.

66

Подробнее об участии Богушевича в студенческих волнениях см.: Л. Бендэ. Новае пра Ф. Багушэвіча («Польмя», 1947, № 5).

67

Цитируется по книге: С. Александровіч. Старонкі братняй дружбы. Минск, 1960, стр. 187.

68

См.: И. Басс и Н. Ермолович. Ф. Богушевич в воспоминаниях крестьян-земляков («Известия АН БССР», № 3, 1950).

69

Цитируется по книге: С. Майхровіч. Жизнь и творчество Ф. Богушевича. Минск, 1961, стр. 96.

70

См.: С. Александровіч. Новае пра Францішка Багушэвіча. — «Польмя», 1960, № 6, стр. 168.

71

См. статью М. Ларчанка «Аб некаторых праблемах рэалізма ў творчасці Ф. Багушэвіча». — «Польмя», 1955, № 12.

72

Хвала! (польск.)

73

Бог прибежища (польск.). — *Ред.*

74

Документы, связанные с деятельностью и арестом Гуриновича, сохранились в архивах Москвы и Литовской ССР. Они опубликованы в сборнике «Беларускія пісьменнікі другой паловы XIX стагоддзя». Минск, 1956, стр. 324–328.

75

См. сборник «Беларускія пісьменнікі другой паловы XIX стагоддзя». Минск, 1956, стр. 328.

76

Отдел рукописей Центральной библиотеки Академии наук Литовской ССР, фонд TV, дело 332, л. 16. Впервые сообщение об этих материалах, связанных с революционной

деятельностью Тетки, появилось в статье В. Сасановіч «Рэволюцыйная дзейнасць Цёткі ў 1905 годзе» («Беларусь», 1952, № 9).

77

Отдел рукописей Центральной библиотеки Академии наук Литовской ССР, Фонд VBF, дело 405.

78

См.: А. Ю. Богданович. Воспоминания о Максиме Горьком («Советская отчизна», 1959, №№ 3, 4); Ё. Бойка. Максім Горкі і Адам Багдановіч («Літаратура і мастацтва», 1959, 19 августа); Е. Садоўскі. Маладосць паэта («Літаратура і мастацтва», 1941, 4 января).

79

А. Ю. Богданович. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича. — Сборник «Беларуская літаратура», т. 3. Минск, 1960, стр. 204–205.

80

«Полымя», 1958, № 3, стр. 181.

81

«Полымя», 1958, № 3, стр. 180.

82

Некоторые автографы Богдановича все же сохранились — в Отделе рукописей Центральной библиотеки Академии наук Литовской ССР имеются письма поэта, адресованные в редакцию газеты «Наша нива» и издателям альманаха «Молодая Беларусь». Там же хранятся автографы нескольких стихотворений Богдановича (часть этих материалов опубликована М. Смолкиным: «Полымя», 1958, № 3). Два автографа поэта были найдены среди книг, захваченных в Минске оккупантами и привезенных после войны из Германии (см. статью В. Вольского «Невядомыя рускія тэксты Максіма Багдановіча». — «Літаратура і мастацтва», 1949, 10 сентября).

83

О вы, разумные, взгляните сами,
И всякий наставленья да поймет,
Сокрытое под странными стихами!

Данте. Ад. IX. (Итал., пер. М. Лозинского). — *Ред.*

84

Музыка прежде всего. *П. Верлен* (франц.). — *Ред.*

85

Когда заблещет эта звездочка, Самая прекрасная, самая далекая, Скажите ей, что ей принадлежала моя любовь, О последние из рода человеческого! *Сюлли Прюдом* (франц.). — *Ред.*

86

Всё прошло, минуло,
Как и не бывало,
В курганах уснуло,
Мхом позарастало. — *Ред.*

87

...проходит, не оставив даже своей тени на стене. *В. Гюго* (франц.). — *Ред.*

88

Моя горечь — это только горечь орешков, из которых сделаны мои чернила, а если во мне есть что-либо ядовитого, то это только противоядие. *Гейне* (нем.). — *Ред.*

89

Один безупречный сонет стоит целой поэмы. *Буало* (франц.). — *Ред.*

90

Не смейся над сонетом, о насмешливый критик. *Сент-Бёв* (франц.), — *Ред.*

91

Свет небес, святая роза! (лат.) — *Ред.*

92

«Она — создание моей головы». *Джиованни* (итал.). — *Ред.*

93

Учись умирать (лат.). — *Ред.*

94

И так далее (лат.). — *Ред.*

95

В делах муз (лат.). — *Ред.*

96

Бабочками (франц.). — *Ред.*